ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

ДОКУМЕНТЫ
ПИСЬМА
ВОСПОМИНАНИЯ

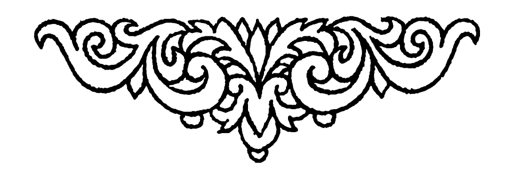
ФЕЛЬДМАРШАЛ

РУМЯНЦЕВ

Федеральная архивная служба России
Российский государственный военно-исторический архив

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

ДОКУМЕНТЫ
ПИСЬМА
ВОСПОМИНАНИЯ

Составитель А.П.Капитонов

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2001

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
Ф39

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 00-01-16063

Редактор издательства
Л.А.Рощина

Фельдмаршал Румянцев. Документы, письма, воспоминания. Сост. А.П.Капитонов. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 311 с.: карты-схемы, ил.
Ф39
ISBN 5-02-018216-8

Богатейший архивный материал, собранный в издании, раскрывает военно-административную и дипломатическую деятельность фельдмаршала П.А.Румянцева-Задунайского, практика и реформатора военного дела, ставшего олицетворением военной славы России. Впервые в сборник включены частная переписка и редчайшие мемуарные свидетельства. Елизавета Петровна, Екатерина II, Павел I, Н.И.Панин, Г.А.Потемкин, А.В.Суворов, А.А.Безбородко, П.В.Завадовский и многие другие известные деятели второй половины XVIII века представлены в этих любопытнейших источниках. Схемы сражений, старинные гравюры, портреты, батальные сцены, военная форма и награды русской армии, иллюстрирующие сборник, позволят почувствовать атмосферу блестящего XVIII века.

ББК 63.3(2)46

ТП-2001-I-32
ISBN 5-02-018216-8

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Цель настоящего издания — на основе широкого круга исторических источников познакомить читателя с одной из интереснейших фигур блестящего XVIII столетия.

Впервые на страницах одной книги именем П.А.Румянцева объединены официальные документы, а также редчайшие мемуарные и эпистолярные свидетельства. Такой подход позволил наиболее полно раскрыть историческую значимость многогранной деятельности легендарного полководца и при этом избежать ложной монументальности и схематизма в освещении его личности.

Первая часть сборника представлена документами, позволяющими проследить главные этапы становления Румянцева как выдающегося полководца и государственного деятеля. Основой для шести разделов этой части послужило наиболее значительное издание: «П.А.Румянцев. Сборник документов» (М., 1953—1959. Т. 1—3). Ряд источников (например, в I разделе) публикуется впервые.

Во вторую часть сборника вошли частная переписка и мемуарные источники. Они характеризуют прежде всего личность «героя Задунайского», его взаимоотношения с людьми различного социального уровня и степени близости к нему. Письма родственников, высочайших особ и сослуживцев, собственные послания фельдмаршала в сочетании с воспоминаниями современников — красноречивые памятники той эпохи. Особую ценность представляют свидетельства офицеров, в разное время находившихся под началом Румянцева, — А.Ф.Ланжерона, Р.А.Каульбарса, Л.Н.Энгельгардта, Н.Н.Лесницкого.

Внутри каждой из частей материалы расположены в хронологическом порядке. Уточнены даты создания документов и контрольно-справочные сведения; источники сверены по автографам или заверенным копиям, хранящимся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА). Даты указаны по старому стилю. Текст печатается в основном в современной орфографии с сохранением языковых и стилистических особенностей XVIII—XIX вв. Транскрипция имен и географических названий, несмотря на разночтения, дается согласно подлинникам. Восстановленные слова или части недописанных слов заключены в квадратные скобки, опу-

щенные места в тексте документов отмечены многоточием также в квадратных скобках.

Организационно-методическое руководство подготовкой сборника к изданию осуществили И.О.Гаркуша, директор РГВИА, заслуженный работник культуры РФ, и М.Р.Рыженков, заместитель директора РГВИА, кандидат исторических наук.

Составитель выражает признательность Б.Б.Давыдову и. Г.Р.Якушкину за содействие в археографическом оформлении документов; А.М.Валькович за помощь в выборе иллюстративных материалов; И.В.Новикову за фотосъемку; И.В.Зверевой и Л.Б.Селицкой за помощь в техническом оформлении рукописи.

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

Быть может, в похвалы,
расточаемые русскими о фельдмаршале Румянцеве,
входит некоторая доля национального самолюбия,
но в них заключается также и много правды.

А.Ф.Ланжерон

В официальной иерархии Российской империи второй половины XVIII в. этот человек занимал одно из первых мест: «Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, генерал-фельдмаршал, сенатор; Киевский, Черниговский и Новгородско-Северский генерал-губернатор; лейб-гвардии Конного полку подполковник, Малороссийского гранодерского полку шеф; и орде<нов> российских Св. Апостола Андрея, Св. Алекс<андра> Невского, Св. Георгия 1-го класса и Св. Равноапостольного князя Владимира 1-й степени, прусского Черного орла и Св. Анны кавалер»[1]. Этим далеко не исчерпывался перечень всех наград, званий и должностей выдающегося военачальника, талантливого администратора и дипломата, чей образ еще при жизни стал монументальным.

Рождение Петра Румянцева (4 января 1725 г.) совпало с окончанием переломного этапа русской истории. Отец будущего полководца — генерал-аншеф граф Александр Иванович Румянцев — одна из примечательных фигур петровского времени. Мать Мария Андреевна, представительница родовитой и состоятельной фамилии Матвеевых, получившая образование за границей, была интереснейшей женщиной своего столетия, долгие годы занимала почетное положение при дворе.

В 1731 г. А.И.Румянцев чуть было не поплатился головой, отказавшись возглавить Камер-коллегию, куда поступали налоги со всей России. Лишенный чинов, он три года провел с семьей в ссылке. Получив от императрицы прощение, снова тянул лямку государевой службы, решая ответственные политические, военные и дипломатические задачи.

Его родственники проживали тогда в Глухове и Киеве; воспитанием и обучением трех дочерей и сына занималась главным обра-

зом мать. Петруша Румянцев пользовался особой любовью в семье. Помимо вынужденной удаленности от столиц, на формировании его мировоззрения сказался общий процесс «раскрепощения» дворянского сословия в 30—60-х годах XVIII в., когда материальное благополучие все меньше зависело от обязанности служить.

Очевидно, не желая видеть единственного сына облаченным в военный мундир, отец отправил его в конце 1739 г. к дипломатическому представителю России в Берлине. Накануне своего отъезда Петр недвусмысленно заявил, что добьется возвращения во что бы то ни стало. И действительно, вскоре в Петербург пошли реляции обескураженного попечителя о его «лености, забиячестве и мотовстве». На что молодой Румянцев добавлял: «...У него к гражданскому чину и обучению оному весьма склонности нет, но хочет солдатом быть, которым по его превращенному мнению, ничего знать или учить, окроме того, что к солдатскому делу принадлежит, ненадобно»[2].

В результате хлопот Румянцева-старшего вернувшийся в мае 1740 г. сын был определен в Шляхетский кадетский корпус под «особливое и крепкое смотрение». Пользуясь покровительством Б.Х.Миниха, уже 27 октября того же года он производится в подпоручики Воронежского пехотного полка и вскоре направляется к армии в Финляндию.

Наступившее «патриотическое» царствование Елизаветы значительно повлияло на судьбу Румянцева: мать и отец были приближены ко двору, а он сам, доставив в Петербург заключенный А.И.Румянцевым Абоский мирный договор 1743 г. со Швецией, был пожалован из капитанов в полковники и получил полк.

Общая атмосфера елизаветинского царствования располагала к вольготной, беззаботной жизни. Похождениям новоиспеченного полковника не было числа: отчаянные приключения, озорство и бесшабашность, увлечение вином и женщинами. Молва о «худых поступках» и «продерзостях» Румянцева все чаще стала доходить до императрицы, которая однажды заявила: «Ежели б де я в те числа сведала, то б отцу велела сказать, чтоб он унял, а ежели б он того не учинил, то де я более власть имею, нежели он, его унять...»[3]. Родители были безутешны и даже грозили отречением.

В 1748 г. осуществляется заветная родительская мечта — сын женится на княжне Екатерине Михайловне Голицыной, дочери петровского фельдмаршала. Брак оказался неудачным, и через несколько лет Румянцев разрывает отношения с семьей. Такие качества его натуры, как настойчивость, твердость и непреклонность, верность выбранной линии поведения, снискавшие ему общественное признание, в личных отношениях часто оборачивались против близких ему людей.

Все три его сына впоследствии заняли достойное положение в обществе: Михаил Петрович достиг высших чинов, Сергей Петро-

вич стал известен как инициатор указа 1803 г. «О вольных хлебопашцах», в какой-то мере ограничившего крепостное право, а средний сын, Николай Петрович, стал канцлером и председателем Государственного Совета, заслужив благодарную память потомков как меценат и подвижник культуры.

По-видимому, к середине 50-х годов в жизни Румянцева произошел внутренний перелом. Честолюбивые мечты и искания руководили им. От природы даровитый и восприимчивый, он относился к той категории людей, которые сами пробивали себе дорогу.

Разразившаяся в 1756 г. в Европе Семилетняя война рассматривалась им как личный шанс. В чине генерал-майора Румянцев становится заметным участником событий, начав свое восхождение с прозаической тыловой работы.

Первым серьезным испытанием стало для него знаменитое сражение при Гросс-Егерсдорфе 19 августа 1757 г. Командуя резервной бригадой, Румянцев способствовал исходу боя в пользу русской армии. Во главе четырех полков он внезапно ударил во фланг прусской армии и нанес ей большой урон. Но инициатива не жаловалась высшим военным руководством, и об успехах генерала умолчали. Один из иностранных наблюдателей, давший меткую и нелицеприятную оценку тогдашней русской армии, о Румянцеве отозвался довольно лестно: «...Молодой господин, который однако ж чрезмерно старался к службе годным себя учинить и который действительно в оной службе многия чрезвычайные теоретические знания имеет и, одним словом, искуснейший их генерал... но я нахожу, что он во всех его предприятиях горяч и совсем умеренности не имеет»[4].

Летом–осенью 1758 г. Румянцев успешно командовал различными соединениями, прикрывая основные силы армии. Он научился действовать в тяжелых условиях распутицы, нехватки провианта и фуража, уделяя большое внимание дисциплине и порядку в войсках.

Во главе дивизии 1 августа 1759 г. он участвовал в крупнейшем сражении всей войны — в битве при Кунерсдорфе против самого прусского короля. Заняв высоту в центре позиции, семнадцать вверенных ему полков упорно сдерживали фронтальные и фланговые атаки. В решающий момент, когда соседняя высота была занята пруссаками и вражеские кирасиры двинулись на центр русских позиций, пехота, подкрепленная союзной австрийской конницей, контратаковала прусскую кавалерию и сбросила ее с холма. Полный разгром лучших сил Фридриха II поставил Пруссию на грань катастрофы. Но недальновидная политика Петербурга свела на нет результаты блестящей кампании 1759 г.

Последним мажорным аккордом войны для России стало овладение войсками под командованием Румянцева мощной крепостью Кольберг в декабре 1761 г. Здесь он использовал тактику действия

колоннами, а на пересеченной местности действовали легкие стрелковые батальоны, предшественники егерской пехоты.

Семилетняя война принесла Румянцеву авторитет и заслуженную славу, которых он добился исключительно собственными усилиями.

После резкой смены внешнеполитического курса России в начале 1762 г. уже в чине генерал-аншефа Румянцев получает распоряжение Петра III подготовить Померанский корпус к военным действиям против Дании за отторжение Голштинии.

Переворот 28 июня 1762 г. вновь меняет планы Румянцева — он получил повеление императрицы Екатерины II немедленно возвратиться в Россию. Усмотрев в этом недоверие, он просится в отставку. При посредничестве матери-графини и Г.Г.Орлова императрице удалось склонить популярного военачальника к возвращению. При дворе он получил репутацию человека надменного и решительного. Такому мнению не могла не способствовать и внешность графа, который «был высокого роста, стан имел стройный, величественный; физиономию привлекательную, чуждую притворства, всегда спокойную; важная походка придавала ей некоторую гордость...»[5].

Хотя в дальнейшем он и стал активным проводником нового курса императрицы, его отношения с ней носили преимущественно официальный характер. Екатерина II умела использовать чужие способности и заслуги, но не жаловала прямолинейность и независимость. Позднее она признавала, что «граф П.А.Румянцев-Задунайский имеет воинские достоинства, не двояк, и храбр умом, а не сердцем»[6], но дистанция между ними, доходившая иногда до подчеркнутого неприятия, сохранилась навсегда.

Румянцев недолго оставался без дела. В ноябре 1764 г. его назначают президентом Малороссийской коллегии, а также малороссийским генерал-губернатором и он отправляется на место новой службы.

С именем Румянцева неразрывно связана тридцатилетняя борьба за южные земли и выход к Черному морю. В годы его правления были приняты крупные меры по политической и хозяйственной реорганизации управляемых территорий, в частности, генеральное описание Малороссии, унификация налогов, ликвидация остатков автономии и казачьей вольности, утверждение крепостного права, развитие торговли, открытие учебных заведений, благоустройство городов, дорог, связи и т.п. Естественно, главная забота Румянцева заключалась в обеспечении внешней безопасности и укреплении границ, которые постоянно нарушались турками и крымскими татарами.

Накалившаяся ситуация привела к оформлению враждебных коалиций и началу русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Но только в августе 1769 г. после настойчивых обращений к правительству и критики его нерешительных действий Румянцев получил под свое командование главную армию и начал подготовку похода в Молда-

вию и Валахию. Кампания 1770 г. стала триумфом военной карьеры Румянцева, а победы русского оружия — образцовыми в истории военного искусства.

В конце мая, выступив из Хотина, он начинает продвижение вдоль р. Прут, успешно отбивая попытки турецко-татарских войск сдержать наступление. Располагая вдвое меньшими силами, Румянцев упорно продвигался вперед, нанося противнику чувствительные поражения — 17 июня при урочище Рябая Могила и 7 июля у р. Ларга. Наградой полководцу стал орден Св. Георгия 1-го класса.

Отступившие турки соединились с войсками великого визиря Галил-бея, составив армию до 150 тыс. человек, оснащенную 150 орудиями. Румянцев с армией в 27 тыс. при 214 орудиях двинулся навстречу врагу, поскольку малейшее промедление могло привести к окружению. К 17 июля русская армия была у деревни Гричени недалеко от р. Кагул, куда через два дня подошли турки. Командующий заявил соратникам: «Если турки осмелятся и одну в сем месте разбить свою палатку, то я их в сию ж ночь пойду атаковать»[7].

Румянцев упредил турецкое наступление, используя неудачную позицию противника, которая ограничивала свободу его маневра и скрывала русских. По его плану необходимо было в ночь на 21 июля скрытно перейти Траянов вал и нанести удар по центру и левому флангу неприятеля. Войска выстроились в пять дивизионных каре, в середине которых размещалась артиллерия. Каре Боура составляло авангард правого крыла, каре Репнина — левого. Каре Олица, Племянникова и Брюса стали центром боевого порядка. Между ними располагалась кавалерия. Сам Румянцев находился в каре Олица.

В пятом часу утра русские войска начали переходить вал. Галил-бей выслал вперед конницу, которая атаковала левофланговое каре. Она была отбита огнем артиллерии и пехоты. Атака против Боура также была отбита. В восемь часов русские перешли в наступление. Вскоре все пять каре были выдвинуты к турецкому лагерю, подавив огнем артиллерию неприятеля.

В это время десятитысячный отряд турецких янычар обрушился на каре Племянникова, нарушив общий строй и препятствуя действиям Олица. «Вскрикнув: „Алла! Алла!“ — они бросились на нас в кинжалы, — вспоминал участник сражения. — Мы не то чтобы дрогнули, но некогда было спохватиться. Вдруг, откуда ни возьмись, на коне богатырском взвился граф Петр Александрович полетом соколиным, подскакал к нам и воскликнул: „Ребята, стой!“. И душа у нас встрепенулась, и ноги как-будто к земле приросли, и ни одна чалма не выбилась из карея»[8]. По приказу Румянцева артиллерия П.И.Меллисино открыла огонь, контратака 1-го гренадерского полка отбросила янычар, окончательно опрокинутых тяжелой русской конницей.

Одновременно четыре дивизии начали штурм вражеских позиций, а вышедший в тыл корпус Репнина открыл сокрушительный артиллерийский огонь. Турки не выдержали и побежали, оставив более 20 тыс. убитыми и ранеными. Трофеями победителей стал весь турецкий лагерь, знамена и артиллерия. На следующий день в русской армии отслужили торжественное молебствие и прогремел троекратный салют из ста орудий. Румянцев был возведен в звание генерал-фельдмаршала, а специально для нижних чинов была учреждена медаль на голубой андреевской ленте с надписью: «Кагул, июля 21 дня 1770 года».

Блестящие победы Румянцева были результатом смелого использования в боевых действиях передовых для своего времени основ стратегии и тактики. Творчески подходя к военному «ремеслу», он старался учитывать исторический опыт и политические условия, конкретный расклад сил и точку зрения противника.

Для Румянцева армия была не узкосословной корпорацией, а сложной, питаемой всем обществом структурой, когда требуется «...сразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы несоразмерными и бесповоротными взиманиями оный не оскудить»[9].

В основе его успеха и победы лежала наступательная стратегия, нацелённая на полный разгром неприятеля. Умелый тактик, Румянцев придавал большое значение таким факторам, как использование особенностей местности и погодных условий, маневрирование на поле боя, сочетание фронтального наступления с ударами во фланг и тыл; разнообразные боевые порядки — каре, колонны, рассыпной строй; взаимодействие всех родов войск, а также армии и флота; организацию блокады крепостей и разведки.

Опыт и размышления полководца нашли обобщение в проектах, докладах, уставных документах, которые он представлял на рассмотрение Военной коллегии и императрицы. Наиболее известные из них — «Обряд службы» и «Мысль» — оказали значительное влияние на военное дело. По мнению Румянцева, страна должна располагать рационально организованной, дисциплинированной, хорошо вооруженной и снабжаемой мобильной армией. Ее боеспособность и в мирное время должна поддерживаться постоянными маневрами, маршами, лагерными сборами, сочетающимися с каждодневной заботой о здоровье и быте солдат. Большая роль, особенно на театре военных действий, отводилась инициативе как высших, так и младших командиров.

Перед каждой новой кампанией Румянцев стремился тщательно подготовить войска, обеспечить их всем необходимым. Полевого

командующего, находившегося за тысячи верст от Петербурга, раздражало бесцеремонное вмешательство из центра и умозрительные планы, связывающие руки. Досаду вызывала и властность, самонадеянность императрицы. В довольно откровенной переписке 1772–1773 гг. с Н.И.Паниным он едва скрывал негодование: «Я работал за всех и безотлучно, и заменял единым своим попечением их выгоды и отдохновения... Я все сделал за Дунаем, что только поднять может человечество...»[10].

Достоинство Румянцева ущемлялось и тем, что многие высокопоставленные деятели, в частности З.Г.Чернышев, К.Г.Разумовский, Г.А.Потемкин, Н.И.Салтыков, удостаивались высших чинов и наград в мирное время, тогда как он заслужил их на поле боя.

Как ни парадоксально, сама репутация победителя служила не в его пользу. Екатерина II, имея в виду постоянные просьбы Румянцева о резервах, провианте, ссылки на чрезвычайные обстоятельства, нездоровье и интриги, гневалась: «Критических обстоятельств я не понимаю; ибо противу фельдмаршала стоящая армия с визирем ему страшна быть не может, ибо ея сила и готовность ему известна..»[11].

Румянцеву пришлось взять на себя и значительную часть дипломатической работы по переговорам с противником, проявляя одновременно осмотрительность и жесткость. На несговорчивость турецкой стороны в 1774 г. он ответил перенесением военных действий на Балканы. Победы М.Ф.Каменского под Базарджиком и А.В.Суворова у Козлуджи, наступление на Шумлу принудили Турцию к миру. Румянцев настоял на подписании всех статей договора в Кючук-Кайнарджи, по которому Россия фактически получала полную свободу действий на южном направлении.

С известием о долгожданном мире фельдмаршал послал к Екатерине II сына Михаила, как в свое время он был послан своим отцом к Елизавете Петровне после завершения русско-шведской войны 1741–1743 гг.

Утомленный, только оправившийся от болезни в начале июля 1775 г., Румянцев прибыл в Москву, где оказался в центре внимания. Никогда он еще не получал столько почестей и наград: от прозвания Задунайский, драгоценного оружия и других регалий до земельных пожалований и пяти тысяч душ «для увеселения его». Но ему еще предстояло приложить немало усилий, чтобы добиться выполнения условий Кючук-Кайнарджийского договора, подавить вспыхивающие в Крыму мятежи... и в 1783 г. уступить славу окончательного присоединения Крымского полуострова к России Г.А.Потемкину.

Жизнь развела этих незаурядных людей, сделала их соперниками. Трудно точно определить истоки этого антагонизма, выяснить все его мотивы. Очевидно лишь одно — взвешенная политика Ру-

мянцева, его стремление всегда поступать наверняка, противоречила импульсивной, не лишенной авантюризма, нацеленной на немедленные результаты деятельности фаворита императрицы.

Однако, несмотря на президентство в Военной коллегии, строительство Черноморского флота, основание городов, Потемкину так и не удалось затмить своего бывшего командующего и стяжать лавры полководца, подобные румянцевским. Примечателен в этом отношении отзыв старого гренадера, данный сразу после смерти светлейшего князя Потемкина: «„Покойный Его Светлость был нам отец, облегчал нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети, не будем уже иметь подобного ему командира; дай Бог ему вечную память!" Тут он прослезился и отер свои глаза; но вдруг глаза его оживились, он приосанился и сказал: „А при батюшке нашем графе Петре Александровиче, хотя и жутко нам было, но служба веселая; молодец он был, и как он бывало взглянет, то как рублем подарит, и оживлял нас особым духом храбрости"»[12].

В то же время складывалась взаимная симпатия между фельдмаршалом Румянцевым и наследником престола Великим князем Павлом Петровичем. Их сближали и натянутые отношения с Екатериной, и неприязнь к Потемкину, и любовь к военному делу. В 1776 г. Румянцев сопровождал Павла в Берлин на помолвку с принцессой Вюртембергской, будущей императрицей Марией Федоровной. Фельдмаршал с подобающими почестями был принят Фридрихом II, который, должно быть, хорошо помнил штыковые атаки румянцевских гренадер. Чтобы польстить полководцу, король даже устроил маневры, воспроизводящие Кагульскую битву.

Румянцев всегда тяготился официальными условностями: жизнь сельская, вдали «от звуку и гуку городского» больше прельщала его. Значительную часть времени он проводил в своих имениях. Граф был крупнейшим помещиком, ему принадлежали сотни тысяч десятин земли, десятки тысяч крепостных; о приращении своего состояния он заботился постоянно. Румянцев умел создавать вокруг себя обстановку, чуждую показной роскоши, простую и изящную. Презиравший лесть и подобострастие, он мог при этом оказать изысканный прием вельможам самого высокого ранга. И австрийский император, и наследник с женой, и, наконец, сама Екатерина II оставались довольны предусмотрительностью и тем достоинством, с каким встречал их генерал-губернатор Малороссии.

Фельдмаршал никогда не порывал полностью связей со своей семьей (выдавал денежное содержание, оказывал необходимое покровительство родственникам и близким). Например, служившие под его началом и рекомендованные им императрице А.А.Безбородко и П.В.Завадовский стали крупными государственными деятелями.

Жесткий характер, подчеркнутое дистанцирование от верховной власти, довольно замкнутый образ жизни порождали немало слухов и домыслов, вызывая нарекания в мизантропии: «Коварный, язвительный, бесчувственный, Румянцев не любит и не уважает никого в мире»[13]. Вместе с тем сохранились прозаические и стихотворные панегирики в его честь, среди авторов которых — Г.Р.Державин, И.И.Дмитреев, А.С.Пушкин.

Родные и близкие, искренне почитавшие фельдмаршала, давно смирились с его своенравием и упрямством. Они не скрывали своего благоговейного, доходившего до обожествления отношения к Румянцеву: «Никакого счастия не равняю с счастием быть Вашим сыном, пользоваться родительскою Вашею милостию и хранить при всяком случае поступок и правилы наипреданнейшего сына», — писал отцу в 1789 г. Николай[14]. В 1793 г. П.В.Завадовский сообщал С.Р.Воронцову: «Лет несколько работали и отливали по моему заказу бронзовую большую статую фельдмаршала Румянцева... приготовлен для ея храм, чтоб воздвигнуть памятник благодарности моей к благодетелю»[15].

Возможно, что секрет обаяния, исходившего от «кумира сердец и пленителя душ», наиболее емко раскрыт в характеристике А.Ф.Ланжерона, одного из самых проницательных людей той эпохи: «Фельдмаршал граф Петр Румянцев, без всякого сомнения, самый блестящий из всех русских генералов; это человек одаренный большими достоинствами. Он обладает очень серьезным и весьма обширным образованием, высоким умом, удивительною памятью, здравым суждением, большою твердостию и искусством внушать к себе уважение. Этим последним преимуществом он обязан столько же своей обдуманной и вежливой твердости, сколько своей открытой и величественной наружности и своим изысканным манерам. Я не знаю человека, беседа с которым была бы более интересна и привлекательна. Мне случалось проводить с ним одним целые сутки, и я не разу не испытал ни одной минуты утомления или скуки»[16].

Вступив, как он сам когда-то выразился, в «последний квартал своего века», с начала 80-х годов XVIII столетия Румянцев проживал в любимых малороссийских имениях — Ташань и Вишеньки. Изредка он сообщал о положении дел на Украине в Петербург, где о нем стали уже забывать. Но резкое обострение внешнеполитической ситуации вновь заставило вспомнить о «российском Сципионе». Османская империя, подталкиваемая западными державами, жаждала реванша. Мирным путем уладить конфликт не удавалось.

Армия, вверенная Румянцеву, должна была прикрывать действующую против Очакова Екатеринославскую армию Потемкина и вступить во взаимодействие с австрийскими союзниками. Летом 1788 г. фельдмаршал прибыл к войскам, встретившим его с востор-

гом. Перейдя в конце июня Днестр, армия Румянцева начала осторожное продвижение к низовьям р. Прут, к поздней осени очистив от неприятеля значительную часть Молдавии.

Екатерина II упрекала его в медлительности и отводила главную роль Потемкину: «Турки пленные и хотинские аманаты говорят о графе П.А.Румянцеве-Задунайском, что в прошедшую войну был он визирь, а теперь только сераскер»[17]. В марте 1789 г. фельдмаршал был отозван из армии, а общее командование передано Потемкину. Граф оскорбился и запросился в отпуск на воды, несмотря на апрельский рескрипт о формировании особой западной армии.

Императрица, настроенная Потемкиным, настаивала чуть ли не под конвоем выпроводить Румянцева с театра войны. Но только в 1791 г. после тяжелой болезни он перебрался к себе в Ташань.

К примечательным событиям тех лет, когда остро стоял вопрос о престолонаследии и Екатерина намеревалась передать престол внуку Александру, относится таинственная переписка между цесаревичем Павлом и полуопальным, но грозным фельдмаршалом. Очевидно, Павел хотел заручиться поддержкой известного военачальника[18].

Последняя яркая страница жизни П.А.Румянцева связана с Польшей, где в 1794 г. национально-освободительная борьба достигла наивысшего накала. Легко подавить движение не удавалось, и растерянное российское правительство вновь обращается к авторитету Румянцева, подчинив ему все военные силы. Хотя фактически во главе армии стал Суворов, будущий генералиссимус преклонялся перед военным гением Румянцева и считал его приказания непререкаемыми. Вскоре сопротивление восставших было сломлено, а императрица снова благосклонно отозвалась о достоинствах Румянцева, умевшего предвидеть ход событий и выбрать способных исполнителей.

Общее внимание, лестные отзывы и награды воодушевляюще действовали на «старика-фельдмаршала». На склоне лет он по-прежнему сохранял бодрость, ясность мысли и даже подумывал о женитьбе.

...Только на месяц пережил Румянцев императрицу, в немалой степени обязанную ему блеском своего царствования. Новый император Павел I торопился засвидетельствовать свое расположение легендарному воину, оказать новые милости, произвести назначения по службе. Но Петр Александрович уже не покидал своего имения...

Сраженный апоплексическим ударом 8 декабря 1796 г. «к сожалению всего отечества фельдмаршал в вечность преселился»[19]. Похоронили П.А.Румянцева в Киево-Печерской лавре. Армия почтила трехдневным трауром память любимого полководца, чье имя навсе-

гда осталось олицетворением воинской славы России, национальной гордостью русского народа.

А.Капитонов

[1] Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1796. СПб., 1796, с. 1.

[2] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Приложения. Т. 20. Кн. X. М., 1963, с. 708–709.

[3] Письма к графу Петру Александровичу Румянцеву от его родителей. 1745–1768 гг. — Старина и новизна. Кн. 3. М., 1900, с. 136–137.

[4] Письмо путешествующего из Риги, которым описываются состояние российской армии и свойства командиров оной... — Архив князя Воронцова. Царствование Елисаветы Петровны. Кн. 6. М., 1873, с. 4.

[5] *Бантыш-Каменский Д.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. 2. СПб., 1840, с. 46.

[6] [*Храповицкий А.В.*] Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря Екатерины Второй. М., 1862, с. 56.

[7] РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 1820. Л. 79об.

[8] *Глинка С.Н.* Записки. СПб., 1895, с. 129.

[9] РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 16. Д. 17775. Л. 1.

[10] Переписка графа Н.И.Панина с графом П.А.Румянцевым. 1771–1774 гг. — Русский архив. Кн. 2. М., 1882, с. 22, 53–54.

[11] Там же, с. 42.

[12] *Энгельгардт Л.Н.* Записки. М., 1867, с. 130.

[13] *Ланжерон А.Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II. — Русская старина. М., 1895, № 3, с. 155.

[14] Письма прошлого века. — Русский архив. Кн. 2. 1874, с. 534.

[15] Письма графа П.В.Завадовского к братьям Воронцовым. 1770–1807. — Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877, с. 83–84.

[16] *Ланжерон А.Ф.* Русская армия в год смерти Екатерины II, с. 153.

[17] [*Храповицкий А.В.*] Памятные записки А.В.Храповицкого, статс-секретаря Екатерины Второй, с. 147.

[18] См.: Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I. — Русский архив. Кн. 2. Вып. 8. М., 1912, с. 509–538.

[19] Исторические документы о кончине графа П.А.Румянцева-Задунайского. — Русский Вестник. М., 1842, № 5–6, с. 203–204.

Формулярный список

Чины и имена	Сколько лет от роду	Время вступления в службу			От рядового до самого последнего чина какими чинами и когда происходил			
		годы	месяцы	числа	какими чинами	годы	месяцы	числа
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Генерал-лейтенант, граф Петр Румянцов	36	731			Подпоручиком	1740	октября	27
					Порутчиком	1741	июня	10
					Капитаном	–	сентября	11
					Полковником**	1743	июля	3
					Генерал-майором	1755	декабря	25
					Генерал-порутчиком	1758	генваря	7
					Список о службе генерал-аншефа			
	41				Генерал-аншефом	1762	февраля	9
					Шефом Невского пехотного полка	1762	февраля	16
					Шефом 3-го гренадерского пехотного полка	1762	февраля	23

* Формулярный список П.А.Румянцева за 1740–1762 гг. хранится в Российском
102об., 104об.). Список составлен 2 февраля 1761 г., в апреле 1765 г. сделаны
разных фондов РГВИА.

** Произведенный в полковники, Румянцев получил в командование Воронежский

П.А.Румянцева*

В нынешнем настоящем чину давно ли состоит			Где во время продолжения своей службы — в походах и у дела против неприятеля — был и в которое время
годы	месяцы	числа	
10	11	12	13
			В минувшую шведскую войну при взятии города Гельсингфорса и потом при конгрессе в Абове, где, как и прежде, находясь при разнокомандующих генералах, употребляем был в разные курьерские посылки, яко и в 743 с заключением мира, ко двору Ее Императорского Величества. В настоящую войну был употребляем до командования дивизией в разные же деташементы и авангарды, ариергарды и занятий мест, кои армию в движениях от неприятеля безопасну делала и именно: в 757-м в авангарде при вступлении в Пруссию и занятии Тильзита. В 758-м году по границе Померанской, где и немалое число поисками своими неприятеля побито и в плен взято и крепость Дризен отнята ж. В том же при Кенигсвальде у закрытия армии, когда она к Лансбергу следовала, потом для охранения поста при Шведе и при марширований армии к Штаргарду от самого Лангсберга всегда в арьергарде; у закрытия при Пас-Круге, где и атакован был всей армией; в 760-м году противу всего стоящего неприятельского корпуса для удержания его на сей стороне при Глогове у Коралата, дабы армия свое препятствие могла толь спокойнее в действо произвесть и в 759-м году в цесарскую армию послан был на почте без всякого прикрытия и мимо самой неприятельской армии. В сражениях многих и действительно двух баталиях при Эгерсдорфе и Франкфурте. В 761-м деташирован был с двумя гусарскими, четырьмя пехотными и одним гусарским полками в Померанию, где производил против неприятеля разные военные действия и крепость Кольберг с многочисленным гарнизоном и артиллерию на дискрецию отдаться принудил.

графа Румянцева учинен апреля [...] дня 1765 году.

			[...] Пожаловали Мы наших генерал-порутчиков графа Девиера и графа Румянцова в наши полные генералы от инфантерии [...] (Именные указы Петра III. Указ № 37 от 9 февраля 1762 г. РГВИА) Всемилостивейше жалуем Мы нашему генералу графу Румянцову полк Невской пехотной [...] (Именные указы Петра III. Указ № 41 от 16 февраля 1762 г. РГВИА) [...] Генерал-аншефу и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову вместо Невского пехотного третий гранодерский пехотной полк [...] (Именные указы Петра III. Указ № 57 от 23 февраля 1762 г. РГВИА)

государственном военно-историческом архиве (Ф. 846. Оп. 16. Д. 1682. Л. 101–
добавления за 1761–1762 гг. Данные о службе Румянцева в 1762–1796 гг. взяты из

пехотный полк.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
					Президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии	1764	ноября	10
					Командующим 2-й (Украинской) армией	1768	ноября	7
					Командующим экспедицией по занятию Азова	1769	генваря	2
					Командующим I-й армией	1769	августа	13
						1770	июля	27
					Генерал-фельдмаршалом	1770	августа	2
					Полковником Кирасирского Св. Георгия полка	1775	марта	6

10	11	12	13
			По Всемилостивейшем от Ее Императорского Величества увольнении графа Разумовского по прошению его от гетманского чина, повелевает Ее Императорское Величество Сенату для надлежащего Малой России управления учредить там Малороссийскую коллегию, в которой присутствовать главным генералу графу Румянцову [...]. Сему ж, за неимением ныне гетмана, определенному от Ее Императорского Величества главному малороссийскому командиру быть в такой силе, как генералу-губернатору и президенту Малоросийской коллегии, где он по делам суда и расправы имеет и голос председателя по генеральному регламенту [...] (Указы Екатерины II. Указ № 320 за 1762 г. С. 541–542. РГВИА) [...] Данным сего ноября 7 дней оной Коллегии высочайшим именным Ее Императорского Величества указом за подписанием собственные ее руки повелено собираемые на Украине и в Польше войска, разделя на три части... вторую же в команду господина генерал-аншефа и кавалера графа Петра Александровича Румянцова [...] (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1815. Л. 6–7. Подлинник.) [...] Как уже Вам известно, сколь несправедливо Нам от Оттоманской Порты война объявлена и сколь Мы твердо намерены употребить все силы на защищение вверенной нам от Бога империи и на разрушение сколько возможно всех предприятий против оные сего вероломного неприятеля, то между прочим сделанными уже к тому приуготовлениями определили Мы занять Азов и оной, как скоро возможно, привести в оборонительное состояние. А сию экспедицию по всегдашней к Вам Нашей доверенности поручаем под Ваше ведение. (Указ Екатерины II № 12. РГАДА. Ф. Государственный архив. Разр. V. Д. 103. Л. 105) [...] Мы за благо рассудили отозвать к Нам от первой Нашей армии генерала-аншефа князя Голицына, а главную команду оной Вам всемилостивейше поручить. (Из именного Указа Екатерины II от 13 августа 1769 г. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 886. Л. 2) [...] за оказанные 7-го числа того же июля против неприятеля храбрые поступки пожалован кавалером Военного ордена I класса. (Указ Военной коллегии Румянцеву № 8834 от 30 июля 1770 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Л. 37, 42) Всемилостивейше жалуем генерала графа Румянцова в Наши генерал-фельдмаршалы за оказанные Нам и отечеству Нашему верные и усердные услуги и за храбрость в предводительстве Наших войск и в побеждении врага христианства, повелевая производить ему по сему чину и с полным штатом жалованья из оставшейся от неполного комплекта и от отпускных сумм. (Именные указы императрицы Екатерины II Военной коллегии за 1770 г. Указ № 110 от 2 августа 1770 г. РГВИА) Ее Императорское Величество высочайше указать соизволила в Кирасирском военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия полку быть полковником господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову [...] (Именные подлинные Указы императрицы Екатерины II Военной коллегии за 1775 г. Указ № 37 от 6 марта 1775 г. РГВИА)

1	2	3	4	5	6	7	8	9
						1775	июля	10
					Командующим кавалерией	1775	ноября	6
					Почетным членом Академии Наук	1776	декабря	29
						1782	октября	23
					Командующим Украинской армией	1787	сентября	7

* Эта большая награда в значительной степени объяснялась тем, что, добившись переброски русских войск с Балкан на Волгу для подавления крестьянского восстания,

10	11	12	13
			[...] Господину генерал-фельдмаршалу графу Румянцову всемилостивейше жалуется похвальная грамота с прописанием службы его в прошедшую войну и при заключении мира, со внесением различных его побед и с прибавлением к его названию проименования Задунайского; за разумное полководство — алмазами украшенный повелительный жезл или булава; за храбрые предприятия — шпага, алмазами обложенная; за победы — лавровой венец; за заключение мира — масляная ветвь; в знак монаршего за то благоволения — крест и звезда ордена Святого апостола Андрея, осыпанные алмазами; в честь ему, фельдмаршалу, и его примером в поощрение потомству — медаль с его изображением; для увеселения его — деревня в пять тысяч душ в Белоруссии; на построение дома — сто тысяч рублев из Кабинета; для стола его — сервиз серебряной; на убранство дома — картины* [...] (Из Указа Сената от 10 июля 1775 г. РГВИА. Ф. 4. Оп. 43. Св. 577. Л. 1322–1323) [...] Ее Императорское Величество собственноручно писанным указом сего ноября 6-го дня высочайше повелеть соизволила его, господина генерал-аншефа и кавалера [Волконского], от командования кавалериею уволить и поручить особливым рескриптом господину генерал-фельдмаршалу и кавалеру графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому. (Из указа Военной коллегии от 9 ноября 1775 г. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1027. Л. 3) [...] Императорская Академия Наук, в торжественном заседании 29-го декабря, в присутствии наследника престола великого князя Павла Петровича, принца Генриха Прусского [брата Фридриха II], князя Понятовского и прочих лиц, избрала фельдмаршала графа Румянцова почетным своим членом вместе с графами Н.И.Паниным, З.Г.Чернышевым, И.И.Шуваловым и другими лицами. Усердная и ревностная Ваша служба, доказанная пред Нами особливым радением в делах, Вам вверенных, искусством в порученных частях и личными способностями, обращает на себя Наше Императорское внимание и милость. Мы, желая изъявить оные пред светом, всемилостивейше пожаловали Вас кавалером Святого равноапостольного князя Владимира большого креста первой степени [...] (Из указа Екатерины II П.А.Румянцеву от 23 октября 1782 г. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 228. Л. 165) [...] Ополчася потому оружием ко брани не волею Нашею, но хотением и злобою враждующих, на Нас воздвигнутой, указали Мы теперь собрать Наши армии и предводителям оных, Нашим генералам-фельдмаршалам графу Румянцову-Задунайскому и князю Потемкину-Таврическому действовать вверенными им силами против неприятеля (ПСЗ. Т. XXII. Ст. 16567 от 7 сентября 1787 г. Из Манифеста о войне против Оттоманской Порты)

заключения Кючук-Кайнарджийского мира, П.А.Румянцев обеспечил возможность руководимого Пугачевым.

1	2	3	4	5	6	7	8	9
						1791	декабря	29
					Главнокомандующим армией в Польше	1794	апреля	25
						1794	ноября	20
						1795	генваря	1
					Шефом эскадрона л.-гв. Конного полка	1796	ноября	11
					Командиром Украинской дивизии	1796	ноября	24

10	11	12	13
			[...] По случаю заключения мира с Турциею в Яссах 29-го декабря 1791 г. пожалованный за занятие Молдавии шпагою с алмазами. [...] Время к тому теперь настоит, и Я не сомневаюсь, что Вы, приняв знаком истинной Моей к Вам доверенности и особливого благоволения, поручение главного начальства над знатною частью войск Моих по границам с Польшою и Турциею, в трудных нынешних обстоятельствах употребите Ваше рвение и Ваши отменные дарования, которыми не один раз доставляли Вы славу оружию российскому. (Из рескрипта Екатерины II П.А.Румянцеву от 25 апреля 1794 г. РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 58об.–59) [...] За штурм Праги 24-го октября 1794 г., после которого сдалась и Варшава 1-го ноября 1794 г., награжден домом в Петербурге, перед которым возвышался у Царицына Луга памятник с надписью: «Победам Румянцова-Задунайского», а также деревнями в Литовской губернии [...] [...] Повелеваем Сенату Нашему подвиги его [Румянцова] засвидетельствовать новою похвальною грамотою, к подписанию Нашему заготовляемою; сверх того пожаловали Мы ему в потомственное владение деревни; на вечную же память заслуг его воздвигнуть ему на иждивении казны Нашей дом, с принадлежащими к нему внутренним убором и пред оным соорудить памятник, истребовав от него уведомление, в столице ли, или же в которой из своих деревень он предпочтет те строения, и представя Нам план и сметы, дабы Мы об отпуске потребной суммы могли учинить распоряжение (ПСЗ. Т. XXIII. Ст. 17286 от 1 января 1795 г.) Назначен шефом эскадрона л.-гв. Конного полка. Приказ по полку от 11 ноября 1796 г. (РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 93. Л. 273об.), где значился до 25 ноября того же года. При разделении армии на 12 дивизий (инспекций) Украинская была вверена Румянцеву (Высочайшие приказы за 1796 г. РГВИА).

Обрядъ службы

Для равномерного оной отправления в первой армии Ея Императорскаго Величества вверенной в команду генерала аншефа графа Румянцова данъ в главной квартире в городе Летичеве 1770-го году марта ..-го дня

Часть 1-я

О маршах армии и что при оном наблюдать.

1. Когда армии которым полком батальонами эскадронами или ротами маршировать повелено в стороны подали или сторонних дорогах всегда всем предвыступающим пароль приказано будетъ.

2. Всемъ марша вместо повестки быть генерал марш с подробностию котораго всем к маршу приготовлятися рядовым [illegible] по списку получать палатки снимать каждые обозы кроме главной квартиры и генеральной казны [illegible] в кучах лошадей седлать и вьючить а обозных всех на воды [illegible] лошадей впрягать и ожидать к маршу [illegible]

Часть первая
ДОКУМЕНТЫ

РАЗДЕЛ I

П.А.Румянцев и военное искусство

1

П.А.Румянцев — П.Д.Еропкину

24 июня 1761

Продолжающееся чрезвычайно дождливое время препятствовало мне Вашему Превосходительству препоручить полкам команды Вашей, будущего ради дела, надобные и удобные маневры показать; ныне же тем то мне кажется пристойнее, что и полки из разных команд в корпус ко мне приходят и время настало весьма для исполнения сего удобное, а в прочем уже сокращающееся за главнейшее ж и единственно-надобнейшее заключаю быть строение колонн[1] из оных как фронта, так и поворотов оных, по случаю и времени, и именно:

1. Колонну всякой полк имеет строить из середины тако: средних двух дивизионов, с правого флангу последняя половина, а с левого — первая, идут прямо вперед большими шагами; прочие все дивизионы правого фланга — налево, а левого — направо, не поворотясь, но прямо лицом, перекашивая ногами, идут за первыми, и так один полудивизион за другой заходят и соединяются с обоих сторон из половин в целые.

2. С флангов полкам колонны делать тако: направо — то первому дивизиону иттить вперед, прочим направо, как возможно скорее; и один дивизион за другим, по приходе за предыдущий, пред ним делать фронт; налево ж сие делать наоборот.

3. Из двух полков делать колонны таким образом, как выше писано, из средины полку; то-есть буде фронт колонны в батальоне состоять будет, то дивизион полку, стоящего на правом фланге, — последний, а с левого — первый, идут, как выше писано, вперед; а прочие равномерно ж за теми следуют.

Примечание: Сим образом могут и четыре полка и более одну колонну сочинять.

4. Из обоих линий, буде б ведено было сочинять колонны, то вторая в марше своем должна точно и прямо первой линии, за колонною, регулироваться и дистанцию ту, как они с места оба пошли, соблюдать.

5. Колоннами показывать обороты делать и заходить правым и левым флангом сим образом, когда б неприятель вознамерился с флангу колонны атаковать или бы свою позицию переменил, весьма скоро можно и фронт свой переменить, и составить первую линию из правого крыла обоих линий, а вторую из левого крыла обоих же линий.

6. Из колонн фронт делать противным токмо поворотом дивизионов или полудивизионов; т.е. когда в сочинение колонны дивизион или полудивизион направо принимал — сделает налево, а когда налево — направо; вторые отделения колонны в построение фронта настоящим шагом выходят, а прочие один другого скорее, токмо не бегом.

Примечание: Колонны в марше своем равняются одна с другой, делав примечание на знамени, а взвод за взводом, или дивизион за дивизионом, до конца шпаги офицера в шеренгах; штаб-офицеры позади колонн, как им в баталии быть надлежит; барабанщики по флангам своих взводов; артиллерия, буде особливого о ней учреждения не сделано будет, когда из среди полку колонна сочиняется, то стоящая в средине марширует впереди, а прочие равняются своими дивизионами, пред которыми они на месте стоят и заезжают поспешно в ту сторону, в которую дивизион их маршировать будет; ящики патронные строятся по тому ж позади колонн своих, так как они стоят в дивизионах и по построении фронта разъезжаются за свои дивизионы.

Сие построение колонн и фронта часто может случиться в самом огне и для того нужно солдат приучать стрелять, не садясь на колени, но токмо перекося ряды так, чтоб стоящего позади левой ноги конец правой ноги у каблука предстоящего пред ним был. Ныне, так в ближнем стоянии с неприятелем, не весьма за удобно признавается сие делать с огнем, но и приведение ко оному за лучшее, без того показывая, однако, все малейшие подробности, способствующие самому, однако, делу.

Я уже выше молвил о сокращающемся времени; оно подлинно так коротко, что его все минуты кажутся самодражайшими, и для того я отменно рекомендую сделать из него возможное употребление и приспособить во всем том, что к лучшему и самосуществительному произведению предлежащего дела нужнонадобно; я время точно во дни к сему не избираю, но оставляю

на расположение Ваше, ибо сие обстоятельство ни в каковом случае и времени мне воспрепятствовать не может, но толь паче всех и всякого при своем месте и в настоящей его заботе удержать.

2

П.А.Румянцев — секунд-майору Миллеру

18 августа 1761

В примечании, что неприятельские легкие войски, подкрепляемы бывая егерями и фрей-батальонами, не допускают наши легкие войски к поискам тем, каковы бы они по себе, имея поверхность над ними, получать могли, я за благо и полезно нашел, собрав охотников, два батальона для употребления с легкими войски[1], и один из тех, снабдя двумя орудиями и обер- и унтер-офицерами и прочими строевыми чинами, препоручить Вам из испытания, знав Вашу к тому способность и усердие к Ее Императорского Величества службе, и как согласие в службе с легкими войсками установить точно надобно, дабы взаимною помощию в поисках и оборонах пользоваться могли, следующее ниже в инструкции Вам предписываю:

1. Батальон разделить на 5 рот, всякую во сто рядовых и в четыре капральства, и из тех на артели по 12-ти, и стараться, чтобы во всякой большая часть была одного полку, и от полков взять о вещах их, при именных списках, табели.

2. Облегчить их во всем, и именно: шпаги оставить, а вложить в портупеи штыки; сумы гренадерские оставить, а взять мушкетерские из полков; шнабзаки — для трехдневного провианта и на всякую артель по котлу; палатки, по тому же и епанчи, оставить при полках; а буде последние, т.е. епанчи, пожелают иметь, оставить; с шляп галуны спороть, кисти только оставя на шляпах.

3. Места оным будут показаны, а иногда, по отдалению от корпуса, сами Вы имеете избирать наудобнейшие и авантажнейшие, и именно: в лесах, деревнях и на пасах, но всегда в таком расстоянии, чтобы Вы легкие войски при первом аларме подкреплять были в состоянии, или же бы атакующих оные анфилировать.

4. В маршах по тому же всегда наступно следовать за легкими войсками, а при ретираде — закрывать оные и артиллерией очищать, а особливо при дефилеях закрывать; напротив, и легкие войски должны Ваши крылья или фланги закрывать, и во всех сих подобных случаях взаимно одним другим спомоществовать и не оставлять; лучших же стрелков и в одну шеренгу выпускать за бегущими егерями, или иногда и по одиночке за езжащими драгунами и гусарами.

5. В амбускадах тихо лежать и молчание хранить, имея пред собою всегда патрули пешие впереди и по сторонам, дабы тем охранить себя от нечаянного нападения; а располагаться так в амбускадах, чтобы иногда преследующего неприятеля анфилировать, и буде не примечено сзади будет подкрепление, — и в тыл впадать; в лесах же иногда появившихся, не смотря на силу, — атаковать; в сих случаях неприятель, всегда себе воображая больше силы, нежели оная есть, в нестроение и в бег легко быть приведен может; при всяком же сражении смотреть, чтоб бесполезно порох трачен не был.

6. Строгость и послушание в команде весьма наблюдать, до разорения деревень не допущать, ниже отлучаться от команды не позволять под страхом взыскания с офицеров тех рот, где сие сделано будет; а при расположении в деревнях требовать на пищу овощь, а иногда — хлеб и скота, только то, что положено в вес от меня; или трудов излишних ради, — и по фунту мяса на человека, давая квитанции; а чтобы везде щульцы и фельвильтеры повиновались, прилагается от меня Вам открытой ордер. В деревнях же будучи, в домах не ночевать, но всегда в сараях, лежащих к опаснейшим местам, имея пикета по сто человек при обер- и унтер-офицерах.

7. Во всем том, что облегчать может службу, и в добром поведении собою пример показывать, отлагая всякое излишнее для своего покоя, в чаянии отличного за отменные труды и награждения, коего я исходатайствовать по справедливости не упущу; а с пленными чтобы чрезвычайной суровости делано не было, весьма подтверждать, и с них мундиров и обуви не отбирать отнюдь, а достальное оставлять тому, кем пленной сделан.

3

Обряд службы

Для равенственного оной отправления в первой армии Ее Императорского Величества, вверенной в команду генерала и кавалера графа Румянцова. Дан в главной квартире в городе Летичев 1770 года марта [...] дня

Часть 1-я

О марше армии и что при оном наблюдать

1. Когда армии, которым крылом, баталионами, дивизионами, взводами или рядами маршировать и обозу впереди, позади, или

стороннюю дорогою — всегда в день пред выступлением при пароле приказано будет.

2. В день марша вместо побудки бить генерал-марш, по пробитии которого всем к маршу приготовляться, рядовых в улицах по списку перекликать, палатки снимать, караулы отовсюду, кроме главной квартиры и денежной казны, сводить, верховных лошадей седлать и вьючить, а в обозах, все на возы уклав, лошадей впрегать и ожидать о марше приказу.

Примечание: Когда бы о походе приказа и не было и поутру бит бы хотя был побудок, а будет бит генерал-марш, то к маршу готовиться, как выше писано, и заключать, что, военного резона ради, намерение отменено.

3. Когда сбор будет бит, рядовых в пехоте, в сумах и ранцах с ружьем, в шеренги и ряды [строить], а в кавалерии при лошадях строить и по команде выводить на плацдарм.

4. Гранодерские, мушкатерские и конные роты делить всегда пополам, что учинит в баталионе 8, а в полку 16, а в кавалерийских шквадронах по 4 взвода, равняя число людей во оных по полку.

5. Когда от командующих дивизиями приказано будет маршировать правым или левым крылом, тогда командующим бригадами, регулируясь на приказ, баталионами, дивизионами или взводами прямо, направо или налево марш начинать.

6. Ежели инако приказано не будет, то при выступлении из лагеря и вступлении в оной бить марш и как скоро полки выдут, отбить и бить в пехоте фельд-марш по одному барабанщику в баталионе, офицерам сесть на лошадей, оставя пред баталионами по одному ж пеших, протчим барабанщикам и флейщикам иттить пред баталионом, а в кавалерии трубачам в тож время съехатца по сигналу пред первой шквадрон в две шеренги и играть штуки.

7. Когда марш будет в колоннах, то наблюдать между оными равенство и одной пред другой не выходить вперед, и ежели одна зачем будет принуждена тише маршировать или вовсе остановитца, должно командирам между собою снестись и согласно марш свой продолжать, а чтобы во время марша ни малейшей остановки не было, а особливо при переправах, которые от перед идущих портятца и требуют починки, иметь всегда пред всякой брегадой пионеров и точно со всякой роты по одному, из которых третьей части быть с топорами, а двум — с лопатами.

8. В баталионах, дивизионах и взводах наблюдать всегда ту линию, по которой первой марширует, дабы по востребованию могли поспешно и порядочно фронт свой построить.

9. При артиллерии рядовых учреждать также на взводы всякую часть при своем орудии, и их офицерам наблюдать все то, что выше, в 7-м пункте, написано.

10. В марше штаб- и обер-офицеры от своего места без позволения командующего колонною ни в другой полк не отлучаться, а рядовым, кому естественной ради нужды остаться надобно бы было, не удаляясь от дороги нужду свою исправлять, и ежели бы к своему месту успеть не мог, к последнему взводу баталиона своего примыкать и с тем маршировать до времяни, где иногда отдыхать станет, или уже по прибытии на место к своему взводу и команде явиться, и для того:

11. Надобно рядовым в телесных своих нуждах пред выступлением из лагеря исправлятца и чтоб иногда видом сим ленивые или к отлучкам случая ищущие не пользовались, определять во всяком баталионе в марше при последнем взводе по четыре унтер-офицера попеременно, коим сих отстающих, собирая всякого в своем баталионе, весть и при отдыхновении баталиона в их взводы отводить. В протчем же за самовольно отлучившихся из взводов командующие теми офицеры, а особливо унтер-офицеры ответ дать должны.

12. Когда полки отдыхать станут и люди похотят за водою иттить, и будет вода не в том месте, однако же не в далеком расстоянии была, то за водою посылать при субалтерн-офицерах из всякой артели по нескольку человек, располагая, чтоб оные довольно на всех оставших воды принесть могли и при всяких ста человек унтер-офицеров по два во всем вооруженных, дабы оне команду свою в надлежащей строгости и страхе содержать могли.

13. Как колоннам в лагерь вступать, всегда знать дано будет от генерал-квартемистра чрез нарочно посланных офицеров.

14. При вступлении в лагерь, как скоро возможно полкам и баталионам на плацдарм строиться и по построении нимало медля по предписанному в уставе порядку караулы учреждать и роты взводить в улицы.

15. Рядовых по постановлении ружей в перамиды, по списку перекликать и, буде кто не прибыл к полку, имянно отрапортовать.

16. Авангард, ежели инако приказано не будет, обыкновенно имеет составлять новой пикет и всегда с генерал-квартермистром вперед маршировать и при занятии лагеря занимать оному пост и в коликом числе от генерал-квартермистра приказано будет, а при выступлении полков от пехоты всякому вступать пред свой баталион, а кавалерии занимать показанные ей посты полевых караулов.

17. Ариергард на том же основании делать старому пикету и командующему оным по вступлении армии в ружье, назначить сборное всем место удобное к прикрытию обозов от стороны опас-

ной, а при выступлении обозов в марш, учредить прикрытие с тем же примечанием и осторожностию и на сколько частей, как положение места и обстоятельства требовать будут, а по прибытии в лагерь, явясь у генерала дежурного, с его дозволения, распустить всю команду по полкам.

Часть 2-я

О обозах и что во время марша генерал-вагенмейстеру наблюдать

1. Все генерально обозы иметь ему в точной своей команде и оные учреждать в дивизиях и корпусах по одному обер-вагенмейстеру, а в бригадах по одному бригадному из старших и имянно казначеев, аудиторов и комиссаров определять.

2. О марше, каков он получит порядок, сообщать дивизионным, бригадным и полковым вагенмейстерам и условиться с командированным для эскорту штаб-офицером, дабы согласно как в времяни, так в порядке, во сколько веревок обозам итти и которому крылу начинать, было исполнено.

3. Надзирать и взыскивать от дивизионных, чтоб бригадные и полковые обозные в назначенное им время и по точности порядка о марше обозы свои учреждали и к выступлению готовы были.

4. В марше обозу итти по нижеследующему порядку и имянно:

1) дивизионных командиров по их рангам; 2) бригадных командиров; 3) полковых штабов; 4) обер-офицеров; 5) артельных; 6) лазаретам; 7) маркитентерам; 8) провиантским, где наблюдать, чтоб всегда по порядку в бригадах и полках своих шли и один другого не выпережал, а особливо на плотинах и мостах, чрез что большее помешательство и медленность делаются. И таких своевольных, несмотря на то, чьи б люди ни были, наказывать палками или батогами, не исключая и военных чинов от рядового до извощика, а выше тех, хотя б и офицер случился, взяв за караул, представлять ко мне, дабы сему по степени и штраф чувствительной сделан был. Что до обозу главной квартиры и парка артиллерии, то оным всегда марш назначен будет от генерала-квартермистра.

5. Буде б примечена была усталь лошадей при больших переходах или худых дорогах, в таком случае с согласия командующего эскортом и когда он все по благопристойности что до постановления обоза, дабы в запрегании оного один воз другому помешательства не сделал, а командующий эскортом, что до предосторожности от неприятеля надлежит учредит, выпрежа лошади, пустить на попаску или запасным с собою взятым кормом кормить и на водопой с полковыми обозными побригадно посылать.

Примечание: Всякому командующему эскортом пристойно и надлежит ведать и судить уметь положение мест, где оной что либо охраняет и препровождает, и потому меры свои брать и учреждать так, чтоб к стороне неприятельской и откуда он его быть считает, все свое примечание обращать и в нападении сильно противустать, не лишая однакож и другие части обоза всякой помощи и обороны, и для того кавалерию свою иметь так, чтоб она беспрепятственно разделенно и соединенно действовать могла. Следственно, всего больше взаимную помощь при сих учреждениях наблюдать, отделяемые к стороне неприятельской патрули должны составлять главное его спокойство и уведомлять завремянно о всех неприятельских движениях.

6. Чтоб никто от обозов не отлучался и в проход онаго чрез деревни грабительств не делали, смотреть и ответствовать всякому командующему обозом за свою часть и полк, и все похищенное по принесенным жалобам награждать из своего имения и сверх того, смотря по нерачению их и по мерам, каковы они к предохранению того употребляли, вычетом денежного жалования штрафованы быть, разве бы они сих грабителей, в самом деле поймав, связанных представили и тем доказали, что они все от них принятые меры учреждения явно нарушили.

7. Повозки, которые бы в марше поломались, немедленно с дороги сносить, чтобы тем других не останавливать, и их немедленно чинить, а ежели бы опасность от неприятеля была, то на них наложенное расклав по другим повозкам, бросить.

Часть 3-я

О лагере и что при занятии и во оном наблюдать

1. Расположение лагеря одинако быть не может и зависит от положений мест, но каково бы оно ни было, преимущественно наблюдать, однако, в нем безопасность и выгоду войска. По обозрении всех мест, окружающих лагерь, господину генералу-квартермистру все такие места, которые постами заняты быть должны, заметить, а для полевых караулов от кавалерии и имянно: где которому крылу или отделенных корпусов и точно назначить.

2. По вступлении в лагерь и отдыхновении, дежурным офицерам при шквадронах и ротах людей и лошадей и ружье осмотреть и буде найдется что неисправно, исправить приказать.

3. В лагере чистоту, как главный пункт к сохранению здоровья служащий, во всякой строгости наблюдать, и для того при самом вступлении во оной, в пехоте на всякую роту, а в кавалерии на вся-

кой шквадрон по одному отходу чрез профосов приказать вырывать, осаживая их хворостом первой линии впереди, второй линии позади во ста шагах от фрунту и в жаркое время ежеденно, старые засыпая, новые копать впред старых в прямую линию, чтоб в марше оные не делали препятствия.

4. За водою и дровами командировать людей, размеряя число по тягости, что они принесть должны, при одних шпагах при субалтерн-офицерах, а унтер-офицеров на основании второго на десять пункта первой части о марше.

5. Для конного водопою избирать места всегда ниже лагеря, дабы люди не терпели в чистой воде нужды и могли бы в жаркие дни купатца, а водопой делать пошквадронно при дежурных офицерах; ежели во отдалении от неприятеля, то в кителях и на неоседланных лошадях, а в близости оного — совсем вооруженным.

6. Для приезжающих с разными припасами из окружных селений показывать в лагерях особливое место и учреждать при оном от генерального дежурства караул, чтоб приезжих охранять от обид и держать их в пристойной осторожности.

7. Для лазаретов, коль только безопасность от неприятеля позволит, выгод ради, больных помещать в селениях и в сараях, а не в избах, а ежели в лагере, то, конечно, на местах сухих и выгодных.

8. Из лагеря штаб-офицерам без позволения своих дивизионных, а обер-офицерам и протчим всем чинам — бригадных командиров не отлучаться.

Часть 4-я

О пикете

1. В пехоте со всякого баталиона при одном обер-офицере, унтер-офицерах двух, ефрейторах двух, барабанщике одном, рядовых со всякой рота по десяти, а в кавалерии от всякого полку при одном обер-офецере, унтер-офицерах двух, трубаче одном, рядовых со всякого шквадрона по десяти от всякой дивизии, от пехоты полковников по одному, подполковников по одному, майоров по одному, полковой артиллерии по два орудия и от тех полков, от которых полковник и подполковник, а от кавалерии ото всякого крыла полковника одного, подполковника одного, майора одного на пикет командировать и оным быть хотя в своих палатках, но всегда во всякой готовности и исправности.

Примечание: От отделенных корпусов в пехоте и кавалерии наряжать штаб-офицеров и полковые орудия по числу людей, составляющих пикет на вышеписанном основании.

2. Ежели инако приказано не будет, в пехоте за час пред вечерней зарей пикетам приступить к своей артиллерии и делать цепь двойными часовыми от одного посту к другому и называться тогда не пикетом, а полевым караулом.

3. Кавалерийские пикеты без особливого приказу не выводить, а иметь своих людей и лошадей на правом крыле всякого полку готовых, а когда б велено им делать полевые караулы, то всякому крылу соединясь, вытти пред пехотные полевые караулы шагов до трехсот. Ежели бы от генерала-квартермистра точно мест показано не было, то командующему всякого крыла избрать себе пост и отделить от себя отводные караулы при офицерах и не менее тридцати рядовых, чтобы всякой из них мог пять двойных часовых поставить и сделать цепь круг всего лагеря.

4. Как скоро пикет вступит в караул или куда командирован будет, тотчас новой, в том числе и на том же основании, наряжать и готовым быть.

Часть 5-я

О караулах, как оные содержать и при смене оных поступать

1. Как пикету не удобно содержать полковые караулы и давать часовых, но быть вместо того всегда готовым к выступление, то знаменные караулы содержать в пехоте и кавалерии особливые, и имянно при пехоте в полку при одном офицере, унтер-офицерах и ефрейторах двух, одном барабанщике и флейщике, рядовых 30-ти, которым в полках между обоих баталионов, а в баталионах посреди баталионов в 40 шагах брать свои посты и часовых давать к знаменам во всякой баталион по одному, которым стоять между двух знамен, к баталионным командирам по одному, к артиллерии пред всяким баталионом по одному, на крылах по одному; во отделенных же баталионах и полках кавалерии тот караул наряжать по числу постов на три смены, кроме штандартов, которым быть при шквадронах и часовым оные держать в левой руке, имея палаш в правой, концом на погоне, карабин на крюку прикладом вниз, и сменяться от шквадрону, а как о смене караулов кроме пикетов точно в главах полевого устава не предписано и производятся оныя неравенственно, то поступать как ниже:

2. Новой караул должен всегда заходить с правого крыла стоящего, и когда шагах в пятидесяти к старому приближится, командовать стоящему офицеру «на караул» и бить марш, а пришедшему, заведя фронт повзводно, взаимно делать тож, и офицерам обоих

караулов, подняв ружье свое в правую руку, сходиться на средину между их командами и, поставя ружье к ноге, сняв шляпы, препоручить один другому все, что при том карауле наблюдать приказано, тихо, а барабанщикам обоих караулов в то время бить перестать. По препоручении же всего, подняв ружье свое в правую руку и поворотясь к своей команде, отходить на свои места и, сделав фронт, ставить ружье «на плечо», «к ноге», «унтер-офицеры к смене». По сей команде нового караула унтер-офицерам с левого крыла на правой, а с правого на левой позади шеренги скоро проходя и с старыми всякой противу своего крыла сошедшись, сделав ружьем на караул стоящим, пришедших уведомлять о числе постов с каждого крыла, колико их есть двойных или одинаких, и что к их должности в том карауле точно приказано, и новым, с дозволения своего старшего офицера, номеровать всякой своей части на перевязях карандашом по сменам, сказывая им точно, на которые посты или на часы назначиваются и имянно первой, второй, третьей смены, и всегда из всех шеренг по равну, чтоб ранжир испорчен не был, и по учреждении всего рапортовать старшего офицера: «первая смена подвысь». «Направо и налево ступай, протчие стройтесь», по числу людей «в одну» или «в две шеренги» — по сей команде ефрейторам обоих смен всякому с своего крыла приступить и новым командовать «фронт, на плечо», дав знать рукой, как при повороте, так и положении на плечо и идущей направо — «направо заходи», а налево — «налево заходи», «ступай», старым ефрейторам становиться и иттить по левую руку нового, на поворотах не командуя, а рукою знак дать, чтоб команда сама заходила, и когда все часовые переменены будут, тогда старому взять правую руку и команду, а новому итти по левую руку. На караул же, где один ефрейтор водит только, командовать «часовые подвысь» и буде с правого крыла часовые отходят направо, а буде с левого — налево, а протчие на месте стоят неподвижно. При выступлении часовых, отделенным постам, ежели суть в тож время направо или налево заходя, отходить на свои места, а трубачам и гобоистам играть при разводе часовых штуки.

3. Когда новая смена часовых к старым прибудет, новому ефрейтору, остановя в шести шагах противу посту, который он сменяет, и став новому на правой, а старому на левой стороне между командою и часовыми, на средине командовать новому «на караул», где пришедшим всем делать на караул, а стоящим при третьем темпе отделить ружье во всю руку «подвысь». По сей команде идущим на часы делать «подвысь» как обыкновенно, а стоящим перехватить ружье левою рукою против портупеи, вынеся правой против галстука, имея замок от себя: «ступай»; по сей команде новому

итти против старого, которому стоящей, сказав: «приказ о содержании осторожном караула генеральной» и особливо также и сдачу, буде есть тихо и минуя один другого одному на пост, а другому в шеренгу проходить, имея правую ногу вперед «фронт», сшедшему с часов при повороте, подняв ружье левой рукой, правой под курок подхватить и сделать на карауд, как вся команда держит, а ставшему опустить левой и перехватить правой против галстука «на плечо», ставшему поставить к ноге и отделить, а отходящим положить на плечо направо или налево «заходи, ступай». На постах же, где на плече держат часовые, по приближении к посту командовать: «на караул, подвысь» и делать всем равно, «ступай», проходить и приказ отдавать, как выше сказано: «фронт» и отходящему поворотясь сделать самому на караул, «на плечо», при сей команде и отходящим сдела́ть на плечо, а ставшему на пост с последним темпом на караул и, как развод минует, класть самому на плечо.

Примечание: Где два часовых ставятся, всегда ставить ровных и на главные посты лутчих людей, а буде один другого больше, то большего ставить на правую руку, а всякую сдачу ефрейтору по положении ружья на плечо и отдаче на время рядовому, стоящему на крыле, самому принимать вещи щетом, а печать и обвязку в целости осматривать и как о хранении всех вещей при сдаче, так и приказ на том посту отданной, часовым с толком вразумлять и потом далее для смены часовых маршировать.

4. По смене часовых, ефрейторам рапортовать унтер-офицерам, а тем своим офицерам, что они все приняли сходно и на постах данные приказы часовым объявили, где обоих караулов офицерам командовать: «задние приступи, направо ступай», тут рядовым первых двух шеренг смотреть на заднего в своем ряду и не теряя своей шеренги на том месте по рядам заходить, где первой ряд сошел, а при захождении на место уже шеренгам отделятца в свою дистанцию и вступающему караулу, буде для ружей сошки есть, у самых сошек становитца, «фронт», оба отходящей «на караул в правую руку, задние две приступи повзводно направо, заходи, ступай». Барабанщикам, отбив, бить обмарш, а вступившему при команде «ступай» командовать на караул и барабанщикам бить марш доколе сменившейся удалится до пятидесяти шагов, «на плечо», «к ноге приставь ружье», буде где к сошкам, то делать как при постановлении, так и поднятии ружей все те же темпы, каковы делаются при положении и поднятии ружья обыкновенно, когда оно на землю кладется, только что вместо положения на землю, класть на сошки, а буде их нет и к стене, «направо кругом», то вынесть ружье перед себя правой рукой против галстука, а левой против портупеи и сделав направо кругом и по команде «ступай» приставить, а буде на земле — класть.

То делать как обыкновенно и потом «направо кругом, ступай, фрунт». Часовым, у ружья стоящим, при слове «ступай» выходить из шереног на свое место и которые держат ружье у ноги, ставить к ноге, а которые держат на плече, положить на плечо; при вступлении же фрунту к ружью по команде «на плечо», обернуться направо кругом и проходить в свои места, для чего часовым оставлять места в той шеренге, в которой оне по ранжиру стоят.

Примечание: Караулам по рядам заходить там, где сошки для ружей близко строеней поставлены, где повзводно, тесноты ради место не позволяло б, а инако и где место позволит, обоим, новому и старому, повзводно направо.

5. При разводе на часы, в больших караулах, где рота, одному офицеру, а при одном офицере унтер-офицеру в ружье становя рядовых и по номерам всегда с обоих крыл, как выше писано, с ефрейтором на часы отпускать, а по возвращению с часов всем фронтом, сделав на плечо, ранжировать.

6. Гобоистам стоять на правом крыле с передней шеренгой в линии, а на походе — перед капитаном, знамя когда вступает в среди команды, а когда сходит перед командой, на месте же; офицерам и знаменам, как о местах офицерских и знаменных по главам к военному уставу, барабанщикам перед первою шеренгою на средине.

7. Полевым караулам стоять и сменяться, как в уставе о полевой службе предписано, с прибавлением, что, когда приказано будет стоять чрез целой день, полевыя караулы от кавалерии не в обыкновенное время с протчими сменять, но пред побудком за полчаса к постам приходить и становиться по левой стороне стоящих, а по пробитии оного, спустя час сменясь, вступать в лагерь тихо.

Примечание: Ежели бы неприятель близок был, полевым и отводным караулам в ночное время всем быть на лошадях, а днем одной шеренге попеременно.

8. Поутру, час спустя после пробития побудка и ежели инако приказано не будет, вступать полевым караулам в свои баталионы, шквадроны и роты и до точной смены быть одетыми и готовыми.

9. При избирании посту полевых караулов от кавалерии, за правило иметь, чтобы за собой ущелин никаких близко не оставлять и как можно скрыто, а на противу часовые на таких высотах поставлены были, которые бы на самой дали могли открывать.

10. Часовым отводных караулов, как скоро они много или мало людей только откроют, одному из них круг другого, а приметя уже прямое движение, обеим на своем посте кругом ездить. Тогда офицерам, стоящим на отводных караулах, команды посадя на лошадей, самим подъехав, осмотреть и завремянно меры свои к отпору взять, а в превосходнейшей силе, дав знать на главной пост, к нему рети-

роваться, которому к генералу дежурному со обстоятельствами и о числе, колико по отделению судить можно, не умедля рапортовать, а самому против неприятеля не только стоять, но, смотря по силе, и атаковать оного.

11. Ежели бы примеченные были своя команда, возвращающиеся или вновь прибывшая, или иностранные приезжие, то не допущая шагов до двухсот, громко сказав «стой» и одержав, дать знать другим часовым, чтобы от караула прислан был унтер-офицер, которого выслать с шестью рядовыми к той команде или приезжим и требовать, чтобы дали знать о числе оной, чине и звании командира, от кого и куды были посланы и которого полку, и, получа уведомление, рапортовать своего офицера, которой при его позыве должен уже быть на лошадях и по обстоятельном и доказательном сведении команду свою в лагерь пропустить, а всякого иностранного на главной пост отправить приказать, где, поступая с ними со всякою учтивостию, задержать и чрез толкового унтер-офицера немедленно дежурного генерала уведомить словесно или письменно.

Примечание: Что до иностранных и когда б от кавалерии полевых караулов не было, наблюдать точно и исполнять имеют пехотные полевые и полковые караулы.

12. Полевым караулам никому чести не отдавать, кроме генералитета и дежурных, но без бою барабанного и труб.

13. Палочной караул остается во всем на предписанном в главах о полевой службе основании.

Часть 6-я

О пароле и лозонге

Пароль и лозонг при армии имеет во всем по предписанному в уставе порядку производим быть, при разделении же армии, а особливо во отдаленных ее частях, неудобно производить один многих ради резонов военных, и для того всякому командующему, ежели увидит в том надобность, отдавать его в свою команду и наблюдать уже тогда всю надобную притом строгость, чтоб сие важное в войске слово не терпело злоупотребления.

Часть 7-я

О молитве

1. При растахах в девять часов по пробитии на молитву, всем чинам при однех шпагах выходить на плацдармы и, сводя круг,

священникам читать обыкновенно положенные в сие время молитвы с коленопреклонением.

2. В праздничные и воскресные дни и когда приказано точно будет, ставить при бригадах церкви посреди бригад.

Часть 8-я

О барабанных бо́ях

1. Где конной караул обще с пехотным стоит, то бить зорю вечернюю, как ниже писано: 1) трубачам трубить зорю; 2) на литаврах и в главной квартире или в особом деташаменте выстрелить из пушки; 3) бить в барабан и ежели где случится площадь обходя всю; 4) трубачам трубить три штуки; 5) гобоистам играть две штуки и арию, становясь в две шеренги за знамем; 6) барабанщикам бить на молитву и кончить как обыкновенно. Побудок начинать, как и выше писано, но по пробитии барабана, где трубачи есть, трубить арию, а по арии бить в барабан на молитву две штуки.

> Примечание: Барабанщикам выше пяти ходить в две шеренги, выше десяти — в три, флейщикам на обоих крылах — пополам во всех шеренгах, часовых при ефрейторе посылать, где барабанщики в одной шеренге, двух по обеим крылам, а где в две или в три — четырех. При первой и задней шеренге на крылах по одному и всегда со одного крыла оных брать, а караулу во время бития зори держать ружье у ноги, а пред битьем на молитву поднимать на плечо.

2. Что до протчих боев в лагере и в квартирах, то когда позовет барабанщик, на главном карауле стоящему ближе отозваться, а затем по всем караулам в круг и по трем позывам что бито будет, бить то и на всех караулах.

Часть 9-я

О рундах, как оной производить и караульным при том поступать

1. Рунд производить на пикет наряженным: главной — полковнику, средней — майору, а белой — подполковнику всякому в своей дивизии и корпусах.

2. Когда рунд к офицерскому посту приблизится, то часовому у ружья в первое и другое откликав «кто идет» — в третье сказать «говори-убью!», и когда отзовется рунд, то часовому закричать «рунд, стой», «офицер перед фронт», «рядовые к ружью» и как скоро в ружье караул вступит, командировать обер-офицеру унтер-

офицера с двумя рядовыми шагов несколько встречу рунду. Сей равномерно, так как и часовой, три раза откликав и по третьему отзыву рунд спросит, какой рунд, когда и в том отзовется главным, средним или белым, то спросить, кто рундом правит и буде отзовется в особе той, которая в. приказе к тому назначена, требовать лозонгу и когда сей справедлив, то уведомлять офицера своего вслух, что рунд справедливой, тогда офицеру сказать: «на караул, рунд приступи» и той особе, вынувши шпагу, поставить стоящему в груди, а стоящей ему свое ружье и отдать главному и белому пароль и лозонг, а от среднего самому принять, унтер же офицеру с двумя рядовыми посланному, остаться при команде, идущей с рундом, и обеим сим командам, когда офицер скажет караулу «на караул», делать на караул и потом на плечо, и когда рунд далее пойдет, помянутым двум рядовым с унтер-офицером по-прежнему в свое место уступать, а когда рунд часовых проходит, то им окликать его трижды и требовать лозонг и, когда справедлив, сказать «рунд мимо», а что до полевых и отводных караулов кавалерии, то рундам мимо офицерских постов, а патрулям мимо часовых как можно ближе ездить, дабы лозонг тихо можно объявлять, а о протчем, как скоро бы не отозвался в третье или бы лозонг не справедлив, старатца застрелить, но ежели бы случилось, что команда своя не имела лозонга и отозвалась, то часовым поступить в таком случае, как учит первой на десят пункт пятой части.

Примечание: В кавалерии рунд производить на всяком крыле наряженным штаб-офицерам на вышеписанном же основании.

Часть 10-я

О лазаретах

1. Никто больше призрения не заслуживает, как болящей солдат, о покое и выгодах которых обязаны все чины вообще иметь радение; но как в полку всякой чин обязан должностью особою, то и надлежит смотрение оных особливым, пристойнее всех полковым казначеям, которым смотреть, чтобы как в походе оне везены были укрыты от всякой мокроты, жару и стужи и не тесно бы лежали, так в лагере были бы положены на сухих местах и в чистом воздухе.

2. По всей армии присмотр оной особливо препоручается члену военного комиссариата, что до пропитания и доброго содержания, а что до пользования генеральному штаб-медику, которым не только часто, но и ежедневно оных посещать и подавать лучшие наставления, и мне в превосходящем иногда их власть и возможность

представлять, дабы все, что к восстановлению их только служить могло, без упущения времяни делано, а вред происходящей завременно предупрежден.

Часть 11-я

О должности генерала-гевалдигера

1. Маркитентеров, смотря по числу в полках и баталионах штатного положения людей, разделить и наблюдать, как возможно, чтоб целыми артелями были определены, дабы они от того разделения не потерпели убытков и при всяком полку, за выбором всех, учредить одного старосту и от того во всяком случае за протчих ответ взыскивать. Все их пашпорты, каковы бы у них ни были, отобрав, хранить при себе, а мне, учиня имянной список с показанием их жилищ и откуда им пашпорты даны, а неимеющие каких ради резонов оные не получили, — представить.

2. Всем съестным и питейным припасам, применяясь по цене мест, где армия находитца будет, еженедельно устанавливать таксы и мне оные подавать, описывая о скоте и о напитках, точно по какой цене оные где покупали и потому в барыш им сколько процентов на сто положено, дабы я иногда, смотря по провозу и убыткам их, и сам располагать мог. Из сей оценки исключаются, однако же, все иностранные товары и то, что для прихотливых и роскошных держится.

3. Весы и меру, противу в государстве Российском постановленным освидетельствовав, запечатать и кроме тех на другие никаковой продажи под взысканием на госпиталь десятирублевого штрафу чтоб не чинили, запретить.

4. Все повозки их разделить на три части и взыскивать, чтоб, конечно, всякая не меньше как в две лошади была, под штрафов за первое усмотрение на госпиталь пятирублевого штрафу, а из тех упряжек на двух непременно имели съестные припасы и имянно: ветчину, сало, соль, уксус, иногда и засольную рыбу, разные муки для блинов и калачей, подошвы, нитки, мыло, мел, клей, вар и тому подобное, а солдату необходимо надобное, а на третьих вино и пиво.

5. Всякой, где что купит от продавцов, должен письменные виды и с ценами иметь, дабы между сими припасами, под штрафом взятья всего имения на госпиталь и свeрх того жестокого телесного наказания, пограбленного не было и для того ни от кого от военнослужащих без позволения и засвидетельства полковых командиров их ничего не покупать, ниже что принимать и самим маркитентерам самовольно отлучаться без билета, данного за рукою моею, не позволять.

6. В битье скотины и в раскладах мяса и других припасов на столах, чтоб всеудобвозможная чистота хранилась и сами бы они всегда чисто себя содержали и имели б белые и чистые запаны, разумея о тех, кто продажу чинит под штрафом за первое усмотрение рублевого на госпиталь штрафа.

7. Всех приезжих для продажи сторонних прилежно ему испытывать, откуда они суть и имеют ли свидетельства или пасы и не подозрительные ли они в чем, и ежели бы были, немедленно ко мне представлять.

8. В лагере чтоб для испражения деланы были нужники на основании третьей части третьего пункта, наистрожайше от полковых профосов того взыскивать и иногда за несмотрение и штрафовать.

9. Во время стояния около лагеря, а в походе позади, иногда и по сторонам объезжать и всех без билетов найденных, кольми паче в грабеже и разорении домов ловя, представлять ко мне, для чего имеет получить в точную свою команду одного офицера, командированного к тому нарочно, и несколько казаков.

Часть 12-я

О фуражировании, каким образом и с какими осторожностьми оное производить

1. Где всякой бригаде и полку фуражировать, назначивать места или деревни, в которых ставить значки тех полков, и не входить из одной части в другую, толь меньше в близь лежащие селении для добычи, которая при подобных случаях в гибель обращаетца, каковых к прикрытию фуражиров постам не пропущать, но ловить и представлять к наказанию: число ж фуражиров всегда командировать на одне сутки, от шести лошадей одну, а на двои сутки от трех одну, а в телегах, на одне сутки в дву лошадях на двадцать, а одну на десять.

2. Командующему фуражирами по положению мест все располагать и учреждать и всегда к неприятельской опасной стороне большой пост, протчие же посты противу всякой бригады ставить, стараясь, коль возможно, чтоб некоторая часть мест фуражирования рекою или болотом закрыты были.

3. Фуражирам, по учреждению вышеписанному постов, сомкнув лошадей своих взводов, фуражировать и один другому в связке бунтов и накладке оных на лошадей и в телеги помогать.

4. Бунты возить на веревках с деревянным крюком и петлею, чтобы при надобном случае, скинув петлю с крюка и оба бунта с обеих сторон вдруг сбросив, за ружье взяться можно было.

5. От фальшивых тревог всякому под жесточайшим наказанием при фуражировании и повторении слов иногда от ничего робкому или легкомыслящему показавшегося весьма удерживаться, и хотя всякому военнослужащему должно быть известно, что неприятель при фуражировании всегда покушении свои делать старается, а военная хитрость в том состоит, чтоб тревожить всегда не к месту действительно своего устремления, дабы чрез то сопротивляющуюся ему силу разделить, или от желаемого им места отвести, то в таком случае командующему фуражированием брать большую предосторожность и всегда к опасной стороне большие посты держать, о движениях и обращениях неприятельских стараться заблаговремянно чрез отводные на высотах караулы и небольшие патрули, на сторону неприятельскую посыланные, обстоятельное известие получать.

6. И как всякому офицеру пристойно ведать и судить положение места, где оной фуражирует, и, следственно, когда, на вышеписанном основании, посты свои и предосторожность возьмет, то ему всегда можно о приближении неприятельском уведомленному быть и в произшедших иногда, как писано выше, фальшивых алярмах или тревогах в сем деле остаться с порядком, а винного изыскав, к наказанию по возвращении своем представить, а в противном поступке при таком случае сам, яко не имеющий довольно мужества и расположения, ответу подвержется.

7. При фуражировании в деревнях из сараев фуражирам лошадей своих в жило отнюдь не вводить, но смыкать оных вне жила позади своего прикрытия, а бунты из сараев к лошадям на себе пешими носить и отнюдь ничего кроме фуража не брать, для чего ставить в деревнях и на выходах караул.

8. По окончании фуражирования всем строевым фуражирам и с вьюками своими ехать в своих полках, шквадронах и взводах, а не строевым для подъемных лошадей фуражирам, якоже и партикулярным слугам, при своих полках, одинакоже не между эскадроном и взводом, но стороной вовсе безопасной за ними.

9. Фуражировать всегда с отменною поспешностию, чтоб лошади, командированные и стоящие при полках в линиях, без фуража долговремянно не были, офицерам с людьми унтер-офицеров в сараи посылать и как к скорейшему фуражированию понуждать, так к грабительству, яко всегда собою зло и вред приносящему, под страхом за несоблюдении должности своей военного суда, и по тому положению в артикулах наказания недопущать и за то ответствовать[1].

Генерал *Румянцов*

4

Правила к построению войск для нападения на неприятеля

9 июня 1773

1-е. Всякой корпус должен построен быть в каре продолговатой, так чтоб боковые фасы половину фрунтового фаса имели. А гранадеры полков, делающих фланги, сведены были на сии.

2-е. Полевая артиллерия делится на 6-ть №, разделяясь в кордебаталии на средине последнего фаса, то есть 1-й № — 10 орудий, а на протчих по 4, в том числе 4 гаубицы по флангам. В протчих корпусах разделяют оную командующие генералы по своему благоизобретению.

3-е. Кавалерию всю построить в две шеренги между кареями, равняясь по задней линии и имея в ней самые малые интервалы не более как на взвод.

4-е. От боковых каре для прикрытия флангов оных, егерям составлять особливые карей с 4-ю полковыми орудиями, за оными казачьи полки.

5-е. Кавалерии огня ружейного на собственной себе вред под ответом полковых командиров отнюдь не употреблять, ниже оставлять свое место без поведения, разве бы неприятельская конница фланг их искала; то в таком случае фланговым шквадронам, очистя место егерским кареям на употребление их артиллерии и огненного ружья, взять таковую позицию, чтоб в состоянии быть всегда их подкреплять. Естли ж неприятель действительно в бег обратиться, и господа командующие повелят атаковать, тогда, держа возможным образом свою линию, поражать неприятеля без всякой пощады и пленными в первоначальных поражениях себя не отягощать. В случае ж иногда сильного упору, которому быть однако ж не чается, естли всяк свою должность исполнять будет, отступить в свой интервал с порядков кто где стоял; но притом ведать, что инако поступивший и лишающий себя собственной обороны, чрез замешательство иногда пехоты, понесет всю жестокость казни, предписанной в военном уставе.

6-е. Пехоте надлежит при всяком случае, где приказано будет, на неприятеля наступать, а особливо на овладение батарей и окопов, держа весь порядок строю, и со всем военным звуком итти поспешно, чтоб не медлить под неприятельским огнем, которой артиллерия должна своими ужасными залпами к молчанию привесть.

Искусство артиллеристов наставит их производить огонь в содействие и облегчение одного перед другим больше терпящего

огонь неприятельской, а особливо стараться открыв неприятельские линии и их анфилировать. Делом будет искусства и проницания самих господ предводителей, чтоб, пользуясь действием артиллерии, открывать слабую сторону неприятельскую и его фланкировать, в чем я и полагаюсь на их благоразумие.

В таком предприятии, каково есть, перенестись за реку Дунай и там произвесть на неприятеля свое оружие. Не сомневаюсь я, что всяк усердную волю свою к службе при каждом действии покажет, коль сие предприемлем во исполнение Высочайшей воли нашей Всемилостивейшей Государыни и поелику на таковы наши действия целой свет обратит свое зрение. Тут добрая заслуга каждого измерена будет при воздаянии ценою сих великих уважений, как и напротиву, изобличенные в нерадении и в других предосудительных поступках службе долженствуют ожидать, что им возмерится судом всея строгости.

Румянцов

5

П.А.Румянцев — Екатерине II

Май 1777. Царское Село

Мысль

Часть воинская удельно от других, с одного почти времени, по некоторым предположениям в Европе, всем державам сделалась необходимо надобною; но по неравенству физического и морального положения не могли они ни в количестве, ни в качестве быть одна другой подобны, и познав от сего воинского удела другим частям в государствах тягость, употребляют они ныне все средства и способы к лутчей связи оных между собою, в чем одна известная далече и далее всех иных к большей своей пользе преуспела. Мы кольми паче по своей великой обширности, разнобразному и большею частью дикому соседству и в самых обывателях разноверию и разнонравию меньше всех сходствуя с другими, должны наблюдать, чтобы по мере пользы и выгод наших распростаняться и в приличном только иным подражать, а сразмерно способам и доходам своим ополчаться, и весьма уважать их источник, который мы поныне один к содержанию воинских сил имеем: я разумею народ, дающий для войска и людей и деньги, чтобы несоразмерными и бесповоротными взиманиями оный не оскудить, и браться за средства такие, чтобы к поре грозящей и запас в деньгах иметь, и силы наши не чувствительно для самих умножать мы могли.

Следующие статьи по оглавлениям представляют некоторые, но весьма недостаточные к тому только начертания; но в мудром основании внутреннего благосостояния новым и полезным губерний учреждением преподаны средства и образы, коими удобнее и с лутчим соображением первобытного нашего положения исправлять все иные части государства, окажут лутчие к приведению и военной части с иными, в рассуждении взаимных выгод и тяготы в некоторой размер, а без того всего или часть воинская будет в нестроении и терпеть недостатки, или другое чувствительное угнетение. Доказывают оное частые перемены и в самих наружностях в войске нашем, без сих соображений бывшие всегда к большому убытку, ежели не предосуждению, а происшествия, коль далее бы мы могли успевать, при лутчем нашем основании части воинской.

Статья I

О состоянии четырех армий, расположении оных по удобности, с наблюдением внешней безопасности, внутренней тишины и экономии

Из сухопутных сил составить четыре армии по особому плану в числе пехотных, полевых и гарнизонных, кавалерийских, драгунских, гусарских полков легких войск, артиллеристов, минеров и мастеровых и расположить оныя с наблюдением внутренней и внешней безопасности и экономии. 1-ю Поморскую: в Новгородской, Финляндской, Ингерманландской, Эстляндской, Лифляндской, Псковской и Полоцкой губерниях. 2-ю Украинскую: в Могилевской, Азовской, Воронежской, Слободской и Белогородской губерниях. 3-ю Низовую: в Нижегородской, Казанской, Оренбургской и Астраханской губерниях. 4-ю под титлом резервной: как в дешевом и выгодном месте государства, и откуда пограничные подкреплять и усиливать равноудобно, на всем пространстве бывшей Московской и Смоленской губернии, и препоручить всякую армию в точное надзирание или инспекцию одному из заслуженных в чине и исправному в военном ремесле генералу, не взирая ни на разные одеяния и вооружения, ни на титлы войск, ни разных воинских департаментов, как равно его искусству подлежащих, оставляя флот, Сибирскую и Иркутскую губернии, первой по отличности службы, а последние по отдаленности особо удельному учреждению.

Статья II

О определении по полкам всякому шквадрону и роте сборных мест, или кантонов, для взимания рекрут и лошадей

1. Определяя войскам количество, качество и пребывание, определить и всякому полку, шквадрону и роте сборные места, или кантоны, для набора рекрут известным количеством ежегодно, а в армию лошадей ко времени военному за известно определенную и безобидную цену, соразмеренно переписному числу душ, уделенных на содержание воинских сил по особому уставу, без малейшего притеснения наук, торговли и иных надобных в государстве ремесел и промыслов и особливо земледелия.

Примечание: По разному роду службы потребны разные в людях и способности; следовательно надлежит определять в Поморскую — при морях, озерах и главных реках живущих людей; в кавалерию и легкую конницу — при способности лутчей к конской езде, к побегам меньше склонных, как, например, однодворцов, казаков и в некоторых местах татар; в егерские корпусы — по природе или случайно сделавшихся охотников и стрелков; в извощики, или фурлейты, — всех извозом промышляющих людей. В корпус мастеровых — ремесленников по их ремеслу. Пехоте весь остаток, как равно употребительный.

2. Вербование в государстве свободных и не надлежащих людей к рекрутской поставке было бы народу сему не малым облегчением, а вне государства известною частию и весьма полезным пособием. Средство сие оказывается быть возможным, ежели все надобные при том уважения наблюдены будут.

3. Определение всех и всякого звания беглых годных людей по поимке в военную службу, с лишением права ко всякому в чины произвождению с зачетом владельческих в рекруты, послужит к воздержанию от побегов, и предохранится лутче порядок гражданских и земских учреждений. Владельцы, хотя теряют человека, но не прочного им ко употреблению дальнему, а под строгостию военною подобный к службе может быть и весьма способен.

Статья III

О построении крепостей, арсеналов и магазеинов в удобных местах для содержания в оных артиллерии, экипажа, ружейных, аммуничных, мундирных вещей и всяких припасов и уничтожение крепостей, вне сего положения находящихся

1. Внешней ради беспечности и внутреннего спокойствия потребны крепости, а качество их должно быть сообразно соседству и той удобности положения, коим бы часть краю или сообщение водяное ими прикрывалось, и в том положении находящиеся исправить и вновь построить, и всеми силами стараться привесть оныя в полную оборону без упущения времени, и в них иметь арсеналы и магазеины, для содержания осадной артиллерии, сообразно соседственным крепостям, а полевой, — количеству войск полагаемых на войну того края. Походный экипаж готовым, или в материалах заготовленным с упряжью и осьмою частию лошадей, ружейных, мундирных и аммуничных вещей; провианта и фуража и подвижного госпиталя припасов, известно определенным количеством, а все те крепости, кои по перемене обстоятельств и границ положения стали не к месту и некстати и ежегодною починкою великим количеством пожирают деньги, уничтожить.

2. Не отягощаться содержанием в крепостях и иных городах многих тысяч вооруженных инвалидов, и разумею настоящие наши гарнизоны и так называемые штатные роты, и обратить первых, сходственно званию их на готовность и способность к военной, не только гарнизонной, но и полевой службе принадлежащих, отличить и одеянием и вооружением.

Примечание: В соседстве малое количество лутче концентрированных сил возбуждает к себе больше внимания, нежели многочисленные на обширности; а иногда дикие народы, в качестве своего ополчения не заслуживающие малейшего уважения, в качестве хищника беспокоить и озабочивать могут непрестанно; следственно и вопреки оным взимаемые меры основывать должно сходственно свойству и ополчению однех и других, внимания всегда на то главное правило, что хотящему возвысить свою пользу надлежит превозмогать и в силах, особливо в новых завоеваниях.

Статья IV

О заведении школы под титлом военных наук, художеств и ремесл

По малоимению среднего рода и разного звания ученых и мастеровых, войску необходимо потребных людей, и видя в прииска-

нии иностранных, не говоря о убытке на содержание их употребляемом, многую трудность, взяться за надежные средства заведением на лутчем основании училищ, под титлом школ военных наук, художеств и ремесл, в главных или иных городах всякого края, и в сих офицерских и солдатских детей на достаточном содержании на ноге военной под рачительными и искусными надзирателями от лутчих учителей и мастеров, по летам, понятию и способности приуготовлять к определению в квартермистры, аудиторы, лекари, гобоисты, слесари, токари и прочих.

Статья V

О дисциплине и полиции воинской

1. Воинской дисциплины, под именем которой разумеем мы порядок, владычествующий в войске и содержащий в себе всю связь слепого послушания и уважения от низших к вышним, называемую субордонациею, а по сходственному действию душею службы, чувствуемой упадок весьма возстановить, и оной, как святости божественных преданий, под тягчайшими казньми воспретить касаться.

Примечание: С достойной к оной поваге, многие государи узаконили, чтоб в службе их, к предержащим их власть, я разумею аншеф командующим, та же честь, уважение и повиновение от подчиненных оказываемы были, каковыми подданные обязываются присягою иметь к высочайшим их особам.

2. Военной полиции принадлежит все то же надзирание в походах и кампаментах, что гражданской во градех, и относительно сей части в воинском уставе, пройдя артикулы всякого особо и все вообще, к должности сухопутной воинской службы относящиеся, надлежит затем следующие расположить согласно с уставами: церковным, в рассуждении часов молитвенных, бракосочетания и иных христианских треб и общих церемоний случайно бываемых, крестных хождений, водосвятий и погребений. В рассуждении портовой их службы совместно с крепостной и присоединения морских к сухопутным и сухопутных к морским, на случай военный и церемониальный. С гражданским — в рассуждении преимуществ воинским и взаимно гражданским чинам принадлежащих, и особо в определении квартир, единожды навсегда постановить количество оных всякому штабу, шквадрону и роте, соразмеренно с количеством обывательских домов, а каждому чину, не исключительно и генералов, число покоев, сообразно потребным хозяину в доме своем выгодам, и поименовать все, что в квартирах и в проходе чрез города, села и деревни войску давать определенно, так как и им самим,

женам и детям их дозволенные торги, ремесла и промыслы, чтобы тем отдалить всякие до ныне часто оказывающиеся недоразумения и чувствуемые досады и огорчения.

Статья VI

О комиссариате, возложении на него заплаты жалованья, мундирования, пропитания, вооружения, всяких строений и покупок для войск, кроме лошадей; об отпуске по ассигнациям его от государственного казначея и казенных палат по способности и близости на щет воинских окладных сумм, и о имении оному надзирания, относительно всех воинских расходов

§ 1

1. Исчисляя всю сумму генерально на все издержки окладные войску определенные и назнача оным статьи, из которых они вступать определятся, дать главному воинскому комиссариату ведомость, по которой он, избегая убытки, происходящие часто от транспортов денежных понапрасну, свои требования к государственному казначею, или в казенные палаты в губерниях, взносил, и от оных по близости и способности по ассигнациям получать имел.

2. Всякое строение ружейных, мундирных и амуничных вещей, экипажа и покупку, кроме лошадей, генерально возложить на попечение воинского комиссариата и его подчиненных, чтобы войски, в рассуждении их дальнего расстояния однех границ с другими, никаким подобным строением не озабачивать и обозом не отягощать, и они бы скоро из квартир выступать и поспешно маршировать могли.

3. Воинскому комиссариату предписать иметь прилежное надзирание над ведущими приход и расход деньгам, вещам и припасам, и делать строгие истязания над небрегущими, кольми паче на похищение дерзающими.

4. Ограничить управление воинских сумм особливыми уставами, которых от злоупотребления власти под видами разными, а и без всякого титла утрачено великим числом.

§ 2

О окладном денежном и хлебном жалованьи

1. Окладное жалованье определить коль можно для полевых и гарнизонных войск сразмерно с тягостию, которые больше других нести должны, и ценами мест их пребывания, с тем всегда наблю-

дением, чтоб от оскудения в потребном войско не терпело, а не равенственною платою не было уражаемо. Одно и другое нередко производят трудности по удержании дисциплины.

Примечание: Везде гусар меньше рейтара получает, а рейтар нечто больше пехотного; у нас же по ныне гусар едва не вдвое противу обоих, с причины, что оные прежде были прямые сербы, а ныне за сербов свои подданные то же берут.

2. Провиант и фураж производить сходственно в тех местах с употребляемым и по ценам торговым всякого месяца вместе с жалованьем по ассигнациям из расходов тех губерний, где оные находиться будут, деньгами, или в натуре.

§ 3

О вооружении

1. В артиллерии полевой, при хорошей оной отделке, услуге и упряже наблюдать, чтобы было меньше разных калибров и 12-ти и 6-тифунтовые пушки и полупудовые единороги лутчими пред другими почтенны быть могут; 3-хфунтовые пушки и 12-тифунтовые единороги на легкие дела имеют тоже некоторую удобность.

2. По различию войск определить: пехотному солдату к общему делу фузею, к особенному — штык, и для почести полевому — маленькую с немецким платьем шпагу, а с венгерским — саблю. Конному — к общему в немецком платье палаш, а в венгерском — сабля, к особенному немецким — карабин настоящий, венгерским — самой короткой пропорции, и некоторым — пика с бандеролем, или значком по цвету полковому. Драгунам — фузея с штыком сносной тягости, палаш и всем конным по одной паре пистолет из лутчих материалов и лутчего мастерства.

3. Аммуницию на людей в сумах, ладунках, перевезях и портупеях, а на лошадей седла, чепраки, оголовье, удила и стремена определить по свойству их одеяния и актирования, к немецкому — немецкую, венгерскому — венгерскую.

4. Палатки сделать выгоднее настоящих, в которых бы люди и от мокроты и от жары защищаться и свободно стоять могли, а котлы, фляги водоносные и шанцовый инструмент сразмерно количеству людей к оным присвоить, а потому и полевой экипаж учредить с тем наблюдением, чтоб он сколько можно крепко и прочно делан и на ходу легок и не валок был; в кавалерии же часть большая сих потребных вещей и на строевых лошадей навьючена быть может. А так называемых артельных лошадей, которых нижние чины для возки вещей, на них налагаемых, а иногда и провианта, с употреблением последней копейки и куска хлеба принуждены, вовсе унич-

тожить, или же число подъемных лошадей на подобное употребление прибавить; турецкие палатки и водовозы мне весьма показались, и я бы желал для облегчения и выгоды людям и пользы службы, чтоб оные и у нас введены были.

Примечание: 1. Ружейным и аммуничным вещам единого ради генерального начисления определить сроки, но быть оным безсрочным, и переменять по усмотрению надобности инспектора.

2. Кирасы могли до употребления огненного оружия нечто для пехоты быть уважительного; но ныне они за мгновенное спасение целой век тяготят, могут в облегчение людей весьма оставлены быть. Я всегда то делал, не узнав службе ни малейшего предосуждения.

§ 4
О мундировании

Мундир верхний и нижний полевым и гарнизонным полкам определить на известный срок, по сходству употребляемого в тех местах Приморской и Резервной армей — немецкой, украинской и низовой, — нечто из немецкого и венгерского, и кои дешевле. Вообще же при определении оного наблюдать, чтобы он из живых, или светлых цветов стройно сшит, в ношении выгоден и прочен был.

Примечание: Торнистрам или ранцам в пехоте надлежит уютно сшитым и на ремне мягком и широком быть, и вещи в оные помещать только необходимо надобные, чтобы человека оружием без того отягощенного больше не обременять, а особливо обуви, кроме что на ногах, не носить; сходственно сему определить и в кавалерии вещи для вьюков; для хлеба же иметь особые полотняные мешки, чтоб оной всегда свеж был и не присоединялся к нему дурной запах, особливо от кожаных вещей, что его делает в сырое время в пищу отвратительным.

Статья VII

О расположении разных пород лошадей к службе способных и о покупке оных не от полков, но от аншеф-командующих, или инспектора

1. По различию службы, разные и способности в лошадях почитаются, например: для держания строю, алинированья и вообще делаемых эволюций — немецкие; для принужденных маршей, погони и шармицелей — венгерские и польские. В качестве последних мы изобилуем нашими украинскими, донскими и низовыми, а в качестве первых приложить надлежит нам старание к расположению немецких, но таких пород, которые бы наш климат терпели.

Примечание: Род лошадей, употребляемых ныне в нашей кавалерии, а особо карабинерных полках, всю способность к первого рода службе имеет, в рассуждении тягостей и огня весьма умеренных.

2. Покупку лошадей кавалерийских возложить на попечение аншеф-командущего, или инспектора, который, выбраковав ежегодно на осеннем смотре в полках лошадей, больше удобности имеет оных купить, употребя для генеральной купли надежных и знающих в доброте лошадей офицеров с командами на все ярмарки, потому что нередко случается одному офицеру, от полку посланному, для купли малого количества лошадей, находить на ярмарке всякое число их, а другому, требующему большего, быть на ярмарке, где оных будет малое количество.

Примечание: Ковка лошадей не всегда потребна, а отпускается на то ежегодно равномерная сумма, и составляет на все число большую, может быть весьма умеренна, и часть великая оной збережена.

Статья VIII

О непрестанном занятии войск потребным учением

Войскам довлеет всегда в исправности и готовности быть на службу, и посему, и многим иным важным резонам на физическое и моральное оным исправление непрестанно занятыми быть разными учениями, и имянно: в гарнизонной службе держанием стражи, в крепостях, во внутренних и наружных укреплениях, на площадях и проездах, повсеместно, однообразно и одновременно. В полевой в выборе кампаментов и постов и их укреплений, в оспоривании подобных неприятелю, и в изгнании из занятых разным образом маршей, колоннами и линиями, фуражирования, переправ чрез реки, атак, как стоящего в поле, так защищающего крепости неприятеля, при осадах и оборонах крепостей, в употребляемых поисках и работах, и во всем, что только к должности их относится. А в приморских местах и по рекам расположенной пехоте, части морской службы, по совместному их иногда употреблению, и особливо, что лежит до гребли, уборки парусов и управления мелких судов, всегда под глазами главного командира, с тем вниманием, чтобы всякое с войсками предприятие им искусным образом вразумляемо и объясняемо было, и чтобы иногда от их простого понятия, или недостаточного доказательства, надобное и полезное не показалось им в напрасную тягость, вовсе не событочным и не употребительным, и наконец не обратилось бы им в досаду и не навело отвращения.

Примечание: Ремесла сего люди весьма знают плод и пользу из подобных и ежевременных занятий войск под глазами командующих, и следствия досадные от небрежения сего, или от одной отвычки происходящие.

Статья IX

О чистоте

Чистота военному человеку по себе есть первым пособием к сбережению от разных припадков и недугов, а относительно ружья и аммуниции есть вещественнейшая часть его благосостояния, следовательно, твердо настоять в оном надлежит, чтобы в войске оная в вышней степени в разсуждении особ, ружья и аммуниции наблюдаема была; но не позволять отнюдь на некоторые излишества, под сим видом больше удручающие людей и вредящие вещам.

Статья X

О лучшем призрении и врачевании больных

Военная служба по одной своей тяготе, не говоря о частых переменах климата и пищи, производит болезни чрезвычайные, следовательно, врачевание и содержание сих больных требует особливых образов. Служившие в армиях медики должны признаться сами во многих недостатках сей части и приложить труд к изобретению сходственнейших с положением военных людей учреждений, как в разсуждении врачевания, так пищи и иных выгод, больным потребных.

Статья XI

О содержании в мирное время людей полным числом, лошадей кавалерийских, исключая некоторых, две трети, подъемных осьмую часть, и о увольнении третьей части чинов в домы

Польза службы требует готовности и исправности, а польза государственная вообще взыскивает, чтобы во время спокойное всякое пособие государственному и приватному хозяйствам, облегчение народу и сбережение казны делаемо было; а по сему весьма важному примечанию, и сходственно обоим предложениям, в мирное время содержать полки в полном числе людей, лошадей кавалерийских две трети, а артиллерийских и подъемных осьмую часть, и исключая апрель, май и июнь месяцы, во все другие по особому плану

людей третью часть, кроме унтер-штаба, урядников, или фельдфебелей, вахмистров, фельтшеров и мастеровых, ежегодно увольнять в домы, для исправления домашних надобностей, с сим наблюдением, чтобы рядовые на все девять месяцев, а штаб- и обер-офицеры только на три попеременно и не в одно время полковник и подполковник, оба майора, капитан и порутчик увольняемы были.

Статья XII

О награждениях

1. Честь всех деяний человеческих должна быть первым подвигом и живым образом всех достоинств, заслуг и добродетелей в почтенных вышними степенями людей; и по сему весьма основательному примечанию принадлежат знатные посты пограничных наместничеств командующих в тех краях, губернаторство и обер-коменданство подчиненным их, но всегда не в одном списке служащим, но действительно полевую службу наряду с другими отправляющим генералам. Внутренние комендантства, городничества и исправничества — заслуженным штаб-офицерам, и преимущественно при равных достоинствах, по претерпении ран и болезней, против желания отставляемым от службы.

Примечание: Присвоение отличные способности имеющей особе многих званий и должностей со всеми к тем определенными доходами служить может несомненно и к большему поощрению, а инако отяготительно и самому тщеславию, а иногда и службе вредно.

2. Некоторым штаб-, обер- и унтер-офицерам и известной части рядовых, из уважения к их долговременной службе [и] понесенным в войне тяжким трудам, а особливо бывшим в жестоких употреблениях, на поощрение другим, правосудно принадлежит некоторая прибавка в окладах или при увольнении из службы в раз известною суммою.

3. По мере заслуг и достоинств, и вовсе учинившиеся от тех же причин к службе не способными, государского призрения признаются достойными.

Статья XIII

О произвождении

1. К произвождению в чины долговременная служба и старшинство были бы лучшими заслугами, ежели бы всегда находились тут же и все другие качества и отличные достоинства, которые потреб-

ны в людях, на вышние степени приготовляемых; а посему и предоставлять старшинству право свое к произвождению не летами службы, по заслугам и достоинством доказывать.

Примечание: Следуя общему заключении, те, которые только свою должность наряду отправляют, обыкновенную плату, а не похвалу заслуживают.

2. Коль презрительно поступается с офицерским званием, давая оной по заслуге некоторых только лет простолюдимам, а одного года при отставке всем вообще, и из иностранной службы приходящим, с понижением одной степени, столь не правосудно было бы лишать при заслугах и достоинствах доказанных того права, кое тем искони приобреталось, следовательно благополучие первых предоставлять надлежит их усердному и ревностному онаго снисканию не наряду с дворянами другим, кому чин следовал по старшинству и достоинству, по месту тому, где он продолжал службу; третьих принимать по отличным способностям и свидетельствам от наших министров, действительно в воинской службе и в войнах бывших, и давать те же чины, в коих они служили.

Примечание: Иностранные, намереваясь вступить в нашу службу, набирают чины у князей, а особливо в Польше, чтобы торгуясь и нескольку степеням уступя, одержать желаемую. Нередко случается, что из провинций наших немецких одни, вступя по гласу благопристойности и должности в службу отечества своего, по порядку не доходят до офицерского звания, когда из школы вышедши молодой человек, наклав полны карманы патентов, пытается быть принят штаб-офицером, а наконец, соглашается и субалтерном, всегда, однако же, с чувствительною обидою служащих.

3. Произвождение в штаб-офицеры по армиям, а обер-офицерам по полкам всегда признается быть лутчим для службы. Тут всякой проча себя в одной армии и в полку, весьма внимать должен на благопризнание командиров своих, и ко всему тому прилежать, что только может ему оное приобресть. В мирном времени в произвождении редко одна армия или полк пред другими терпят, а в войне и правосудие велят давать тем чины, коих места они в бою заступя, должности уже отправляемой достойными учинились.

Примечание: Но сие, разумеется, о совершивших дело со славою, а которые от сражения утулились, или в бегство обратились, те подпадают лишению и всех прежних чинов.

4. Произвождение в чины удаляющихся под разными виды во время войны от службы наряду с служившими, давание одного чина и при помещении в статскую службу и при отсавке за выслужение одного года может сочтено быть главным вредом, а определение

с высшими степенем на линию с нижней должностью и к малой команде, или вовсе лишение к произвождению, в каком положении наши гарнизоны крайним упоследеждением службы: одни, переходя из службы в службу и из команды в команду, перебирают по несколько чинов и, получая наряду и чрез год при отставке, слагают всю тягость службы безпосредственно нести в обиду и упоследеждение остающимся на оной. Другие, страдая от честолюбия, впадают в некоторый род уныния, а от того в оплошности, следовательно, не имея сами к чинам и к должности своей привязания, не могу уже ожидать от иных надобного к оным уважения и совместнее бы сего ради было, определяя людей по неспособности больше быть в воинской к статской службе, давать тем только чины воинские, коим им следовали по службе, и кои действительно в войнах находились, а по желаниям и в войнах не бывшим определяемым в статскую службу давать и чины статские, к должностям же помещать сходственно с степенями чинов, и больше всегда на службу и достоинство, нежели на искание внимать, чтобы никто не был ни с чином, ни с мундиром военным, кроме действительно служащих или действительно в войне служивших, и всякой бы чин служил почестию, а не упоследеждением, и должность отправляема была с усердием, а не с унынием.

Статья XIV

О увольнении из службы

Увольнение из службы всем дворянам справедливо принадлежит и принадлежать должно по многим важным резонам, но в рассуждении чина и мундира на предписанных кондициях; а исключаются из сего все те, которые состоят под властию родителей и под опекою и которые не только вовсе, но ниже временно без соизволения их увольняемы быть не могут, равно и все получившие чины обер- и унтер-офицерские из рекрут. Сии подлежат общему об отставке простолюдимов определению, то есть, по неспособности к службе, за ранами и болезнями; рядовые же, кроме сих обстоятельств, за выслугу пятнадцати лет добропорядочно могут получать свои абшиты.

Примечание: Из офицеров изнемогшие и не хотящее тяготить весьма службу и как трудно узнать из двух точную причину, то отставка по исканию, особливо последних, коих исправление безнадежно, чем ранее последует, тем для службы полезнее.

Статья XV

О мундирах, кому оные употреблять

Мундир должен служить в почесть для действительно служащих, а знаком благопризнания государского к долговременной и доброй в войнах службе отставных; следовательно тем, кои в лутчей молодости своих лет отреклись [от] природою налагаемых на них обязательств, и прихотям своим следуя, оставили службу, и находят в том только свои виды тщеславия к разным в обществе беспокойствам, а иногда злу и насилию случай, вовсе ношение мундира не приличествует и не надлежит.

Примечание: Мундир одинаковой и таков, каков в деле употребляется, военным людям приличествует лутче переменяемых по различию дней, по некоторым отличным корпусам, составляющим императорский дом, прилечествует весьма великолепное украшение.

Статья XVI

О главном воинских дел правительстве

1. Титул верховного воинского совета, или начальства, приличествует сходственнее и лутче всех иных именований.

2. Председательство и избрание директоров предоставляется государю; а генерал-фельдцейхмейстер, генерал-инженер и генерал-комисар сходственно морской коллегии настоящему учреждению, суть непременные онаго члены.

Примечание: Годовым членам, по важности сего правительства, ныне бившим в войнах чинам, по многим неоспоримым резонам быть неприлично.

3. Всякой из вышеописанных особ сверх общих дел иметь должны свои особливые экспедиции, и именно: директор — движение, расположение войск, произвождение, ревизию судов, государскому решению подлежащих, и все дела вообще, относящиеся до полевой и гарнизонной службы. К нему принадлежат генерал-квартермистр, генерал-аудитор, генерал-контролер, обер-секретарь и три секретаря; генерал-фельдцейхмейстер — все, что до артиллерии и ее снарядов и магазинов; генерал-инженер — что до крепостей и полевой того корпуса команды; генерал-комиссар — все, что до снабдения военных и съестных припасов относится; и всякой должен иметь своего контролера и секретаря, нижних канцелярских чинов и служителей сразмерно количеству дел во всяком департаменте.

4. Все дела в оном правительстве, на что нет точно непременных или временных узаконении, принадлежат государскому решению, а доклад, директору; а во всех почтовых делах сему правительству поступать и определять должно по регламенту в силу непременных и временных узаконении.

5. Для частных правлений при всякой армии, сходственно полагаемым в верховном военном начальстве чинам быть: от артиллерии по одному генерал-майору для полевой и арсенальной команды; от инженерной вообще по одному генерал-майору и по двум обер-инженерам — одному для крепостей, а другому для полевой службы; от комиссариата вообще по одному обер-штер-комиссару, двум обер-кригс-комиссарам, одному для снабдения войска всем потребным, другому для надзирания над магазинами и деловыми дворами и одному генерал-квартермейстеру-лейтенанту.

Примечание: Должность обер-кригс-комиссара может возложена быть и на казенную палату в пограничных губерниях и член особой под титлом воинского советника, или комиссара, в оной определен быть.

РАЗДЕЛ II

От кадета до полковника

6

Указ из Кабинета министров в Кадетский корпус

5 августа 1740

Ея Императорское Величество указала генерала Румянцова сына, Петра Румянцова, определить в Кадецкой корпус и на оного и поступки его иметь особливое крепкое смотрение.

Андрей Остерман
К[нязь] *Алексей Черкаской*

Помета: № 522. Получен августа 7-го дня 1740 году.

7

Протокол Военной коллегии

29 декабря 1740

Государственная Военная коллегия по сообщению Его Сиятельства первого министра генерала-фелтьмаршала и ковалера графа фон Миниха сего декабря 29-го дня приказали:

Воронежского пехотного полку подпоручику Петру Румянцову на оной чин дать патент октября с дватцать седьмого числа сего 1740 году как он в тот чин по имянному указу ис кадетов пожалован. И для ведома о том к Его Сиятельству сообщить и в походной камисариат послать указ.

У подлинного подписано тако

Семен Караулов
Иван Козлов
Петр Измайлов
Де Геннин

Обер-секретарь *Петр Ижорин*
Секретарь *Дмитрей Муранов*

8

Протокол Военной коллегии

22 июня 1741

По предложению бывшего генералиссимуса сего июня 17-го дня государственная Военная коллегия приказали:

Произведенному Воронежского пехотного полку поручику Петру Румянцову на оной чин дать патент сего ж июня с шестого на десять числа. И о том х команде о произвождении ему жалованья и о вычете за повышение на гошпиталь в обер-цалмейстерскую контору и к генералу-крикс-комисару послать указы.

Подлинной подписали тако

Иван Маслов
Петр Измайлов
Степан Игнатьев

Обер-секретарь *Петр Ижорин*
Секретарь *Иван Русин*

9

П.А.Румянцев — П.П.Ласси

26 декабря 1748

Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства высокий ордер от 21-го дня к исполнению Ея Императорского Величества высочайшего указа о бытии полку Воронежскому в Эстляндию к походу в ежечастной готовности получить честь имел, по которому надлежащее исполнение чинить имею[1]. Состоящие же в брегаде моей[2] баталионы Муромской, Ладожской и Апшеронской таковые ж ордеры Ва-

шего Высокорейхсграфского Сиятельства имеют, которых так как и протчия два, Нарвской и Ростовской, по-прежнему ли в команде моей состоят или к Вашему Высокорейхсграфскому Сиятельству за отправлением генерала-лейтнанта де Бриллия прямо рапортовать; на что все имею ожидать повеления.

Граф *П[етр] Румянцов*, полковник

Резолюция: *Иметь баталионы в командеево по прежнему.*
Помета: № 73. Подан в 28-й день декабря 1748 году.

10

П.А.Румянцев — П.П.Ласси

6 февраля 1749. Дерпт

Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства повелительной ордер ис приложенного при оном из Ревельской губерской канцелярии маршрута, каким трактом по выступлении из Эстляндии полков, из нынешних квартир, Воронежскому полку и новоучрежденным четырем баталионам, состоящим в брегаде моей получить удостоился. По которому Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства ордеру в те состоящие баталионы со объявлением впердь до получения от Вашего Сиятельства ордера о выступлении из нынешних квартир, не выступать, а быть во всякой готовности, от меня предложено.

Граф *П[етр] Румянцов*, полковник

Помета: № 96. Подан в 8-й день февраля 1749.

11

П.А.Румянцев — П.П.Ласси

29 августа 1750. Нарва

От командующего генералитета получил я сего августа 27-го дня ордер, при котором сообщена со опробованной от Ея Императрского Величества и собственною Ея Величества рукою подписанной о расположении полков на винтер-квартиры репортиции копия, по которой между протчего назначено полку Воронежскому состоять под высоким ордером Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства и от Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства требовать повеления, где отказонному полку расположитца.

И следуя оному, о состоянии предписанного полку числом людей и лошадей рапорт при сем подношу. А куда оному следовать и где расположитца, буду ожидать от Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства высокого повеления.

Граф *П[етр] Румянцов*, полковник

Помета: № 157. Получен сентября 1-го дня 1750 году. Записать.

12

Протокол Военной коллегии

24 апреля 1751

По указу Ея Императорского Величества государственная Военная коллегия, по челобитью Воронежского пехотного полку графа Петра Румянцова сего апреля 3-го дня, которым объявляет, что в минувшем 750-м году просил он увольнения в дом для излечения тяшких болезней, в чем по указу из Военной коллегии доктором дивизии осматриван и надлежащей по справедливости от того аттестат представлен. Но тогда по указу полк, в котором он состоит, имел движение, с которым по ревности ево и всеподданнейшей должности во всех слабостях он находился. А в том же 750-м году по указу октября с 1-го маия по 1-е с протчими уволен в дом, но ни каковой пользы, употребляя докторов и лекарей, не получил за неспособным времянем зимним.

А ныне термин отпуска ево исходит, а по болезненному ево состоянию к пользованию наиспособнейшее время, где бы, свободным будучи, мог приобресть может быть пользу и впредь щасливым был.

И просит, чтоб за выше писанными обстоятельствы ему в доме пробыть будущего 752 года генваря по первое число.

Приказали: Оному полковнику графу Румянцову для излечения показанных болезней дать время будущего 752 году генваря по первое число. А на тот срок (или и прежде того, егда полкам движения воспоследует) явица ему при полку неотложно. В чем, взяв у него Военной конторе реверс, дать пашпорт, и тот взятой реверс, также и прежде данной из Военной коллегии пашпорт, прислать в Военную коллегию. И о том во оную контору и для ведома х команде в Главные комисариат и Провиантскую канцелярию послать указы.

Степан Апраксин
Iosuphupi Hampf

Иван Козлов
Князь *Федор Мещерской*

Обер-секретарь *Сергей Попов*
Секретарь *Стефан Тарасов*

Помета: О даче полковнику графу Румянцову время для излечения болезней будущего 752 году генваря по первое число.

Актуариус *Николай Астафьев.* Взял *Никита Сидко*

РАЗДЕЛ III

Семилетняя война (1756—1763)

13

П.И.Шувалов — Военной коллегии

12 августа 1756. С.-Петербург

Господин генерал-лейтенант и кавалер Лапухин [В.А.] ко мне репортует, что состоящие в ведении ево Воронежской и Невской пехотныя полки сего июля 18-го дня им смотрены, причем экзерцицыю, пальбу, эволюцы и протчие действии производили весьма исправно с совершенным знанием.

Оные ж полки в самолутчем опрятстве находятся, а не инако как чрез прилежное старание господина генерал-майора графа Румянцова, яко брегадного командира к тому наилутчему состоянию приведены, что он, состоя при своей брегаде, с крайнем попечением и трудолюбием во всем до команды его полков касающемся наблюдает. По чему и порученной ему к сочинению первой гранодерской полк, хотя от толь разных полков командированные роты собраны, однако чрез пристойные установления и наиспособнейшия меры действительно уже приходит в единственное состояние, что оной, господин генерал-лейтенант, не однократною при том полку бытностию, сам усмотря, мне свидетельствует. А как скоро ис привезенного и отданного в тот полк сукна колпаки сшиты будут, то де он оной гранодерской полк во всем еще смотреть и впредь репортовать имеет.

О чем и я государственной Военной коллегии сим репортую.

Гр[аф] *П[етр] Шувалов*

Помета: № 4227. Подан 19 августа 1756. Записав, в реестр внесть.

Слушано сентября 10-го дня 1756 году. Приказано взять по повытью.

14

П.И.Шувалов — Военной коллегии

22 августа 1756. С.-Петербург

Господин генерал-лейтенант и кавалер Лапухин в пополнение прежнева ко мне репортует, что Первой гранодерской пехотной полк минувшего июля 31-го дня им смотрен. При чем явилось, что тот полк в экзерцыцы как в пальбе, так и во всех эволюциях по вновь учиненному описанию и в протчих воинских обрядах в такую весьма единственную исправность и опрятность приведен, бутто бы уже оной и давно полком состоял.

О чем и я государственной Военной коллегии чрез сие репортую.

Гр[аф] *П[етр] Шувалов*

Помета: № 4625. Подан 4 сентября 1756. Записав в реестр, к докладу внесть.

Слушано сентября 10 дня 1756 году. Приказано взять по повытью.

15

Журнал военных действий

19 августа 1757

Как в 4-м часу пополуночи вместо зори генеральной марш пробит был, и авангард с обозами первой и второй дивизий купно с полками оных в надлежащей к маршу порядок становиться начал и уже в полном движении был, а нерегулярные войска в назначенные для маршу посты выступать стали, получено от наших форпостов известие, что неприятель всею своею армиею в трех колоннах не только весь из лесу выбрался, но, как сие его движение за бывшим великим туманом усмотреть было нельзя, уже и к занятому два дни сряду нашими месту баталии приближился, то Его Высокопревосходительство генерал-фельдмаршал, усмотря, что марш за

приближением неприятеля постановленным образом продолжать нельзя и что за теснотою места формально в ордер-де-баталии построиться не можно, по учинении о тревоге сигнала приказал, чтоб авангард против неприятельского флангу фрунтом построился, а второй дивизии, которая такожде, как и авангард, в движении находилась, с авангардом сомкнуться и к неприятелю фронтом перед обозом и вдоль того прилеску стал, которой перед фрунтом лагеря и обоза был. Засим велено первой дивизии, коя в марше находилась, простирая левое свое крыло к правому второй дивизии, такожде промеж прилеску и обоза, вперед подвинуться и, ко второму гранодерскому полку примкнув, резерв позади полков второй дивизии между лесом и обозом как для закрытия оного так и для новых в потребном случае подкреплений поставить[1]. Принадлежащей же к первой дивизии 1-й гранодерский полк чинимым движением с левого крыла на правое, в близости назначенной накануне батареи, на правом крыле так построился, что его правый фланг в невеликом расстоянии от реченной батареи, а левой против помянутого прилеску, не достав еще оного, стал, от которого часть третьей дивизии полков к второму гранодерскому полку продвинулась, а остальные полки оной к правому крылу к поставленным еще вчерась для прикрытия батареи трем полкам пехоты примкнув стали и, сделав кривой угол, свой багаж с стороны прикрывали, имея пред собой Сербской и Венгерской гусарские и Чугуевской казацкий полки; тяжелая же конница, а именно Его Императорского Высочества Кирасирской и Третей кирасирской полки, и Рижской конной гранодерской должны были на правом крыле между батареей и Первым гранодерским пехотным полком построиться и несколько пехотных полков для своего защищения и подкрепления иметь в резерве; Санкт-Петербургской конной гранодерской и Нижегородской драгунской полки, а позади их на левом крыле остальным конным полкам за авангардом и, где нужда потребует, построиться приказ отдан. Бригады же тяжелой артиллерии одна поставлена быть имела у правого крыла на пригорке близ фолверка Винотен, другая посереди фрунта перед лесом на правом фланке Второго гранодерского полку, и несколько больших полевых пушек в угле промеж Выборгского и Шлюссельбургского пехотных полков, а третия главная бригада — на правом крыле авангарда. Сии бригады действительно поставлены были, окроме той, которая во вторую дивизии назначена была. Но прежде нежели командированные из первой дивизии полки к правому крылу Второго гранодерского полку и назначенная бригада полевой артиллерии к своему месту прибыть могла, неприятель наступать стал при беспрестанно жесточайшем из пушек и мелкого ружья огне между деревнями Грос-

Егерсдорф и Мицулен к правому крылу Второго гранодерского и Нарвского полков, пробираясь колонною. Между тем же сия колонна, что ближе к нашим войскам подходила, направо против Киевского и Выборгского полков подавалась и, таким образом распространяясь, беспрерывно из пушек и мелкого ружья стрельбу производили; левым же крылом, не взирая на беспрерывной с нашей стороны из ружья, шуваловских гаубиц и полковых пушек производимой огонь, в лощинку, которая в прилеске, добралась и реченному Второму гранодерскому полку во фланки пришла, где она от наших в том месте для прикрытия правого крыла и обозу построенных полков позади Второй дивизии таким образом во фланке атакована, что она тотчас помешалась и по жестоком и кровавом сражении с достальным числом своих войск в наивящем беспорядке свое спасение бегством искать стала, нашими же при беспрестанном стрелянии гонима и преследована была. Между тем, когда и левое крыло второй дивизии, напавшую на оное неприятельскую кавалерию посредством сильного из пушек, особливо же из шуваловских гаубиц картечами, произведенного огня отбила, то оная к левому крылу нашего авангарда подалась, а на место оной из деревни Удербален несколько баталионов неприятельских гранодеров выступили. Но реченное левое крыло Второй дивизии при жестокой из пушек и шуваловских гаубиц картечами и из мелкого ружья пальбе, с такой яростию их атаковала, что они тотчас в замешательство приведены и в бег ударились, равномерно и вышеупомянутая на наш авангард пошедшая неприятельская кавалерия от нашей инфантерии, особливо же от поставленной тамо бригады, встречена была, что она отнюдь на инфантерию ударить не могла. В которое в самое время наша на сем левом крыле позади пехоты поставленная конница, гусары и казаки, выступив, неприятеля с фланков атаковали, большую часть оного на месте побили, а остаток в наивящем беспорядке и скоропостижности в ближний лес и так далее до Велавы бежал.

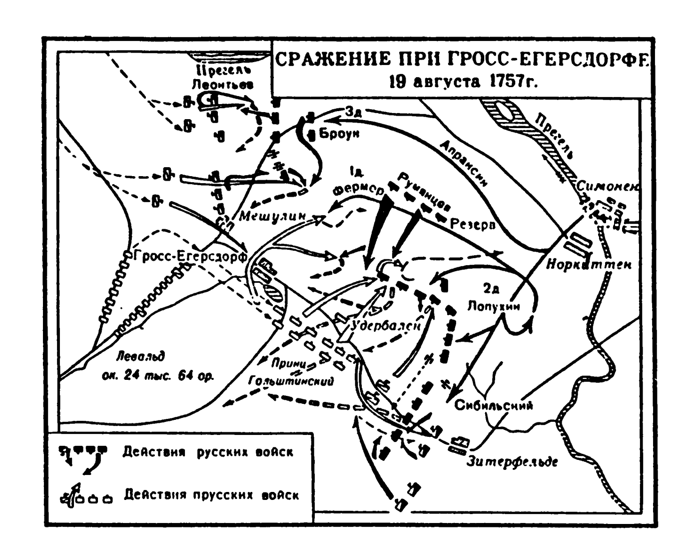
3-я же неприятельская колонна, которая, как и обе первые, пользуясь близостию леса и бывшим рано поутру туманом, из лесу выбравшись, построилась и так подошла, что ее приметить нельзя было до того малого пригорка, на котором в минувшие дни наше правое крыло было; и, пришед туда, разделила свою конницу на две части, из коих одна пошла направо сего пригорка, а другая налево, и как скоро оные на лощину вышли, то одна часть, которая налево с пригорка шла, наши по ею сторону прилеску недалеко от мызы Менотен стоящие два полка гусар и полк Чугуевских казаков с такою фуриею и жестокостию атаковала, что их по малом супротивлении отступить принудила, почем из нашей по сей стороны лощины генералом-аншефом Броуном поставленной бригады тяжелой

артиллерии и резделенных в третьей дивизии шуваловских гаубиц так жестоко на оную стреляли, что она даже до лесу прогнана. Вышедшая же другая неприятельской кавалерии часть с не меньшею фуриею на Кирасирской и Рижской конной гранодерской полки напала и оных принудила за пехотою ретироваться; но как неприятельская кавалерия сильно наступая и близ правого крыла Первого гранодерского полку подъехала было, то сей полк, сделав оборот в той позиции, из мелкого ружья с таким добрым успехом дивизионно палить начал и картечами из шуваловской гаубицы так щасливо в неприятеля попал, что он с великим уроном и поспешностию назад побежал, которым беспорядочным побегом не могучи избавиться от пушечных выстрелов, в лощину бросился, но и там места не нашел, ибо генерал Броун, увидя то, две бомбы на него в лощину бросить приказал, чем его принудил на тот же пригорок взойти, на коем пред тем наши гусары были, однако и тамо не могла устоять от беспрестанной пушечной пальбы. Пехота сей колонны устремилася так, как и Вторая или средняя колонна, на лесок и с скоропостижностию к оному подошла, но только огонь из мелкого ружья и из пушек с картечами первого гранодерского полку и других третей дивизии тамо поставленных полков оной в том намерении припятствовал и в самое время оную оттуда отбил, как средняя или Вторая неприятельская колонна и первая совсем уже прогнаны и в побег приведены были, тако и сия не с меньшим беспорядком гонима пальбою из пушек и мелкого ружья наступающих наших полков до лесу прогнана.

Но понеже огонь и нападение неприятельское на перелесок и Вторую дивизию наижесточайшим и сильнейшим образом учинены, то главнейшее намерение оного было, устремясь на Вторую дивизию, у правого крыла оной в обоз продраться; напротив чего с нашей стороны крайнейшее старание приложено все места раненых и убитых в фрунте новыми людьми наполнять и жестоким огнем насильнейшее супротивленье чинить, якоже и сделанными левого крыла Второй дивизии оборотами под предводительством генерала-аншефа Лопухина и генерал-поручика Зыбина, кои оба при сем случае убиты. Неприятель не только в конфузию, но и сильным на него наступлением до того приведен, что он без дальнейшего размышления в наивящем замешательстве побежать принужден был, при всем том неприятелю справедливость отдать надлежит, что его нападение с такою бодростию, силою и твердостию учинено, и его огонь с такою жестокостию беспрерывно продолжался, что довольно того изобразить нельзя; а побег оного, равно как и разбитие, от большой части нашему из пушек и шуваловских гаубиц картечами огню и с штыками наступлению приписать должно.

Как неприятель со всех сторон уже прогнан был и ретироваться стал, то все наше войско при беспрестанной пальбе на него наступало и порядочною линией более как на 2000 шагов почти к самому лесу за деревнями Допельн и Удербален, которые во время баталии, будучи неприятелем заняты, от наших легких войск сожжены, за оным гналось; но понеже лес, из которого неприятель вышел и [куда] по разбитии побежал, уже весьма близко был, пред которым несколько эскадронов кавалерии для прикрытия побегу построились было, кои однакож по двум на них пушечным выстрелам равномерно в реченный лес ушли, того ради Его Высокопревосходительство генерал-фельдмаршал и кавалер Апраксин армию остановить и собраться оной велел, в таком рассуждении, что дальнее преследование неприятеля чрез лес наше войско не только расстроить, рассеять и легко в опасность привесть могло б, когда оное, таким образом расстроившись в лесу, на какую-либо неприятельскую кучу, пушками снабденную, нечаянно нашло б, а дабы неприятель в своей ретираде обеспокоен и дезертирующим способ подан был, то генерал-фельдмаршал и кавалер Апраксин генерала Сибилского с 3-мя драгунскими полками в погоню за ним послал, которой почти до самого Велау за неприятелем гнался, но со всем тем оного в скоропостижном и безостановочном его побеге нигде нагнать не мог.

Когда уже вышереченным образом совершенно разбитой неприятель далеко от места баталии прогнан и свое избавление всеконечному разорению единственно только лесу, в которой он ретировался, приписать должен, тогда Его Высокопревосходительство генерал-фельдмаршал лагерь на армию в том самом месте отвесть приказал, где гонящееся за неприятелем войско остановлено. Но прежде нежели лагерь назначить успели, Его Высокопревосходительство генерал-фельдмаршал всю во фрунте стоящую армию объездил и войско, похваляя храбрость оного, толь знатною от Бога дарованною победою поздравлял, при чем следующее от всей армии троекратное учинино восклицание: «Виват Ее Императорскому Величеству, нашей природной Государыне и премилосердной матушке Елисавет Петровне на множество лет: Ура, Ура, Ура». А между тем со всех сторон множество пленных и дезертиров приведено, також несколько пушек, аммуничных ящиков, палубов, барабанов и других трофеев, которые в скорости на усеянном неприятельскими телами поле собрать могли, привезено. Сколько сие равное поле множеством побитых неприятелей услано было, столько паче лес, пред которым наши полки стояли и в которой неприятель во время сражения продрался, побитыми с его стороны наполнен был, ибо по меньшей мере против наших убитых на сем месте вдвое их лежало.

В сем весьма жарком в начале шестого часа поутру начатом и до 10-ти часов пред полуднем продолжившемся кровопролитном сражении, в коем неприятель, умалчивая о тумане, посредством которого он способно к нашим полкам приближался, сперва и от ветра авантаж имел, с нашей стороны убито кроме генерала-аншефа Лопухина, генерала-порутчика Зыбина и бригадира Капниста, гораздо меньше половины, чем с неприятельской стороны. К Его Высокопревосходительству генералу-фельдмаршалу приведено, а именно: майор Россус, капитан Редер Каницкого полку, капитан Колреп Донавского полку, порутчики Дешау Белавского, Шолте Мантейфельского и адъютант генерала-порутчика Калнейма Кингейм, из коих первой тотчас от раны умер. На сегодняшней баталии неприятельская армия от 36 до 40 тысяч состояла, что и от приведенных до самого вечера изо всех сторон и мест нашими казаками и калмыками разных наций пленных и дезертиров единогласно подтверждено.

16

В.В.Фермор — Елизавете Петровне

6 декабря 1757. Либава

[...] О генералитете, штаб- и обер-офицерах, которые при той баталии случай имели отличные свои всеподданнешие услуги оказать,

я, Всемилостивейшая Государыня, несмотря на персоны, но единственно самое дело по сущей правде по присяжной должности моей объявляю, дивизии моей генерал-лейтенанты: Матвей Ливен и Салтыков, генерал-майоры: Резанов, фон Боуман, принц Любомирской, граф Румянцов и брегадир де Гартвис, каждой по своей должности и с храбростию дело свое исправляли, господа штаб- и обер-офицеры по тому ж при своих местах с крайним усердием солдат увещевали и против неприятельской деспаратной атаки ободряли, а наипаче первого гранодерского полку полковник Языков [С.А.] [...]

17

П.А.Румянцев — В.В.Фермору

2 января 1758. Тильзит

Притчины медленности в моем марше[1] Вашему Высокопревосходительству из преждеписанных моих суть известны, которые меня к произведению вверенного мне дела в назначенное время не допустили, в коем случае я истинно о людях и лошадях не разсуждая, все возможное употребил, да и господин брегадир Гартвис с полком Черниговским, не прежде 31-го прошедшего к Таврогам, а Невской 1-го сего месяца прибыли, без которых соединения, имея различные о неприятельских намерениях и о числе его известии, к городу приступить военные резоны, да и Вашего Высокопревосходительства высокой ордер, запрещали. Для удержания ж неприятеля, чаемого противу всех тех известий, в бессилии в ретираде из города и чтоб лутче познать к обороне города его учреждении, авангард, состоящей в 400 гусар и 50 казаков, и для подкрепления одному эскадрону конных гранодер под командою подполковника Зорича еще 29-го от меня отправлен был, которому от себя подъезжей партии к самому городу и для поиску на доказавшимися по известиям стоящих на форпостах донских казаков черными гусары, и по случаю подъезда к городу Тильзиту 1-го сего месяца, мещане того самопроизвольно из города к командующему тою партией прапорщику Ребенфелту выехав, объявили, что оной город от войск прусских совсем испражнен и отверстным к принятию войск Ее Императорского Величества представили и в доказательство своего к тому желания усердного — нескольких духовных и гражданских особ к подполковнику Зоричу, находящемуся тогда в амте Шрейтлакене, явились, прося Ее Императорского Величества высочайшей протекции и защищения, подвергая себя в подданство, а потому

и ко мне в Таврог и городового секретаря Симониуса и Елстермана с тем же подтверждением прислали, в уважении чего, не упускаю времени, тому подполковнику Зоричу пост свой в городе, на основании военных регул и с строгим запрещением о нечинении обывателям обид от меня велено, а сего числа и я с брегадами господ брегадиров Демико и Стоянова во оной вступил. Брегады ж господина брегадира Гартвиса, полки Невской и Черниговской сей ночи еще только к Таврогам, а завтре вступить имеют. При вступлении моем в помянутый город всякого чина и достоинства люди обнадежаны Ее Императорского Величества высочайшею милостию и защищением, и все, как духовные, так и гражданские служители, при их должностях без перемены оставлены, и первым за высочайшее здравие Ее Императорского Величества к всей императорской фамилии молиться, а последним в делах по пристойности высокое имя и титул Ее Императорского Величества упоминать велено. А и впротчем все на основании июля 20-го минувшаго года капитуляции содержать обещано. Военных же людей в том никаковых не найдено, а жители единогласно уверяют, что бывшие под командою порутчика Дефе 30 гусар Рушева полку 28-го минувшего месяца и года к Кенигсбергу выступили, а новонавербованные из ландмилиции выбранные им, Дефеем, распущены от него в домы их; обывателей же отъехавших не более двух или трех щитаю. Что до провианта принадлежит, то оным снабдить гарнизон жители обнадеживают, а фуража вовсе не объявляют, которое все по данной диспозиции описать и собрать не оставлю, а по недостатку фуража из близ лежащих амтов к завтрашнему дни потребное число поставить велено. В протчем же, касательно до диспозиции, исполнить и о всем обстоятельно Вашему высокопревосходительству [донести] должности моей не упущу, а сей мой рапорт по самом моем вступлении подношу, прося Вашего повеления, что с акцызом, почтовым и протчими доходы повелите, а почту следующую в Кенигсберг завтрашнего дни к отправлению удержать рассудил за потребно, до резолюции Вашего высокопревосходительства. Газеты ж, каковы здесь с последней кенигсбергской почтой получены, при сем включаю, а изустные ковенского купца Родена, прибывшаго сего числа из Кенигсберга, что в том пред недавным временем в городе было не малое замешательство от произведшего страха о марширующей российской армии уже близь Лабио и многие жители, из знатных, фельдмаршала Левалда, намерены были оттуда ретироватца, но последовавшей от главного там суда приказ, со обнадеживанием всякой безопасности, их от того удержал, не меньше же и манифест Ее Императорского Величества, там уже оказавшейся, их в том обес-

печил. Тот же Роден присовокупил еще и то, что якобы баталион, состоящей в Кенигсберге, имеет немедленно, по приближении войск российских, ретироваться в Пилау, а и та крепость якобы без всякого супротивления сдается. От Гумбинской камеры явившейся здесь Вашему Высокопревосходительству с адресованным письмом писарь, при сем же с подателем сего прямо чрез амт Рус, где по исчислению времяни войскам Ее Императорского Величества быть щитаю, к Вашему Высокопревосходительству отправлен.

18

В.В.Фермор — Елизавете Петровне

5 июня 1758. Тухольн

Государыня Всемилостивейшая! Для утверждения неприятеля в том мнении, что в Померании военные операции произведены быть имеют, я генерала-поручика графа Румянцова со всею кавалерией к Коницу отправил[1], куда он сего дня и маршировать имеет. По приближении туда ордер ему дан, генерала-майора Демику с деташаментом, состоящим из тысячи выборных доброконных гусар, под командою полковника Зорича и подполковника Текели, тысячи доброконных выборных же казаков с достаточною старшиною и шести доброконных эскадронов кирасир налегке, с одним только семидневным провиантом и с четырью пушками чрез Megландеке в Померанию отправить, которому наставление дано, вступя в Померанию, на Рацебор и далее померанскою землею в Бранденбургию, держась ближе к границе к Дризену, стоящему при устье реки Траги, где оная с Нецою соединяется, следовать и тамо между Дризеном и Фринбергом, где способнее чрез Нецу переправляться для соединения с кавалериею, коя между тем к Накену, подвигаться имеет. Во время его чрез неприятельские земли следования, наиудобовозможнейшую предосторожность иметь главнейше рекомендовано, дабы от неприятеля каким-нибудь образом отрезан быть не мог. Дисциплину наблюдать подтверждено в том, чтоб деревни не жечь и не разорять, денежную контрибуцию по усмотрению с местечек, где опасности не будет и время дозволит, собирать, лошадей и скот, тако ж людей в солдаты годных, сколько где найдется всех брать и к генералу-поручику графу Румянцову отсылать [...]

19

П.А.Румянцев — В.В.Фермору

10 июня 1758. Лагерь при м. Кониц

В продолжение моего рапорта Вашему Высокорейсграфскому Сиятельству донести честь имею, что господин генерал-майор Демико с деташаментом своим сего июня 8-го от меня отправлен и 9-го к местечку Резенбурху приближался пополуночи в 8-м часу, где и усмотрена им в правую сторону неприятельская гусарская партия, против которой от него господин брегадир Краснощоков с полковником Дячкиным и пятьюстами казаками, а в подкрепление господин брегадир Стоянов с полковником Зоричем, подполковником Текелием и майором Фолкерным посланы были, из которых первые оба приводца [так в подлиннике] Краснощоков и Дячкин храбро оную партию атаковав, разбили и живых один корнет и тридцать один рядовых в полон взяты и ко мне присланы; а убитых с неприятельской стороны сочтено 20, а затем в бег обратившиеся от той партии капитан Цетмар, с некоторым малым числом рядовых, Чугуевского казацкого полку ротмистром Сухининым, брегадира Краснощокова адъютантом Поповым и есаулом Лощилиным под город Новой Штетин прогнать, из которого усмотря неприятельский сикурс вышеписанный ротмистр, адъютант и есаул возвратитца принуждены. С нашей стороны при сем сражении легко раненых три казака только находитца.

Господин генерал-майор особо храбрость брегадира Краснощокова и полковника Дячкина мне похваляет, а что и гусарская команда Донскому войску великую силу придавала свидетельствует. А я оное все достаточному исполнению ордера Вашего Высокорейсграфского Сиятельства генерал-майора Демико приписать должен.

Я сих корнета и рядовых к Вашему Высокорейсграфскому Сиятельству, то ж явившегося у меня из той же партии из самого сражения вахтмейстра, и города Рацебурга бургомистра, и живущего в том месте уволенного на время маркграфа Фридриха кирасира под конвоем отправил, а сей мой для выигрышу в времени с сим нарочным подношу.

Господин генерал-майор Демико признает, что генерал Платен, по известию уже ему сделанному, со всею силою на него движение сделает; в таком случае, я за нужное нахожу завтре отсюда выступить и маршировать по пути, где с ним, господином генералом-майором, таким образом марш наш регулировать будем, чтоб во всяком случае сикурсовать мне его было возможно.

Предписанной полоненной корнет и дезертировавший вахмистр согласно мне объявили, яко корпус, здесь на границе находящимся, состоит в числе полку Платенова драгунского (которого генерал и командует), гранодерского одного и Путкамерского одного баталионах и гусар двести шестьдесят, из которых три эскадрона драгун и гранодерский баталион в Штолпе, а Путкамеров в Шлаге расположены, два же эскадрона драгун постированы один недалеко от Столпа, а другой — в Битаве, равномерно и гусары деташированы по разным постам для примечания и защищения против наездов легких войск, а генерально все приказ имеют, по приближении войск регулярных все путь свой к Кеслину брать для прикрытия магазинов.

Я по отправлении господина генерал-майора и к Битау партии отправил и ожидаю оных возвращения.

Включенные с сим намерен был вчерась отправить, а по прибытии дезертировавшего вахмистра ожидал благополучного окончания сражения, а которому он всю надежду с доказательствами подал, но прежде уведомления, как сейчас о том получить не мог, а причина тому, что господин генерал-майор рассуждал, неприятельским постам, скрытым быть на всех проездах, ибо они действительно, как нам и видно, тем только и пользоватца случая ищут, а принужден был отправить как для пленных, так и взятого до дву тысяч рогатого скота и овец то ж, которому, однако, подлинного числа показать не могли.

20

П.А.Румянцев — В.В.Фермору

16 июня 1758. м. Пило

[...] Я от Коница выступя 11 июня, марш мой продолжал до местечка Цимпельбург, а от Цимпельбурга 12-го до Любзнец, где имел растах 13-го. От Любзнеца 14-го до местечка Пили. Оной тракт для того наилучшим (хотя нечто и излишнего быть считают) ставил, что все мои лагери почти в равном расстоянии от Рацебурга были, дабы чрез то, покусившегося иногда неприятеля преследовать, господина генерал-майора Демику не только удерживать, но и вид мой к впадению в Померанию ему чрез то делать.

Партия, посыланная 8 числа к Битау, благополучно возвратилась, в котором месте ни каковых военных людей не найдено, а только взят содержащийся под ратушей, под караулом Мариенвердерского

амта селянин, которой бывшему в партии Мурзе Дар-хане о себе объявил, что он держитца в подозрении быть нашим шпионом, а мне, по приводе, открыл действительно употребленным себя к тому от Вашего Высокорейсграфского Сиятельства, которого при сем представляю. В городе Битове, несколько по объявлению сего, было приготовлено печеного хлеба, якобы для ожидаемых туда трехсот драгун или гусар. Я, предписанному Мурзе, как за не взятие оного хлеба, так и жителей с того места, хотя ему то точно от меня приказано было, выговор сделал, но оной, якобы по объявлению, сальвогвардии от тамошнего бургомистра сделать не отважился.

Партии от меня ежедневно в неприятельскую сторону для примечания его движения и обращения посылаютца и сей ночи одна к Новому Штетину во сто лошадях гусар и казаков отправлена с приказанием, конечно, покушения на оной сделать и старатца военнослужащих иногда где в подъездах отрезать и взять.

Возвращающиеся же партии единогласно, яко и здешние обыватели, объявляют, что с границы Померанской люди одни в Польшу, а другие в глубину Померании удаляютца. О господине генерал-майору Демику здешние жители и не самовидцы, но с слуху объявляют, что он марш свой продолжает с добрым успехом и якобы некоторые местечки, сохраняя себя от разорения, дают денежные заплаты. Но я от него, господина генерала, как выше донесено, никакого известия не имею. Причина, конечно, тому — большая его осторожность. Малые партии от себя отделять, а чрез большие — опасность умалять число своего деташамента, здесь же поистине. Уведомления все генерально идут, что неприятель стараетца только, где бы ни есть в проездах, наши малочисленные партии отрезывать.

Сейчас посыланной от меня [...] возвратился с известием, якобы полученным в разговоре с одним померанским шляхтичем, которого однако ни чина, ни имени не знает, якобы действительно генерал Платен устремление свое имеет впасть по отдалении армии нашей от границы в Пруссию чрез окрестность Гданьскую и там свой корпус усилить находящимися в Пруссии многочисленно от полков якобы на время отпущенными и сверхкомплектными.

Один саксонской камергер господин Унруе, имеющий свои деревни в Польской Пруссии и на границах Бранденбургской и Шлешской [Силезской], а рекомендательные письма к Вашему Высокорейсграфскому Сиятельству от господина министра графа Бриля и князя Волконского, желающей персонально оные вручить, с сим посланным отправился.

Я, во ожидании от Вашего Высокорейсграфского Сиятельства ордера и от господина генерал-майора Демику о переходе его чрез Нетцу рапорта, пост мой на реке Киде содержать буду [...]

21

П.А.Румянцев — В.В.Фермору

22 июня 1758. м. Вронки

Сейчас посланные обе партии по реке Нетце к Аризону возвратились, которые, получа уведомление в Филенах, что неприятель в Дризене довольно усилен, не разделяясь по сей стороне реки Нетцы, оставя при одном мосту чрез небольшую речку пост в пятидесят казаках, к самому городу Дризену в 10-м часу вечера приступили; откуда неприятель, отправя в 6-м часу поутру по Нетце сто пятьдесят человек пехоты для пресечения им обратного пути к одной мельнице, в толикой же числе пехоты и восьмидесяти гусар, на две части разделясь, старались их окружить, где командующие оными партиями порутчики Будберх и Шелтинг, усмотря оную неприятельскую хитрость, иной обратной путь взяли, которой равномерно уже некоторым числом неприятельских гусар был пресечен, но по приближении тех, оставя пост свой, выстрелив, в бег обратились; при котором случае грузинского полку вахмистром Лазарем Кобиусом, бывшим в той партии, взят в полон один гусар белой. И потом, ко оставленному своему посту путь взяли и, соединясь с тем, обратно к деревне Голендер Цырк маршировали. И прошед лес, остановились для отдыхновения лошадей [...]

Лошадей при сем сражении в добычь получено со всем конским убором десять. Карабинов, ледунок и сабель по числу убитых, между которыми и одно бошняцкое копье и одна труба находитца. Сие копье доказывает, что неприятель при сем случае весьма чрез прибывших из Ланзберха бошняков, черных и желтых гусар умножен был.

Положение весьма авантажное для неприятеля. Места к дальнему поиску оные партии не допустило, а паче, что превосходящая сила пехоты в подкрепление гусар и с двумя небольшими чугунными пушками поспешно за теми маршировала, которая в лесу по ту сторону реки Варты в небольших двух милях отсюда остановилась.

Я конечно б не упустил сего случая над неприятелем чрез сильную партию поиск сделать, но как выше написано, весьма за способствующим им в ретираде лесом на две мили обширным, то предприятие, яко вовсе трудное, оставил, отправя по обоим сторонам реки Варты для примечания оного обращения две сильные партии.

Взятой в плен гусар, яко из Гохцента соляной инспектор Бартель Мияс Эркангели, о умножении войск на границе объявили, считая в Лансберхе один полк, в Фридберге один батальон, в Дризене пятьсот фрей-батальона и двести ландмилиции. Гусаров черных и желтых в Лансберхе по эскадрону.

Бывшей же у меня сего числа саксонских уланов полковник и королевской генерал-адъютант Браниковский, в разговорах по ведомостям с неприятельской стороны заключает, движение их от Бреславля и Кюстрина к Ланзберху, куда, якобы, и генерал Платен с своим деташаментом поспешает.

Взятое копье бошняков, кои известно в Платеновом деташаменте были, меня все его ведомости вероятным делают [...]

22

П.А.Румянцев — В.В.Фермору

4 июля 1758

Господин брегадир Еропкин присланным ко мне сейчас рапортом доносит, яко неприятель второго числа, получа известие о его приближении в десятом часу, оставя крепость, ретировался. О чем он уведал по прибытии в деревню Гамен от полковника господина Краснощокова и капитана Шелтинга, посыланных от него до сей деревни и далее вперед для примечания на неприятельские обращении; а те уведомлены были чрез явившихся к ним из Дризена бежавших одного капрала и девятнадцать рядовых вольного Гортова полку. Сии последние объявили ему, господину брегадиру, яко оной Горт со всем своим гарнизоном, состоящим в числе вольного полку четыреста пятьдесят, ландмилиции триста пятьдесят, гусар сорок, оставя крепость ретировался к городу Фридберху. Вышепомянутой господин брегадир, ревнуя исполнить положенную на него экспедицию, немедленно все свои легкие войска в преследование неприятеля послал, а сам в Дризене пост взять намерен и в случае потребном или сам, или частью своего деташамента помощь дать посланным своим намерение имеет.

По окончании рапорта своеручно приказал, яко из города Дризена посыланная от него малая партия привезла двух бургомистров, которые при отдаче городских ключей, город и всех граждан высочайшей Ее Императорского Величества власти и оружию покорились и о вольном полку числе согласно с дезертирами, а о ландмилици только двести сорок показали, а о прибытии сикурса, хотя давно тем обнадежены, не знают оного времени прибытия.

Я, в уважение сих обстоятельств, что ему господин брегадир приказал в том случае сделать, Вашему Высокорейсграфскому Сиятельству для усмотрения копию подношу.

23

П.А.Румянцев — В.В.Фермору

14 августа 1758. Лагерь при д. Гаукрениг

Сей ночи во втором на десять часу от господина полковника Хомутова прислан рапорт к господину генералу-квартермейстеру фон Штофельну с уведомлением о переходе немалого неприятельского корпуса чрез Одер при местечке Гюстенбизе, которое он, господин полковник, получил от взятых им в плен одного мушкатера и фуркнехта Доновского полку[1]. Я никогда оному веры б дать не хотел, если б очевидно и изустно от сих пленных не получил того в подтверждение, что заподлинно вся армия, исключая несколько баталионов гранодеров, оставленных при Кюстрине, под предводительством самого короля, на сделанном из водяных суден мосте на сию сторону под вышеписанным местечком переправилась и путь свой вверх по Одеру для нападения на армию нашу взяла.

Господин полковник Хомутов заподлинно о оном всем исследовал и достоверное известие получил, и мост оной осмотреть не был допущен оставшим при оном деташаментом, и будучи отрезанным, путь свой к Кенигсбергу взял и сего числа со мною соединился.

Я о сем важном деле с находящимся при мне генералитетом и господином генерал-квартермейстром фон Штофельном довольное рассуждение имел, где полагаюсь на известное нам всем Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства на неутомленное рачение и попечение о безопасности армии Ее Императорского Величества, под командою Вашею состоящею, что, конечно, о сем переходе, когда оный подлинно последовал, достовернейшим и обстоятельным известием предварены. И в уважении поста, которой мы содержать определены, и имея достоверные известия, что от Штетина непристанные деташаменты также вблизости находятца, согласно положили Вашему Высокорейсграфскому Сиятельству левою и вовсе кажущуюся безопасною стороною с сим нарочным рапортовать; а между тем к походу состоять во всякой готовности, а к мосту, где оной переход был, немедленно послать сильную партию для сокрушения оного и поиску над стоящим тамо прикрытием. Ожидаю в протчем от Вашего Высокорейхсграфского Сиятельства повеления[2].

Генерал-лейтенант граф *Румянцов*

24

Журнал военных действий

22 сентября 1758

Прислан от генерала-порутчика графа Румянцова офицер с словесным рапортом, что неприятель из Пирица к Пас-Кругу идет, и что оной по ретирующимся оттуда казакам и гусарам пушечную пальбу производит[1].

Его сиятельство главнокомандующий армией генерал тотчас бригаде генерал-майора Мордвинова на сикурс туда следовать велел.

В шесть часов по утру генерал граф Румянцов, уведомясь о наступлении неприятеля, сделал предписанной уже сигнал и у Пас-Кругу со всем корпусом собрался; неприятеля, состоящего из 4-х батальонов пехоты от большой части гранодер, при самом конце дама ретранширующегося и делающего батареи на вышине, лежащей против самого дама у неприятельского левого фланга, нашел. А как скоро только туман миновал и пехота в ее работе видима стала, приказано подполковнику Гербелю, как с траверса, так и с поставленных в правой стороне у перелеска пушек, по неприятелю пальбу производить и бомбы из единорогов и гаубиц бросать. Неприятель своими орудиями равномерно соответствовал, не причиняя, однако ж, никакого вреда, еже продолжалось до девяти часов. А тогда, усмотря, граф Румянцов, что бомбы наши неприятелю большого вреда не причиняют и неприятель две колонны формирует, показывая вид к атаке одною чрез дам, а другою в правую сторону чрез болото, где оное несколько осохло и переходимо, производя с правого своего флангу непрестанную пушечную пальбу по нашим солдатам, кои в самое то время для пресечения ему пути до самого болота траверс продолжать стали, приказал ста человекам гранодерам с одним единорогом и гаубицей занять вышину близ дама лежащую, а расположенной от самого Пас-Круга до казацких кошей пехоте движение сделав, приступить в виду неприятельском к самому мосту и его верить заставить, что сим сильным стремлением вознамеренность, конечно, чрез дам для форсирования его идти.

При занимании таким образом гранодерами вышины и при взвезении на оную орудиев, с неприятельской стороны беспрестанная пушечная пальба по сему посту производилась и одному канониру руку трехфунтовым ядром перешибло, а прочих на том месте вредить не могла, ибо лежащая при сей вышине лощина людям завесою служила. И тако производимое с сей вышины бросание бомб, поспешествуемое пушечною пальбою с помянутых мест, такое действие имело, что неприятеля понудило, оставя занятой весь-

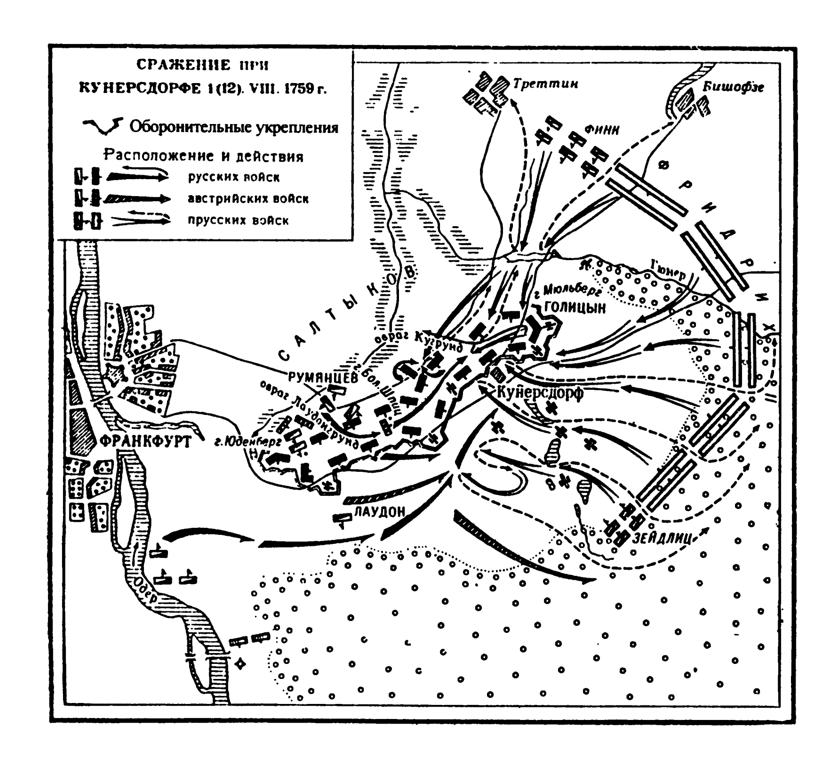
ма авантажной пост, бегом ретироваться; которого Донские казаки под предводительством генерал-майора Ефремова, полковников Краснощокова и Сулина преследовали и сражаясь с неприятельскими гусарами, неоднократно с особливою храбростию целые их эскадроны прогоняли, в чем свидетельство подать могут Его Королевское Высочество принц Карл и генерал барон Сент-Андре, которые при сем сражении присутствовать изволили. Сие сражение продолжалось в беспрестанном огне до 12 часов, а потом ретирующийся неприятель, пользуясь вышинами, от казаков весьма его тревожащих, пушечною пальбою защищался. С нашей стороны, кроме помянутого канонера и нескольких казачьих лошадей, убитых и раненых не было, а от неприятеля один гусар пленен, несколько побито и ранено. На месте, где неприятельской фронт был, немало крови усмотрено, а на самой батарее две убитые лошади найдены, тако же несколько котлов и других тому подобных вещей на месте оставлено, где доказательством служит, что неприятелю нашими орудиями немалой вред причинен, когда не успели такие солдаты надобные вещи с собою взять [...]

25

Маршрут русской армии

1 августа 1759

Ожидаем был неприятель от нас в прежнем нашем установлении[1], а утром в 9 часов поставил оной на высоких местах две батареи, под прикрытием которых кавалерия и пехота дефилировали под лесом к нашему левому крылу колоннами. В то время несколько выстрелено из пушек с обеих сторон, только неприятелю за многими возвышенностями большого вреда причинить было не можно, зачем и стрелять перестали, а ожидали непоколебимо неприятельского приближения. В половине 12-го часу построился неприятель в ордер-де-баталии против нашего левого крыла [и], учредя против оного 9 сильных батарей, зачал производить неумолкаемую пушечную пальбу, а пехота в 12 часов под прикрытием толь жестокого с батарей их огня, дыму и пыли спустилась из лесу весьма скоро в лежащей подле левого нашего крыла буерак колоннами и поднявшись атаковала с крайнею жестокостию гранодерский полк формированного корпуса и оной с места сбила; в кое время командующий сим корпусом генерал-поручик и кавалер князь Голицын [А.М.] тотчас того ж корпуса третьему и пятому мушкатер-

ским полкам новую линию против неприятеля сделать велел и потому четвертому и первому то ж учинить приказано. Но подновляемыми неприятель свежими силами и оных с места сбил, что усмотря, главнокомандующий генерал и кавалер немедленно генерал-порутчику Панину [П.И.] приказал оных подкрепить, которой взяв из 2-й линии второй дивизион при бригадире графе Брюсе [Я.А.] Второй гранодерский полк, а австрийским генерал-порутчиком графом Кампители гранодерские [г]ерманских полков роты подведены, на подкрепление коих с генерал-лейтенантом Паниным Белозерской и Нижегородской полки приступили, ибо более двух между ретраншаментом, куда неприятельское главное стремление шло, установить было не можно, а за ними Санкт-Петербургской и Новгородской подведены ж, а австрийские гранодерские роты подкрепляемы были того ж корпуса Лаудоновым и Баден-Баденским полками, которые вблизости находились и жесточайшей огонь претерпели и неприятеля во успехах несколько поостановили.

В самое сие время неприятельская кавалерия в ретраншемент вошла, которая нашею под предводительством генерал-порутчика графа Румянцова и австрийскою под командою генерал-фельдмар-

шала лейтенанта барона Лаудона опровергнута и прогнана, после чего из первой дивизии Первый гранодерской и Азовской полки с генерал-майором князем Волконским [М.Н.] к подкреплению других приспели и по сильному на неприятеля устремлению оного несколько в помешательстве привели [...]

Неприятель продолжал свои атаки с равным стремлением 7 часов и предпринимал семь атак, кои все происходили колоннами, только сильным огнем нашим и мужественным сопротивлением, далее места занять, никакого успеха получить не мог и напоследок потерянием до 200 пушек с принадлежащими ко оным припасами, многого числа пленных и раненых бегом спасался и был принужден бежать всю ночь к Кюстрину.

И тако одержана по продолжении 7 часов неумолкаемой баталии победоносным оружием Ее Императорского Величества совершенная победа.

26

Журнал военных действий

2 июня 1760

Генерал-порутчик и кавалер граф Румянцов рапортовал, что он в Тухолн прибыл и порученную ему дивизию в команду принял[1], где нашел при генерал-майоре Фулертоне и бригадире Черепове пять полков и две бригады артиллерии, с которыми 7-го сего следовать имеет по тракту к Шнейдемилю до местечка Семпельбурга. Прочие же дивизии его полки находятся: два при бригадире Елчанинове в Конице, а генерал-майор Трейден с одним полком впереди марширует [...]

Июня 15

Получен рапорт от генерала-порутчика и кавалера графа Румянцова, что он с полками третьей дивизии 13-го к местечку Шнейдемиль прибыл, где заготовленной провиант принял и в хлебы перепечь приказал. Для разведывания ж о неприятеле послал при порутчике команду желтых гусар к местечку Филен [...]

Июня 20

Генерал-порутчик и кавалер граф Румянцов донес, что он с полками третьей дивизии к местечку Ризеволь прибыл и при оном остановился, на что ему ордер дан приступить к местечку Чарнкову, что на Нетце, и там остановиться [...]

Июля 2

Получен рапорт от генерал-поручика и кавалера графа Румянцова, что он с третьею дивизией 1-го сего прибыл к деревне Лудол, где 2-го возьмет растаг [...]

Июля 6

Генерал-поручик и кавалер граф Румянцов с третьею дивизией сегодня сюда прибыл и неподалеку от здешнего города лагерем расположился [...]

Сентября 19

Генерал-поручик граф Румянцов со второю дивизиею по ту сторону Одера маршируя, к Цилихау прибыв, лагерем стал [...]

Сентября 20

Генерал-поручик граф Румянцов со второю дивизией при Цилихово [Цюллихау] имел растаг. Неприятель его в марше не беспокоил. Посланные по обеим сторонам реки Одер к Глогау партии беспрепятственно до неприятельских форпостов доходили и оного в прежнем месте под Глогау нашли [...]

Сентября 21

Генерал-поручик граф Румянцов со второю дивизией, хотя 20-го и намерен был при Цилихове растаг иметь, однако, дабы от армий не отдалиться, к Кросену маршировал [...]

27

П.А.Румянцев — Елизавете Петровне

20 июня 1761. Кеслин

Я, заключая, что неприятель, по разглашенной многочисленной его силе, оставя генерала-майора графа Тотлебена, думал может быть меня застать в ущелинах, идущих от горы Голенберг к Кеслину и старался приттить мне в зад, а как оной скоро оставил Белгард, то заключать причину имел, что напротив, он поспешит Кеслин занять и упразднить совсем мои предприятия[1]. Я, уведав действительное его отступление от Белгарда, поспешно разными колонны сии между горами узкие дороги, сколько их найтить можно было, прошел, Кеслин занял и главную квартиру во оном взял,

а корпус на сей стороне близ самого города лагерем расположился [далее текст неразборчив]

Я, однако ж, намерен был перенесть мой лагерь на ту сторону Кеслина и стать неприятелю в лицо. А резерв мой поставить ему во фланг, хотя чрез то его тайность открыть и буде б токмо возможно было, один пост, и именно лежащий к морю, на их левом фланге, близ деревни Крацин, нечаянным нападением отрезав от прочих, схватить.

Неприятельской корпус, противу меня находящийся, состоит под главною командою генерал-порутчика герцога Виртембергского [...]

Весь сей корпус, исключая, как выше всеподданнейше доносил, фрей-баталионов и шести эскадронов гусар передо мною стоящих, расположился лагерем при Кольберге и ретраншаменты в разных местах самыми большими профилями сделав, большими орудиями снабдил [...]

Ваше Императорское Величество всевысочайше по обстоятельствам себе воображать изволите, что я, не зная о времени прибытия флота, далеко в землю не вступлю и что неприятель меня за спиною всей армии искать не станет. Но я с отступлением от Вислы, всегда впереди всей Вашего Императорского Величества армии был и устремление мое всегда на Кеслин велико было в примечании авантажного положения сего места. В рассуждении моря и заложенных магазеинов, я признаюсь пред Вашим Императорским Величеством, что мое смущение велико было токмо в том, что я, в бессилии будучи, не находил себя в состоянии исполнить на тогдашнее время мне предписанное. А чтоб неприятель мне большого вреда не сделал, все предосторожности от меня и моей безопасности употреблены были. Дисциплина ж в корпусе моем доныне так сохранена, что со вступления в неприятельские земли, ни каковой почти продерзости почесть не могу, и жители, как в сем городе, так во всех других и деревнях даже, кои в самых последних моих форпостах, что я сам очевидно видел, спокойно в своих домах живут, но что весьма истощены и в убожестве находятца [...]

28

П.А.Румянцев — В.М.Долгорукову

12 сентября 1761

Сообщение Вашего Сиятельства чрез нарочного Низовского полку офицера сего числа пополудни в 3-м часу со особливым удоволь-

ствием честь имел получить и иного на сие время Вашему Сиятельству сообщить не нахожу, как только, что я и поныне принца Виртембергского при Кольберге в его ретраншаменте в блокаде держу. Но сколь велико было мое смущение приближением корпуса генерала Платена, толь больше, свободясь сего, надеюсь, что Ваше Сиятельство ускорите соединиться со мною[1]. Приложенной при сообщении Вашего Сиятельства маршрут весьма изрядной и дороги прямее сего бы снять не можно, только советую Вашему Сиятельству, ежели есть еще что излишнее при полках, оное Польшею в правой руке себя следовать приказать, а самим стараться как наискорее со мною соединиться, чем всякое неприятельское предприятие уничтожено быть может, а для облегчения рядовых от плащей брать обывательские подводы. Остаток разбитого корпуса взятого в плен генерал-поручика Вернера[2] из Нейгартена ныне помаршировал в соединение с Платеном на Добер и Фрейдвальд. Я Вашего Сиятельства прошу господину генерал-майору Бергу и господину бригадиру Краснощокову рекомендовать, чтоб оной в соединение с Платеновым корпусом не допустить. А я и от себя им, господам генерал-майору и бригадиру, письменно сообщил и с своей стороны одному казацкому полковнику Кирсанову приказал на сей неприятельской деташамент примечание делать. В протчем же я с особливым и отменным моим высокопочитанием честь имею быть.

P.S. Для полков команды Вашего Сиятельства посланными от меня ордерами велено сколько возможно в нижеписанных местах приготовить хлебов, а именно: в Дризене, в Вольдебурге, Нейведеле, Балкенбурге и Шифенбейле, в каждом по четырнадцать тысяч хлебов, весом хлеб 4 фунта. Сверх того из Коницкого магазеина в Темпельбург или Фалькенбург отправить 500 четвертей приказал.

29

П.А.Румянцев — А.Б.Бутурлину

15 октября 1761

Вследствие моего к Вашему Высокографскому Сиятельству от 10 числа рапорта доносить честь имею[1]. Я, понудив неприятеля, посты при деревне Шпиге и Предмиле оставя, ретироватца к деревне Зелно в сделанной на сей стороне реки Персанты ретранжемент, и сделав пристойное распоряжение в занятии всех сих пасов, бригадира Бранта с четырьмя баталионами пехоты, осьмью эскадронами драгун и двумя полками казаков для удержания их оставил,

приказав генералу-порутчику князю Долгорукову на все неприятельские движения из ретраншемента бдеть и примечать и в случае его покушения на бригадира Бранта стоящими в тет-де-поне четырьмя баталионами немедленно подкрепить, а к закрытию моста готовые баталионы содержать, и таковое число на сию сторону перевесть, каковы силы неприятельские, по сей стороне оказавшиеся, требовать будут. Сими образы герцога Виртембергского попрежнему в его ретранжементе заключа, а генерал-майора Кноблоха всякой надежды к помощи лиша[1], и тем паче, что с другой стороны генерал Платен генералом-аншефом графом Фермором примечаем был, 12 числа, взяв с собою три баталиона гранодер и два эскадрона драгун под командою бригадира Елчанинова и до пяти сот казаков под командою бригадира Краснощокова и пять орудий, именно: три пудовых единорога и две двенадцатифунтовые пушки, артиллерии с подполковником Миллером поспешно к Трептоу марширoвал, и того ж числа в 4 часа пополудни я с драгунами и казаками к Трептоу прибыл и, осмотря околичности сего места и разоренных чрез реку Регу мостов, с сей стороны вовсе атаковать нашел за невозможно, а токмо, назначив место для артиллерии, в рыбачей лодке на ту сторону реки Реги сам переехал и в форштате на ружейном выстреле от ворот состояние города досматривал. Ворота городские были совсем забиты и завалены, так что их видеть было невозможно, толь меньше форсировать; один способ оставался, чтоб, артиллерию перевезя на ту сторону, в стену каменную городскую бить брешь и по сделании оного штурмовать. Быстрота реки и великое наводнение чрез большие дожди и на трех проливах мостов за неимением в близости лесу и надобных канатов сделать способу не предвиделось. Я генерала-квартермейстера-лейтенанта князя Вяземского, как сущего мне во всех случаях благоискусного помощника, вверх по реке Реге для изыскании способа к сделанию моста отправил. Сей, все свои силы и возможности употребя и разломав несколько в деревне домов, не нашел, однако, длины в брусьях, надобной для мосту. Принуждены были строить плот сколько возможно надежной, а дабы в сих не весьма надежных успехах артиллерия по той стороне реки Реги ко мне доставлена была, к Вашему Высокографскому Сиятельству с нарочным представил. Между тем, с самого моего прибытия требовав чрез находящегося при мне в должности генерала-провиантмейстера-лейтенанта капитана Бока от генерала-майора Кноблоха сдачи города и всех военных пленными и получа ответ о намерении его противитца до последнего человека, приказал немедленно город бомбардировать, однако ж с умеренностию, в рассуждении не весьма многого числа бомб со мною

бывших. Сие продолжалось чрез всю ночь и город во многих местах загорелся. 13 числа паки я генерала-майора Кноблоха зондировать приказал со объявлением, что сие учинено в последнее и что он будет должен дать ответ в погибели толь великого числа неповинных, хотя удержать город безоборонной, и что все к решительному с ним окончанию приуготовлено, представляя ему себе воображать сопряженные с тем следствии. Но и на сие требование ответ был сделан равной первому. Достойно примечания мне показались чрезвычайные требования и просьба о сбережении не малого и хорошо выстроенного дому герцога Виртембергского, как будто партикулярно в войне сей не участника. Я, с моей стороны, в похожих на сие требование терминах ответствовал, обещая в партикулярном всю мою услугу, а в таковых точно обнадежить не могу, но сколько возможно миновать его старатца буду. Легко мне было заключить, что вся сия просьба употреблена была не в спасение дому, но чтоб военным и гражданам свое взять безопасное тамо пристанище, приказал подполковнику Миллеру до 50 выстрелов сделать по городу, а между тем и по дому герцога Виртембергского. Скоро открылось сие весьма нескрытое ухищрение присылкою королевского адъютанта и генерала-квартермистра-лейтенента с спрашиванием капитуляции. Я ему ответствовал, что мои предложении им сделаны были, они легко по тому и согласитца могут, а инако я не имею лишнего времени в сих договорах упражнятца, но взятые мною намерении и имеют быть в действо произведены. Сей присланной открылся, наконец, что их бедственное и отовсюду утесненное состояние понуждает и на сие уже склонитца. Итако, я генерала-квартермистра-лейтенанта князя Вяземского немедленно для договору к генерал-майору Кноблоху послал, а 14 числа, по заключении капитуляции, весь деташемент в присутствии моем с барабанным боем в Кольбергские ворота вышел, ружье и знамена и оружейные вещи положил и Ее Императорского Величества военнопленными учинен; генерал-майор Кноблох за сущею болезнию при сем за дозволением моем не был. Во все ж бомбардирование неприятель весьма мало с стороны своей стрелял, [видно] что всю артиллерию при опасных ему местах в средине города при сущей атаке к употреблению сберегал.

Я взятые от неприятеля трофеи, состоящие в 15 знаменах с подателем сего, подполковником Гурьевым, для представления к Ее Императорскому Величеству при сем к Вашему Высокографскому Сиятельству отправил и прошу, чтоб оные с ним, Гурьевым, отправлены были, которой как из собственного токмо желания, ревности к службе Ее Императорского Величества в вверенной мне корпус

был определен и препорученным ему от меня гранодерским баталионом, в числе моего резерва состоящем, повсюду и беспрестанно будучи употребляем, возможные токмо по человечеству труды сносил и при всех военных действиях с отличным мужеством и усердием поступал; яко же и о числе обер- и ундер-офицеров, рядовых и протчих нижних чинов перечневую табель, а о штаб-офицерах именной список; о артиллерии с принадлежностями, о лошадях кавалерийских и артиллерийских, и оружейных вещах опись Вашему Высокографскому Сиятельству у сего подношу из которых оружейные вещи и прочая аммуниция, яко же лошади с конскими уборами, будут употреблены по состоянию их ко укомплектованию в полках надобных. Пленные ундер-офицеры и протчие нижние чины за ненадлежащим присмотром на Керлин и далее в Пруссию отправлены, а генерал-майор Кноблох и все штаб- и обер-офицеры по взятии со всех реверсов с данными от меня пашпортами внутрь Пруссии отпущены.

30

П.А.Румянцев — Елизавете Петровне

6 ноября 1761. д. Нейрод

Крепость при отступлении неприятельском, чрез посыланного от меня капитана Бока, к сдаче была требована. Комендант фон дер Гейде со всеми хотя учтивостьми твердость свою и заслуженные уже, якобы, честь и славу толикими и формальными осадами показать и в сем случае мне обещал. Я, однако ж, приказал господину генерал-порутчику Гольмеру, которой, в крайнем хотя изнеможении, усердствовать Вашему Императорскому Величеству, ищет от стороны морской или по усмотрению его, где токмо место позволит на настоящее весьма сырое время, траншеи открыть и батареи в большом числе орудий заложить. Одна из сих уже устроена и со вчерашнего дни город бомбардируетца.

Недостаток в пропитании может быть понудит коменданта к сдаче склонитца, а в протчем, осмеливаюсь Вашему Императорскому Величеству доносить, что по настоящей погоде, а особливо в здешних местах, вовсе из времени осаждать. Я б охотно последовать примеру барона Лаудона, но кроме других обстоятельств, водяные весьма глубокие и широкие два рва требуют уже иных способов, а сих, не повредя крепостного строения, ни с каковой [стороны] удачно достигнуть невозможно, исключая однако ж сильные морозы [...]

31

П.А.Румянцев — П.И.Олицу

12 ноября 1761

По рапорту от господина генерал-майора и кавалера Берга, сейчас полученному, неприятельской корпус под командою генерала Платена стал при деревне Лейко и думает, что оной сегодня помаршириует к Керлину или к Кольбергу. Он же, господин генерал-майор и кавалер Берг, стал при деревне Крейтц. В предупреждение того за нужно нахожу Вашему Превосходительству с имеющимися ныне в команде Вашей полками и гранодерскими баталионами, присоединя еще два легкие баталионы, выступя из лагеря, следовать к Керлину и, не ходя до оного, выбрав авантажное место, взять позицию. И ежели неприятель отважится иттить к Керлину или близко Вас к Кольбергу, оного не только не допускать, но по имению у Вас, в рассуждении Платенского корпуса, достаточных сил, с помощию господина генерал-майора Берга атаковать[1].

32

П.А.Румянцев — М.Н.Волконскому

14 ноября 1761

Рапорт Вашего Сиятельства, писанной сего 10, получил, на которой в ответ служу. Вчерашнего дня неприятельскую позицию корпусов герцога Виртембергского и генерала Платена, которые соединясь правым флангам примыкают к Шифельбейну, а левым к деревне Лейкоу означенной герцог соединился вчерашнего дня с корпусом генерала Платена при Регенвальде. Итак, когда Вам показанное примечание делать велено, то надлежало б Вам быть у неприятельского корпуса всегда в лице, почему б Вы и соединение оное сами досмотреть могли, да и Вам бы, когда соединение действительно воспоследовало, должно было сойтится с господином генерал-майором и кавалером Бергом, которой находится против первого. Теперь же во всем основываетесь на дезеритрском показании, не упоминая и того, где корпус герцога Виртембергского остановился, о чем для принятия мер мне знать необходимо нужно и в рассуждении сего изволите немедленно придвинуться и стать в лице корпуса герцога Виртембергского и оного всякие движения и обороты,

не полагаясь ни на какие показания, сами досматривать и меня о всем как часто возможно с крайним обстоятельством и верностию рапортовать, давая о том знать и господину генерал-поручику и кавалеру Олицу, которой с его дивизией находится между деревень Грос-Поблат и Кругебек.

33

П.А.Румянцев — Елизавете Петровне

24 ноября 1761. д. Гросс-Гестин

Неприятель, пошедший от реки Реги к стороне Одера, остановясь, расположился в кантонир-квартиры в местечке Наугартен и в ближних деревнях. О прямом его намерении Вашему Императорскому Величеству ничего-либо обстоятельного всеподданнейше донесть не могу. Может быть, что он, получа подкрепление из Силезии или Саксонии и, уведав о расположении корпуса в кантонир-квартиры, сделает обратное движение к Кольбергу, стараясь отвесть меня от осады оного и обеспокоить.

Однако ж первое кажетца быть тем невероятнее, что производимые в Саксонии фельдмаршалом графом Дауном, как мне известно, и поныне военные действия, главное неприятельское примечание на себя притягивают. Неприятель, отступающий с крайнею поспешностию из Регинвальда к Наугартену, преследован легкими войсками, и полковник Зорич с Венгерским гусарским и Хорватовыми эскадронами, тако ж подполковник Суворов с Тверским драгунским полком нашли неприятеля, стоящего в деревне Килсау в трех баталионах пехоты и шести эскадронах кавалерии. Оного атаковав, ретироваться понудили и по выходе из деревни врубились в неприятельскую пехоту и, порубя не мало, одну пушку, капитана и подпоручика, тако ж 69 рядовых в плен получили [...]

Я, при сем случае обоих: полковника Зорича и подполковника Суворова оказанную храбрость и доброе распоряжение в приводстве, по справедливости Вашему Императорскому Величеству в высочайшее благоволение рекомендовать дерзновение приемлю [...]

34

П.А.Румянцев — Елизавете Петровне

5 декабря 1761

Я не могу ни одной минуты пропустить, чтобы Вашему Императорскому Величеству о толь знаменитом приобретении славы Вашего оружия всеподданнейше не донести. Кольберг убежден в своей маломогущей противу того обороне и отдается на дискрецию[1], а герцог Виртембергский, атаковав меня 1 числа сего месяца с уроном, составляющим большую часть своего войска, принужден ретироваться к Трептоу и преследуем всеми моими легкими войсками, о чем в сем обстоятельно донести времени всераболепной должности не упущу.

Я осмеливаюсь для сего вручителя испросить Вашего Императорского Величества всевысочайшего благоволения и для того тонко ему препоручил сие поднесть, что он в сих негоциациях отменное усердие к интересам Вашего Императорского Величества употребил.

Отправлена с капитаном Боссом.

35

Екатерина II — П.А.Румянцеву

28 июня 1762. С.-Петербург

Нашему любезноверному генералу-аншефу графу Петру Румянцову

Сего числа Божиею спеспешествующею милостию и желанием всех верноподданных сынов отечества, Мы вступили благополучно на Всероссийской Императорской Самодержавной Престол. При сем Мы Вас обнадеживая Нашею Императорскою милостию и удостоверены будучи о Вашем к Нам усердии единомысленно со всеми верными Нам подданными, повелеваем Вам чрез сие команду отдать Нашему полному генералу Петру Панину, а Вам самим для благопоспешествования намерений Наших возвратиться немедленно в Россию, о чем к генералу Панину особливой указ дан.

Екатерина

1

Графъ Петръ Александровичъ. Съ неприятностию усмо-
-трела я изъ писма вашего отъ 20го числа о приклю-
-чившейся вамъ болезни и о оной жалею сердечно.

Службы ваши, которымъ вы и чрезъ последовавшее
подъ предводительствомъ вашимъ взятие Колберга
новой показали опытъ, служатъ мне поводомъ
къ отдаванию и возвращению вамъ справедливости.
Итакъ снисходя охотно на прошение ваше, позво-
-ляю вамъ для лучшей способности до излечения
вашего жить въ деревне вашей или по востре-
-бованию нужды ехать и въ целительныя во-
-дамъ, и пребываю Императорскою милостию вамъ
благосклонная

Екатерина.

Въ Санктпетербургѣ
въ 5. Августа 1762.

РАЗДЕЛ IV

Русско-турецкая война (1768—1774)

36

Указ Военной коллегии

14 августа 1769. С.-Петербург

Как по Высочайшему Ее Императорского Величества соизволению поручается Вам, господину генерал-аншефу и кавалеру, первая ее армия, о чем Вам имянным же Ее Величества указом знать дано и Военной коллегии сего августа 14-го дня таковым же объявлено; то хотя по прибытии к оной и получите вы, господин генерал, полное введение как о числе войск, оную составляющих, так и о протчем, к ней принадлежащем; но дабы предварительно Вас обо всем том уведомить, то Военная коллегия и прилагает при сем ведомости [...]

37

П.А.Румянцев — Екатерине II

22 сентября 1769. Лагерь при д. Черчи

Государыня Всемилостивейшая!

Вследствие предыдущей моей реляции о принятии высочайше вверенное мне главной команды над здешнею армией Вашего Императорского Величества, всеподданнейше донести честь имею, что нашел я оную разделенную, а именно одну малую и из мушкетер только почти состоящую часть при многих генералах здесь, в лагере при деревне Черчи милях в четырех от реки Днестра и от Хотина,

а другую наибольшую и в рассуждении употребленных к тому гранодер и протчих отборных людей и лошадей наилучшие силы составляющую с генералом-порутчиком бароном Елмптом — на той стороне Днестра и внутри Молдавии.

Сие раздробление армии должен я, Всемилостивейшая Государыня, не токмо за крайнее для себя нещастие считать, но тем больше сожалеть, что сколько бы ни желал в приобретении каких новых над неприятелем авантажей и в распространении славы победоносного Вашего оружия что-либо за Днестром без упущения настоящего к тому несколько еще способного времени предприять; но при всей моей ревности и усердии к службе Вашего Императорского Величества встречаю в том не токмо непреодолимые препятствия, но и самую невозможность в рассуждении, что по переходе армии Вашего Императорского Величества в минувшем августе месяце из-за Днестра на здешнюю сторону, и не предвидя по тогдашним обстоятельствам надежды вновь туда вскоре возвращаться, отосланы понтонные мосты в Полонну, как для исправления их повреждений, так и особливо для того, чтоб вместо прежних, в ветхость пришедших пильных досок, каковых здесь сыскать невозможно, новые по способности из Киева достать, и что между тем хотя без сумнения все то уже и изготовлено, но не достает же еще к сим понтонам главных вещей, то есть якорей и канатов, которые большею частью повредились же и которых уже ниоткуда, как из самой Москвы, получить невозможно. А от того и просходит, что здешняя часть армии Вашего Императорского Величества в тепрешнем положении не имеет с другою стороною Днестра, с тамошним корпусом и с самою Хотинскою крепостию никакого иного сообщения, окроме переправы на паромах и других мелких и опасных судах, которых однако ж столь мало, что не токмо помянутой в Молдавию посланной корпус едва чрез не малое время и не без крайнего затруднения перебраться мог, но, что не перевезены еще и поныне обозы и провиантские магазеины, принадлежащие к находящимся в Хотинском гарнизоне полкам. Сверх же того, хотя б разорванной неприятельской мост как-нибудь возобновить, или другой такой же на сваях построить, способ и нашелся, но окроме промедления времени, по чрезмерной теперь быстроте течения сея реки, а паче по прибывающей вновь из гор воде, в целости удержать никакой надежды полагать невозможно, так что я для некоторого в переправах подспорья велел уже приискивать вверх по Днестру сколько возможно более всяких судов, какие только найтиться могут, дабы особливо сим средством и вышеупомянутой корпус при возвращении своем на здешнюю сторону, хотя несколько прежних затруднений освободиться мог [...]

И как из всего выше изображенного Ваше Императорское Величество сами усмотреть изволите сущую невозможность перехода с армиею ныне опять на ту сторону за Днестр для какого-либо предприятия, не подвергая себя в переправе на толь малых судах очевидному крайнему затруднению и самой опасности, хотя и без того подобной туда переход всей армии, естли смею сказать, не приносил бы уже никакой пользы, естли только вышепоказанные еще до моего сюда прибытия бывшие известия о неприятельском бегстве основание свое имеют; то при сем состоянии дел и не нахожу я теперь, Всемилостивейшая государыня, к крайнему моему прискорбию, ничего иного предпринять, как во ожидании от генерала-поручика барона Елмпта обстоятельных обо всем репортов, с армиею Вашего Императорского Величества или в здешнем положении остаться, или смотря по удобности получения фуража в здешнюю же околичность передвинуться. А между тем по наступающему уже глубокому осеннему времени и холодной погоде, держася силы данной моему предместнику высочайшей инструкции и пополнительных повелений, пещися о назначении и для всей армии на здешней стороне квартир, не удаляяся от Днестра, дабы во всяком случае ближайшую способность иметь не токмо немедленную помощь Хотинской крепости подать, но по усмотрению неприятельских на той стороне движений и всеми силами его встретить [...]

38

П.А.Румянцев — Екатерине II

1 октября 1769. Лагерь при д. Черчи

Государыня Всемилостивейшая!

Каков получил я в минувшую ночь от генерала-поручика барона Елмпта рапорт о занятии Ясс и о покорении чрез то всего княжества молдавского, тако ж о учиненных тамо над неприятелем поисках и о действительном уходе визиря с армиею за Дунай, оной имею честь в подлиннике при сем всенижайше представить чрез присланного от него курьером гвардии поручика князя Репнина, которой волонтером при тамошнем корпусе находился, и потому, как самовидец, в состоянии найдется потребные объяснении подать, если б иногда по скорости времени в помянутом репорте чего недостовало.

Елико ж касается доставляемых генералом-поручиком бароном Елмптом из его корпуса тамо войск, то по получении от него точ-

нейших о всех тамошних обстоятельствах известей не упущу в ближайшее о том рассмотрение войти, то есть как о числе сих оставляемых войск, так и о их пропитании и самой безопасности.

А хотя между тем по нынешней ненастной погоде остальные войска вышепоказанного корпуса не могут еще вскоре на здешнюю сторону Днестра возвратиться; однако ж я принужденным себя нахожу здешнюю часть армии Вашего Императорского Величества и до их прибытия на первой случай в кантонир-квартиры в самой здешней же околичности расположить, в рассуждении, что в поле и в лагере уже долее стоять никоим образом невозможно за вышепоказанною ненастною погодою, которая ежедневно при холодных ветрах, беспрерывном дожде, снеге, слякоти и сделавшейся от того чрезвычайной грязи продолжается, и о которой Ваше Императорское Величество уверить могу, что едва ль подобная погода и в суровейшем климате случается [...]

39

П.А.Румянцев — Екатерине II

23 октября 1769. Главная квартира в с. Тылне

Полагая, что Порта Оттоманская нынешние свои утраты понесла чрез силу оружия российского, мы не можем, однако ж, принимать за определительные к предстоящим случаям сии одни счастливые успехи. Но когда приготовляемся к произведению дальнейших действий, то мнится нужным, для предбудущих к тому распоряжений, исследовать прежде мимо шедшие действия и уважать оных причины.

Мы видели в согласие предварившим нас известиям, что неприятель по побуждению Франции и надежде на мятежников польских в присоединении их многочисленных сил и готового пропитания ранее поднял войну против нас, нежели для произведения оной собрать мог все надобное и для того, с осторожностью великою поступая, испытывал точность сих обнадеживаний разными впадениями своими в край польской, а увидя противные его мыслям обстоятельства, во все время прошедшей кампании старался защищать только собственные границы от противовоюющих ему. Доказывается сие тем, что визирь озабочен будучи движениями второй армии к Бендерам и к Очакову, держался Рябой Могилы, которой прямое положение ныне только мы изведали, а на защиту Хотину и против армии первой употреблял он почти одну свою конницу и без пушек, которая при всякой попытке ретировалась, не имев-

ши, по-видимому, намерения защищать прямо ни Молдавию, ни Хотина, город как и землю опустошенные. Не было в той стороне нигде провиантских запасов, ниже ближе двухсот верст от Хотина, как именно в Цоцоре; потому и не мог он действовать всеми своими силами.

Сии крайности, дознаваемые неприятелем, во всю прошедшую кампанию поспешествовали его удалению к нашим пользам, паче самих наших против его действий.

Но на будущую кампанию неприятель, ежели не будет убежден искать мира, то, удаляясь заблоговременно, и из настоящих своих опытов, возьмет основание к утверждению лучших осторожностей и свои сопротивные меры стараться будет превосходными учинить от наших, по мере и чувствительности своей утраты.

Следственно, и от нашей стороны надобно приготовиться на будущую кампанию не по мере тех сил и действий неприятельских, с коими в нынешнюю кампанию имели дело, не сходствуя тому ополчению, которое он из всех сил своих на вас произвесть может. По сему нужно войскам, изнуренным от трудов, едва удобьсносимых, дать выгодные и покойные зимовые квартиры, поелику есть к тому возможность, и как число оных, так и все им потребное доставить, не упуская удобного к тому времени.

Что касается до пехоты нашей, то оная от пехоты неприятельской, хотя прямо в минувшее лето и не видела противоборства, но полагать можно по ее превосходному состоянию пред неприятельскою как неустроенною, что количество той и качество оные совместными быть могут; в том, однако ж, разумении, что неприятель на будущую кампанию умножит против известного числа нашей свою, потребно и в нашей учинить прибавок. А гарнизон Хотинской и другие должны быть составлены из командированных от полков не лучшей способности людей к полевой службе, а их места укомплектованы из остающихся в России рот.

Наша конница в нынешнюю кампанию, а особливо легкая, больше претерпела, нежели возможно в одну зиму поставить ее в состояние прежнее, а в том своем состоянии, что она многолюдству противных не только всегда противостоять не могла, но часто оному и уступала; потому настоящее число и состояние оной для будущих операций будет тем меньше достаточно, чем больше увеличит неприятель свою кавалерию, которая и теперь уже превозмогла над нашею, и для того необходимо надобно части сих войск с нашей стороны числом большим умножить.

В будущей кампании по поводу данных теперь повелений и по своему положению первым объектом нам предстоит крепость Бендеры. Для сего предприятия надлежит из Киева осадную артилле-

рию, а шанцовой инструмент, где оной есть (в коем в армии крайний недостаток), зимою перевезть в ту армию, которой то препоручено будет; и ежели второй армии предприятие сие назначится, то переждать с тем обыкновенное время впадений татар в наши границы; а буде первой экспедицию сию производить и прикрывать должно, то число пехоты надобное сверх предполагаемого назначить, дабы и осада и армия предуспевали над неприятелем, которого не удержав, трудно себя овладением крепости ласкать, или время пройдет бесполезно. И как известно, что река Днепр затруднить может войскам переправу, то для выигрывания времени и назначаемые к сей осаде войски в то же время на сию сторону перевесть.

Для сего движения первой армии прилично удержать, а особливо, когда осада Бендер от оной прикрываема быть должна между Прутом и Серетом, имев на Пруте мосты, и воспрящать неприятелю переход на сию сторону реки Дуная, как от Браила и Сакчи [Исакчи], так и чрез Валахию и от стороны Видина и Орсовы; а в Молдавии по очевидному осмотру многих тамошних мест и по рассуждению генерал-поручика барона Ельмпта нижеписанные укрепить, как служащие в подпоре нашего войска, к содержанию свободного сообщения и к прикрытию магазеинов. Первое и главное — Яссы, потом по Пруте реке местечки Табурев и Степановцы, по Днестру местечко Сорока, между реками Прутом и Серетом местечко Бутичаны и на самой реке Серет местечко Сачаву, позади на Пруте местечко Черновцы.

Заготовление магазеинов соответствовать должно положенному плану для будущей кампании и назначенному для того числу войск, я только тут упомяну те самые места, которые от помянутого генерала к тому удобными считаются. В Польше: 1-е — Станиславов, 2-е — Сиятии, 3-е — Могилев, 4-е — Брацлавль, в Молдавии: 5-е — Черновцы, 6-е — Хотин, 7-е — Бутичаны, 8-е — Монастырь Драгомиров, 9-е — Яссы, 10-е — замок Сорока.

Я в сем предположении вышесказанные места осмотреть чрез инженеров, присовокупить в них возможное укрепление и снабжать провиантом приму старание, но не надобно ныне воображать, чтоб количество и цены последнего равны были прошедшим. Подрядчики, коих притом мало, отзываются в двойной всему цене. Они представляют тому резоны, что прежде довольно было здесь запасов у всех поставщиков, которые с начала сдешевили продажу. Но коль оные все здержаны на армию, а притом весь сей край по обращению войск в одних местах севу не чинил, в других утратил весь хлеб на корне, то и не остается средств из ближних мест снабдить магазеины; но должно производить все запасы из отдаленных, а чрез то по усугублению трудностей усугубляются и цены. Из сего заключе-

ния следует, что чем далее наше обращение в подобном положении иметь будет, тем паче увеличатся недостатки к нашему пропитанию.

Пункт сей заслуживает внимание, чтоб рассмотря все подробности, представить потом, коль труднее в будущем нашем положении могут обходиться все транспорты наши. Когда польские побережные места все истощены и опустошены и когда провинция молдавская, куда вступить должно армии, испражнена почти во всем том, что служит к пропитанию войск, и состоящие там требуют уже оного отсюда; и чтоб с приобретением молдавской провинции, поскольку мы отдаляться должны от берегов Днестра, постолько те выгоды, коими преимуществовали мы в нынешнюю кампанию пред неприятелем, не отходили на будущую в его сторону; ибо заложение вновь магазеинов и подвоз провианта от Днестра столь трудны нам будут, сколь тягостными оные дознавал неприятель, когда он свое снабжение получать должен был, по отдаленности от Дуная и моря, но в будущем своем положении он чрез Дунай и море изобиловать будет во всем и не на подобие наших авантажов, как мы обращались над Днестром.

Предвидение скудости и недостатка в пропитании армии, чем далее оная начнет отходить от Днестра, подкрепляется тем опытом, что в минувшую кампанию, сколе ни близки были магазеины и еще по крайней мере селения польские способствовали поставкам, но при всем том я не нашел никаких следов, которые бы означили предуготовления к удержанию завоеванной земли или же способствовали распространению дальнейших успехов. А и в самих полках не только достаточно, но ни равного числа провианта, но в одном больше, в другом на меньше дней. Сим доказывается, что действия или были без предположения, или же невозможность настояла сей порядок нужной во всяком движении сохранить, и что армия, в границах польских стоя, не могла при неподвижности почти запастись провиантом на известное время, а доставление оного всякой раз расходилось на тех, коим уже доходило терпеть в том нужду.

Поступая вперед, запастись мы должны надежною предосторожностью и позади себя, то есть обеспечить свой тыл от мятежников польских, которых волнения ни совершенная многих погибель, ни дезавантажи державы, их покровительствующей, утушить до днесь не могли, и что паче зараза сия от времени разливается и в самом истреблении важнее становится, когда союза сего открываются предположители, уже и из тех, до коих не доходило подозрение и которые, видев себя самих и имения свои в руках наших, жертвуют всем тем мнимой им мечте, а не прямой надежде.

Для укрощения таковых противников и ради безопасности нашего тылу и обеспечения транспортов из Польши в Молдавию

должно употребить, не тратя удобного времени, особливой корпус, чтоб их зимою, где им и пристаница и пропитания трудно доставать, сокрушить вдруг и невзначай, а инако должно содержать в Сандомире, Львове, Люблине и Станиславове войски, которые бы охраняли не только от армии сообщение с границами, но и все транспорты и самые границы.

Изъяснимые предосторожности не простираются до Литвы, которую я полагаю в нынешнем спокойстве, а ежели б и в оной восстали мятежи, то сих одних средств на удержание оных не будет достаточно.

Калмыцкое войско, подобное хищным татарам, нельзя удержать в порядке, и лучше не соединять его, соблазна ради, с армией, а оставить в удобное время примером прошедшим, придав к оному несколько Донского и для виду регулярного войска, чинить поиски на Крым, и в то ж время от Азова нашей эскадре к той же стороне обратиться, чтоб и на тамошнем проливе морском отыскать бродов удобных к проходу войскам и споспешествовать оных действиям взаимным, ибо Азов, по уверениям, не имеет опасности от флота неприятельского, потому что береги тамошние сделались неприступными для военных судов.

Казаки малороссийские хотя не похваляются в своей способности к военным действиям, однако ж они прочую довольную службу при армии, которая требует людей, весьма исправно несут. Поравнять их с прочими порядочным войском, много надобно бы иждевения, а как они с прошлой зимы в походе находятся без жалованья и пришли в несостояние, то к поправлению их на зиму отпустить в домы, оставив часть надобную необходимо при армии, которым и дать содержание равное с донскими казаками. Переменить их иными нет возможности, потому что с прошлого года все другие содержат бессменно форпосты по польской границе, и все их число, называемое выборное, в раскомандированиях находится.

Граф *Петр Румянцов*

40

П.А.Румянцев — Екатерине II

15 ноября 1769. м. Летичев

Государыня Всемилостивейшая!

По отправлении сего дня моей всеподданнейшей реляции, сей час получаю я от генерала-поручика Штофельна рапорт из Бату-

шан от 11-го сего месяца, что вследствие данных от меня повелений для поисков над неприятелем отправленной с деташаментом из тысячи шестисот человек конницы и пехоты состоящим к городу Галацам егерского корпуса подполковник Фабрициан, 5-го сего месяца по приближении к оному, встречен и атакован был неприятелем от шести до семи тысяч состоявшим, выборного войска под командою сераскира Мегмет-Урфа-валаси, Абазы-паши, Саланит-валаси, Али-паши и Гаджи-Али-бея и, увидя арнаутов наших уступающих превосходной силе и себя окруженна, решился отважно атаковать их батарею своею пехотою, которою овладев, неприятеля разбил, гнав его даже до самого Дуная и положа более тысячи двусот человек турков на месте; протчих же большею частию в оной реке потопил и Галацем овладел. Между первыми считается по объявлению пленных Абаза-паша, да один из знатных Гаджи-Али-бей анадолиской владелец, а в полон взяты молдавской господарь, да сераскерской кегая с тридцатью турками здоровыми и ранеными.

Знаков победы получено пять пушек, санджак или главное знамя сераскерово, и бунчук, взятой гусарским порутчиком Требинским. С нашей же стороны убито рядовых двенадцать, ранено из штабофицеров майоры: Генкинг тремя ранами, Левашов получил контузию, из обер-офицеров гусарские порутчики: Требухович, Герсеванов, Донде, из пехотных — Белозерского полку подпорутчик Томашевский, рядовых сорок шесть человек, лошадей убито шестнадцать. Вышеупомянутой генерал-порутчик по засвидетельствованию подполковника Фабрициана рекомендует яко особо отличившихся при сем сражении майоров: Вуича, Генкинга и Левашова, да гусарского порутчика Требинского и протчих офицеров и рядовых, бывших с ним на упомянутом сражении, которых я как действительно достойных и к поощрению другим по данной мне от Вашего Императорского Величества власти наградить не оставлю, а означенного подполковника в высочайшее Вашего Императорского Величества благоволение препоручить осмеливаюсь.

По завладении Галаца и по данным от меня ордерам, Всемилосивейшая Государыня, желаю я видеть себя в счастливом состоянии уведомить и о Браилове, посте весьма нам нужном, а паче оные все завоевания удержать.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

[граф *Петр Румянцов*]

41

П.А.Румянцев — Екатерине II

28 ноября 1769. м. Летичев

[...] Вследствие успехов оружия Вашего Императорского Величества, благословляемого Всевышним, еще я имею честь всеподданнейше донесть из уведомления ныне полученного от генерала-порутчика фон Штофельна, что подполковник Каразин, который предводительствует арнаутами, выгнал из города Букарешта [Бухареста] турецкое войско и оный занял[1], взяв в полон при сем случае волоского господаря князя Григория Гика с братом, сыном и со всеми его придворными, которые оттуда и привезены уже 21-го ноября в Яссы.

В новопокоренном сем городе Букарештах намерен генерал-порутчик фон Штофельн, укрепившись тремя баталионами егерей и двумя гранодер предприять предопределенные от меня действия на город Браилов, который каменную стену, земляной вал и ров, оставленный палисадником, имеет, защищаемые под командою одного сераскира с десятью тысячами отборного турецкого войска и более тридцати пушками. По мере движения, которое для сего предприятия начнет с своим корпусом означенный генерал-порутчик фон Штофельн, я на сих днях имею несколько полков из правого крыла подвинуть в Молдавию и долженствую о распоряжениях моих на такой случай впредь донести Вашему Императорскому Величеству.

Представил мне на пробу командующий в Молдавии генерал-порутчик фон Штофельн разные минеральные руды, которые принесли ему живущие раскольники в горах к трансильванской границе с тем от них объявлением якобы в оных золото и серебро находится, и такую руду венгерские жители весьма дорого покупают. Но как здесь нет при мне знающих людей в металлургии, чтоб испытать качество сих руд, то я за должность почел оные представить к повелениям Высочайшим Вашего Императорского Величества, прося по сделании над оными опыта, снабдить меня о том Высочайшим предписанием; а я между тем, покуда удостоюсь получить Высочайшую резолюцию Вашего Императорского Величества, предосторожность сохраняя, хотя в неизвестности их свойств, предложил генералу-порутчику фон Штофельну, чтоб он уговорил явившихся к нему раскольников такие руды собирать, где оные находятся, в чаянии за то довольной себе награды.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

42

П.А.Румянцев — Екатерине II

20 июня 1770. Лагерь ниже Рябой Могилы

Государыня Всемилостивейшая!

Вашему Императорскому Величеству сим всеподданнейше донести я честь имею, коим образом войски, моему предводительству вверенные, вновь храбрым наступлением на неприятеля, ушедшего 10-го числа сего месяца на высоты, ведущие к Бендерам, и паки его обратили в бегство из самого крепчайшего лагеря, которой, рекогносцировав 14-го числа сего месяца, нашел я весьма выгодным для неприятеля и отъемлющим удобность к приступу, естьли прямо всходить к оному, поелику неприятель утвердился на чрезмерно крутой горе, окружившися обширным ретраншементом с сорокью четырьмя пушками, имев пред собою топкой грязной ручей.

На завтра препоручил я генералу-квартермистру Боуру под прикрытием пехоты и конницы осмотреть еще поближе положение того места, где расположились турки и татары.

Он обозрел потому возможность токмо с правой стороны атаковать сей неприятельской лагерь, но возвращаясь по уведомлению о том меня в тот же день из армии к своему корпусу, отстоявшему в 6-ти верстах, нашел, что неприятель, сошедши с гор, вокруг нападает на оной [корпус Боура] и на стоявший вместе с ним корпус князя Репнина. Учиненной сильной отпор из артиллерии и отделенными пехотными деташаментами хотя тотчас принудил неприятеля в одной только коннице бывшего к ретираде, однако ж генерал-квартермистр Боур подвержен был опасности, покудова доскакал к своему корпусу и отстреливался сам от татар и одного арапа наездника, которые на него близко уже напускали.

При отбитии неприятеля урон его от удачных картечных выстрелов весьма был приметен, а наших убитых и раненых число не превосходило 20-ти человек.

В следующий день, то есть 16-го июня, перешел с армией вперед 9 верст и стал лагерем в виду неприятеля, постановив на завтра атаковать оного, для чего и велел пред армией маршировать с своим корпусом генералу-поручику князю Репнину и занять пред высотами одно место, которое закрывало его от глаз неприятельских, а генералу-квартермистру Боуру стоять неподвижно тот день в своем лагере.

Неприятель, увидев движение армии и лагерь, спустился кучами с своего лагеря на низшую гору и во весь день примечания свои на нас обращал издали.

По учиненному расположению к атаке в наступившую ночь, пошел я с армией в правую сторону занять высоты и подал сигнал на рассвете тремя ракетами генералу-квартермистру Боуру, что я уже обнял оные, почему он с своим корпусом, который сверх прежнего числа на настоящий случай подкрепил я еще двумя батальонами пехоты, долженствовал итти вперед и занять дефилеи, на которых неприятельские пикеты поставлены были, и всходить потом прямо к турецкому ретраншаменту, а в сие время генералу-поручику князю Репнину своим корпусом атаковать неприятеля в левое его крыло, а генералу-майору и кавалеру Потемкину, накануне того приготовившему себя к переправе чрез Прут, перешед сию реку, своим деташаментом ударить неприятелю в тыл. По усмотрению сигнала тотчас пошел генерал-квартермистр Боур на вышину с своим корпусом и лишь только приказал сделать батарею впереди из пушек и единорогов для прикрытия войск, туда всходивших, то неприятель и стал отступать и мешаться в своем лагере, делая виды движения то на армию, подвигающуюся вперед в помощь действиям атакующих корпусов, то на корпус князя Репнина, заходящий ему в тыл. Напоследок, ужаснувшись со всех сторон веденных на него движений, сорвал свой лагерь и обратился в бег, и хотя генерал-квартермистр Боур с великою поспешностию взошел на гору к рентраншаменту с двумя гранодерскими ротами графа Воронцова, но ничего не в состоянии был предпринять с таким числом, хотя задние неприятельского корпуса еще переходили дефилею, однако ж с прикрытием великим, принуждая часто к ретираде на них тогда посланные наши легкие войска; а всему корпусу его, взойтить на весьма увесистую гору требовалось времени при всей охоте и усердии, с коими напрягали войски к тому все свои силы.

Я, увидев наглую ретираду неприятеля, обратил на него тотчас от армии всю тяжелую кавалерию под предводительством генерала-поручика и кавалера графа Салтыкова; а между тем генерал-поручик князь Репнин, познавая, что ни положение места весьма гористого, ни легкость неприятеля, ретирующегося, не дозволяли ему охватить его своею пехотою, приказал генералам-майорам графу и кавалеру Подгоричани и Текелли его атаковать и преследовать, кои с полками гусарскими — Сербским, Ахтырским и Харьковским, не замедлившись, то и учинили. При первой атаке помянутый генерал-поручик сам был свидетелем, коль храбро опрокинули неприятеля наши гусаре и за ним шли вдогонку, а в подкрепление туда же скакал со всею кавалерией генерал-поручик граф Салтыков. Неприятеля скорую ретираду увидев из-за Прута, генерал-майор и кавалер Потемкин поспешил переправить своих егерей и легкие войска,

с которыми он шел к оному на поиск. Его узрев в небольшом числе и близко себя, неприятель отделил своей конницы до 2 000 и атаковал с великим устремлением сей деташамент, однако ж подполковник и ордена Святого Георгия кавалер Фабрициан, установя при егерях батарею, производимою из пушек стрельбою не только обратил назад неприятеля, но и подкрепил тем гусар корпуса князя Репнина. Причем отбито у неприятеля войсками помянутого генерала-майора Потемкина одно знамя.

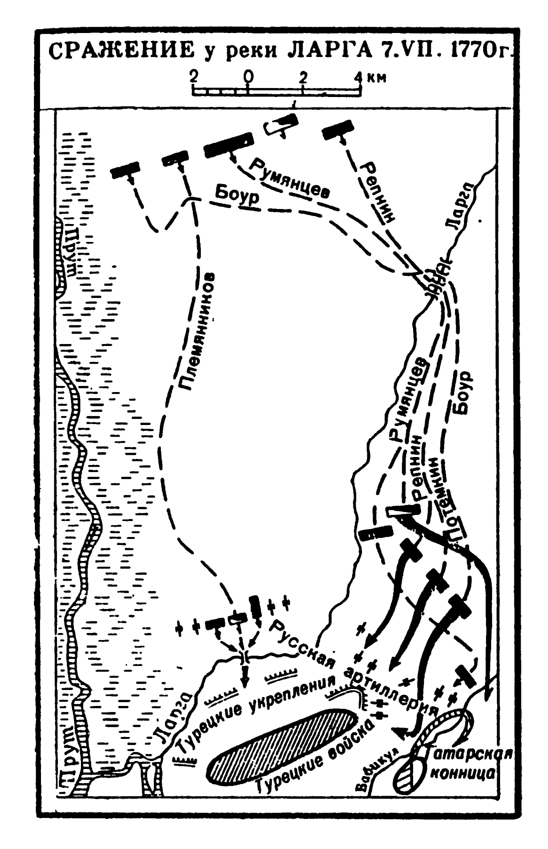
Вся наша кавалерия при сем случае весьма хорошо свое дело исполняла и преследовала верст до 20-ти неприятеля, чрезмерно напрягаясь достигнуть его; но он по легкости своей от времени далее ускакивал. Гнаться за ним более усталость лошадей не позволила, как происходило сие в день чрезмерно жаркой. А притом неприятель, убравшись на гору, из устроенных тамо батарей стал по нашим стрелять, ибо завременно он из лагеря свою артиллерию и обозы отправил, которые с пехотою и успели взойтить на высоты под закрытием многочисленной конницы. С нехотою генерал-поручик князь Репнин преследовал неприятеля верст 6. А генерал-квартермистр Боур — более 10-ти в наилучшем порядке.

Неприятельский урон, по засвидетельствовании генерала-майора и кавалера графа Подгоричани, сочтен до 400 человек убитых, между коими равную участь имел ханский сын Дели, Солтан Керим, который в глубоком яру со сту человеками выборных турков и татар охвачен будучи, не сдался в плен на предложение ему, деланное от графа Подгоричани, но принудил как себя, так и всю его отчаянную партию перестрелять. С нашей стороны о убитых и раненых подношу ведомость. В полон взяты Агмет-ага Селим-агаси, то есть чиновник из ближайших наперстников Абазы-паши, да ханской секретарь, один турок и один татарин.

Сей неприятельский корпус, по показанию пленных, состоял в 22 000 турков и до 50 000 татар, под командою Абазы-паши и хана крымского, о чем, так как и о протчих обстоятельствах, присоединяю допрос, взятой от первого из пленных.

Овладев неприятельским лагерем, получили мы одну медную пушку.

Не могу я промолчать пред Вашим Императорским Величеством засвидетельствованной хвалы от частных командиров генералам-майорам графу Подгоричани, Потемкину и Текелли, полковникам гусарским Чорбе, Сатыну, подполковникам Елчанинову, Пищевичу, Фабрициану, майорам Вуичу, Мисюреву и Зоричу, капитанам Гангеблову, Чалиновичу, Бантишу, Требинскому и Пулевичу, порутчикам Щутовичу, Вукотичу, получившему рану, Косавчичу и Кольбеку, что они, имев случай пред другими ближайший, храбро поступали

против неприятеля. В преследовании неприятеля при кавалерии всегда находился волонтер лейбгвардии конного полку ротмистр князь Мещерской, а при гусарах Измайловского — поручтик Потемкин.

Долг же мой и собственное испытание обязывает меня, Всемилостивейшая Государыня, донести справедливость, что, начав от дивизионных командиров, даже до солдат, все были преисполнены мужества и казали знаки своей нетерпеливости разить неприятеля. Порядок, в коем с разных сторон шли войски атаковать неприятеля, близки будучи друг другу в подкрепление, нанес бы ужас и больше щет разумеющему, нежели наш неприятель, ибо пространность, нами объемлемая, увеличивала в глазах неприятеля число наших сил до ста пятидесяти тысячей. Генерал-квартермистр Боур подаваемыми советами и неусыпными трудами во всякой возлагаемой на него от меня должности столько отличает себя в усердии и ревности к службе Вашего Императорского Величества, что самая истина внушает мне смелость всеподданнейше рекомендовать его в высочайшую милость Вашего Императорского Величества, как искусного, храброго и предприимчивого генерала.

Все чужестранные и наши волонтеры, находящиеся при армии Вашего Императорского Величества, при описываемом действии отвечали своему званию весьма усердно.

Я умедлил до сего дня донесением моим всеподданнейшим о сем происшествии покудова мог отобрать подлежащие репорты и изготовить подносимые при сем планы к высочайшему усмотрению Вашего Императорского Величества неприятельского лагеря и на-

ших против оного движений. А притом я спешил устроить прежде меры по первым репортам к достижению неприятеля, который первого дня остановился было за 30 верст пред армиею на высотах, не разбив своего лагеря, но последующие репорты от посланных партий до сего дня удостоверяют, что по обеим сторонам Прута не могут его открыть далее уже сорока верст, а следы только видят удаления его к Дунаю, рассыпавшегося врозь на части.

Секретарь ханской и другие пленные разноречат в своих показаниях с сим турком, коего допрос я подношу, в рассуждении защиты крепости Бендер. Они уверяют, что там весьма мало турецких войск и одни только жители остаются и якобы совсем не приготовляются к сильному отпору против наших войск; а при убеждении их к согласному показанию каждый говорит, что признается в том поистине, что он будучи в том месте слышал. В том, однако ж, согласны, что там есть зараза. Я об одном и другом показании уведомил генерала графа Панина, предводителя второй Вашего Императорского Величества армии.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

43

П.А.Румянцев — Екатерине II

7 июля 1770. Из неприятельского лагеря в ставке хана крымского

В сей день, то есть 7-го июля, достигнувши неприятеля за речкою Ларгою на высотах, примыкающих к левому берегу Прута, одержала армия Вашего Императорского Величества величайшую над ним победу. Было тут турков и татар премногочисленно, а командовали ими сам хан крымской [Каплан-Гирей] и паши: Абаза, Измаил и Абды. Последний присоединился к ним с правого берегу Прута с своим лучшим войском в пятнадцати тысячах и так считалась вся их армия до восьмидесяти тысяч.

Неприятель с таковыми великими силами имел лагерь на превысокой и неприступной горе с обширным ретраншементом и его канонада командовала всею окрестностию. Но чего не может преодолеть воинство, усердствующее к славе своей монархини, мы, несмотря на все сии выгодные позиции, на рассвете с разных сторон поведши атаку, выбили штурмом неприятеля из всего его лагеря, поражая сопротивляющихся и брав одно за другим укрепления, коих было в оном четыре.

Божiею милостiю МЫ ЕКАТЕРИНА вторая
императрица и самодержица всероссiйская,
и прочая и прочая и прочая

НАШЕМУ Генералу Графу Румянцову

За одержанную вами знаменитую победу съ
армiею НАШЕЮ подъ вашимъ предводительствомъ
сего 1770 года iюля 7 дня учиняетъ васъ достойнымъ
къ полученiю отличной чести, и НАШЕЙ монаршей
милости, по узаконенному отъ НАСЪ статуту
военнаго ордена Святаго Великомученика и Победо-
носца Георгiя; а потому МЫ васъ въ первый классъ
сего ордена всемилостивейше жалуемъ, и знаки
онаго здесь прилагая повелеваемъ вамъ на себя
возложить, и носить черезъ плечо по установленiю
НАШЕМУ. Въ протчемъ МЫ уповаемъ, что все-
вышнiй благословитъ новыми сему подобными
случаями къ вящему оказательству отъ НАСЪ
вамъ НАШЕГО монаршаго благоволенiя, и пребы-
ваемъ вамъ НАШЕЮ императорскою милостiю
благосклонны. Данъ въ Царскомъ селе. iюля 27
дня 1770 года.

Екатерина

Хотя неприятель сильным огнем из своей артиллерии и мелкого ружья, продолжая боле четырех часов, устремлялся давать отпор, но ни сила орудий, ни персональная его храбрость, которой в сем случае надлежит отдать справедливость, не постояли против превосходного мужества наших солдат, которые коль скоро коснулись поверхности горы, то и сделались мы победителями, а неприятель с превеликим уроном в наглой обратился бег.

Не только место лагеря, что под нашей теперь пятою, но и всеми пушками, коих с первого взгляду считаем до тридцати, артиллерийскими запасами, палатками, разною провизией, посудою, скотом и каков только был багаж, мы в свою корысть завладели.

Я осмеливаюсь Ваше Императорское Величество удостоверить, что еще с толиким ударом не был от наших войск рассыпан неприятель и никогда в толиком порядке и предприятии не действовал наш фронт, как при сей щастливой атаке. Чужестранные волонтеры и все, что теперь вообще служат, дадут по мне в сем свидетельство.

Я поспешаю поднести всеподданнейшее сие уведомление с подполковником фон Каульбарсом, который, участником будучи в сем действии, в состоянии найдет себя предварительное сделать Вашему Императорскому Величеству представление о подробностях оного и коего, как храброго, усердного и испытанного в том офицера, имею препоручить в высочайшую милость Вашего Императорского Величества.

О числе пленных, трофеев, убитых и происхождении всего дела вслед за сим обстоятельнейшую буду иметь честь учинить реляцию.

Потеря наша в людях при сем важнейшем деле есть весьма мала.

При отправлении сего из ставки великолепной хана крымского, благодарные мольбы Богу, благодеявшему нам, приносит торжествующая Вашего Величества армия.

Я есьм с глубочайшим благоговением Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

44

П.А.Румянцев — Екатерине II

31 июля 1770. Лагерь при устье р. Кагул

Сим обстоятельнейшим донесением имею честь дополнить предыдущие мои и всеподданнейшие уведомления Вашему Императорскому Величеству от 21-го, 24-го и 27-го июля, коликими победами над неприятелем турком и верховным их визирем Халил-беем про-

славил Всевышний благословенное оружие Вашего Императорского Величества на береге Дунайском и пред оным.

Разбивши при реке Ларге 7-го числа сего месяца хана крымского Каплан Гирея и трех турецких пашей Абазу, Абди и Измаила, шел я с армией за сим бегущим неприятелем, стараясь его достигнуть новым поражением, но оного нигде мы не видели остановившегося, доколь не пришла армия на реку Сальчу, а передовые корпусы генерала-поручика и кавалера князя Репнина и генерал-квартермистра Боура — к реке Кагул. Тут я намерен был его атаковать 13-го числа и на тот конец, оставив все свои обозы в вагенбурге, пошел с одним только войском прямо на него, но, получа известие от генерала-квартермистра Боура, что неприятель отдалился назад более двадцати верст, взял было лагерь и послал за своим обозом, в самую, однако ж, ту минуту подоспел от генерала-поручика и кавалера князя Репнина репорт, что неприятель на него наступает, и, увидя притом пушечные выстрелы, я подням лагерь и поспешал на встречу сему неприятелю, в больших силах идущему, которой, видно, для обозрения нашей позиции подходил и скоро ретировался.

Чрезвычайной дождь с вихрем и громом, ослабление людей и лошадей, кои во весь тот день ни пили, ни ели, принудили меня занять лагерь чем ближе, тем лучше и находился он от корпусов князя Репнина и Боура верстах в десяти при Сальче. В пребывании в оном 14-го июля явился нам на две части разделенной неприятель: татаре с своим ханом при Сальпусском озере, а турки подле озера же Кагул называемого. Татаре в тот день и на завтра подвигались по реке Сальче вверх, так что я приметить мог их умысел к нападению на идущий позади армии подвижной магазеин с месячным провиантом. Своею тогдашнею позицией, возбраняя им на то покуситься, намерен был я в сем месте дождаться сего транспорту и, запасшись пропитанием, итти потом на неприятеля, до коего в обе стороны верст более двадцати щисляли.

В полдень 16-го числа в турецком лагере при Кагуле произошла пушечная пальба выстрелов до пятидесяти, оную приняли мы, судя обычай турецкий за селютацию новоприбывшему к ним войску, что и в самом деле было, как приметил тогда же генерал-квартермистр Боур, при сей стрельбе весьма распростанившейся неприятельской лагерь, почему и не оставалось сомнения, яко визирь со всеми своими силами от Исакчи, где быть его сказывали, соединился с войском, от нас прогнанным, а последование и открыло, коль заключения наши были в том справедливы.

Внимая усилию неприятельскому на правой стороне, против коего помянутые корпусы князя Репнина и Боура стояли, положил я на завтра перейтить с армией восемь верст и вместе с оными

взять лагерь против местечка Грезены, так как и весь транспорт провиантской провождать к реке Кагулу, послав в тот же день для обеспечения оного от реки Сальчи, куда клонилось стремление татар, деташамент под командою полковника князя Волконского, состоящий из двух карабинерных Сибирского и Тверского полков и двух же баталионов егерей подполковника и кавалера Фабрицияна и майора Кинлоха.

По вышеписанному предположению, как армия от реки Сальчи отступила вправо в соединение с своими корпусами, то татаре тотчас поспешили обратиться чрез ту реку против наших провиантских обозов в чаянии воспользоваться истреблением оных, но предводитель помянутого деташамента, на заслону оных посланного, князь Волконской [Г.С.], весьма храброй отпор сделал семи тысячам татар, на его нападшим, которые, между им и транспортом став, стремились его атаковать. Он, невзирая на превосходные неприятельские силы, сквозь всю сию толпу мужественно с кавалерией и пехотою огнестрельным и белым оружием пробился и оградил своею защитою не только идущий провиант, но тогда же сопротивным ударом рассыпал нападавших татар с уроном их многим, а свой только имея в раненых семи карабинерах да восьми егерях. Отражение сие, однако ж, не обуздало татар, которые еще большими толпами от Сальпусского озера пустились в левую нашу сторону чрез реку Сальчу, напрягаясь всеми образы отрезать наше пропитание. Упреждая в том склонение неприятеля, я того ж числа, то есть 17-го, командировал от армии генерал-майоров и кавалеров Глебова с пятью полками тяжелой кавалерии, графа Подгоричани с гусарскими Венгерским, Ахтырским и Острогожским полками, Потемкина с четырьмя баталионами гранодер, да брегадира Гудовича с пикетами в числе двух тысяч человек, чтоб под защитою сего корпуса пройтить всему провиантскому транспорту к армии, которого я полагал дождаться в сем лагере, не имев больше уже с собою пропитания в сухарях как со всею нуждою по 21-е число июля. Все сии команды, по рачению вышеупомянутых предводителей оными, заблаговременно успели соединиться с собою и опровергнуть стремление татарских орд. А между тем 18-го и 19-го числа турки под прикрытием своих наглых наездников, рекогносцировали наш лагерь, подъезжая сколько можно поближе, потеряв в оба сии дни пятнадцать отлично храбрых своих всадников, которых наши казаки в шармицелях сразили. Напоследок к вечеру 20-го числа увидели мы великочисленные движения из неприятельского лагеря к своей стороне и обозрели вскоре, что неприятель стал разбивать свой лагерь и расположился по левую сторону устья реки Кагула, не далее семи верст от нашего положения, я проникнул, что приближение

сие чинил неприятель, хотя нас атаковать спереди, тогда как хан крымский, не меньший в силах, обляжет весь мой тыл с равным устремлением, а пленные подтвердили, что с тем визирь и хан приготовились уже к завтрашнему дню.

Хотя для прикрытия провиантских обозов толь знатная часть пехоты и кавалерии, как выше я изобразил, была отделена, чем и оскудевалась в числе армия, ибо, за всеми раскомандированиями, под ружьем людей могло быть и находилось не более семнадцати тысяч, но дознавши не раз в сие лето что̀ может мужество войск, коими щастие имею командовать, решился я расторгнуть приготовленные на нас сети упредительною с своей стороны атакою неприятельской великочисленной армии.

Вследствие того ночью против 21-го июля учредил я к атаке неприятеля весть свои войски следующим порядком: каждой дивизии составить свое каре, имея из передней и задней линии особливую колонну, а артиллерию в средине оных. Корпусу генерал-квартермистра и кавалера Боура делать авангард правого крыла, а корпусу генерал-порутчика и кавалера князя Репнина авангард же левого крыла. Полкам кавалерийским Его Высочества Наследниковому и Нижегородскому между каре князя Репнина и третьей дивизии, протчим команды генерал-порутчика и кавалера графа Салтыкова — между первой и третьей дивизии, шести эскадронам карабинерным под предводительством генерал-майора князя Долгорукова и Ахтырскому гусарскому полку — между первой и второй дивизии. Сербскому же гусарскому — между второй дивизии и корпуса генерал-квартермистра Боура маршировать. Корпусу генерал-квартермистра Боура итти по высотам, ведущим к неприятельскому левому флангу, и атаковать оной, а за оным шед до дороги Трояновой второй дивизии генерал-порутчика и кавалера Племянникова, принять оттуда влево и атаковать параллельно с оным также неприятельской левый фланг. Первой и третьей дивизии и корпусу князя Репнина маршировать по трем гребням, ведущим на неприятельской левый фланг и центр, предположенные за предмет нашей атаки.

Сим образом в час пополуночи выступили все войски из своего лагеря, отправив свои обозы в построенной позади оного вагенбург и продолжали поход к неприятельскому лагерю, в котором, по фальшивой тревоге, минут несколько слышен был сильной оружейной огонь и канонада и несколько лошадей узброенных [в сбруе] к нам прибегали. Все пять частей построились в порядок к бою и в оном на рассвете приближились мы к Трояновой дороге. Коль только оную перешли, то неприятель, обозревши на себя наше наступление, оказал нам все свои силы на высотах, окружавших его лагерь, и встретил многочисленною конницею, которой мы конца

не видели. Я началом своей канонады, а наипаче скорострельным огнем из главной батареи, которою распоряжал артиллерии генерал-майор Мелиссино, скоро привел в замешательство неприятеля в его лагере и тех притом, которые в лице у нас были, но в то же самое время воспользовался неприятель глубокою лощиною, которая между гребнем, где первая дивизия проходила, и другим, где вел свое каре генерал-поручик и кавалер граф Брюс, была, и пробежал по оной даже в тыл нам, снося по себе наижесточайшие выстрелы пушечные и оружейные, коими его старались одержать обе дивизии. Сквозь густоту дыма, от стрельбы происходившей во всех фазах сего каре, равно и неприятельской по нем, я приметя, что неприятель, как в той лощине, так и за Трояновою дорогою задерживаясь, довольно мог вредить наш фронт, немедленно приказал маршировать вперед и из каре отделить резервы пехоты и охотников с пушками и наступно вести их на неприятеля, где он кучами держался, сказав между тем и всему каре принимать влево, чтоб конницу турецкую, забежавшую по той лощине отрезать. Сей маневр столько устрашил неприятеля, что оной, под конец боясь быть отрезан от своего лагеря, обратился во всю лошадиную прыть с криком к оному, провождаем будучи от нас наижесточайшею пушечною стрельбою, которая порывала в густых толпах великим числом всадников, отчего вострепетала и вся протчая турецкая конница, нападавшая со всех сторон на каре Племянникова, графа Брюса, князя Репнина и Боура, и пустилась назад примером отраженной от каре генерал-аншефа Олица.

Тако сломив первое стремление на себя неприятельское, быв в огне непрерывном с 5-го часа утра по 8-й, очистили мы себе путь и удвоили свои шаги к неприятельскому лагерю, в котором еще видели, что пехота и конница смелость имеет нас к себе дожидаться. Не прежде как в меру против нашего движения открыл неприятель большие свои батареи, действия которых напряжены были наипаче на тот каре, где я находился, и по правую сторону идущий генерал-поручика Племянникова. Мы усугубили в примечании того стрельбу и поспешали достигнуть к ретраншаменту, который сверх чаяния своего увидели в одну ночь обширно сделанным стройными глубокими рвами и последние наполненные их янычарами. Как уже действием превосходным нашей артиллерии брали мы верх над неприятельскою многочисленною осыпавшую нас ядрами и картечами без большого, однако ж, вреда и их батареи приводили в молчание; в то самое время тысяч до десяти или более янычар, вышед с своего ретраншамента, неприметно опустились в лощину, примыкавшую к их левому флангу, близ которой шел с своим кареем генерал-по-

ручик Племянников, и только что уже его части доходили простерто руки на овладение ретраншаментом, как те янычаре, внезапно выскочив с лощины с саблями в руках, обыкновенною толпою ударили на правой того карея фаз и в самой угол оного, который составил пехотные Астраханской и Первомосковской полки. Едва первой плутонг Астраханского полку мог выстрелить, то янычаре, смяв его, одни ворвались внутрь карея, а другие вдоль пошли по правом фазе и силою своею превосходною замешали те полки и другие того карея и пригнали к каре генерала-аншефа Олица, к которому пред фронт сквозь их промчалась с великою яростию янычаров толпа и их знаменосцы. В сем случае я щастие имел одним словом «стой» одержать своих ретирующихся и возободрить к отражению неприятеля, ударив притом наижесточае из своих батарей по янычарам, которые без того меньше минуты могли бы уже коснуться моего каре, где первой гранодерской полк, внимая моему повелению, весьма храбро ударил на все стремление неприятельское и оное сокрушил бодрым духом и отважною рукою, к чему споспешником ему были командир онога брегадир Озеров. Их штыки и пушки, тут случившиеся, в один момент все дело решили и с удивительною скоростию и послушанием, построенной опять каре генерал-порутчика Племянникова, воскликнув единодушным гласом «Виват Екатерина!», шел вперед. Тут послал я на сию дерзкую пехоту свою тяжелую кавалерию, с которою с одной стороны генерал-порутчик и кавалер граф Салтыков, с другой — генерал-майор князь Долгоруков [Василий Владимирович] пробившись, ее посекали и силою вообще огненного и белого оружия великую часть янычар положили на месте, а остальных погнали и в ретранжамент потом вошли как оба первые карея, так к тому времени приспели туда же вступить с своими частьми с правого флангу генерал-порутчик граф Брюс, а с левого — генерал-квартермистр Боур, производя, покуду держался неприятель, пушечную по нем пальбу. Визирь, увидев в сем случае лучших своих янычар, составляющих первую стену, падших, на всю мочь побежал из лагеря ее всеми войски; а при вступлении моем отделенной от корпуса генерал-квартермистра Боура подполковник граф Воронцов с своими баталионами с левой стороны взошел в неприятельской ретранжамент и сопротивляющихся в нем янычар истреблял, заняв в той части батареи и несколько отбив у турков знамен.

Генерал-порутчик князь Репнин с своим корпусом в продолжении сего захватывал сколь возможно было обращенного в бег неприятеля, заходя в зад его лагерю и провождав пушечною пальбою, отчего неприятель, видя свой великий урон, бросил весь обоз и по-

бежал толпами во все ноги к стороне Дуная, где было до трехсот судов больших, которые послужили к его переправе, но не безбедственной; а затем завладели войски Вашего величества турецким полным лагерем, получили в добычь всю артиллерию в сту сороку хороших орудиев на лафетах и со всеми к тому артиллерийскими запасами и великим багажом, о чем изъясню я ниже. Посреди сего изобильного лагеря, проведши в порядке, преследовали неприятеля верст до четырех, а далее итти за ним усталость солдат не позволила, поелику вели мы беспрерывной и жестокой бой с начала пятого до половины десятого часа поутру, в которой свершили уже нашу победу, а в кавалерии, за отделением ее к прикрытию запасного магазеина, имели мы недостаток.

По отдохновении немногом, велел я генералу-квартермистру Боуру с своим корпусом итти вслед за неприятелем, запасшися пропитанием, найденным в его лагере, который в тот день и подвинулся вперед, а я с армиею, расположась на сем месте, первое имел попечение о снабдении солдат пищею, а на другой день, по совершении литургии, воздав Богу, помощнику нашему, благодарное молебствие, торжествовала армия Вашего Императорского Величества свою победу с пушечным и троекратным ружейным беглым огнем; а на вечер, сведав, что неприятеля некоторая часть отделясь от Дуная бежит за Елпусское озеро, обратил я туда брегадира и кавалера Игельштрома с деташементом, который в ту ночь успел занять мост, отбил у неприятеля что мог застать из обозов, одну пушку и несколько человек взял в плен, уведомляя меня, что часть великая неприятельского войска, перешедши Елпуг, пошла к Измаилу. Я, получа сей рапорт, ночью того дня поспешил отправить генерал-поручика и кавалера князя Репнина с его корпусом к Измаилу, чтоб, разбив неприятеля, занять сей город, в котором он по прогнании неприятеля 26-го числа и утвердился, как я уже имел честь донести с последним моим курьером Вашему Императорскому Величеству и готовлю вслед за сим к отправлению обстоятельнейшую реляцию с коликими наибольшими успехами князь Репнин произвел сию экспедицию. А между тем 23-го числа генерал-квартермистр Боур пришел к Дунаю против Исакчи, где не было мосту, а посредством множества судов с некоторою частию войск переправился уже визирь на тот берег; еще, однако ж, и на сем берегу была часть неприятеля, как и все обозы, потому реченной генерал, встревожив, во-первых, легкими своими войсками захваченного неприятеля, послал потом переводчика, требуя сдачи и обещая им за то пощады живота. Визирь, увидев сюда приход наших войск, подослал из того берега фрегат о нескольких пушках, с которых стрелять начали по нашем корпусе и множество судов во спасение ос-

тавшимся, но сопротивным действием своей артиллерии не допустил до исполнения сие предприятие помянутый генерал-квартермистр, и войски, найденные более тысячи, в виду визиря и всех своих собратий, с воплем взирающих с той стороны на их участь, положили свое оружие и предались в наши руки. Последней парк артиллерии при береге найденной в двадцати шести орудиях тут же взят.

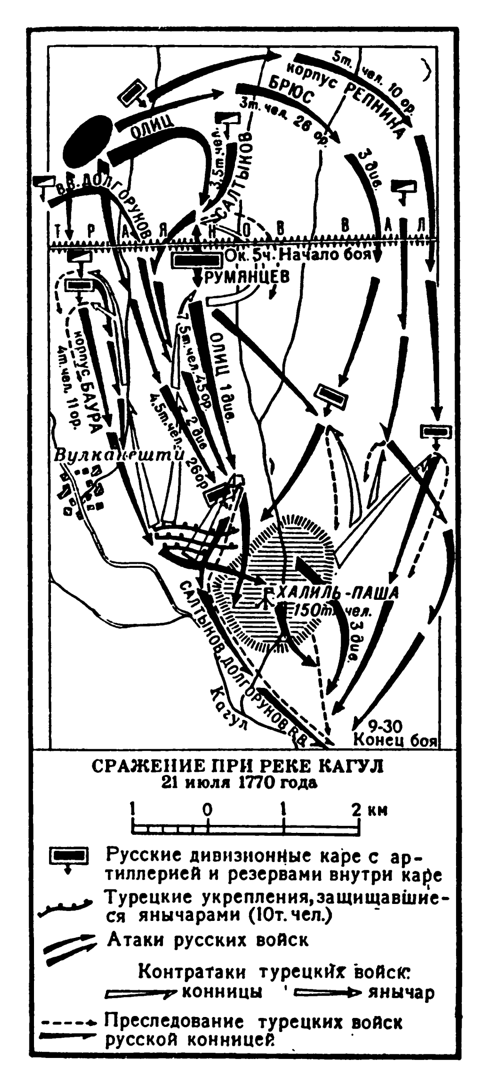
О небольшом числе убитых и раненых с нашей стороны в сие жестокое сражение подношу ведомость, о неприятельском же уроне могу сказать, что оной по крайней мере до двадцати тысяч должно разуметь, хотя пленные и из-за Дуная пришедшие уверяют заподлинно, что турки чувствуют оной в сороке тысячах наипаче своей пехоты, кроме погибших в лагере, ретраншаменте и пред оным, где их по исчислению погребено тысяч до трех; по пути, где нас атаковала конница, и вдоль за лагерем верст по крайней мере на семь кучами еще лежат побитые тела в превосходнейшем пред сказанным числе, коим счету не делано. Остаток древних янычар и спагов, таковыми казавшихся по виду и летам своим, которые всю свою опрометчивость истощили над нашим фронтом, тут совершенно погиб, как и тех, кои твердо держались в ретранжаменте, не ушла ни одна нога; но сего не довольно, по показанию самих пленных великая часть их в войск, избегнув наших рук, потопилась еще в Дунае, когда визирь, прибежав в торопливости к оным в страхе, угнетая и рубя дружка дружку бегущие войски, одни садились на суда, другие хватались за канаты и доски, погружая самые судны неумеренною тягостию ко дну вместе с собою. Словом, гибель тут была туркам наивеличайшая, что доказывает всплывающие великим числом ныне на поверхность воды утопшие тела.

В трофеи на месте баталии и при береге Дунайском и при Измаиле получено: знамен пятьдесят шесть, бунчуков два, дервишских знаков два, литавр четыре, щит один, разных калибров артиллерии двести три орудия, о коих как и снарядах впредь буду иметь честь поднести специальную ведомость. Плену по сей день имеем более двух тысяч военных людей, но оной на всякий день приводимыми не престает умножаться. Между пленными, взятыми на Дунае, до двадцати чинов есть из посредственных начальников, но в Измаиле, где также плен велик, попались познатнее сих. Протчей добычи, яко то: палаток, лошадей, верблюдов, разного скоту, провизии, экипажу, фур с пропитанием, никоим образом нельзя сделать сметы; всех того набираются многие тысячи и так за верно сие только донесть могу, что визирь и турки ничего из выше писанного не перевезли с собою чрез Дунай, а все, что имела их армия, на сем береге осталось, следственно по многочислию разбитой армии легко судить

всякому, коль великую в том потерю неприятель несет и сколь достаточна есть корысть наша.

По удостоверению пленных армия визирская, от нас побежденная, состояла из пятидесяти тысяч пехоты и со ста конницы собранной из Анатолии, Румелии и из самых отдаленных областей державы Оттоманской, где только славится храбростию турецкое войско. По испытанию справедливость сию должно отдать туркам, что персонально нельзя быть храбрее воину, как их всадники и пешеходцы. При визире находились командирами над конницею сераскер Абды-паша, Абаза-Мегмет-паша и дагистанжи в классе трехбунчужного паши, янычар агасы Капикаран-ага-паша, предводитель янычар баш Мугасе Беджи, рейз авни эфенди Киритли, Агмет-эфенди, тайной верховной советник, который последний раз был послом к прусскому двору, визирь кегаясы Ибрагим-ага, Нузуль емини-эфенди; двухбунчужные паши: Янли Хасан-паша, Арнаут Мегмет-паша, Хачи Али-бек, топчи паша Мухсур-ага, куль кегаясы джебеджи баши, баш Азидже-эфенди, самсонджа баши, загараджи баши, чауш баши, буюк тескереджи, кичик тескереджи, баш баки кулу, силихтар агасы, сыпагиллер агасы, мегтупчи эфенди, буюк разнамеджи. Словом, все чины военные и статские Оттоманской империи сей сонм составляли, а при султане оставались только кайма[ка]и и его придворные. Во время сражения, когда наши войски и артиллерия низлагали противящихся, визирь и Магометом, великим своим Пророком, и салтанским именем силился восстановить опрокинутых, но все кричали в ответ ему: «нет сил наших сбить с места россиян, которые огнем как молниею разят». Ибо в самом деле, по моему учреждению, артиллерии генерал-майор Мелиссино толь скоропостижно из больших пушек стрелял, что не только первым разом со всякого места опрокидал неприятеля, но казалась от звуку самая твердь колеблющеюся; коего за великую исправность в своем звании имею честь особливо рекомендовать Вашему Императорскому Величеству.

Осталось мне за сим справедливость отдать пред Вашим Императорским Величеством, во-первых, командующим дивизиями и корпусами генерал-аншефу и кавалеру Олицу, генерал-порутчикам Племянникову, графу Брюсу, графу Салтыкову, князю Репнину и генерал-квартермистру Боуру, что они собою пример давали своим подчиненным мужества и усердия в происходившем деле, и всяк из них к победе неприятеля споспешествовал своим предводительством и порядком веденных войск, так как генералу-майору князю Долгорукову, который персонально при атаке неприятельской пехоты, как оная устремилась на каре генерала-порутчика Племянникова,

СРАЖЕНИЕ ПРИ РЕКЕ КАГУЛ
21 июля 1770 года

врубившись пред своими эскадронами в кучу неприятеля и окружен от него будучи, собственною рукою поражал сопротивных; полковникам: Энгелгарду, Панину и князю Прозоровскому, которые с своими полками между кареями, атаковав многократно неприятельскую конницу и насквозь пробиваясь чрез густую их толпу, опрокидывали оную со вредом; генералы — инженерной Голенищев-Кутузов, артиллерии Унгерн, дежурной Ступишин — находясь всегда при мне, по мере своих сил усердно вспомогали в самом огне мне своим примечанием в потребных случаях с отличною твердостию духа, а последний и удержанием повсюду порядка. По справедливости я также должен засвидетельствовать и о подвигах отделенных на сие время от армии генерал-майоров и кавалеров Глебова, графа Подгоричани, Потемкина и брегадира Гудовича, которые со вверенными им войсками сохранили целость пропитания нашего и нападки хана крымского со всею ордою в ничто обратили. Его светлость принц Броуншвейгской впереди всегда находился во время жестокого сражения и презирал всю опасность, оказывая добрую свою волю к пользе нашей, в чем его к примеру подражали и протчие чужестранные, при армии Вашего Императорского Величества пребывающие, волонтеры; равно и все наши на сем сражении с похвальною охотою при всяком их употреблении поступали, из коих подполковник князь Долгоруков [Василий Васильевич], лейб-гвардии конного полку ротмистр князь Мещерской и Семеновского капитан-порутчик Волков при мне находились и были посылаемы, так как и обер-кригс-комиссар князь Щербатов, которой по доброй своей воле в каждом случае отличал

себя отвагою. Инженерной подполковник Фалкиншид и при сем случае будучи при мне доказывал отменное усердие повсюду поспешным исполнением моих повелений. Протчие же все чины армии Вашего Императорского Величества не требуют моей хвалы. Дела их, когда они величайшие силы неприятеля сокрушили толь малым своим числом, наилучшим суть доводом, как они храбры и коль усердны к повелениям своей монархини и сколько сим подвигом учиняют себя достойными Высочайшего Вашего Императорского Величества и матернего к ним покровительства. К их славе я присоедину ту только истину, что я прошел все пространство степей до берегов Дунайских пред неприятелем, не делая нигде полевых укреплений, а поставляя одно мужество и добрую волю их во всяком месте за непреоборимую стену.

Визирь, по известиям, остатки разбитых своих войск, коим удалось переправиться чрез Дунай, держит при Исакче, стараясь всеми образы не допустить в Царьград предварительно прямой ведомости о своем состоянии.

Есть слух также, якобы сам хан крымской поскакал к султану, дабы приготовить его к известию о пагубе, которую претерпела его армия.

В сем состояли успехи победы армии Вашего Императорского Величества над визирем и войсками его предводительства, а сверх сего описания к усмотрению всех подробностей имею честь при сем поднести обстоятельные планы, изображающие наши действия и неприятельское положение.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

45

Екатерина II — П.А.Румянцеву

2 августа 1770. *С.-Петербург*

Граф Петр Александрович, вчерашний вечер получила я чрез мною тот же час пожалованного генерала-майора и кавалера Святого Георгия третьего класса Озерова, хотя неожиданное, но весьма приятное известие о славной Вам, всему воинству российскому победе при речке Кагуле над армией вероломного султана под предводительством самого визиря. За первой долг я почла приносить Всемогущему Богу за бесчисленные Его к нам милости и щедроты коленнопреклоненное благодарение, что сего утра со всем народом при пушечной пальбе в церкви Казанской исполнено было, и весь

город зело обрадован. Потом, возвратясь во дворец, сев за столом и вспомня подающего нам причины радости и веселия своим искусством, усердием и разумом, при пушечной пальбе пила я здоровье господина фельдмаршала графа Румянцова, с которым Вам, новопожалованным и весьма Вами заслуженным чином Вас поздравляю, и должна Вам засвидетельствовать, что у меня за столом не было человека, который бы не был тронут до слез от удовольствия, видя что я справедливость показала их достойному согражданину. Несравненной армии моей успехи и победы, кто с толиким удовольствием видеть может, как я; но как велика радость моя, сие легче чувствовать можно, нежели описать. Одним словом, от малого до великого могут быть уверены о моей к ним милости, благоволении и благодарении, что прошу им сказать. Благодарю я Вас и за то, что Вы то самым делом исполняете, что про римлян говорят, и не спрашиваете — многочислен ли неприятель, но где он. Я уверена, что Вы не оставите мне тех назвать, кои себя отличили, дабы я могла им воздать справедливость. Графа Воронцова и господина Елчанинова по Вашему представлению пожаловала полковниками. В прочем остаюсь как и всегда к Вам доброжелательна.

46

П.А.Румянцев — Екатерине II

23 августа 1770. Лагерь при озере Ялпуг

По осьмидневной жестокой обороне против атакующего корпуса под предводительством генерала-поручика князя Репнина, крепость Килия покорилась победоносному оружию Вашего Императорского Величества на капитуляцию, которую с позволения моего князь Репнин учинил с тамошним гарнизоном, в сих кондициях, чтоб всех вооруженных турков, коих было там для обороны тысяч до четырех, с их имением выпустить из крепости и перевезть чрез Дунай в местечко Тулчу; артиллерия ж и все военные и съестные припасы оставят они нам.

По заключении сей капитуляции в 21-й день сего августа, князь Репнин получил от крепости ключи и обнял своими войсками стены, ворота, артиллерию, военные припасы и место, где лежит провиант; и с лишком уже сто лодок турков отправил в Тулчу. Прочие же того города жители — армяне и жиды, коим дана совершенная воля или выезжать, или оставаться, все не выбираются, да и сами турки, купеческой промысл производившие, ищут позволения пребыть тамо с нашими войсками [...]

47

П.А.Румянцев — Екатерине II

27 сентября 1770. Лагерь при озере Елпуг

Государыня Всемилостивейшая!

Крепость Аккерман по сопротивлении десятидневном против корпуса, атаковавшаго оную, который к тому отряжен был от армии, мне вверенной, под командою бригадира и кавалера барона Игельштрома, сего 25-го сентября победоносному оружию Вашего Императорского Величества покорилась на таковых же кондициях, каковым прежде повинулся гарнизон Калийской[1] [...]

48

«Мнение...» П.А.Румянцева

28 января 1771. Яссы

Трудно предузнавать и верные вывесть заключения о будущих действиях такого неприятеля, коего доселе все бывшие являли одну предприимчивость без расположения примечательного. Судя однако ж по образцу военных правил о намерениях своего противника, и если теперь турки не понесут перемены в своих предприятиях по случаям, могущим произойтить от внешних или внутренних дел, то по локальному положению в трояком виде воображению моему приходят их будущие действия, то есть: или они восхотят покуситься посредством Черного моря, высадив на наш берег свою пехоту и переправясь с конницею чрез Дунай, на левой стороне Прута отбирать крепости, у них завоеванные — Аккерман, Килию и Бендеры, чтоб тем и диверсию сделать предприятием второй нашей армии; или силы свои обратят к стороне Валахии, где река Дунай уже и переход чрез оную на обоих берегах удобнее, чтоб, сей край, как довольно еще обитаемой и имеющей в себе выгоды пред другими здешними местами, впадением опустошить и затруднить наши действия, не меньше и пресекать сообщение с народами нам единоверными, о которых готовности и усердии к свержению с себя магометанского ига не могут турки не думать; или же напротив того положат на том едином свое намерение, чтоб только оборонительную вести войну, защищая сопротивной берег Дуная.

Вопреки сим намерениям вообще, дабы показать существительные виды повсеместного на своем береге сопротивления, доколе

в состоянии будем твердым образом перенести оружие за Дунай, предполагается:

1-е. Корпусу, правое крыло армии составляющему, быть в Валахии на Дунае и Олте или за Олтою по предусмотрению возможности.

2-е. Среднему, или кор де арме при Максимианах, где чрез Серет надежной мост иметь можно по слитии вод с пристойным сбережением; а другой, преодолевая все трудности, сделать чрез Прут при Водянах, или и ниже оных, чтобы на всякой случай обе сии стороны быть могли в обозрении, не меньше и корпусы за Серетом и Прутом завременно подкреплятся.

Относительно к сему пункту, для приготовлений всего потребного, уже посланы офицеры, коим приказано изготовить довольное число фашин, чтоб с помощию сего грузу утвердить путь на берегах речных широких и болотистых.

3-е. Корпус, левое крыло армии составляющий, возьмет свою позицию в вершине Елпуха, объемля своим бдением весь берег Дунайской между Прута и Черного моря.

4-е. Все те места, где большими судами приставать можно, укреплением в оных отделенными от корпусов надежными постами из пехоты с артиллерией достаточною обережены; и в резерве часть кавалерии, так как для патрулей по берегам легкие войска иметь будут; ради же скорейшего ознаменения о неприятельском сближении и в каком числе судов, построятся маяки.

5-е. Магазеины, превосходя все трудности подвозом из Польши, учредятся для действующего корпуса в Валахин и на случай переходу армии чрез Серет, в Фокшанах; а на таков же и для действующего корпуса в Бессарабии, в Фалче, для крепостей: главной в Бендерах, откуда Аккерман, Килия и Измаил снабдеваться будут.

6-е. Сбережение заводимых магазеинов в том краю, так как и крепости Бендерской от стороны Очаковской, полагая что вторая армия там действия свои иметь будет, предаставляется оной.

7-е. Для удержания возмутителей польских, в содействие с корпусом генерал-поручика Веймарна, и на обеспечение магазеинов в Польше заводимых, расположатся деташаменты по местам, где больше предусмотрится надобность, а до времени в удобных, где прошлого года они коль в малом числе не были, находили себя в состоянии и оберегать магазеины и уничтожать замыслы возмутителей польских с авантажами.

Разделение армий на части так, как выше изъясняю, располагаю я по настоящим токмо видам, знав, что визирь имеет свою квартиру в Бабадах и там же помещаются теперь и его войски. Число же полков для предположенных действий определить дело будет той

поры, когда точно и в которую сторону откроются склонения неприятельские, ибо, смотря по сопротивному усилию и на нашей стороне, одна часть другую подкреплять будет в том или другом краю.

К удержанию неприятеля от переправы на сей берег, взяты будут удобовероятные способы, оказывающие виды намерения нашего также перенести оружие на его берег, дабы сим обстоятельством не только преклонить его важнейшее внимание, но и разделить силы для стражи против многих мест.

Напоследок, как польза требует, дабы во всех частях военные действия сопрягались по общей связи между собою согласием и помогающим одни другим взаимством, то в сем только пункте коснуся я моим мнением ко второй армии. Ей должно заблаговременно принять свое движение за реку Днепр, во избежание тех трудностей, которые причинили прошлого года медление великое походу оной при разлитии сея реки. Также по видам своих операций надобно и сей армии положения действущего до той поры не оставлять, пока не достигнет оружие в полном совершенстве своих успехов, из случаев полезных, могущих открыться.

Граф *Петр Румянцов*

49

П.А.Румянцев — Екатерине II

15 марта 1771. Яссы

Государыня Всемилостивейшая!

Ни единого способа из глаз не выпуская, каковыми только споспешествоваться может польза тех видов, что от Вашего Императорского Величества открыты мне о будущей 1772-го года кампании, стараюсь я, во-первых, сколько от меня зависит, всемозможные находить средства к построению в сих местах судов. Споспешество, что я к тому могу от себя приложить, есть не больше как одно рачение мое, а впротчем, что касается до созидания судов, их родов и употребления, я не быв в сей науке отнюдь ни практиком, ниже зная первые правила теории, не осмелюсь распоряжать тем, хотя того от меня требуется; а слагаю то на лучшее знание морской службы присланного ко мне капитана Нагаткина. Морского департамента есть делом определить количество, образ и производство строения здесь флотилий, и уравновесить качество оного против действий предполагаемых. А долг мой есть донести Вашему Импе-

раторскому Величеству, что естли оную приготовлять для искания поверхности на воде над силами неприятельскими, то надобно уважить известное здесь состояние оных. Река Дунай по производившему чрез оную торгу с Царьградом и другими местами, носила на себе ежегодно более тысячи судов купеческих. Мы видели сами на оной и те и военные суда, а все оные остаются безвредно в руках турков. Несколько, что нам достались, служат в доказательство, что и купеческие их суда имеют артиллерию и способность быть обращены к военному вооружению. Соразмеренной сему пропорции создать нам тут ополчение в один год, дабы и войско в сороке тысячах посадить и пропитание такожде на воде обеспечить дело будет превосходящие возможность, умалчивая о всех припасах для строения судов, которых здесь отнюдь достать нельзя, и кое по весу и ценам своим в велико станут, когда необходимо из наших границ доставлять оные сюда должно. Но естли однако ж и неудобность одолевать надобно, то заблаговременно нужно, чтоб сюда прислать потребное число всех чинов, знающих морскую службу и строительство флота не меньше и определить снабжение всеми к тому потребами, ибо из здешних жителей совершенно знающие сему делу не находятся. Бедствия военные, а заразительная болезнь и того боле, здешний край подвергнули во многих местах опустошению в людях.

Когда генерал-фельдцейхмейстер и кавалер граф Орлов предполагал в своих мнениях об отделении корпуса на будущую 1772 года кампанию за Дунай в сороке тысячах, чтоб дошед до Варны, оттуда ему водным путем иттить на атаку Царьграда, тогда еще армия Вашего Императорского Величества, мне вверенная, не приобрела всех пространных завоеваний, что теперь имеет на береге Дунайском, да и за первое правило поставлял он, предопределяя сию экспедицию, дабы прежде армию, к таковым операциям готовящуюся, сколько можно усиливать как числом, так и способностию. Но прибавок ныне войск, назначенных в сию армию, состоит весь из шести пехотных полков, коего числа недостанет и для гарнизонов, коими должно мне снабдить завоеванные крепости в такую пропорцию, чтобы они собою могли по крайней мере воспротивиться на первой случай неприятельским покушениям. Я не возьму смелости делать тут объяснения о войне наступательной и оборонительной. Ваше Императорское Величество пресовершенно знать соизволите свойства различные одной пред другою. Полководец, ведущий свои действия по правилам первой, в предмете имеет один главный пункт, и к оному течет со всем устремлением, поелику одолением оного опровергает все другие от того зависящие. Но в оборонительной войне нельзя взять предмет такого равновесия, ибо тут на все

части потребны и силы и внимание по подвержению оных попыткам неприятельским. Сие есть мое настоящее положение, и когда я соразмеряю число моих сил с великим пространством объятой земли, которую защитить должно во облагонадеживание повсеместно жителей, уповающих на щит оружия Вашего Императорского Величества, когда полагаю потребную стражу и ополчение для завоеванных крепостей, кои ежели тем не обеспечить, то разве разорить, инако же бы достались они в пользу неприятелю. Когда убыль по естественным припадкам ежегодно бываемая в армии в людях, хотя бы Бог сохранил от прикосновения заразы, приносит довольное оскудение; то и не осмелюсь мнить за возможней, чтоб после наступающей кампании быть в состоянии здешней армии отделить в сороке или тридцати тысячах корпус за Дунай на овладение Царьеградом. Такое число отделивши, что может остаться на здешней стороне, во удержание сильнейшей защиты и сообщения с оным? Для такого действия я могу сказать: от шести полков прибывших армия не получит усилия, но надобно разве удвоить ее против нынешнего числа.

Заботит меня положение крепости Очаковской, естли против оной для стражи не будет оставлен деташамент при обращении второй армии к Крыму. Гарнизон в сей крепости, конечно, усилят турки и для диверсии той армии, равно и мне, могут производить покушения по крайней мере в обеспокоение нам при наших упражнениях впереди.

Всеподданнейше прошу, Всемилостивейшая государыня, сим моим слабым мнениям определить точность и преподать Высочайшее руководство.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

50

П.А.Румянцев — Екатерине II

21 апреля 1771. Яссы

Государыня Всемилостивейшая!

Нынешний священный день рождения Вашего Императорского Величества в сугубом торжестве провождает армия, мне вверенная, празднуя по полученному накануне сего уведомлению от генерал-майора и кавалера фон Вейсмана об одержанной, собственно им предводительствуемым деташаментом, мужественной победе за ре-

кою Дунаем и в самом уже городе Исакче над неприятельским корпусом в 6000-х бывшем. Кроме, что взят был сей город с опровержением толикого числа войск и артиллерии в 51 орудии, еще к вящшему знаменованию силы и храбрости оружия российского сколько помянутый генерал отбил тут у неприятеля на батареях пушек, знамен, судов, коим образом истребил тамошний магазеин, флотилию и великие лесные приготовления для мосту, о том и для подробного усмотрения всего производства столь храброго предприятия имею честь в оригинале поднесть при сем его ко мне рапорт, чрез подполковника датчанина фон Блюхера, который участвовал в сей экспедиции и заслужил отличное одобрение своим подвигам от реченного предводителя.

Сей новой и отважной поиск на Исакчу определил я свершить, дабы неприятеля понудить сильнее на разделение сил его, которые он наиболее устремляет, как все известия от времени достовернее потверждают, в верх Дуная. Чтобы также противные виды дать ему чувствовать о моем состоянии, нежели ему оное по настоящему не лучшему положению знать доходит, а не менее того, дабы и в войски неприятельские, которые собою не познали наших в прошедшую кампанию успехов, и вновь ныне собираются, поселить в начале страх отважным делом [...]

51

П.А.Румянцев — Н.В.Репнину

18 мая 1771. Яссы

Ведано всем, что при самом принятии мною команды над армиею, пред выступлением в кампанию, и по возвращении на винтер-квартиры, чрез циркулярные мои ордеры сделаны от меня пристойные напоминовения в согласие военного устава всем в войске находящимся о добром поведении, прилежности к должности и о охранении себя от всего того, чего сего устава артикулы наистрожайше делать запрещают. И особливо рекомендовано, чтобы с покорившимися державе Ее Императорского Величества новыми подданными молдавского и волохского княжеств обывателями обходясь ласково, приобретали себе любовь и доверенность. Не обыкновенно и не надобно в войске благоучрежденном повторять повелений, а взыскивать исполнение; но как не послужили на желаемой конец все сии мероположении, но напротиву оказались к сожалению в небрежении оных, не одни нижние чины ноне достойные быть в чинах обер-офицерских, кои должны были примером для подчи-

ненных своих служить, и в делах не между посредственными преступлениями считаемых, то есть: в похищении государевой казны, им в сбережений вверенной, употреблении не позволенным образом заготовленного в магазеинах провианта в собственную себе корысть, раззорении обывателей собиранием без потребы подвод, принуждении их чрез разные притеснения к побегам, а потом продаже оставшегося скота посторонним людям в свою корысть, в насилии над женщинами, бой мужей оных и других граждан и поселян и под разными видами чрез добронравие их и незнание языка присвоении над ними и их умением властилинства в неуважении даваемых в сальвогвардии и в побегах.

Должность, обязывающая меня, не предполагает мне, как и выше сказал, подтверждать, но ускромлять в самом начале таковы и сим подобные беспорядки, бесславие войску и вред службе наносящие, и потому я приказал обличенным явно лишить вечно всех чинов и имение их обратить к награждению казенного и народного убытка, а над другими содержать военной суд, совсем после сего не надеясь иметь прискорбность, чтобы не только в офицерах, но ниже в рядовых, подобных видеть, но что все прочие похвально служащие в войске, возрев с омерзением на толь недостойные поступки, потщатся мне в том прямо подражать. И для сохранения собственной и всего войска славы подчиненных своих от всех случаев, приводящих и честь и жизнь в опасность, удалять добрым присмотром, советами и увещаниями, а таковых, в коих они не подействуют, нижних чинов начальникам по мере каждого власти укрощать наказаниями, а об офицерах, коль скоро явятся в таковых беспорядках, ни мало не щадя представлять к моему рассмотрению.

Румянцов

52

П.А.Румянцев — Екатерине II

6 июня 1771. Лагерь при дер. Уанче

Между тем князь Репнин сколько ни спешил на помощь Журжи, сведав напоследок, что неприятель ее атакует, и пришел к оной в четвертой мар'ш от Турны, сделав с лишком 120 верст; но уже нашел ее в руках неприятельских, ибо за несколько часов пред его приходом в 29-й день майя гарнизон наш сдался на капитуляцию, выговорив себе, чтоб при всей верхней и нижней аммуниции, со всеми военными частьми из города выступить и беспрепятственный иметь путь до Букарешта.

Не знав еще о сем нещастии, и приходя к сей крепости, помянутый генерал-порутчик встречен был неприятельскою конницею, которую атаковал и принудил под город бежать, взяв же в то сражение одного пленного, от него сведал как выше писанное, так и то, что неприятель имеет с лишком двенадцать тысяч пехоты в городе и ретраншаменте. Сие самое еще ему подтвердил из нашего гарнизона офицер, которого неприятель к нему, князю, выслал для объявления ему договора, учиненного гарнизоном. Тогда генерал-порутчик князь Репнин, не быв в силах такое знатное число войск в укреплениях атаковать, принужден отступить к реке Аргису, пославши повеление к генералу-майору Потемкину следовать с корпусом за сию же реку и заслонить своею позицией город Букарешты, против дороги, что от Журжи лежит к оному, 1-го числа сего месяца неприятель прислал к князю Репнину весь бывший гарнизон в Журже, в препровождении турецкого конвоя. Под раненых и под разные гарнизонные экипажи неприятель дал свои подводы, которые ему и возвращены.

Сие прискорбное приключение, и первое от начала моего командования, не может меня не трогать наичувствительнее, Всемилостивейшая Государыня, и потому наиболее, что произвели оное не силы и не предприимчивость неприятеля, но трудность и упадок духа бесприкладные тамошнего нашего коменданта майора Гензеля и бывших с ним в крепости офицеров[1].

Крепость Журжевская по осмотру генерал-квартермистра Боура и самого генерала-порутчика князя Репнина, как особливо первый, возвратясь из Валахии меня уверял, столько была в хорошем укреплении и снабжена довольно военными и съестными припасами, что отнюдь опасности не было потерять ее так, как по малодушию гарнизона случилось оную невероятным образом утратить.

Генерал-порутчик князь Репнин объясняет, что оборона от нашего гарнизона столь слабая происходила, какой уже хуже представить себе не можно. Крепостные строения все целы, да и разбить их нечем было неприятелю, ибо он с собою не имел удобных к тому орудий. Комендант убоялся неприятельской батареи о двух пушках с столь превосходным количеством у себя артиллерии, и за превысокими каменными стенами, имея еще действительно под ружьем, как его рапорты гласят, в той крепости, кроме убитых и раненых, пятьсот сорок шесть пехоты, да казаков девяносто девять человек. Я подношу тут рапорт коменданта Гензеля и мнение, поданное от субалтерн-офицеров и журнал подробный, что там происходило. Всяк усмотреть может из собственных их описаний, что страх недостойней сие бесславие произвел, что тут самый слабый поиск на крепость делан от неприятеля, и что оную защищали совершенные

трусы, а не победители россияне. Я приказал помянутого коменданта и всех офицеров того гарнизона, яко заслуживших смертную казнь, заковав в железа, отправить в крепость Хотинскую и содержать их тамо на хлебе и воде; ибо после обличения вины в собственных их показаниях, не о чем уже над ними боле военным судом следовать. Постыдная боязнь о собственном своем животе владела ими больше славы и присяги в том, чтоб не щадить крови своей для пользы службы и высочайших интересов Вашего Императорского Величества.

Всемилостивейшая Государыня! Теперь от власти Вашего Императорского Величества зависит конечный жребий сих узников. Я осмеливаюсь представить мое мнение, чтоб их без пощады и в образец военной строгости наказать, дабы их позорная казнь так ужасала все войско, как ныне отвратительно для всех их недостойное содеяние; ибо нет возможности тут ничего удержать, когда уже и крепость на три или четыре дни на ее собственную оборону оставить не можно. Я дерзаю сказать, что смерть, кровь и раны толь многих храбрых людей двукратным оборонном неприятеля приобревших нам сию крепость, сами вопиют о наказании сих извергов, которые плоды их мужественных подвигов вотще опровергнули.

К стыду преступников заключу я сие донесением вчера полученного мною рапорта от Браиловского коменданта Борзова, что 3-го сего месяца неприятель на утренней заре, переплывши Дунай из города Гирсова числом более двух тысяч человек, атаковал наш пост при устье Яломицы, под командою пехотного Бутырского полку секунд-майора Таубе, и хотя окружа тут бывший редут более шести часов турки со всею наглостию стремились штурмовать, но храбростию помянутого майора и его подчиненных не только отбиты, да еще и совершенно побеждены, ибо полегло их убитыми на месте более двухсот человек, шестнадцать в плен взято и два знамя, и великое число поглотила река бросающихся в робости на лодки [...]

53

Екатерина II — П.А.Румянцеву

24 августа 1771

Граф Петр Александрович, в удачных предприятиях я Вас поздравляла, ныне в неудачном случае, когда генерал-порутчик Эссен не успел взять Журжу, но сам с большой потерию остался, я Вам также скажу свое мнение[1]. Я о том хотя весьма сожалею, но что же

делать, где вода была, опять быть может. Бог много милует нас, но иногда и наказует, дабы мы не возгордились; но как мы в щастии не были горды, то надеюсь, что единую неудачу снесем с бодрым духом. Я надежна, что Вы не оставите оное поправить, где случай будет; более всего мне прискорбно — великая потеря храбрых людей. Еще не одна баталия во всей войне столько людей не стоила, стараться буду оную потерю наградить и привести армии в наипочтительнейшее состояние, нежели еще была. Впрочем пребываю к Вам с всегдашней доверенностию и с непременным доброжелательством к Вам добросклонна.

Екатерина

54

П.А.Румянцев — Екатерине II

22 октября 1771. Лагерь при Фальдештах

Всемилостивейшая Государыня!

В моем всеподданнейшем, отправленном чрез генерала-квартермистра Боура, донести я осмелился Вашему Императорскому Величеству, сколь естественные преграды, предстоявшие действиям войск мне вверенных, в нынешнюю кампанию угнетали дух общий. При окончании оной предполагал я обратить действия всей армии на прогнание неприятеля, утверждающегося по сопротивному берегу Дунайскому, соглася с тем, предприятия корпуса в Валахии находящегося, который должен был тогда же наступать на все силы сераскира паши Мусун Углу, стоящего при Журже и сим образом вообще отдалить нанесение беспокойств от неприятеля во время пребывания войск в зимних квартирах.

В сем намерении посылал я генерала-квартермистра Боура осмотреть способность переправы от Браилова к Мачину, но он ни тут, ни от своего посту к Гирсову не нашел к тому удобности, без подвержения всех наших польз опасной отваге; а между тем неприятель сильным своим стремлением от Журжи к городу Букарешту упредил наше на его в той стороне предвзятие.

По поводу сего последнего обстоятельства, я тем скорее должен был исполнить мои намерения в перенесении оружия с левого краю на сопротивный берег и велел потому от Измаила переправляться за Дунай с войском генералу-майору Вейсману, а от Браилова приступить к Мачину, где Абды-паша с знатным корпусом держался, генерал-майору Милорадовичу, как и имел я уже честь

о приготовлении сих поисков представить Вашему Императорскому Величеству во всеподданнейшей моей под № 58-м.

Всевышний, ниспославший мне от своей благодати сии мысли на пользу службы, благословил исполнение оных таковыми знаменитыми успехами, что поутру 20-го числа октября генерал-майор и кавалер фон Вейсман за Дунаем рассыпал неприятельской корпус при Тульче, овладел сим городом и замком, взял турецкий лагерь со всею в большом числе артиллерией, и в ту же ночь пошел к Бабаде атаковать там стоящего верховного визиря. Того же дня на рассвете генерал-майор Милорадович своими, сперва легкими действиями, служившими к обращению на себя внимания, одержал поверхность над неприятелем при городе Мачине, а 21-го числа, переправившись с корпусом на сопротивной берег, атаковал неприятеля в его Мачинском лагере и, выгнав оного, овладел городом, знатным числом пушек и всем тут бывшим военным снарядом.

Во время как таковы получаю я уведомления из-за Дуная, прибыл ко мне и третий курьер сего же дня капитан Швейковский из Валахии от генерала-порутчика фон Эссена с словесным объявлением, что он приближавшегося неприятеля к Букарештам в великих силах атаковал, разбил и гонит бегущего поразительным преследованием, получа в добычу лагерь, обоз и артиллерию неприятельские. Я спешу токмо сим из кратких рапортов всеподданнейшее учинить Вашему Императорскому Величеству предварение в таких веселящих нас приобретениях[1], а дождавшись обстоятельных донесений о каждом деле не умедлю повергнуть оные к освященным стопам Вашего Императорского Величества, к коим с глубочайшим благоговением и здесь припадает

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

55

П.А.Румянцев — Мусун-заде Мегмет-паше

13 марта 1772. Яссы

Чрез отправленного куриера от Вашего Сиятельства из зимней Вашей квартиры в Шумине имел я честь получить всепочтеннейшее и дружеское Ваше писание от 9-го луны зилкиже [9 марта], которым благоугодно было меня уведомить, что блистательнейшая Порта снабдила Вас таковым же полномочием, каково и я получил от Ее

Императорского Величества моей Всемилостивейшей Государыни[1]. Послать и уполномочить комиссаров, которые бы съехались в место, что я назначу, между обеими армиями, для переговоров и соглашения о перемирии между двумя воюющими державами, дабы потом уполномоченные от обеих империй могли там собраться, где согалшенность будет, и войти в труд о успокоении чистосердечном и постановлении твердого и полезного мира между обоими народами, вовлеченными по несчастию в пагубную войну, которую обе державы искренно желают окончить, прекращая тем дальнейшее пролитие крови человеческой, в чем Их Величества император Римский и король Прусский восприемлют участие чрез свое содействие [...]

Но как министры Их Величеств императора и короля прусского, пребывающие при блистательнейшей Порте, господа Тукут и Цегелин сообщили мне содержание договоров, которые Блистательная Порта полагает в основание заключаемому перемирию, то да будет за благо принято и Вашим Сиятельством, что и я с моей стороны прилагаю тут таковы же предположения, которые в содержании своем не различествуют от предъобъявленных со стороны Порты, и мы удобно можем в них согласиться, ежели бы только Ваше Сиятельство благоволили возмещением тут же ограничить плавание на Черном море таким образом, как изъясняется в 4-м артикуле моего предложения[2], в чем нахожу я толь ощутительнейшую необходимость, что злоупотребления, коим можно произойти без сей предосторожности, могли бы и подать причины к раздору и неспокойствам и отклонить сердца, вместо того, чтобы приближать их в согласие [...]

Я желаю всеусердно иметь удовольствие получить вскоре от Вашего сиятельства ответ, чтоб не умедлить определением сего дела, которое долженствует положить основание к заключению мира[3].

56

П.А.Румянцев — Екатерине II

30 мая 1773. Лагерь при р. Яломице

Государыня Всемилостивейшая!

Вследствие всеподданнейшего моего донесения от 17-го сего месяца продолжал я движение с главным корпусом армии от Фокшан к Браилову, где намерялся переправить часть войск в усилие на той

стороне находящемуся[1]; но от переправы той хотя удобной нашлись лежащие проходы от Мачина до Гирсова столь тесны и между каменных гор, коих и расширить не можно, что не только артиллерию, да и простые повозки без большой остановки провезть нельзя по ним; и сколь сей ради трудности, так и по доходящим известиям из-за Дуная от генерал-майора Вейсмана, достигавшего уже высоты Гирсова, что не только неприятеля, но и жителей в той стороне нигде он не находил; а напротив от генерала графа Салтыкова и генерала-поручика Потемкина имея уведомления, что неприятель от дня в день против них усиливается и открывает разные виды угрожающие им поисками, пошел я на реку Яломицу и вступил 27-го числа в сей лагерь положением недалеко от устья оной, чтобы мне, как в той же всеподданнейшей доносил Вашему Императорскому Величеству, быть ближе на всякой случай на обоих берегах. Тут на другой день моего прибытия получил я от генерала-майора барона Вейсмана, который по моему предположению, о коем вместе с выше писанным имел я честь предуведомить Ваше Императорское Величество, переправясь с своим корпусом чрез Дунай при Тульче, следовал во время моего движения вдоль реки Дуная, по другой стороне оной до высоты Карасу, где долженствовал он простерти свой поиск на неприятельской корпус, в околичности того места расположенный и предводимый, по известиям доселе бывшим, Абды-пашею чрез Гирсов вкратце рапорт, который пополнить вскоре имел обстоятельным, что он во исполнение того 27-го мая в 8-мь часов поутру атаковал неприятельский корпус при Карасу, состоявшей в 12 000 под командою Абдулла арнаут и черкес Хасан-паши, да татарского салтана Багимет-Гирея и одержал над оным совершенную победу, хотя пехота их упорно держалась в ретранжаменте. Причем неприятеля 1100 человек пало убитыми, 100 в полон взято, а в добычь получено 16 пушек, 9 знамен, весь неприятельский лагерь и обоз. Неприятель там разбитый бежал по дороге к Базарчику и преследован к вящшему его вреду от наших войск. Наш урон в сем деле, сколько по скорости мог узнать генерал-майор Вейсман, состоит в убитых двух офицерах, 50-ти рядовых, ранено обер-офицеров 5, нижних чинов 160, казаков убито 12, ранено 19. Сию победу торжествует армия Вашего Императорского Величества, принося Всевышнему благодарственные молитвы с пушечною пальбою, и о которой дерзаю мое всеподданнейшее повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества поздравление [...]

57

П.А.Румянцев — Екатерине II

14 июня 1773. Лагерь в 7 верстах от Силистрии

Государыня Всемилостивейшая!

От 30-го числа истекшего мая имел я честь всеподданнейшею моею донести Вашему Императорскому Величеству, что я, тогда находясь с главным корпусом армии близ устья реки Яломицы, держал посредством занятого замка Гирсовского мою связь с корпусом, шедшим по той стороне Дуная под командою генерал-майора и кавалера барона Вейсмана и предполагал по надобности там высадить войски в соединение с оным; но осмотрев 1-го числа сего месяца Гирсов и переправляясь на легкой запорожской лодке с двадцатью шестью гребцами, едва в четыре часа мог перевестись чрез реку и тамошние проливы, нашел оную во многом неудобною; а особливо что по течению сей реки и для соединения с генералом-майором Вейсманом вся бы моя часть была из всех действий, старался искать другой и удобнейшей по положению и намерениям переправы, которая и нашлась больше способною в дистанции генерал-порутчика и кавалера Потемкина по его сведению и по обозрению напоследок генерал-майора Муромцова против места на сопротивном берегу называемого Гуробалы; но сей проход, отстоящий от Силистрии в 30-ти верстах стережен был неприятельским постом, тут же в Гуробале утвержденным с пушками, который усилен был на настоящее время до 6000 пехоты и конницы под командою трех двубунчужных пашей Али, Джафар и Абдулла, несмотря, однако, на всю сию приготовленную от неприятеля защиту, коль польза службы настояла в низвержении сего поста, велел я генерал-майору Вейсману от Карасу идти к оному и ежели можно в тыл, а генералу-порутчику Потемкину от Ликарешт изготовиться, чтоб на своих судах от реки, высадя войски в лицо неприятелю, одновременно как Вейсман обойдет, атаковать. Положа сие намерение, перешел и я с главным корпусом армии 5-го сего месяца чрез реку Яломицу и следовал без растагов, ведя наравне с своим ходом по Дунаю от Гирсова и приведенные для переправы суда к той же Гуробалской высоте, где атаку на неприятеля долженствовали генерал-порутчик Потемкин и генерал-майор Вейсман учинить 7-го июня. Поутру в тот день коль скоро неприятель обозрел приступ на себя, с сухопутной стороны корпус генерала-майора Вейсмана, а от воды на судах генерал-порутчика Потемкина, который весьма благовременно поспел туда в содействие, да открыто сим туркам было

уже иное движение по левому берегу Дуная, то в великом смятении и страхе изо всего своего лагеря, разделявшегося на три части, побежали они от первых выстрелов вверх, схватя с собою пушки, и закрывая оные и пехоты своей бег, конницею. Командовавший авангардом в части барона Вейсмана полковник Чорба обращен был с гусарским Харьковским и тремя казачьими полками на преследование оных, и сии коих достигли, перерубили, а особливо при дифелее от лагеря в 10-ти верстах; где неприятель не мог скоро пробраться. Неприятель потерял тут убитыми более 300 человек, в полон взяты турнаджи орду агасы Серденгешты Умер-ага, байрактаров 2, янычаров, босняков и арнаутов 57-мь, в добычь имеем отбитых 8 пушек — медных с лафетами, знамен 3, обоз и бывшие на неприятельском лагере запасы. С нашей стороны ранено гусар 11-ть, казаков 9-ть, арнаутов 3; о прочих подробностях здесь имею честь поднести в копии подданной мне рапорт от барона Вейсмана.

Согнав неприятеля таковым образом из укрепленного места и очистив себе тут чрез Дунай способнейшую переправу, поспешно я перевозил войски на судах, совокупя в место все те, что приведены снизу и сверху от корпуса генерал-поручтика Потемкина и сам с первою частью оных 11-го числа поутру переехал за Дунай. Осмотрел я того ж дня весьма тесной проход, ведущий к Силистрии, и деланные генерал-майором Муромцовым в горах и по берегу две дороги, а чрез речку Галицу, выходящую из озера, по которому сие название имеет, и впадающую в Дунай, наведенные мосты. Для выигрывания времени приказал я на завтре, то есть 12-го, передовым корпусам генерал-поручтика и кавалера Ступишина, к которому и барона Вейсмана присоединен, и генерала-поручтика ж и кавалера Потемкина одному за другим проходить сии узкие места и, пройдя мосты, взять лагерь. Неприятель в пяти верстах вниз от Силистрии по нашей дороге стоял на высотах, стан его был окопан рвом и защищаем пушками, в нем поставленными. Известия чрез пленных я имел, что Осман-паша, державший пост выше Силистрии, сюда перенесся с своим корпусом, после того как Джафар и с ним бывшие паши сбиты были с поста Гуробалского.

Сей неприятель, как передовой корпус генерал-поручтика Ступишина, перейдя речку Галицу, приближился взять свой лагерь напротив лежащих высотах, а после первой перепалки с легкими войсками вошел стремительно в прямое дело. Сам Осман-паша, пленные показывают, ударил тут с своею конницею в наши легкие войски и на пехоту, но, быв отбит, ускорял тем самым новые наши успехи, ибо генералы-поручтики Ступишин и Потемкин, опровергнув стремление его конницы, вслед за тем повели приступ и на его

лагерь и воспользовались толико сим случаем, что к полной победе неприятеля взяты его стан, артиллерия, и все тут бывшие запасы [...]

Сим я спешу, Всемилостивейшая Государыня, повергнуть всеподданнейшее мое донесение, что упомянутые части войск ваших на правом берегу Дуная соединились по окончании чрез сию реку благополучно[1] [...]

58

П.А.Румянцев — Екатерине II

14 июня 1774. Лагерь при озере Голтин

Государыня Всемилостивейшая!

По отправлении всеподданнейшей моей от 10-го сего месяца я тот же день выехал из Браилова и чрез ночь прибыл на берег Дуная к Гуробалам, где войски продолжали свою переправу, которая 13 числа благополучно кончена в той части, с коею и сам я с 12 июня нахожусь на здешнем берегу; и отсюда имею счастие, Всемилостивейшая Государыня, повергнуть к священнейшим стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшее уведомление о победах, вновь одержанных над неприятелем оружием, мне вверенным, на него уже действующим в Болгарии[1].

Я донес предыдущею, что верховный визирь, против наших корпусов, вступающих в глубину земли сего берега под командою генерал-порутчиков Каменского и Суворова, из Шумли обратил свои силы, потому реченные генерал-порутчики, ища встретить и атаковать оные, соединили оба корпуса и в 9 день июня дошли до местечка Козлуджи, вступая пред оным и тут в жестокий бой с неприятелем, который сильно ополчался, имея по показанию пленных до пятнадцати тысяч конницы под предводительством Абдул Резака-рейс-ефендия Оттоманской Порты, бывшего послом на Букорестском конгрессе, а пехоты до двадцати пяти тысяч под командою янычар аги и при пяти двубунчужных пашах, между коими были Абдул-Черкес и Дарь. Турки превосходным числом своего войска сначала было замешали часть нашей кавалерии по неудобности тамошнего места, яко лесного и в дифилеях, действовать оной, сохраняя свои строи, и по случаю взятой им поверхности над передовыми легкими войсками; но удар от пехоты и артиллерии нашей, учиненной наступательно, решил победу так, что неприятельской сильной сей корпус был разбит совершенным образом, и бегу отдав-

шиеся турки гонимы были поражающими на несколько верст по дороге к Шумле и Провадам [...]

Не имея еще уведомлений, как свои дальнейшие обороты учредят Каменской и Суворов от Козлуджи, послал я отсюда отряд войск, чтоб открыть с теми корпусами сообщение и дать виды движения больших наших сил по Шумлинской и Рушуцкой дорогам, а за сим уже по положению оных и неприятельскому и я мое движение с частию, при которой нахожусь, располагать буду.

Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

граф *Петр Румянцов*

59

П.А.Румянцев — Мусун-заде Мегмет-паше

28 июня 1774

Я видел из последнего Вашего письма, что Ваше Сиятельство считает меня в Журже, и для сего в ту сторону отправляете двух полномочных Ваших, а остров, что между Журжею и Рушуком, местом конгресса полагаете. Не мое свойство ниже сходствует с почтением моим к Вашей особе обмануть Вас в чем-либо и потому изъясняюсь чистосердечно. Я не в Журже, а Рушук обложен и стеснен нашими войсками, и ради того Ваше сиятельство пришлите своих полномочных чрез господина генерала Каменского, который ко мне их препроводит.

О конгрессе, а еще менее о перемирии, я не могу и не хочу слышать. Ваше Сиятельство знаете нашу последнюю волю: естьли хотите миру, то пришлите полномочных, чтоб заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уже столь много толковано и было объяснено, и доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не престанут. Между тем предаю и то уважению Вашего Сиятельства, что легко можно в одно время совершить, того в другое вовсе не удобно сделать, и напоследок самая умеренность, сколь бы не велика была, истощится; однако ж я и по сей час тот же, который желает пощадить пролитие крови неповинной, и ежели Ваше Сиятельство в таком как и я расположении, то сие полезное дело без замедления завершится. Пребуду в прочем с отличным почтением [...]

60

П.А.Румянцев — Екатерине II

17 июля 1774. Лагерь при д. Куюжук

Государыня Всемилостивейшая!

После всеподданнейшего донесения моего от 30-го июня, в коем соизволили видеть, Ваше Императорское Величество, колико преуспевало оружие, мне вверенное, в своих действиях наступательных, и что уже способом сим смягчалось упорство Порты и сам верховный визирь принужден наконец искать примирения, как я отказал ему против предложения учредить конгресс и поставить перемирие словами точно сими: «Что о том и слышать не хочу», посланы были от него ко мне в славной стан армии Вашего Императорского Величества уполномоченные: первым кегая-бей, на сие время одеянный чином нишанджи, Ахмет-рейс-ефендий, вторым Ибраим-мюниб-рейс-ефендий.

Я предуведомлен быв от визиря об отправлении оных, перешел с двумя полками пехотными и пятью эскадронами кавалерии к деревне Кючюк-Кайнарджи, лежащей на дороге Шумлинской, давая тем наиточнейшее удостоверение, что я сам иду соединиться с корпусом генерала-поручика Каменского, под Шумлею действовавшим.

Выше реченные от стороны Оттоманской Порты уполномоченные прибыли 4-го июля в деревню Кючюк-Кайнарджи и, узнав о моем движении, нетерпеливо домогались меня увидеть, коих я на завтрее, то есть 5-го июля, допустил к себе в лагерь, которой взял я с упомянутым отрядом войск при деревне выше именованной. И сколь визирь сам, так и они убеждали меня чем наискорее приступить к делу, тем паче я отговариваясь, по мере обнажения их истинных намерений, моим предприятием, что оное, как сами они меня видят на дороге, не дозволяет мне дня тут мешкать, понудил их в первом разе и со дня в день не пременяя того же виду и моих слов, отдалить все претительности и согласиться с уполномоченным с моей стороны генерал-поручиком князем Репниным заключить без отлогательства вечной мир.

Нужные переговоры, объяснения и сочинение мирного трактата продолжались чрез пять дней. Я быв тут во все время не отлучен и, смотря глазами на дела полномочных, вседневно преподавал им способ и путь, ближайший к окончанию, что и свершилось 10-го июля подписанием чрез взаимных полномочиях трактата вечного мира между Империей Всероссийскою и Портою Оттоманскою.

В первых моих разговорах с полномочными, когда ими кондиции от меня предложенные для миру были приняты, я уведомил тогда ж о том визиря и в ответ получил от него письмо с благопризнанием оных, так равно и по заключении трактата в срочное время, то есть 15 сего месяца, чрез полномочных с их стороны предъявлено было утверждение, от самого визиря присланное, что он по обязательству, в трактате израженному [изображенному] все артикулы оного трактата приемлет и утверждает по силе полной мочи, данной ему от своего государя так властно, как бы им самим в личном присутствии со мною постановлены были.

Я равногласной сему инструмент во укрепление мирного трактата разменял в тот же день с сими полномочными от них визирем подписанной трактат и отдавая на их руки взаимным моим подписом и печатью утвержденный, возгласил я: «Да многолетствуют наши государи, и да благоденствуют их подданные»; при сих словах моих началась пушечная стрельба во ознаменование торжественным образом совершившегося обоих империй примирения [...]

Я не имел других людей сведующих, кроме единого князя Репнина, практикованного в делах сего рода, ибо тайный советник Обрезков по моему предуведомлению не мог с своею канцеляриею поспешить за разливом рек на левом берегу Дуная и прибыл ко мне, как трактат уже был заключен и подписан полномочными.

Пункт мореплавания и при нынешнем трактовании весьма беспокоил полномочных турецких. Я, приметя их подозрение и недоверство, в образе страха и предо суждения, для существенной безопасности самой их империи, о чем они наибольше говорили и на прежних конгрессах, обратился к руководству инструкции, данной послом на конгресс Фокшанской, чтоб в генеральных терминах изразить сие постановлении; и так в артикуле о том не именовано ни число пушек, ниже ограничено вооружение купеческих кораблей, но присвоив вообще капитуляции цветущей коммерции англичан и французов, по всей их точности нашему кораблеплаванию и торговле на всех водах без изъятия, доставлена тем нам свобода в сооружении таковых нам кораблей, каковы те нации употребляют в Белом и других морях, что самое служит нашему кораблеплаванию и на Черном море, как равно и умолчание в трактате о сооружении флота на сем море дает право неограниченное к построению нам оного [...]

П.А.Румянцев

Герб графов Румянцевых

А.И.Румянцев

М.А.Румянцева

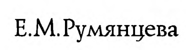

Д.А.Трубецкая (Румянцева)

П.А.Брюс (Румянцева)

Е.М.Румянцева

П.А.Румянцев

М.П.Румянцев

Н.П.Румянцев

С.П.Румянцев

Петр I

Елизавета Петровна

Анна Иоанновна

Петр III

П.А.Румянцев

Екатерина II

Павел I

С.Ф.Апраксин

В.В.Фермор

П.С.Салтыков

А.Б.Бутурлин

Конногренадерский офицер.
1756—1760 гг.

Трубач кирасирского полка.
1756—1761 гг.

Унтер-офицер кирасирского полка.
1756—1761 гг.

Сражение при Цорндорфе 14 августа 1758 г.

Атака русской кавалерии в сражении при Пальциге 12 июля 1759 г.

Гренадерский офицер пехотного полка. 1756—1762 гг.

Рядовой конногренадерского полка. 1756—1761 гг.

Фридрих II

Атака Апшеронского полка в сражении при Кунерсдорфе 1 августа 1759 г.

Медаль за победу при Кунерсдорфе
для солдат регулярных войск

Штаб-офицер Апшеронского полка.
1756—1761 гг.

Гренадер Апшеронского полка.
1756—1761 гг.

Мушкетерские обер-офицеры
пехотного полка.
1756—1761 гг.

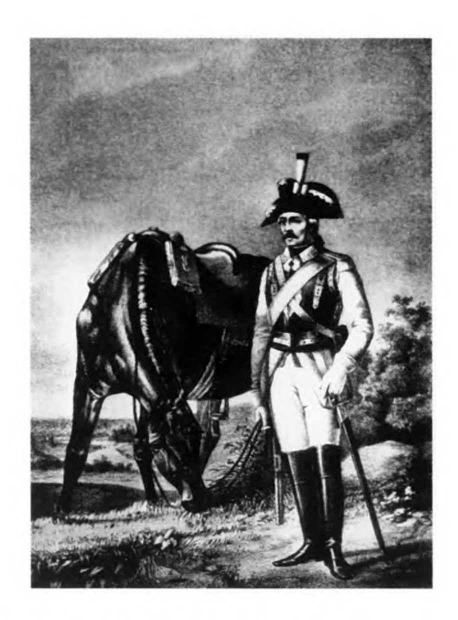
Гусар Желтого полка.
1760—1761 гг.

Обер-офицер, унтер-офицер
и штаб-офицер карабинерного
полка. 1763—1778 гг.

Рядовой карабинерного полка.
1763—1778 гг.

Рядовой кирасирского полка.
1763—1778 гг.

Полковник и подполковник
пехотного полка.
1763—1786 гг.

Капрал и сержант гренадерской
роты пехотного полка.
1763—1778 гг.

РАЗДЕЛ V

Русско-турецкая война (1787—1791)

61

П.А.Румянцев — Г.А.Потемкину

26 октября 1787. с. Парафеевка

Светлейший князь! Милостивый государь!

По обстоятельствам и положению, в каковых обе армии в рассуждении их взаимного и к надежному защищению собственных владений и границ относящегося внимания и связи, находиться должны, все мои расположения и распоряжения на ваших основываться, и я прошу Вашу Светлость всепокорнейше почтить меня уведомлением о распоряжениях, какие Вы по происшедшему делу при Кинбурне в расположении войск и постов по над Бугом и Лиманом теперь временно, и может быть предварительно для будущих зимовых квартир сделали, или делать намереваете, чтобы я, с моей стороны, всему тому, а особливо в случае нужном, в лучше возможном совершенстве следовать и отвечать и Вашу Светлость взаимно и завременно уведомлять мог. В чаянии, что отряд под господином генерал-аншефом и кавалером Каменским мог уже прибыть на свой пост в околичности Умани, я приказал господину генерал-аншефу и кавалеру барону Ельмпту к Липовцам и Монастырищу пододвинуться, а господину генерал-аншефу и кавалеру графу Салтыкову с командуемыми им войсками, упреждая могущие произойти затруднения в переходе через Днепр, сию реку не мешкав переходить, и в Польшу вступить, и его квартиру в Янове взять, а войска между Хмельника и Прилук расположить.

Я на сию перемену ему прежде назначенного положения поступил в том рассуждении, что он из сего Хотин равномерно беспокоит, а в случае нужды удобнее и скорее моим иным отрядам и Ека-

териноставской армии диверсией и деятельностью помогать и их подкреплять может.

С наивысшим уважением и истинным почтением имею честь быть Вашей Светлости всепокорнейший слуга

граф *Петр Румянцов*

62

П.А.Румянцев — Г.А.Потемкину

4 января 1788. Парафеевка

Новизна, что Вы мне сообщили[1], выводит нас, а может быть и многих, из того сомнения, в каковом полагаемо было поведение союзника, и который кажется теперь берется за дело по нашим видам, не уважая ни на какие следствия по своим собственным. Сие происшествие произведет уверительно большую перемену в предположениях турецких; разве бы они хотели, в одной стороне успевая жертвовать другой по примеру той войны, что они вели между 37-м и 39-м годом, и что кажется одно и остается им делать; но не знав будущего, трудно определять точно, а гадать и думать можно; но буди, как буди. Надлежит, однако ж, взять сие в примечание, а судя по сему и приказал всем малым войскам вперед двинуться и графу Салтыкову, который станет между Браилова и Деражны, предложить принять Кобургу всю готовность на пособие и содействие, каковы по известному ему нашему положению только требовать и нам сделать можно. Генерал Эльмпт станет над Бугом, между Немировым и Ладыженим, а генерал Каменский — между Богопольем и Хвощеватой. Я Вам сообщаю здесь в копии мой последнему данный ордер[2]. Из содержания того Вы увидите, коль разнствуют наши поведения в рассуждении Ваших мероположений, и я дивиться и жалеть должен, что такие странности и Вам может быть помешательства происходят. О рогатках повторяю мою просьбу[3]. Я боюсь, чтобы время не ушло и не обратилось оно мне в небрежение, коим меня и в баталию Кагульскую, при разогнании покойного Племянникова каре, порицали. Что до известий смешных, то их будет много, потому что в той стороне остается еще много и старого счету, и старого страху. Будьте вы, милостивый князь и благодетель, здоровы и благополучны во всяком роде и разуме. Сего я Вам наиусерднейше желаю, сие заключаю тем, что я по последнее дыхание Ваш верный и всепокорнейший слуга

граф *Румянцов-Задунайский*

P.S. Что до меня, то я большую часть в постели лежу, и все те припадки, коими я уже несколько зим сряду мучусь, с большими, однако ж, наставками, — ощущаю, и кажется мне, что я на том же пути, которым пошел недавно тоже бодрой воин Карл Иванович Кулбарс [Каульбарс].

63

П.А.Румянцев — И.П.Салтыкову

19 января 1788. Парафеевка

В сем моменте я получаю письмо от генерала принца Кобурха, где он, по последним ведомостям из Вены, заключая, что ему может быть велено будет занять Хотин, желает ведать, может ли он надеяться на наше в том пособие хотя демонстрациями противу Могилева и Сороки. И спешу Вашему Сиятельству сию новизну сообщить и, сославшись на мой ордер под № 21-м, отправленный вчерась, препоручить, чтоб Вы по его отзыву тотчас прежде веленное движение вперед сделали, а из сего положения и по его требованию два баталиона гранодер и один егерей с четырмя полковыми орудиями, и три эскадрона карабинер, и триста донских казаков под командой одного генерал-майора, которого выбор Вашему Сиятельству предоставляю, для сей демонстрации отрядили. Таково же движение и отряд гранодер, и орудей, карабинер, и казаков сделать должен и господин генерал-аншеф и кавалер барон Элмпт тотчас по Вашему о том уведомлению к Сороке, к которому Ваше Сиятельство имеете один баталион егерей прикомандировать. Сей отряд должен действовать с надлежащим осмотрением и свои поиски и движения по Вашему соглашению с принцем Кобурхом и по ус-

пехам австрийских войск и обстоятельствам, в каких он найдет турков, делать; а потому должно Вашему Сиятельству сего командируемого генерала наиподробнейше в том наставить, дабы он пользовался всеми теми случаями, к чему только откроется ему удобность, даже и на овладение местами, на той стороне Днестра лежащими, особливо когда удастся австрийцам взять Хотин. Сего ради весьма нужно Вашему Сиятельству в ваших условиях с принцем Кобурхом всякой пункт весьма внятным и точным образом определить, и особливо в относящимся ко взаимному сношению так распорядить, чтобы Ваш отделенный отряд и господина генерала барона Элмпта как наискорее и всегда в прямую пору о всем происходящем уведомляемы были. Ваше Сиятельство должны несколько казаков употребить на встревоживание неприятеля выше и ниже Могилева, дабы тем разделить их силы и внимание, и быть готовыми и всем Вашим корпусом, ежели бы нужда требовала, сии отряды подкреплять, а по завладении ими на той стороне Днестра местами и к нему приближиться и сообщение их с Вами, образом и способом по времени удобными, обнадежить. А прежде отправления сего отряда или и тотчас за получением сего моего ордера воеводу русского[1], чтобы изведать его прямые намерения, спросить: будет ли он в случае ежели бы мы поиск сделали от Могилева и на Сороку нам пособствовать и в чем таково его пособие состоять будет. А жителей молдавских чрез добронамеренных и Вами употребляемых особо о сем движении и вступлении войск Ее Императорского Величества в сию землю предварить и к содействию приуготовить, не именовав ни Могилева, ни Сороки, но во все другие места, как например: Рашков и иные ниже лежащие, дабы там и в Бельцах находящихся турков удержать в том их положении, а места, на кои сей поиск делаться должен, привесть в ослабление [...]

64

П.А.Румянцев — Екатерине II

6 февраля 1788. Парафеевка

Государыня Всемилостивейшая!

Из моих всеподданнейших и от 5 и 25-го числа месяца прошедшего под № 1 и 5-м отправленных донесений, Ваше Императорское Величество видеть изволили, какие движения Ваши войск и были должны делать на пособствование принцом Кобурхом пред-

полагаемых предприятий на Хотин; а из здесь всенижайше представляемых в копиях его письма и ответа графа Салтыкова явствует, что первой, не говоря более о повелении, коего он по сему случаю ждал от императора, полагает выполнить сие свое предложение при удобном времени и требует не демонстрации, но точного содействия, не входя в подробное исследование, может быть принцу и графу Салтыкову лучше ведомых обстоятельств, но по многим убеждениям, и особливо по образу и числу на сие предприятие назначенных, и вообще в команде принца Кобурха находящихся войск, я судить должен, что сие в виде только одном делается, чтобы не производством нас впредь нареканием отяготить, и я тотчас приказал графу Салтыкову отнюдь не уклоняться от содействия; но паче всю лучшую готовность к тому оказывать и требуемые им войски приготовить, а генералу-порутчику Бегичеву и артиллерию туда отправить, как то из здесь в копиях всенижайше представляемых моих ордеров обстоятельнее видимо есть.

Многие обстоятельства, которые противоречат плану принца Кобурха и неизвестность прямых намерений, что имеют они и войски польские, должны уверительно много мешать производству наших собственных. Они держат нас поныне вне всякого действия; и что становится тем более неприятно, чем ближе к тому пора удобная подходит. Я бы уже давно поехал к армии, ежели бы мои болезненные припадки и особливо несносная стужа мне только выходить позволяли из избы, но если бы обстоятельства сделались ясные и мое присутствие там нужно было, то не превозмогут никакие причины над ревностью, с какою я Вашему Императорскому Величеству служу и на Вашу службу спешить буду.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

65

П.А.Румянцев — Г.А.Потемкину

10 марта 1788. Парафеевка

В сем моменте полученное письмо г. Витта поспешаю к Вам, батюшка, доставить; и как пишу при свече, то боюсь, что моего никак прочесть будет не можно. Вы в том увидите, что гнев турков простирается на всех семь королей в Европе; теперь надобно отгадывать, что они хотят с достальными делать; неужели они их в короли не ставят или их вовсе забыли. Я прилагаю здесь и диспозицию

принца Кобурха и письмо, что он писал к графу Ивану Петровичу [Салтыкову] от 10-го по новому штилю, следовательно днем позже того, что он ко мне писал и кое я Вам сообщил с Вашим последним курьером. Диспозиция кажется в правилах сочинена, но несразмерна в числе войск; и страшно, чтобы авангарды, кои много впереди, не получили толчка и на том бы все это и не приостановилось. Жаль, что он много опоздал и не произвел того намерения тогда, когда турки и татары были большею частию в нижней части Днестра и когда Днестр был везде мостом; но теперь разлитие вод может пресечь легко все сообщение, и грязь одна сделать путь непроходной. Простите, батюшка, и будьте здоровы и довольны; сего я Вам всегда желаю и с тем и с искреннею преданностию от сердца и души всегда пребуду.

[*Румянцов-Задунайский*]

P.S. Скажите, батюшка: Аслан-Гирей, теперь что калга-султан, не тот ли самой зверь, что у нас под ногайками командовал и в последнем бунте у нас под караулом сидел?

66

П.А.Румянцев — Г.А.Потемкину

1 апреля 1788. Парафеевка

Благодаря Вас, батюшка князь, за апельсины и желаю, чтобы их много было, следственно чтобы вы, а не турки, на Черном море господствовали. По известиям должен их флот быть не мал, но в рассуждении экипажа и маневра его все знатоки ни во что не ставят; а этим одним и останется только нашим над ним преимуществовать. Что до союзника, то подлинно странно, что они хотят, чтобы их везде звали и вороты отпирали, и кажется сердятся за то, что вороты навозом закидывают и стреляя бьют их и ранят.

Я думаю, что император говорит, то и думает; а принц Кобурх для того и говорил, чтобы не делать. Я Вам, батюшка, о всем в том письме от 29-го сказал; тут же и Вас просил мне дать знать о месте, где Вы полагаете быть Вашем пребыванием около 10 сего месяца, чтобы я мог там по службе удовлетворить моему долгу, как моему собственному желанию, Вас видеть и Вам известно подтвердить те чуства усердия и почтения, коими я Вам искренно привязан есть и навсегда буду.

Вашей Светлости всепокорнейший слуга

г[раф] *Румянцов-Задунайский*

4 апреля 1788 — 10 Августа 87

59 58

Благодарю тебя батюшка Князь Григорий Александрович, [illegible]

67

П.А.Румянцев — Екатерине II

24 июня 1788

Государыня Всемилостивейшая!

По отправлении моего последнего всеподданнейшего и от 15-го зачисленого донесения, все мне всевысочайше вверенные войски перешли Днестр: 2-я или генерала графа Салтыкова дивизии — 15-го при Малиновцах, 3-я генерала барона Эльмпта — 13-го, а 4-я генерала Каменского — 14-го при Кишнице, а первая или корпус армии и генеральная квартира — 21-го при Могилеве. И как и по соединении генерала графа Салтыкова с принцем Кобурхом ничего еще вещественно на Хотин, за исключением некоторых перепалок, предпринято не было, а оба другие корпусы по желанию господина генерала-фельдмаршала и кавалера князя Григорья Александровича Потемкина-Таврического их движение к Бендерам сделали и их первой стан на пути к оным взяли, то и должен корпус армии пробыть в своем теперешней положении. А между тем генерал-майор Фабри, за уверением принца Кобурха, что в Яссах все стало спокойно, и рапортом генерала графа Салтыкова, что хан с своими войсками потянулся от Ясс к Бессарабии и что неприятели в Молдавии нет, оставил Яссы и отступил к Ботушанам, о чем и что якобы турки и татары в оные вошли и на обоих сторонах Прута расположились, я только чрез от меня посланного туда арнаутского полковника Гуржия и воплем и плачем наполненные от бояр и вдов боярских письма уведомлен, но по последним известиям в письме бояр, кои в Ботушаны удалились, то противоречится и что турки и татары и по ныне еще в четырех часах находятся и будто ожидают или Мануила, или Муроза водой, с которым уже вступить в Яссы намеревают. Сие нечаянное происшествие и молчание принца Кобурга и недействие под Хотиным подтверждает, кажется ошибки в счете и суждениях сего принца, и мое всеподданнейшее под № 20 от 24-го мая отправленном донесении мнение, и ежели сие событие, с одной стороны, и неприятные того следствия меня много озабачивают, то, с другой, одержанная преславная совершенная и решительная победа господином генералом-фельдмаршалом и кавалером Григорьем Александровичем Потемкиным-Таврическим над турецким флотом[1] весьма обнадеживает, что все его действия чрез то облегчены, а мои прямо деятельными быть могут, и я жду с часу на час так о его успехах над Очаковым, которой кажется чрез ту победу всякой помощи лишен будучи, ему ворота отворить должен, как и дальнейших и до меня непосредственно касающихся мер и пра-

вил, а может быть и усиления некоторою частию по крайней мере легких войск, в которых по крайнему недостатку я не нахожу себя почти в состоянии и открывать неприятеля, а тем менее обеспечивать мои заложения в Польше и подвоз провианта из оной, в чем при многих больших затруднениях воеводства Киевского комиссия, не взирая на все мои ей сделанные замечания, вовсе спомоществовать отказалась, как то из рапорта полковника Новицкого и приложенного от оной письма явствует.

Я приобщаю здесь к Вашего Императорского Величества всевысочайшему усмотрению и все дошедшие до меня рапорты генералов и письмо принца Кобурха, и мои к первым ордеры, и к последнему ответ с копиях и я не упустил посредством подполковника барона Герберта сему принцу мое удивление о отступлении генерала-майора Фабри от Ясс и за соединением с генералом графом Салтыковым и без всякого о том меня предварения внушить и ему теперь всю важность и надобность во взаимном сношении, соглашении и уведомлении пояснить, и особливо, что он делать полагает, кого бы неприятель все свои силы по той или другой стороне Прута обратил, уверив его, что я в том и другом не могу равнодушно и спокойно на то смотреть и буду все с моей стороны употреблять, что ему в облегчение и неприятелю во вред делаться только может. И как мои действия вообще зависят от иных мер и правил, то и остается мне только желать того, чтобы они отвечали той ревности и усердию, которыми я при малом числе войск и при моей глубокой старости и крайнем бессилии всегда горю охотою к службе Вашего Императорского Величества верноподданнейший

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

68

П.А.Румянцев — Екатерине II

10 сентября 1788. Стан при Шюшюле

Государыня Всемилостивейшая!

Хотин сдается и, как кажется, хотел быть отдан непосредственно войскам Вашего Императорского Величества, но трата времени, в котором они пробыть должны и кои теперь дороже всего и странное, примера не имеющее содержание договора, или так названного пояснения условия, озабочивает меня до крайности[1] и ежели нет там ничего от меня утаенного, то я, имев притчину подозре-

вать и тут каковой-либо умысел неприятельской, и которой, ежели есть, должен быть гораздо чернее прежних, коими ему удалось ни один раз обманывать [...]

Я должен Вашему Императорскому Величеству и то всеподданнейше донесть, что граф Салтыков оправдает себя и в сем договоре неотступными просьбами и убеждениями принца Кобурха, и что я при всем моем малом искусстве в ремесле ни малейшего понятия иметь не могу о их образе ведения войны вообще и ни мало не дивлюсь тем накладам и потерям, что они терпят по их худо соображенным мерам и частым в них переменам [...]

69

Манифест П.А.Румянцева

Сентябрь 1788. Цоцора

Ее Императорского Величества, моей Августейшей Великой Государыни и Самодержицы Всея России генерал-фельдмаршал и главной командир Украинской армии, сенатор; Киевский, Черниговский и Новгородский-Северский государев наместник; полков: лейб-гвардии конного подполковник, кирасирского Военного ордена полковник, Малороссийского гранодерского шеф, орденов российских императорских Святых апостола Андрея Первозванного, Александра Невского военного, великомученика и победоносца Георгия и равноапостольского князя Владимира первых степеней, королевского прусского Черного орла и голштинского святые Анны кавалер.

Я ниже сего подписавшийся, чиню ведомо и известно всем обывателям Молдавии и преосвященнейшим господам митрополиту и епископам, священно архимадритам, игуменам и всему честнейшему духовенству и благопочтенным членам Дивана, и всем великим и малым боярам, по их чину и достоинству особливо, что с вступлением Ее Императорского Величества победославных войск в сию землю, входят и они в то их прежнее счастливое состояние, в котором они под ее тишайшим скипетром, при спокойном отправлении их торгов и промыслов и владении их имений, несколько лет сряду пользовались, и что вследствие всевысочайшей воли и мнения Ее Императорского Величества тот же самой образ управления, так в духовных, как в гражданских делах и ныне введен и наблюдаем быть должен, и правосудие и все иные к добру и пользе народной относящиеся учреждения и распоряжения по точному предпи-

санию земских законов и узаконении отправляемы и деланы и они в самовышшей степени их совершенства всеми наблюдаемы, и жители всякого рода и состояния при их правах содержаны и от всяких налогов и насилий всеми образы и средствы охранены, и все сборы в казну сего княжества надлежащие верно и в их определенные сроки сбираны и в военную казну Ее Императорского Величества взносимы, и провиант и фураж в магазеины по нарядам доставляемы, и всякого рода службы и работы с возможно лучшею ревностию, поспешностию и точностию исправляемы были. Диван молдавской, как начальствующее правительство над всеми иными, имеет все сие в надлежащий порядок и все дела в их беспрерывное течение привесть, и того надзирать, чтобы всякая должность одна другой в зависимости от них, из всех сил пособствовала, и чтобы все земские чины на них возложенной долг верно и радетельно отправляли, и чтобы сия Ее Императорского Величества всевысочайшая воля, милость и Ее о благе сей земли непрестанное попечение всем и каждому обывателю чрез прочтение в церквах и прибитие на торговых и для такого употребления определенных местах известны сделаны были, тем более, что многомощным покровительством и заступленном Ее Императорского Величества одержанные для сей земли выгоды и ограничения лютых гонений и притеснений вечно ненавиствующему врагу христиан казались несносны и были главною статьею нарушения свято утвержденного вечного мира.

70

П.А.Румянцев — Екатерине II

13 ноября 1788. Лагерь при Цоцоре

Государыня Всемилостивейшая!

Как неприятель в сих днях больше прежнего стал на той стороне Прута оказываться, то я, полагая, что Очаков мог быть уже взят, хотел попытаться его на сей стороне к делу заманить и быть ближе и готовое на выполнение от Вашего Императорского Величества всевысочайшее мне предписанных мероположений, на случай взятия Очакова, несмотря, что генерал граф Салтыков не мог сделать надобного движения к Лапушне и что союзные войски вступили в зимовые квартиры. Я употребил на сей конец генерал-аншефа Каменского, коего известная ревность, дельность и искусство моего свидетельства не требуют, так на обозрение к тому удобных мест,

как и неприятельского стана, который далее всех иных будучи, тотчас сделал о них и вовсе иные замечания. Но неприятель, будучи или нашими движениями, или ушедшими с той стороны от разбитой толпы испуган, так скоропостижно ушел, что наши легкие передовые войски его никак уже настичь не могли, а выпавший весьма глубокой снег и крайней от того недостаток в корме приостановил и вовсе их дальнейшее преследование.

По первому известию, что я о уходе неприятеля получил, приказал я тотчас генералу графу Салтыкову сделать попытку походом на Бендеры, где, по сказкам пленных, не много войск находится, и обыватели, будучи почти все из тех, что у нас в полону были, противиться не намеревают и на нанесение удара неприятелю, который бы противу его, или на пособие сему городу, а может быть и Очакову самому шел, а генералу Каменскому итти к Лапушне, полагая тем предупредить движение неприятеля к Бендерам, и следственно к стороне Очакова. Но как первой наставления над наставление еще от меня требовал, а неприятель между тем по после того полученным известиям, сделав поход до 60-ти верст вниз по Пруту, вместе разделился, и хан пошел в Коушаны, сераскир в Измаил, а иные паши, перейдя Прут, в Галац и Браилов, и при несносной и в здешних краях необычайной стуже и глубоко нападшем снеге никакого образа и способа ни на поиск над неприятелем, ни на сбережение людей и лошадей не было, то я из уважения всех сих причин и до удобнейшего времени, кое я всякой раз в пользу обращать не упущу, войскам кантонир-квартиры определить за лучшее избрал, как то Ваше Императорское Величество из здесь следующих приложений всевысочайше усмотреть соизволите.

Коль часто и много мешает неизвестность в нужных предварительных распоряжениях, а разность мнений, заключений и видов расстроивает наилучше приемлемые мероположения, испытал я, Всемилостивейшая Государыня, вещественно в сей кампании. И что до союзных, то я должен наиусерднейше желать и нетерпеливо ожидать тех следствий, что будет иметь по высочайшей воле Вашего Императорского Величества, их послу сделанное внушение; понеже и поныне все мои требования и доказательства о моем попечении о общественном лучшем только одним видом приемлются и удовлетворяются.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

71

П.А.Румянцев — Г.А.Потемкину

30 декабря 1788

Пред некоторым временем турки стали гнездиться противу моего левого крыла и, что мне казалось по многим причинам, иметь разные виды. Хотя их знать и от себя отогнать, я приказал генералу Каменскому на них напасть. Он обжидать был должен лучшей погоды, но наконец, выйдя из терпения своего ждучи, сделал то с довольною удачею. Жаль только, что сия дурная погода, от которой все естество страдать должно, мешает нам не только продолжать или умножать наши успехи, но отнимает у нас все способы к сообщению и доставлению необходимо надобных и жизненных средств. Особливо в самой праздник Рождества казались все стихии быть в движении, и я не помню ничего подобного, и ежели я прежде Молдавии не знал, я бы ее счел за землю, на беды и несчастия сотворенную. Я желаю от всего моего сердца, чтобы мы предуспели все свои распоряжения выполнить и войска ввесть в квартиры до сих вьюг, или чтобы их вовсе не было, а и были бы, то род вихря которой мы уже перенесли; и всех благополучии на свете.

Вам всегда искренно желающий и сердцем Вас любящий и почитающий

граф *Румянцов-Задунайский*

72

П.А.Румянцев — Екатерине II

29 марта 1789. Яссы

Всемилостивейшая Государыня!

Я узнаю всю великость милости Вашего Императорского Величества в образе, каким я от команды отозван, и моя пятидесятилетняя служба, от всех вредных заключений публики, коя часто по одним догадкам славу наидостойнейших мужей помрачает, охранена, и мое счастье было бы совершенно, ежели бы я в состоянии был в новом назначении Вашему Императорскому Величеству служить. Но при всем горячем желании, будучи теперь удручен тяжкими болезнями, я себя вижу принужденным Вашего Императорского Величества о всемилостивейшем увольнении от всех дел до совершенного восстановления моего вовсе разрушенного здоровья и от-

пуска к баням всенижайше просить Вашего Императорского Величества свету известное и Вам единственно и едино свойственное великодушие, в коем я всякий раз всю мою надежду полагаю, подает мне наилучшее упование, так в одержании мною всеподданнейше просимой милости, как и в продолжении Вашего всевысочайшего покровительства, в коем одном все мое благополучие состоит. И с сими чувствы и с всеглубочайшим благоговением, что я имею счастие к Вашим ногам пасть и быть Вашего Императорского Величества верной и бесконечной благодарностию Вам обязанной подданной

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

Помета: Уволен указом апреля 23, 1789.

73

П.А.Румянцев — Екатерине II

22 апреля 1789. Яссы

Государыня Всемилостивейшая!

Неприятель, которой нас в другую сторону все отвлекать или наши движения приостановлять старался, подал тем случай к новой славе Вашего Императорского Величества оружия. Генерал-порутчик фон Дерфельден [В.Х.] с весьма малым уроном с нашей стороны и Галацом и всем лагерем неприятельским и всею артиллерией овладел и Ибраим-пашу, которой его защищал, по некоторым сопротивлении, со всеми его войски пленными сделал. Сие толь удачливое происшествие при открытии кампании должно бы иметь наилучшие следствия, ежели бы его план был известен и войски союзные и от другой армии уже были в движении; но в сей неизвестности и теперешнем положении Украинской армии и особливо по затруднениям, что оказывают и теперь союзные в занятии Фокшан без нашего содействия, удержание сего места, а тем более переход чрез Серет требуют с нашей стороны больших вниманий и кажутся быть сопряжены со многими трудностями.

Генерал Каменский употребил и при сем случае все свое усердие к пользе Вашего Императорского Величества, а не менее и генерал-порутчик фон Дерфельден, под которым, как слышу, лошадь убита и он сам контузию получил. И как все то к следствиям моих распоряжений надлежит и пребывание нового предводителя здесь еще неизвестно, то я поспешаю Вашему Императорскому Величеству о сем мое всеподданнейшее донесение учинить и обоих сих генералов,

так как и всех в сем деле отличившихся, Вашего Императорского Величества всевысочайшему благоволению всенижайше препоручить.

Вашего Императорского Величества верноподданный

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

74

П.А.Румянцев — Екатерине II

7 мая 1790. с. Лазорени

Всемилостивейшая Государыня!

Вашего Императорского Величества всемилостивейшее и от 19-го прошедшего месяца зачисленное писание имел я счастие получить и по моему чистейшему и всех временных и сторонних видов чуждому усердию я могу смело Вас, Всемилостивейшая государыня, уверить о ничтожности всех толкований и что мое пребывание нигде не может быть никаким образом для дел Ваших неполезным и никакая клевета не найдет себя никогда в состоянии меня в противном обличить. Что до места, где я теперь живу, то я не один раз уже был намерен по многим и довольно неприятным притчинам его оставить; но болезни, которые меня восемь месяцев сряду в постели держат и часто обновлявшиеся припадки, как и тот, рода горячки, что я на сих днях потерпел, всякой раз мне в том мешали. Теперь, однако же, при хорошей погоде, коя что только здесь начинает устанавливаться, я велю себя везти в мои имения в Малороссию, какого бы то труда и изнурения мне не стоило, и я пробуду там, доколе обстоятельства мне лучше к тому удобствовать будут, чтобы пользоваться Вашим всемилостивейшим позволением и ехать в чужие край на сыскание последней уже остающейся помощи от вод и бань. При всем том, по моей горячей ревности к военной службе Вашего Императорского Величества, я бы охотно хотел без того обойтись и предпочел бы всякой раз всем моим иным желаниям быть употребленным в оную. И я утешаю себя все еще сладчайшею надеждою на сие продолжение.

С чувствами всеподданнейшей и бесконечной благодарности за всемилостивейшее обнадеживание Вашего всевысочайшего покровительства, в котором я все мое благобытие единственно и едино полагаю, и с всеглубочайшим благоговением, что я к Вашим ногам пасть и быть счастие имею

Вашего Императорского Величества верноподданный

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

РАЗДЕЛ VI

Польская кампания 1794 г. Последние годы жизни

75

Екатерина II — П.А.Румянцеву

25 апреля 1794

Граф Петр Александрович,

всегда я надеялась, что где идет дело о пользе службы моей и о добре общем, Вы охотно себя употребите, в чем и имела уверение, как письмами Вашими, так и чрез детей Ваших. Время к тому теперь настоит, и я не сомневаюсь, что Вы, приняв знаком истинной моей к Вам доверенности и особливого благоволения, поручение главного начальства над знатною частию войск моих по границам с Польшею и Турциею, в трудных нынешних обстоятельствах, употребите Ваше рвение и Ваши отличные дарования, которыми не один раз доставляли Вы славу оружию российскому. Знаю, что телесные силы Ваши не дозволят Вам снесть всех трудностей военных, но тут нужно главнейшее Ваше наблюдение и Ваше руководство ими. При помощи Божией дела исправлены и до желаемой степени доведены будут. От Вас зависит избрать место для пребывания Вашего по соображению разных удобностей в получении известий и в снабдении наставлениями. Будьте в прочем уверены, что труд, Вами подъемлемой на пользу Отечества, принят мною будет в полной его цене и с особливым признанием. Дай Бог, чтоб Вы преуспели в подвигах Ваших и тем новую оказав услугу, новую себе приобрели славу. Пребываю непременно Вам доброжелательна.

Екатерина

76

П.А.Румянцев — А.В.Суворову

7 августа 1794. Ташань

Сиятельнейший граф,
Высокопревосходительный господин генерал-аншеф и кавалер,
милостивый государь мой!

Новости из Константинополя и все другие из Турции уверяют нас, по крайней мере на настоящее время, о удержании покоя и мира с сей стороны; и напротиву по тем, что мы имеем из Польши и Литвы, становится в свое время ничто значущий неприятель час от часу дерзче и хитрее. Соображая все сии обстоятельства по мере, коль много туркам верить должно, и наше собственное внимание, по равнодушию, что соучастники в общей вине и особливо в малом рачении в восстановлении безопасного сношения и сообщения оказывают, от нас требует: я нахожу быть очень надобным и полезным сделать сильной отворот сему дерзкому неприятелю и так скоро, как возможно от стороны Бржестия и Подляшского и Троцкого воеводств, дабы чрез то общественные действия с прусскими войсками на Висле и наших одних в Литве лучше возможно облегчены и к их цели доведены быть могли, что теперь тем удобнее бы учиниться могло, ежели бы на австрийцев уверительно щитать можно было, что Хельмское и Люблинское воеводства их войсками действительно уже заняты были. К сему назначению суть уже действительно два корпуса командированы, состоящие каждой из одного генерал-майора, трех баталионов пехоты, пяти эскадронов кавалерии и двухсот пятидесяти казаков с четырьмя орудиями полевой артиллерии.

Ваше Сиятельство были всегда ужасом поляков и турков, и Вы горите всякой раз равно нетерпением и ревностию, где только о службе речь есть. И по моей ревности к лучшему оной, я должен всевещно желать, чтобы Ваше Сиятельство предводительство сих обоих корпусов только на сие время на себя приняли, видя, что Ваше имя одно в предварительное обвещение о Вашем походе подействует в духе неприятеля и тамошних обывателей больше, нежели многие тысячи. Я бы очень хотел, чтобы Ваше Сиятельство сии войски некоторой частью из тех, что под Вашей командой в Брацлавской губернии лежат и к подобным действиям уже довольно приучены, предметумерно усилили. Но отдаление оных и главнейше поспешность, с которою все сие учиниться должно, делает сие почти невозможным, и надобная прибавка должна из ближайших мест, учиниться. Я ожидаю с большим нетерпением ответа Вашего Сиятельства и того уведомления, что Вы касательно надобного уси-

ления войск назначить изволите и какие наставления Вы под Вашей командой находящимся генералам дадите? [...]

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

Румянцов-Задунайский

77

П.А.Румянцев — А.В.Суворову

20 августа 1794. Ташань

Сиятельнейший граф,
Высокопревосходительный господин генерал-аншеф и кавалер,
милостивый государь мой!

Нечаянное вступление австрийских войск в воеводства Волынское и Владимирское, кои от начала польского возмущения войсками Ее Императорского Величества заниманы были, и поспешное движение, что из оных корпус генерал-майора Буксгевдена должен был сделать по повелению господина генерал-аншефа и кавалера князя Николая Васильевича Репнина, расстроили во многом мой план; но с другой стороны я смею уповать, что я чрез, во походе к Острогу, находящейся корпус и главнейше чрез Ваше назначение командиром оному, всевысочайшую волю Ее Императорского Величества наисовершеннейше выполняю, как Ваше Сиятельство то, из при сем к Вашему единственному знанию в копии приложенного всевысочайишего Ее Императорского Величества повеления, коим я ущастливен был, наивнятнейше увидеть изволите. Но как нет возможности предвидеть и предварять событей, где не незнакомое число войск, но целая земля воюет и где неприятель вдруг во многих местах и во многих тысячах видится и ожидается и там незапно является, где бы он, судя воински, никак и быть не мог; и я могу полагаться совершенно в том на толь многоизвестную ревность и прозорливость Вашего Сиятельства, что подобные ухищрения и бег притворной неприятеля бдения Вашего Сиятельства не минуют, и что все кучи оного и главнейше те, от которых многие и другие и частию и целое возмущение зависят так на походе, как в окольностях Бржеста, всякой раз на голову побиты и рассеяны будут; и что Ваше Сиятельство при буквальном наблюдении главных артикулов при сем следующего всевысочайшего предписания Ее Императорского Величества во всем так поступать и Ваши главные движения в том роде распоряжать будете, что они неприятелю, как на Варшаву или на Гродню целящие казаться и собственные границы чрез то совершенно обеспечены будут, и что Ваш поход от Остро-

га будет чрез воеводства Волынское и Владимирское и большой частию вдоль Буга и сходственно моему тоже здесь в копии приложенному письму к австрийскому генералу графу де Гарнонкурту и без подания поводу к каким-либо малейшим жалобам с их стороны; и что Ваше Сиятельство предуведомите о том их ближайшего генерала и, как я думаю, господина Шульца, которой, как мне кажется, в Дубне находиться должен, чрез нарочного и письменно в выражениях наидружественных, а обывателям воеводств Бржестского и Подляшского чрез ближайшие земские комиссии, Ваше вступление в оные тоже письменно возвестите [...]

78

П.А.Румянцев — А.В.Суворову

25 сентября 1794. Ташань

Сиятельнейший граф,
Высокопревосходительный господин генерал-аншеф и кавалер
милостивый государь мой!

Я начинаю сие моим всеусерднейшим поздравлением с вновь Вами к славе оружия Ее Императорского Величества и ее вещественной пользе одержанной победой за Бржестием. Она есть столь важна, по ее существу, сколь редка в своем роде, будучи следовательно четвертой, едва в толиком числе дней. Она надлежит уверительно к тем, кои сию истину совершенно подтверждают, что большое искусство и горячая ревность предводителя и подражания достойный пример в подчиненных преодолевают все в сображении возможные труды и упорности. Я умедлил нечто в том уповании, что я буду иметь скоро всевысочайшие повеления относительно Ваших дальнейших действий и надобные объяснения о происшедшем в Литве; первые я действительно получил, а других жду я еще [...]

Будучи одушевлены ровными поводами, я взял смелость уверить Ее Императорское Величество, что ничто в том упущено не будет, что есть только в способах и в возможности, и что я на сей конец жду с минуты до другой мне от господина генерала и кавалера князя Репнина надобных объяснений, от которого к сему потребные войски с теми, что, Ваше Сиятельство, предводите, соединиться должны; но как между другим, мимо сей помощи множайшее в сих предприятиях и от поведения союзных зависит и главнейше на сих двух вопросах основываться должно: останутся ли войски прусские в близости Варшавы и цесарские в Люблине, или отдалятся те и другие в свои владения, видя что в первом случае, ежели бы их действия в прочем и с большой сноровкой шли, неприятель все

будет бояться внезапного нападения на Варшаву и не посмеет уверительно разделять свои силы; и что тогда мы можем легко дойтить до Вислы и противу Варшавы нечто решительное общественно с ними предпринять; но во втором, которое кажется уже отчасти оказывается, будет неприятель уверительно все свои силы противу нас на прятать, будучи в сем пункте вовсе обеспечен, и мы не можем обойтись тогда, чтобы не занять Люблина так для предписанных наступательных действий, как к прикрытию наших чрез то открытых обширных границ, и что в случае, ежели бы австрийские войски действительно оставили Люблин, от корпуса генерала-порутчика Ферзена тотчас учиниться должно. При всем сем, и как бы то ни было, я имею все причины быть очень уверенным, что от Вашего Сиятельства четверократное поражение претерпевшей неприятель будет по крайней мере на сей раз только о своей собственной беспечности заботиться, и что ничто не избежит ни от Вашего внимания, ни от Вашего проницания, что только к лучшему службы и к достижению всевысочайших видов Ее Императорского Величества оказываться будет, и что Вы из всего того всякой раз часть наиполезнейшую извлекать будете, и что между сим временем мои Вам от 7-го и 15-го сего месяца под № 134 и 145-м сообщенные мнения и заключения о предпринимаемых мерах, так в Ваших действиях, как в предварительном обеспечении границ чрез назначение корпуса при Остроге уже к Вам дошли, и что господин генерал-аншеф и кавалер князь Николай Васильевич Репнин тоже все Ваши требования удовлетворил.

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

79

П.А.Румянцев — А.В.Суворову

9 октября 1794. Ташань

Сиятельнейший граф,
Высокопревосходительный господин генерал-аншеф и кавалер,
милостивый государь мой!

В моменте, что я получаю Ваш рапорт № 428-й, я поспешаю Вам отвечать и Вам сообщить мои мнения на в нем содержащееся: австрийцы, кои оставили Люблин вовсе не в пору и пересекли чрез сие Ваше сообщение с господином генералом-порутчиком Ферзеном, гнездятся теперь там по той притчине единственно и едино, что мы оной занять хочем, и что польские войски оной в сем виде опорожнили, дабы обратить все их силы противу нас. Они нам ос-

тавляют только Владимир из части Волыни, и, что они занимают, который весь сгорел и лежит по обстоятельствам вовсе в мертвом углу, и молчат, как я вижу поныне, вовсе о низложении и пленении Костюшки, что Ваше Сиятельство из моего под № 183-м отправленного наивнятнейше видеть изволили. И я жду с нетерпением, что Вы по сему вовсе неожиданному и наивсещастливейшему происшествию предприняли. По сему буду делать дальнейшие распоряжения, относительно в границах и в Волыни находящихся войск, следственно и Орловского полку, которой к корпусу генерала-майора графа Разумовского присоединен.

Я имею честь быть с почтением наиотличнейшим Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

Румянцов-Задунайский

80

П.А.Румянцев — А.В.Суворову

18 октября 1794. Ташань

Милостивый Государь мой!

Я имею Ваши рапорты № 420, 456, 462, 463 и 471-й с их приложениями, я не вижу в первых ничего далее о Мокрановском и других неприятельских генералах, что шли с их корпусами из Литвы, и я должен заключить, что вся сия куча станет Вам на пути к Варшаве, ежели они не были разогнаны нашими в Литве действующими войсками. Я нахожу в последних ответы его прусского величества и австрийского генерала графа де Гарнонкурта мало удовлетворительными по моим заключениям в № 187: первой по поводам, по которым Вы проситесь поспешить к Висле, и другой по объяснениям, что там касательно Владимира и реки Вепржа и особливо сношения с Варшавой наводятся, и кои Вам теперь то очень внятно оказывают, чем сии войски и их генералы вообще занимаются. Я очень уверен, что Ваше Сиятельство, так как все иные противу неприятеля действующие генералы, очень скоро вовсе новые наставления иметь будете, к которым естественным образом и пленение Костюшки и многие чрез то открытые обстоятельства повод дают, и что Ваше сиятельство между тем сим случаем воспользуясь и без всякого содействия союзных, чрез соединенные собственные силы теперь трепещущего неприятеля одолеете и все к вышней славе Ее Императорского Величества обратите, коей она единственно и едино довлеет, и что Вы не по держанному воинскому совету и не по нужде, но по победе в ваши квартиры возвратитесь. Что до отвода пленных и взятой артиллерии, то я приказал

господину генералу-майору графу Разумовскому так поступать, как Вы в том с господином генерал-аншефом и кавалером князем Николаем Васильевичем Репниным согласитесь, видя, что ваши назначения главнейше в рассуждении пути вовсе разные были. Я имею честь быть с почтением наиотличнейшем Вашего Сиятельства всепокорный слуга

граф *Петр Румянцов*

81

П.А.Румянцев — А.В.Суворову

29 октября 1794. Ташань

Я вижу в протчем теперь очень внятно, что Ваше Сиятельство все обстоятельства и происшествия, следственно и все то, что касается до Вашего предприятия, с лучшей пользой службы соображаете, и что Ваше Сиятельство все то в себе самих и в соревности Ваших подчиненных находите, чего Вы от помощи союзных ожидали. И то уверительно не без удивления, что все старания и предложения Вашего Сиятельства в сем виде были вовсе тщетны и без всякого уважения на повода, чтобы тамо наводили и на саму видимую пользу общественных действий; и что сие единственно и едино виной было, что Варшава могла без помехи жизненными средствами запасаться, и что все войски возмущенных способы нашли, так из Литвы, как из Пруссии, скрытым ходом к Варшаве пробраться, и теперь оную и Прагу саму, коя тоже хорошо укреплена, соединенными силами и по всему видимому наивсекрайнейше и отчаянно оборонять. Я долженствовал полагать и то по рапортам самим Вашего Сиятельства, что прусские войска их пост при Закрочиме оставили и что Мокрановской недалеко от того Буг переходил, но теперь оказывается сие вовсе направив, и что генерал Фаврат тамо неподвижно стоит, и что Мокрановской Буг при Броках перешел [...]

Я рассматривал с многой прилежностию мне присланной план, по которому Прага, хотя бы и слабо, но двойным укреплением обведена, из которых, по мнению искусства знающих мужей, при взятии одного останавливаться не должно и удерживаться вовсе не можно; и я оканчиваю сие с тем удостоверением, что все уже учинено, что только в способах и в возможности находится и что Ваше Сиятельство еще один раз и то пред Вашим приближением к Праге, испытали союзных по крайней мере так далеко подвигнуть, что каждой от своей стороны хотя бы доказательствами неприятеля пугал, коему никакой надежды ко спасению и действительно не остается, разве в своем ускорении той или другой державе.

Я имею честь быть с почтением наиотличнейшим Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга

граф *Петр Румянцов-Задунайский*

82

Екатерина II — П.А.Румянцеву

25 ноября 1794

Граф Петр Александрович!

Донесением Вашим с генерал-майором Исленьевым, присланным о покорении войсками нашими под начальством генерала графа Суворова-Рымникского польского столичного города Варшавы, мы были весьма обрадованы. И как Ваши добрые распоряжения главнейшие способствовали сему знаменитому и важному событию, то мы сим свидетельствуем наше признание к усердию и радению Вашим, предполагая по получении подробных о сем известий оное изъявить на деле, а равным образом создать заслугам и всем тех, кои тут ревностно и мужественно подвизалися, соизволяя между тем, чтобы Вы дали им знать о нашем особливом к ним благоволении. Генерала графа Суворова-Рымникского при самом получении известия пожаловали мы генералом-фельдмаршалом, а присланного генерала-майора Исленьева — генералом-поручиком. Пребываем в протчем Вам благосклонны.

Екатерина

83

П.А.Румянцев — Павлу I

16 ноября 1796. Ташань

Всемилостивейший Государь!

Оба всевысочайшие и от 6-го сего месяца зачисленные повеления, коими Ваше Императорское Величество меня наивсемилостивейше ущастливить соизволили, получил я враз[1]. И я чувствую всю великость всевысочайшей милости и доверенности, коих Вы меня, Всемилостивейший Государь, по сему случаю удостоиваете в всевышшей степени совершенства и сия чувствительность и моя всеподданнейшая благодарность суть уверительно над всякое ощущение и изречение.

После сего убеждения, не уважая на мои малые и в возлагаемом деле точно потребные знания и способности, я бы не мог медлить

ни одной минуты на увеществование той презелной ревности, с каковой я Вашему Императорскому Величеству всегда служил и с моими крайне ослабшими силами [еще] служить желаю, и я смею уповать [на милость и великодушие Вашего Императорского Величества], что Вы, Всемилостивейший Государь, отдадите справедливость сей истинной верности и ревности и припишите сию невозможность тому нещастному положению, в котором я чрез многие годы длившиеся тяжкие болезни действительно нахожусь и о коем вы, Всемилостивейший Государь, наимилосерднейше и наиснисходительнейше судить изволите.

84

С.С.Апраксин — А.А.Прозоровскому

8 декабря 1796. Ташань

К сожалению целого отечества, генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский сего утра в 9 часов 45 минут в вечность преселился.

Письмо на имя покойного, полученное чрез нарочного курьера, вчерашнюю ночь проехавшего из Петербурга через Ташань, кое принял генерал-майор князь Дашков с объявлением, что курьер при вручении оного изъяснил, что он имеет приказание, отдавши здесь, не мешкать ни одного часа и ехать в Тульчин с другими письмами к графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому, Вашему Сиятельству подношу; в последних часах болезни фельдмаршала по моему извещению прибыли киевский губернатор Милашевич, генерал-майор князь Дашков и комендант Переяславский Фок, а сию минуту нечаянно и генерал-майор Шошин приехал явиться, который через меня и просит дозволения у Вашего Сиятельства через несколько времени при теле остаться для отдания последнего долга.

С выше писаными особами приложатся, где нужно, печати, а донесение о кончине к графу Николаю Ивановичу [Салтыкову] послано.

Я потребовал караул принадлежащей тотчас из Киева от пеших стрелков и от гарнизона в Переяславле, последний уже прибыл.

Осмеливаюсь представить, не угодно ли от полков, собственно принадлежащих фельдмаршалу, прислать на почте несколько штаб-, обер-, и унтер-офицеров, а особливо Орденского, яко ближайшего и принадлежащего по званию к мужеству покойного.

Девять пакетов от Вашего сиятельства с последним курьером присланы при сем возвращаю.

Каковые же в болезни покойного происходили обстоятельства после донесения моего из описания медиков изволите усмотреть.

85

Заключение медицинской комиссии

8 декабря 1796

7-го числа в 6 часов пополуночи больной находился в том же положении, как вчера от нас донесено, чрез ночь и еще теперь мало можно приметить признаков воспоминания и, как теперь мы не имели уже причин опасаться сопротивления больного, хотя же недействительность системы нервов, к сожалению, и мало надежды нам преподавала, чтоб все наши труды были полезны, то, однако ж, вместно согласились, взирая находящиеся еще малые жизненные силы, следующее испытание к избавлению сего знаменитого мужа предпринимать приступили: дать ему довольное количество раствора соли виносурменной и также промывальное с уксуса и нашатырного спирта. Но так сие раздражение в больном не произвело никакой перемены, то повторяли мы еще с большим количеством соли виносурменной и чрез раздражение пера в горле старались произвесть возбуждение к рвоте; после сего, дабы дать помощь чревоподобной движение кишок, еще избрали клистер табачного дыма, и как напоследок мы оными не достигли своих предметов, то велели узвар табачной к тому намерению промывательное поставить и сие несколько раз повторять, но и оное не произвело желаемого действия, потом мы взяли прибежище к купоросному этеру с холодною водою, разженною в клистир поставить и пластырь из шпанских мух на живот положить; однако ж все сии наши старания не были в состоянии спасти сего высокого больного и исторгнуть его из челюстей смерти; ибо 8-го числа пополуночи в 9-ть часов и три четверти скончался он спокойно.

Подлинное подписали:

Генерал штаб-доктор Иван Миндерер, надворный советник Доппель-Мейер младший, дивизионный штаб-лекарь Вильгельм Вниш, дивизионный штаб-лекарь Иван Рихтер, штаб-лекарь Иван Бондаревский

и притом приемлю смелость рекомандовать сына моего
всепокорно прося естьли он того будет достоин дабы был
содержан в высокой вашего сиятельства милости. Естьли же о
там себя содержать будет нам до сего будучи в Берлине
то наипаче прошу мне милостиво оставить, что сие
ваше сиятельство своим утруждаю. Уже всепокорно прошу
меня милостивыми писмами награждать, которые я будучи
здесь между скорбьми обхождения сего народа за радость и у-
веселение себе почитать буду. Впротчем сие мое всепокорней-
шее прекращая с моим всеподданнейшим почтением и с вернейшею
преданностию ваше жизнь мою непременно пребуду

Вашего сиятельства

премилосердаго государя

всепокорнейший и преодолженнейший слуга

[illegible]

Часть вторая

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

1

А.И.Румянцев — Б.Х.Миниху

22 октября 1740. Лагерь при р. Буг

Сиятельнейший граф, Высокоповелительнейший господин
генерал-фелтьмаршел и разных ординов ковалер,
премилосердный государь и патрон!

Я чрез сие мое всепокорнейшее прошу мне милостиво упустить, что я так давно Вашему Сиятельству не явился своими покорнейшими письмами только за одним тем, что не имев достойного к доношению[1], а о пустых турецких переписках и утруждать Ваше Сиятельство не смел как о их варварском обычае более всех Вашему Сиятельству известно, показывая то и другое, якобы к неудовольствию себя, к размене долго не согласились. Но уже едва сего настоящего 17-го при реке Большом Канаре разменились. О происхождении ж той размены, хотя от них некоторые вымышлении и были, я здесь не распространяю, надеюся, что по моим всеподданнейшим реляциям публиковано будет, ис чего, Ваше Сиятельство, обстоятельнея известны быть изволите.

Только при сем себя и всю мою бедную фамилию препоручаю в непременную Вашего Сиятельства ко мне патронскую милость. И при том приемлю смелость рекомандовать сына моего, всепокорно прося, ежели он того де будет достоин, дабы был содержан в высокой Вашего Сиятельства милости; ежели же он так себя де содержать будет как до сего будучи в Берлине, то нижайше прошу мне милостиво оставить, что сим Ваше Сиятельство об нем утруждаю.

Я же всепокорно прошу меня милостивыми письмами награждать, которые я будучи здесь между свирепым обхождением сего народа за радость к увесилению себя почитать буду. В протчем сие мое всепокорнейшее прекратя, с моим вседолжным почтением и вернейшею преданностию во всю жизнь мою непременно пребуду Вашего Сиятельства примилосердного государя всепокорнейший и преодолженнейший слуга

А.Румянцов

Помета: 8 дня ноября 1740 года.

Взяв господину Ральзому, отвечать з благодарством и что сын ево произведен в подпоручики, и впредь его с [семейством] ево своих услуг будет не оставлен[2].

N.B. Исполнено.

2

А.И.Румянцев — П.А.Румянцеву

24 сентября 1745. С.-Петербург

Мой любезный сын! Последнее [письмо] я от Вас получил при отправлении Вашем для следствия в Орел[1], а ныне с нетерпеливостью ожидаю, что у Вас происходит. Бога ради, в следствии осторожно поступай, по совести и силе указов, чтоб чего не упустить, дабы иногда Вам чего причтено не было.

По репортицы, по Вашему желанию, полку Воронежскому в Коломне стоять. Ежели вскоре от следствия возвратишься, не худо, чтоб здесь хотя не на большое время побывал, ибо более года Вас не видали, да и нужда в том есть. Я от Вас скрыть не могу и без твоего желания и ответствовать не мог. Ея Императорское Величество наша Всемилостивейшая Государыня, милосердуя о Вас, матери изволила говорить, что уже приспело время Вам женитца и изволила представлять Вам невесту, жалуя как меня, так мать и всю нашу фамилию, — дочь покойного Артемья Волынскаго. Вы ее знаете, что она не красавица и не дурна, пред прочими же всеми невеста весьма богата. Вы сами ведаете всех невест, сколько за кем, а за ней более дву тысяч душ, и не знаю, не будет ли трех, двор московской, у Кузнецкого мосту, и знаете, что в Москве другого едва сыскать можно. Здесь, в Набережной улице, у Крюкова каналу, каменный великий дом, к тому ж конский завод и всякий домовый скарб, а она весьма неглупа и состояния самого доброго. Государыня изволила сказать, что Авдотья Ивановна Чернышева с великим прошением просила за детей своих, также и Голицыны большие оба искали, но изволила отказать. Вы ведаете, как она по крови близко обязана свойством. И для того, по всем обстоятельствам, пропустить не хочетца. И такой богатой и доброй девки едва найтить будет можно. Буде искать из придворных, то Вы их всех знаете, и придворное обхождение Вам скоро скучит. Я Вам, любезный мой сын, советую сей невесты не пропущать! Ее богатее сыскать трудно; да и дом готов совсем. Хотя, по благодати Божией, доста-

ток малый и имеем, да однако ж, что более, то лучше. Я и мать, сестра и зять [Леонтьев Н.М.] весьма тому рады. И Вы усмотрите из письма зятня, что и он советует. Пожалуй, послушай нашего родительского совету, тако ж и повиноватца соизволению Ея Императорского Величества. Истинно, она из одной своей высочайшей милости представила и изволила при том сказать: «Лучше сей доброй кусок хлеба Вам хочу отдать, нежели другому». Ежели Ваше желание к тому будет, то немедленно ответствуй ко мне. А ежели ваша комиссия не скоро окончитца, то я буду просить здесь и в Москве, дабы Вас от той комиссии свободить, и потому приезжай сюды немедленно.

Впрочем здесь все благополучно, и сей день еду на свадьбу к князю Сергею Хованскому, женитца на большой Голицыной княжне. Ея Светлость принцеса Цербская на сей недели отсюда отъедит. Я Вам, мой любезный сын, посылаю свое благословение, тако ж и мать. Пожалуй, послушай совету нашего. Я час от часу слабее становлюсь, то хочется тое радость при себе совершить. А без меня, может быть, и не такие случаи будут.

Ваш отец граф *Румянцов*

3

А.И.Румянцев — П.А.Румянцеву

27 февраля 1747. [С.-Петербург]

Мой любезный сын! Я по отъезде Вашем только одно письмо чрез Вашева квартермистра получил, чему дивлюсь, что я при отъезде Вашем приказывал, чтоб Вы чаще писали, и мать о том просили. Но знатно, Вам приказ наш не очень нужен, я то так сказал Вам по своей родительской горячности, ведали, чтоб чаще об Вас слышать. Буде то рассуждать, что Вы не в самом выборге стоите, однако ж сами писали, что недалеко, а можно б, хотя и дале, то помимо почты писать и адресовать полковнику Исакову или почтмейстеру.

Александр Семенович[1] граф Брюс, приехал третьего дни, и надеюсь, что скоро к Вам отправитца. Я для Вашего известия и в предосторожность Вам даю знать, чтоб Вы весьма смирно только жили и с своими афицерами порядочно поступали, понеже Ея Величество Всемилостивейшая Государыня изволила отзыватца за столом, почитай, публишно, что Вы знатно прежнего своего житья намерение взяли и живете неспокойно, как с своими афицерами, так и посто-

ронних обидите, а именно Деринкову ссору и Марковичеву приключившую обиду изволила упоминать, а особливо Возжинсково дело[2]. «Ежели б де я в те числа сведала, то б отцу велела сказать, чтоб он унял, а ежели б он того не учинил, то де я более власть имею, нежели он, его унять. Что де у меня уши далеко слышат. Может быть, по здешнему примеру и тамо от него не без каверз будет его. Велено от меня за ним смотреть и меня репортовать». Что я чрез моих друзей сведался. Рассуди, мой любезный сын, каково мне сие приятно было слушать! А мать в крайней печали находитца, слыша о сем грозном ударе. И для того Вам даю знать, чтоб вы, взяв в зрелое рассуждение сие предисловие, [решили]: надобно ли себя поправить в том и воздержаннее жить? Ибо уже двадцеть третей год Вам, то пора постояннее быть. А может быть, ежели паче чаяния моево, что сделаешь, то уже как я, так и мать, не в состоянии будем поправить, и на нас не пеняй.

Прилагаю при сем я Вам письмо из Москвы от моего генерал-адъютанта, в котором Вы материю увидите. Мне и то удивительно и печально, что от меня то таили. Рассудите, Вам не довольно ль определенного от меня? С Вашим жалованьем по 1000 по осьми сот рублев в год получаете; да еще где квартиру имели, что все было дешево. А запасу своего не мало Вам от меня определено, что и Вашими росписками в приеме у домовых дел значит. Бога ради, не отврати моего сердца от себя, как прежде было. Ежели невоздержно — мне в том нужды нет, да только Вас жаль, чтоб опосле не стали плакать и на меня жаловатца. А мать не доведите до крайней печали.

Здесь все благополучно. Я с матерью и с сестрами, благодарю Бога, в добром здоровье. И Вам посылаю мое благословение.

Ваш отец граф *Румянцов*

[Приписка М.А.Румянцевой]

Я от горести болше что писать не имею, шлыше об Вас, как Вы были в походе, так чрез свои худые поступки потеряли. Не умари нас безвремено. А ежели бы наш совет послушал, то бы все лучше было; для того Вам и хочетца одною головою жить, чтоб свободнее одному шелить и пустодомом жить. Я от горести больше не знаю, что писать. Буди с Вами мое благословение.

Мать Ваша г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

4

А.И.Румянцев — П.А.Румянцеву

27 марта 1747. [С.-Петербург]

Мой сын! Вам было неколи забыть моего к Вам письма, которое я в предосторожность Вашу писал, ради Ваших худых поступок. Но знатно, то мое отеческое наставление Вам противно, и Вы им последовать не хотите. То уже я пред Богом в том ответа дать не должен и пред честным светом непостыден явлюсь, что Вы сами себя своими худыми поступками сыновства моего лишаете: знать, оно Вам ненадобно. Знай же, что я уже в Ваши дела вступатца не буду: живи, как хочешь, и хотя до каторги себя доведи, слова никому не молвлю, понеже довольно стыда от Вас натерпелся. А бедную мать приводишь худыми своими поступками в крайнее сокрушение. Мне пришло до того, что или уши свои зажать и худых дел Ваших не слышать, или отречься от Вас. С сею почтою получил я из Выборха [Выборга] письмо тамошней портовой таможни цольфервальтера Людвиха, приносит на Вас жалобу: первое, как Вы едущую на дороге жену его обидели, но потом, после пробитая зори, с солдатами вломясь в дом его, непотребные поступки делали, что подлинно увидишь из письма его. Рассуди, пристойно ли то честному человеку, имеющему знатной чин, такие шалости делать, не храня как родительскую, так и свою честь. Он бы мог, как пишет, по команде просить в Комерц-коллегии, а из той коллегии представлено б было в Сенат, а из Сенату не иное что, токмо б был указ послан в Военную коллегию, чтоб Вас судить. Разве Вам не надокучили такие на Вас оглашения? Рассуди, может ли сие здесь тайно быть и не внушено Ея Императорскому Величеству? А в каком уже кредите, о том я к Вам прежде писал, и что смотреть за Вами велено. И для того я нарочно послал адъютанта своего Токмачева и велел у Вас о сем деле, как происходило, взять обстоятельной ответ. И вы, получа сие, конечно, пришлете, не утая ничего; хотя Вы и утаите, но ведайте, что я друзей имею и кроме Вас сведаю. К тому ж и того просителя надобно удовольствовать Вам, чтоб до дальних хлопот не дошло. И Балин пишет ко мне, что челобитной, не описавшись со мною, не послал, надеясь на мою справедливость. Пора перестать! Ежели впредь что услышу какие от Вас худые поступки, Бога свидетеля поставляю, что от Вас отрекусь; то без меня узнаешь, как жить! Можно по материи и дело видеть, что делалось в пьянстве забиячество, так, как Возжинскова дело. Помни свои клятвы, как Вы мне клелись в первых своих Балинских худых поступках и потом в выборге, и ныне недавно в письме своем, что отнюдь того

впредь не делать, но, вместо того что воздержатца, час от часу более Ваши продерзости являютца. И ежели Вы подлинно винны, то надобно с ним помиритца; а когда Вы сему несогласны, то не жди от меня ничего, не токмо награждения, ниже благословения.

Я сие уже к Вам последнее пишу. А ежели впредь это сделаете, то моим сыном не именуйся.

Граф *А[лександр] Румянцов*

5

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

[1747. С.-Петербург]

Петруша! Недавно тому было, как Вы в письме своем просили меня, чтоб как возможно здесь Вас остерегать от прошедших продерзостех Ваших; однако же видно, что в Вас ни страху Божеского нет, ни жалости об нас, и можно видить, что больше желаешь, чтоб не дожив жизнь свою, от тебя окончить, что вместо того, что себя смирить, час от часу прибавляется. То уже на нас не пеняй. Мы уже совсем от Вас отречемся. И розсуди, чего от Бога ждать, что ты так презираешь родительский приказ и знаешь, что за Вами там смотрят, то вместо веселия нам только несказанная горесть для всех пакастей. Знать, Вам и хочется одному жить. Но верь, сын, что Бог тому не попрочит, хто презирает волю родительскую. Самая моя несносная горесть принудила так писать, и вижу неутешно-горкую нашу старость. И болше уже не жди от меня.

Мать Ваша г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

6

Записки А.Т.Болотова

Во все новейшие времена не бывало еще никогда столь страшного вооружения и столько ополчений, какие производились везде в начале сего 1757 года. Целых девять армий выступило весной сего года в разных местах в поле, и король прусский окружаем был со всех сторон неприятелями. С одной стороны готовились нападать на него французы, со стороны от Генновера; с другой — так называемые имперские войска, со стороны Саксонии; с третьей — цесарцы, со стороны Богемии и Шлезии; с четвертой —. шведы, со

стороны Померании; а с пятой велено было идти и атаковать его нашим войскам, со стороны Пруссии. А король прусский готовился между тем не только защищать и оборонять землю свою повсюду, но идти еще сам и разорять Богемию[1] [...]

Мысли, что идем на войну и отправляемся из отечества в страны чужие, отдаленные и вражеские, идем терпеть нужды, проливать кровь и умирать за отечество; воображение, что из всех шествовавших тогда столь многих людей весьма многие назад не возвратятся, но положат свои головы на войне и в походах, и в последние тогда расстаются со странами, где родились и воспитаны; неизвестность, кто и когда подвергнется сему несчастному жребию и кому судьба назначила не возвращаться, и прочие тому подобные помышления приводили дух в некоторое уныние и расстраивали всю душу. Напротив того, с другой стороны, всеобщее предубеждение о храбрости и непобедимости наших войск, льстящая надежда, что неприятелю никак против нас устоять не можно, мечтательное воображение, что мы по множеству нашему замечем его даже шапками, и бессомненная надеянность, что мы его победим, сокрушим и возвратимся со славой, покрытые лаврами, ободряла паки унылое сердце, и оное, власно как оживотворив, наполняла огнем военной ревности, толь много помогающей нам охотно и без скуки переносить все военные труды и беспокойства [...]

15-го числа [июля 1757 г.] пришли мы к польскому местечку Вербалову, которое было самое почти последнее до прусской земли. И как мы сим образом к неприятельской земле совсем почти уже приблизились, то поставлен был лагерь всей армии опять вместе и батальон-кареем; также употребляемы были уже предосторожности. Перед фрунтом закинуты были у нас рогатки, власно так, как бы пруссаки были турки и татары, были у нас уже на носу и могли нас всех перерубить и искрошить в мелкие части, если б не взять сей смешной предосторожности, хотя они были от нас и весьма еще далеко. Но сего было еще недовольно; но за рогатки сии на всякую ночь выводились еще превеликие бекеты при пушках и гаубицах. Ничто нам так не досадно было, как сии проклятые бекеты, в которых принуждены были мы ночевать в ружье и без палаток, которая предосторожность была совсем еще не нужна и служила только к приучению нас к военным трудам, а того более к напрасному отягощению.

В сем месте, и не входя еще в прусские границы, стояла армия опять целую неделю, отчасти дожидаясь позади еще идущей нашей кавалерии, отчасти брав время для разведывания о неприятеле и о местах, куда нам идти надлежало. В которое время, на другой день прибыл к нам действительно генерал-майор граф Петр Алек-

сандрович Румянцев со всей кавалерией и кирасирскими полками, с которыми он из России шел через Польшу совсем иной дорогой [...]

Любезный приятель! Теперь достиг уже я до того пункта времени, который был всей нашей кампании сего года решительным, то есть до 19-го числа августа, который день, бывшей в оный баталией, сделался знаменитым и достопамятным[2]. Для меня был он тем особенного примечания достоин, что он был один только сего рода, какой по сие время в жизнь мою случился, и какой мне случай допустил видеть. Почему и желал бы я Вам, любезный приятель, баталию сию описать наиточнейшим образом, но не уповаю, чтоб к тому сил моих было довольно.

Но прежде нежели начну описывать самую баталию, надлежит мне Вам растолковать причину отданного накануне дня сего в армии приказа, который нам столь непонятным казался. Предводители наши, возвратившись с полками в лагерь, собрали военный совет и рассуждали, что делать? Все единогласно в том согласовались, что неприятель, по всему видимому, не хочет дать баталии и боится показаться в поле, а старается только заградить нам путь к дальнейшему походу, заняв самую тесную дефилею, и всем тем воспрепятствовать, чтоб мы его не обошли мимо и не прошли прямо с армией к Кенигсбергу. Другие, напротив того, догадывались и говорили, что неприятель, может быть, ожидает от нас атаки. Но все таковые суждения были неосновательны, как то из последствия окажется. Однако предводители наши, тогда предполагая все сие, заключали, что другого не оставалось, как только чтоб идти нам к нему навстречу и принудить дать баталию. Но тут сделался вопрос: куда и какими местами до него идти? Прямо через Эгерсдорфское поле и ближайшим путем к нему идти была сущая невозможность: он стоял с армией своей за густым и большим лесом, будучи им совершенно прикрыт, а сквозь лес сей не было иного прохода, кроме одной узкой и тесной дороги, а и оная уже была прусскими войсками занята; следовательно, тут атаковать никоим образом было не можно, кругом же помянутого леса обходить было очень далеко. Но как другого не оставалось, а захотелось поспешить, то и определили, чтоб обходить дальний и тот лес кругом с левой стороны, за которым стоял неприятель, и обратить через то к себе навстречу неприятеля. Но как к сему обходу не иначе как несколько дней употребить надлежало, а притом и идти надобно было дурными дорогами и тесными проходами, то заблагорассуждено тяжелый свой обоз оставить тут на месте, а с собой взять один только легкий и необходимый и собраться как можно налегке. Наконец положили, чтоб сим предприятием не мешкать, дабы не дать времени неприятелю занять и последние проходы, и для того опреде-

лили к тому помянутое 19-е число августа, положив выступить в поход с рассветанием дня, а для самого того и отдан был приказ, чтоб взять с собой провианта на трое суток, быть к походу совсем в готовности и ночевать в ружье перед фрунтом.

Таковые-то распоряжения были с нашей стороны. Но судьбе было совсем иначе угодно. Замыслы и намерения наши уничтожены, и произошло совсем иное, ибо между тем как мы сим образом о средствах мыслили и совещались, какими б трусливого неприятеля к баталии принудить, у него, напротив того, трусости и в завете не раживалось. Он был едва ли не смелее нашего и положил, не упуская времени, нас сам атаковать. Пруссаки давно славились тем, что они умеют пользоваться временами и случаями, и через самое сие искусство часто малыми людьми великие армии разбивали. Сию хитрость думали они и в сем случае употребить и недостаток своих сил наградить проворством и отважностью. Им довольно было сведомо, в каком тесном, хотя весьма и выгодном месте стоит наша армия, а может быть, не неизвестно было им и то настроение, в каком тогда находились наши генералы и предводители. Самое намерение наше обходить кругом и выступить в поход может быть каким-нибудь образом они сведали, и потому, недолго думая, положили пользоваться сим случаем и напасть на нас в самый расплох и в то время, когда армия только что тронется с места, дабы воспользоваться нашим замешательством и, не выпустив нас вон из нашей норы, передушить, как кур. Которое намерение они произвели с довольно хорошим успехом, как то из последствия окажется.

Сим образом сплетаемы были для нас сети, а мы, нимало не ведая, спали себе и почивали спокойно. Наконец, багряная заря начала мало-помалу освещать горизонт и предвозвещать нам день наипрекраснейший. Бывший перед утром опять сильный туман начал расходиться, и воздух начинал быть тонким и прозрачным; солнце, выбежав из-за гор осветило уже весь наш горизонт, как громкий пушечный сигнальный выстрел, пресекши наш сладкий сон, привел всю армию в движение. Мы слушали с любопытным ухом, что станут бить: зорю ли или генеральный марш, и, услышав сей последний, тотчас стали спешить готовиться к походу. Немного погодя пробили: «на воза», почему сняты были тотчас все палатки, запряжены лошади в повозки, и обозы, нимало не медля по обыкновению своему, тронулись в путь свой. Теперь припомните, любезный приятель, одно сказанное мной Вам обстоятельство, что выход и выезд из того места, где армия расположена была лагерем, был только в одном том узком прогалке, где стояли наш авангардный корпус и вторая дивизия; а как и нашему походу надлежало простираться в сию сторону, то натурально, обозы всей армии, тро-

нувшись в путь, свалились к сему месту и произвели тесноту наивеличайшую. К вящему несчастью, случилась впереди сей тесной дефилеи вязкая и грязная ручьевина, а именно самая та, которая, разрезая Эгерсдорфское поле и проходя между обеих деревень Эгерсдорф шла впадать в крутой буерак, позади армии находящийся. Через сию ручьевину должны были перебираться передовые обозы, а как, натурально, получили они через то небольшую остановку, то теснота и замешательство в задних делались еще больше. Все повозки теснились между собой и каждая старалась подвигаться вперед и выпереживать другую. Но как передние принуждены были останавливаться, то и сделалась такая теснота, что между телегами и повозками с великой нуждой пешему пробраться было можно. Все было тут смешано: и артиллерия с ее ящиками и снарядами, и полковые обозы, и генеральские экипажи, и офицерские и солдатские повозки, отчего наиболее и делалось замешательство. Самые полки тронуты были уже со своих мест и в разных местах кучками между обозами стеснены были, что все приумножило еще тесноту и замешательство, которое и без того всегда бывает, когда армия выступает из лагеря в поход свой.

В самое сие время, в самое то время, когда наипущее замешательство происходило, и войска с обозами вышеупомянутым образом были перемешаны, и последними вся узкая прогалина, которой главной армии выходить надлежало, так была набита, что ни прохода, ни проезда не было, — в самое сие время, говорю, вдруг сперва тихая молва по всему войску и обозам разноситься начала, что неприятель наступает и уже близко, но тотчас обратилась она в общий шум, и повсюду слышан был уже крик: «неприятель! неприятель!» и уверение, что он уже очень близко; но прямо никто не знал. Иной говорил, что он показался на поле, другой утверждал, что он прошел уже деревни, третий говорил, что он в самых уже обозах, и так далее. Всякий толковал так, как ему хотелось, и прибавлял для устрашения других то, что ему угодно было; а другой, не зная, что заключать и который слух почитать справедливейшим.

Но недолго находились мы в сей неизвестности. Минуты через три получили мы хорошее тому подтверждение. Впереди всего сего узкого места, вправо, где оное с Эгерсдорфским полем смыкалось, стоял у нас второй Московский полк лагерем, занимая весь вход на помянутое поле; и как он прикрывал весь наш бывший лагерь, то для лучшего укрепления и прикрытия сего места присоединена была к нему небольшая колонна артиллерии и поставлена для всякого случая перед оным. Сей полк был первый, который вдруг увидел тогда неприятеля и, что удивительнее всего, находящегося уже перед собой.

Не знаю уже я, не знали мы тогда и все, и Вы судите и разбирайте, каким это образом сделалось, что мы, несмотря на всю нашу прежнюю осторожность и на все великое множество наших легких войск, стерегущих армию, не видали того, как неприятель сквозь свой дальний лес прошел, как на поле вышел, и как все пространное и версты на четыре поперек простирающееся Эгерсдорфское поле перешел, и каким образом это сделалось, что мы его не прежде увидели, как когда он уже у нас почти на шею сел. Чудное поистине это было и непонятное дело! Будучи верст за двести от неприятеля, имели мы величайшие и такие предосторожности, как бы неприятель в двух или в трех верстах был, и на бекетах всех нас замучили; а когда неприятель в самом деле в такой близости был, тогда у нас глаза власно как завязаны были, и мы, по пословице говоря, «не видали, как в глазах у нас овин сгорел». Одним словом, это дело было непонятное, и я не утверждаю и не могу утверждать, а только скажу, что после носилась в армии молва, будто бы предводителям нашим еще до света и тогда, когда армия еще в покое находилась, неоднократно было доносимо, что неприятель, вышедши на поле, к нам придвигается, но тому не хотели будто верить, почитая то враками и невозможным делом [...]

Но как бы то ни было, но неприятель застал нас в таком расплохе, в каком лучше требовать и желать ему было не можно. Помянутый второй Московский полк не прежде его увидел, как на такое уже расстояние, что могли до него доставать пушки, почему из находящейся перед ним нашей батареи с того момента и началась по неприятелю канонада, которая и подтвердила нам, что слух о неприятеле справедлив и что он находится от нас в близком уже расстоянии.

Боже мой! Какое сделалось тогда во всей нашей армии и обозах смятение! Какой поднялся вопль, какой шум и какая началась скачка и какая беспорядица! Инде слышен был крик: «Сюда! сюда! артиллерию!»; в другом месте кричали: «Конницу, конницу скорее сюда посылайте!»; инде кричали: «Обозы прочь! Прочь! Назад! Назад! Назад!» Одним словом, весь воздух наполнился воплем вестников и повелителей, а того более — фурманов и правящих повозками. Сии только и знали, что кричали: «Ну! ну! ну!», и погоняли лошадей, везущих всякие тягости. Словом, было и прежде уже хорошее замешательство, а при такой нечаянной тревоге сделалось оно совсем неописанным. Весь народ смутился и не знал, что делать и предпринимать. Самые командиры и предводители наши потеряли весь порядок рассуждения и совались повсюду без памяти, не зная, что делать и предпринимать. Случай таковой для самих их был еще первый, и к тому ж, по несчастью, такой нечаянный и смутный,

а они все были люди еще необыкновенные. Никогда не видывал я их в таком беспорядке, как в то время! Иной скакал без памяти и с помертвелым лицом кричал, а приказывал сам не зная что, другой отгонял сам обозы, ругал и бил извозчиков; третий, схватя пушку, скакал с ней сам, сколько у лошади силы было. Иной, подхватя который-нибудь полк, продирался с ним сквозь обоз, перелазивая через телеги и фургоны, ведя его, куда сам не ведая. Одним словом, все находились в превеличайшем замешательстве и беспорядке, да и могло ли иначе было быть, когда не знали, не то армии строить в порядок, не то от наступавшего уже неприятеля обороняться: столь близко был уже он подле нас.

При таких обстоятельствах можно ли было ожидать, чтоб наша армия могла быть в порядочный ордер баталии построена, и учинить порядочный отпор неприятелю. Все почти полки или большая часть их находилась за лесом и за обозом, и все не могли никоим образом сквозь него продраться, а сквозь лес пройти за густотой его не было также способа. Таким образом, принуждены они были стоять, поджав руки, и дожидаться, пока прочистят для них дорогу. Но сего учинить за тогдашним замешательством и за теснотой места не было возможности. Одна только вторая дивизия, бывшая под командой добродетельного генерал-аншефа Лопухина, по случаю, что она лагерем стояла в самой прогалине и ближе всех к полю, могла некоторым образом иметь движение, но и ее полкам прямо идти никак было нельзя, а они принуждены были идти по рядам и, таким образом, выходя из прогалины вправо, тянуться подле самого леса, ибо далее в пространное поле подаваться за близостью неприятеля было уже нельзя.

Строются ли когда-нибудь так армии в ордер баталии? Но нужда чего не делает! Мы рады б были хотя бы таким образом удалось нам из-за леса и обозов выдраться. Однако мы и этого последнего способа скоро лишились.

Теперь скажу Вам, любезный приятель, куда собственно я в сем замешательстве попался и что со мной происходило. Наш полк, как я Вам прежде сказывал, находился в авангардном, или передовом, корпусе с некоторыми другими такими ж малолюдными, как и наш, полками. Как мы стояли почти на самом переду и назначены были для прикрытия во время похода обозов, то и тронуты мы были прежде всех прочих полков с места, и находились тогда около самой той ручьевины, окружены будучи со всех сторон множеством обозов, как началась с нашей и с неприятельской стороны вышеупомянутая стрельба из пушек, и некоторые из неприятельских ядер по обозам шуркать, свистеть, и все, что ни попадало навстречу, ломать и коверкать начали. Явление сие было для нас еще новое

и до того невиданное. Мы остановились, это услышавши, и ожидали повеления, куда нам идти велят: вперед ли по тракту или вправо к тому месту, где уже стрельба производилась. Немного погодя прискакал к нам не помню какой-то генерал и, подхватя, повел через ручей вперед сквозь все обозы, заставляя продираться всячески сквозь оные, и где нельзя, то перелезать через фуры и повозки.

Теперь остановлюсь я на минуту и скажу, что как при таком шествии нам вперед ничего было не видно за обозами, и мы за верное полагали, что, выдравшись из оных, наткнемся мы прямо на стоящего уже в готовности неприятеля и тотчас с ним вступим в кровопролитное сражение, то минуты, в которые мы помянутым образом шли и сквозь обозы продирались, были для нас самые критические. Достоверность о близости неприятеля, звук стрельбы пушечной, слышимой в самой уже близи, и ядра неприятельские, летающие уже по обозам, не давали нам сомневаться в том, что через несколько минут начнем и мы уже стрелять и сражаться с неприятелем, а небывальщина в таких случаях и мысль, что коса смертная распростерта была уже над всяким и готова была к поражению многих и что тогдашние минуты были для многих последними уже в жизни, приводила всю душу в такую расстройку и все мысли в такое смятение и замешательство, что тогдашнее душевное состояние нельзя никак изобразить словами, ибо в минуту эту действовали в ней не одни, а многие силы и пристрастия вдруг, и истинно сказать нельзя, боязнь ли, сродная всем людям, более всеми душевными силами тогда обладала или досада и негодование на видимый тогда повсюду беспорядок и замешательство и производимой самым тем рвение и желание идти скорее и отбивать неприятеля, — со всем тем нельзя не признаться, что сердце у всякого было тогда не на своем месте, но трепетало нарочито чувствительно с перемежающимся то и дело замиранием. Однако и то в засвидетельствование истины сказать надобно, что все сие первое и прямо словами неудобоизобразимое ужасение чувствовали мы только с самого начала и до тех только пор, покуда не вышли на поле и не увидели неприятеля. А там, я не знаю, от того ли, что человек находится уже власно как в отчаянии и окаменелости, или от того, что он находится не один, а со множеством других, не чувствует он и далеко такого страха и боязни, какой чувствовать бы по природе и по существенной опасности и важности случая надлежало, но бывает уже гораздо бодрее и спокойнее духом.

Но я удалился уже от порядка моего повествования; теперь, возвращаясь к оному, скажу, что, продравшись сквозь обозы и выйдя на свободу, увидели мы прочие полки нашего авангардного корпуса, строящиеся в правой у нас руке в одну линию. Нам велели примк-

нуть и оным, а к нам стали примыкать и достальные полки нашего корпуса.

Таким образом, попались мы совсем в другое уже место, нежели где накануне сего дня нам стоять случилось. И, по счастью, так трафилось, что место сие было наипрекраснейшее, а что всего еще лучше, самое безопаснейшее; на самом том месте, где полку нашему стать довелось, случился небольшой холм или пригорок, с которого все пространство Эгерсдорфского поля было видимо. Не успели мы на него взойти и осмотреться, как вся прусская армия нам как на ладони представилась. Мы увидели, что находилась она почти на самом том месте, где накануне того дня мы построены были, и первая ее линия стояла точно в том месте, где стояла наша первая линия, а вторая против деревни Клейн-Эгерсдорф, и обе ее линии были к тому месту концами, где мы стояли, так что нам вдоль обеих оных можно было видеть. К вящему удовольствию, видно нам было и все то место, где строилась и наша армия, ибо нам случилось со всем своим корпусом стоять на левом крыле своей, или, лучше сказать, во фланге обеих армий. Сами же мы были от нападения прикрыты небольшим болотом, поросшим хотя низким, но чрезвычайно густым кустарником, простирающимся от деревни Клейн-Эгерсдорф на некоторое расстояние влево. Через сей кустарник с пригорка своего видеть нам все было можно, а неприятелю к нам сквозь кустарник пройти не было возможности. Таким образом, стояли мы с покоем и готовились только быть зрителями всему театру начинающегося тогда кровопролитного сражения.

Оно началось в начале восьмого часа, когда уже солнце было довольно высоко, и сиянием своим, при тихой погоде, наипрекраснейший день производило. Первый огонь начался с неприятельской стороны, и нам все сие было видно. Пруссаки шли наимужественнейшим и порядочнейшим образом атаковать нашу армию, вытягивающуюся подле леса, и, пришедши в размер, дали по нашим порядочный залп. Это было в первый раз, что я неприятельский огонь по своим одноземцам увидел. Сердце у нас затрепетало тогда, и мы удивились все, увидев, что с нашей стороны ни одним ружейным выстрелом не было ответствовано, власно так как бы они своим залпом всех до единого побили. Пруссаки, давши залп, не останавливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походе свои ружья и подойдя еще ближе к нашим, дали по нашим порядочный другой залп всей своей первой линией. Тогда мы еще больше удивились и не знали, что делать, увидев, что с нашей стороны и на сей залп ни одним ружейным выстрелом ответствовано не было. «Господи, помилуй! Что это такое? — говорили мы, сошедшись между собой

и смотря на сие позорище со своего отдаленного холма. — Живы ли уже наши, и что они делают? Неужели в живых никого не осталось?» Некоторые малодушные стали уже в самом деле заключать, что наших всех перебили. «Как можно, — говорили они, — от двух таких жестоких залпов и в такой близости кому уцелеть?» Но глаза наши тому противное доказывали. Как скоро несколько продымилось, то могли мы еще явственно наш фрунт через пруссаков видеть; но отчего бы такое молчание происходило, того никто не мог провидеть. Некоторые из суеверных стариков помыслили уже, не заговорены ли у наших солдат ружья; но сие мнение от всех нас поднято было на смех, ибо оно было совсем нескладнейшее. Продолжая смотреть, увидели мы, что пруссаки и после сего залпа продолжали наступать далее и на походе заряжали свои ружья, а зарядив оные и подойдя гораздо еще ближе, дали по нашим третий преужасный и препорядочный залп. «Ну! — закричали мы тогда. — Теперь, небось, в самом деле наших всех побили!» Но не успели мы сего выговорить, как, к общему всех удовольствию, увидели, что не все еще наши перебиты, но что много еще в живых осталось. Ибо не успели неприятели третий залп дать, как загорелся и с нашей стороны пушечный и ружейный огонь, и хотя не залпами, без порядка, но гораздо еще сильнее неприятельского. С сей минуты перестали уже и пруссаки стрелять залпами. Огонь сделался с обеих сторон беспрерывный ни на одну минуту, и мы не могли уже различить неприятельской стрельбы от нашей. Одни только пушечные выстрелы были отличны, а особенно из наших секретных шуваловских гаубиц, которые по особенному своему звуку и густому черному дыму могли мы явственно видеть и отличать от прочей пушечной стрельбы, которая, равно как и ружейная, сделалась с обеих сторон наижесточайшей и беспрерывной.

Теперь вообразите себе, любезный приятель, сами, каково нам было смотреть на сие кровавое зрелище, ибо я тогдашних душевных движений пером описать не в состоянии. Мы все, то есть штабы и офицеры, собравшись кучками, смотрели на сие побоище и только жалели и рассуждали, ибо самим нам ничего делать было нельзя. Нам хотя все происхождение было видимо, но мы стояли так далеко, что до неприятеля не могли доставать не только наши ружья, но и самые полковые пушки. Итак, мы принуждены только были, поджав руки, смотреть и, находясь между страхом и надеждой, ожидать решительной минуты. Но скоро лишились мы и того удовольствия, чтоб все происхождение видеть; от беспрерывной стрельбы дым так сгустился, что обеих сражающихся армий нам было уже не видно, а слышна только была трескотня ружейной и звук пушечной стрельбы. Самые только кончики сражающихся

линий или фрунтов были нам несколько видимы и представляли зрелище весьма трогательное. Оба фрунта находились весьма в близком между собой расстоянии и стояли в огне беспрерывном. Наш во все время баталии стоял непоколебимо, и первая шеренга как села на колени, так и сидела. Прусский же фрунт, казалось, в беспрестанном находится движении: то приближался он несколько шагов ближе, то опять назад отдавался, однако дрался не с меньшим мужеством и твердостью, как и наши, и сие продолжалось так беспрерывно.

В сие-то время имели мы случай всему тому насмотреться, что с таких случаях происходит, и можно ли описать жалкое то зрелище. Позади обоих фрунтов видимо было множество народа, разные предметы представляющего: иной скакал на лошади, везя, бессомненно, какое-нибудь важное приказание, но, будучи прострелен, стремглав с оной летел на землю; другой выбегал из фрунта и, от ран ослабевши, не мог более держаться на ногах, и падал; там тащили убитого начальника, инде вели под руки израненного; вдруг оказывались во фрунтах целые проулки, и вдруг они опять заставлиемы были: по одиночке во фронте убиваемых за дымом нельзя было так явственно видеть, как прочих. Но как изобразить суету и смятение прочих, за фрунтом находящихся? В каком это различном движении были они видимы: многие разъезжали на лошадях, поощряя воинов и развозя им нужные повеления; другие скакали по фрунту сзади; третьи от фрунта назад. Инде вели взводами подмогу, там тащили пушку, инде патронный ящик на себе; в ином месте побиты лошади под ними, и должно было их распрастывать и выпрягать; инде бегал конь, потерявший своего всадника; инде летел всадник долой с убитого коня и так далее. Одним словом, все представляло плачевное и нежному сердцу чувствительное зрелище, и мы, видя все сие, не могли довольно насмотреться, только было оно для нас любопытно и поразительно.

«Хорошо, — скажите вы, любезный приятель, — было Вам смотреть, когда до самих Вас не доходило дело, и Вам случилось стоять в столь блаженном и таком месте, в каком всякий бы во время баталии охотно стоять согласился». — «Конечно, хорошо! — ответствую. — И мы жребием своим могли быть весьма довольными». Я прибавлю к тому, что мы сверх того еще имели и некоторый род военного увеселения, а именно: перед самым нашим полком или, паче сказать, перед самой моей ротой, на самой высоте того холма, на котором мы стояли, трафилось поставленной быть у нас целой колонне артиллерии, состоящей более нежели из двадцати больших пушек, гаубиц и единорогов. Сия прикрывающая наш корпус батарея была во все продолжение баталии не без дела. С ней то и дело

что стреляли по неприятельской второй линии и кидали из гаубиц бомбы как в нее, так и в обе деревни, кои пруссаками были заняты, и мы не могли довольно навеселиться зрелищем на хороший успех пускаемых к неприятелю ядер и бомб. Многие ядра, попадая в самую даль фрунта неприятельской второй линии, делали превеликие улицы, равно как и бомбы повсюду великое замешательство производили. Обе деревни обратили мы тотчас в огонь и пламя и выгнали тем неприятелей, в них засевших. Но никоторая бомба так нас не увеселила, как одна, брошенная из гаубицы. Мы увидели, что около одной лозы, стоящей между обеих деревень, собралось множество прусских офицеров из второй их линии смотреть, так же как и мы, на происхождение баталии. Сих смотрителей захотелось нам пугнуть, и мы просили артиллерийского офицера, чтоб он постарался посадить в кружок к ним бомбу. Он исполнил наше желание, и выстрел так был удачен, что бомба попала прямо под лозу и, не долетев до земли на сажень, треснула. Какую тревогу произвела она в сих господах прусских командирах! Все они бросились врознь; однако трое принуждены были остаться тут навеки.

Вот, любезный приятель, не сущий ли досуг нам был сим образом забавляться в такое время, когда прочие гибли и умирали. Но что ж нам было иное делать? Однако постойте, может быть, и до нас скоро дойдет дело. Я еще не все пересказал.

Пруссаки, может быть, наскучивши претерпевать от нашей батареи столь великий урон, вздумали и сами завести против нас несколько больших пушек и поунять наши игрушки, но, по несчастью их, имели в том успех не весьма хороший. Несколько больших пушек увязили они в болоте и не могли выдрать, а которые завезли и поставили, так и те не могли нам как-то вредить; не то причиной тому было то, что они принуждены были стрелять несколько на гору, не то расстояние для них было слишком далеко, но как бы то ни было, но ядра их нам не вредили. Некоторые из них перелетали выше фрунта, и нам один только их звук был слышен; а большая же часть ложилась, не долетая далеко до того места, где мы стояли, так что мы сему тщетному неприятелей наших старанию только что смеялись.

Но все сии шутки едва было не обратились нам в важность. Мы, смотря вышеупомянутым образом как на продолжении баталии, так и на стоящих против нас позади деревень неприятелей, того и не видим, что у нас на левом крыле, которое от нас за пригорком было не видно, делалось, как вдруг затрещал, в другом, подле нас влеве стоящем полку, мелкий ружейный огонь. «Ба! Что это такое? — вздрогнувши говорили мы. — Не неприятель ли уже тут?» — и дивились, не понимая, откуда бы ему взяться, потому что нам все

почти поле видно было, и мы никакой атаки на себя не приметили, да для вышеупомянутого болота почитали и за невозможное. Но со всем тем не успели мы собраться с мыслями, как кричали уже нам, чтоб мы оборачивали фрунт наш назад. Сие нам и того еще чуднее показалось: мы обернулись, но никого перед собой не увидели, кроме нашей конницы, которая позади нас в разных местах была построена. «По своим, что ли, нам стрелять?» — смеясь, говорили мы. Однако ожидали с нетерпением, что будет. В левой стороне у нас, где огонь показался, слышен был превеликий шум и стрельба, а не менее того и на стоящей против нашего полка батарее сделалось превеликое замешательство. Тут поднялся вопль: «Сюда! Сюда ворочай!.. Картечи! Картечи!» И не успели всех пушек повернуть влево, как изо всех из них и бывших тут единорогов дали преужасный залп и произвели огонь наижесточайший. Нам хотя вовсе за пригорком было не видно, по ком они стреляли, но только могли мы заключать, что неприятель близко. И тогда-то, надобно признаться, что дух наш начал несколько тревожиться; повсеместный шум, разнообразный крик и вопль, звук стрельбы из пушек и мелкого ружья, скачка командиров и подтверждения, делаемые всем, чтоб были готовы, заставляли нас думать, что приходит уже и до нас очередь драться и, по примеру прочих, умирать, и приближение только страшных минут производило натурально некое внутреннее в сердцах содрогание [...]

Мы думали тогда бессомненно, что через минуту схватимся с неприятелем и будем иметь кровопролитное дело; однако в том ошиблись: воспоследовало совсем не то, а столь же мало ожидаемое и нами тогда, сколько, бессомненно, теперь Вами, а именно, что весь вышеупомянутый и только странный шум, вопль и звук стрельбы, так много нас перетревоживший, вдруг исчез и, против всякого чаяния и ожидания, утих совершенно. Вы удивитесь сему, но не в меньшее удавление пришли и мы тогда, как по прошествии нескольких минут вдруг оружейный огонь утих, а немного погодя и из пушек стрелять перестали и начали их по-прежнему становить и ворочать. Одним словом, самый шум начал мало-помалу утихать, и нам опять оборотиться приказали. Мы дивились всему тому несказанно и, не понимая, что бы это значило, спрашивали едущих с левого фланга и видевших все происходившее о причине и насилу могли проведать следующее.

На самом левом фланге нашего корпуса стояли наши донские казаки. Сии с самого еще начала баталии поскакали атаковать стоящую позади болота неприятельскую конницу. Сие нам тогда же уже было видно, и мы досадовали еще, смотря на худой успех сих негодных воинов. Начало сделали было они очень яркое. Атака

их происходила от нас хотя более версты расстояния, но мы могли явственно слышать, как они загикали: «Ги! Ги!» — и опрометью на пруссаков поскакали. Мы думали было сперва, что они всех их дротиками своими переколят, но скоро увидели тому противное. Храбрость их в том только и состояла, что они погикали и из винтовок своих попукали, ибо как пруссаки стояли неподвижно и готовились принять их мужественным образом, то казаки, увидя, что тут не по ним, оборотились того момента назад и дай бог ноги. Все сие нам было видно; но что после того происходило, того мы не видели, потому что казаки, обскакивая болото, выехали у нас из глаз. Тогда же узнали мы, что прусские кирасиры и драгуны сами вслед за ними поскакали и, обскакивая болото, гнали их, как овец, к нашему фрунту. Казакам некуда было деваться. Они без памяти скакали прямо на фрунт нашего левого крыла, а прусская конница следовала за ними по пятам и рубила их немилосердным образом. Наша пехоты, видя скачущих прямо на себя и погибающих казаков, за необходимое сочла несколько раздаться и дать им проезд, чтоб могли они позади фронта найти себе спасение. Но сие едва было не нашутило великой шутки. Прусская кавалерия, преследуя их поэскадронно, в наилучшем порядке, текла как некая быстрая река и ломилась за казаками прямо на нашу пехоту. Сие самое причиной тому было, что от сего полка началась по ним ружейная стрельба; но трудно было ему противиться и страшное стремление сей конницы удерживать. Передний эскадрон въехал уже порядочным образом за казаками за наш фронт и, рассыпавшись, рубил всех, кто ни был позади фронта. Для сего-то самого принуждено было оборотить наш фронт назад. Но все бы сие не помогло, и пруссаки, въехавши всей конницей своей в наш фланг, смяли бы нас всех поголовно и совершили б склонявшуюся уже на их сторону победу, если бы одно обстоятельство всего стремления их не удержало и всем обстоятельствам другой вид не дало. Батарея, о которой я выше упоминал, по счастью, успела еще благовременно обернуть свои пушки, и данный из нее картечный залп имел успех наивожделеннейший, ибо как ей случилось выстрелить поперек скачущих друг за другом прусских эскадронов, то, выхвативши целый почти эскадрон, разорвала тем их стремление и скачущих не только остановила, но принудила опрометью назад обернуться. Те же, которые вскакали на наш фронт, попали, как мышь в западню. Пехота тотчас опять сомкнулась, и они все принуждены были погибать наижалостнейшим образом. Наша кавалерия их тут встретила и перерубила всех до единого человека. Таким образом кончилось это дело наивожделеннейшим образом.

Таковые-то происшествия были на нашем левом крыле. Теперь обратимся, любезный приятель, к середине и посмотрим, что-то с теми делалось, которых давеча оставили мы между собой сражающихся. Тут, по справедливости, было самое главное дело и сражение наигорячейшее. Однако, что собственно как тут, так и на правом фланге происходило, того точно, за отдаленностью и за дымом, нам самим видеть было нельзя. Я упомянул уже выше сего, что нам видны только были концы обоих фрунтов, и что касается до них, то стояли они неподвижно и перестреливались ровно два часа с половиной власно как вкопанные, чему мы очевидные были свидетели.

Вот все то, что я мог во время продолжения баталии сам видеть. Теперь опишу Вам то, что я видеть не мог и что мы после узнали.

Неприятель главную свою атаку вел в два места, а именно: против обеих прогалин или входов в наш крепкий лагерь. Видно, что хотелось ему застать нас еще в лагере и не выпустить на поле ни единого человека, что потому наиболее заключать можно, что у убитых прусских офицеров найдены потом диспозиция и приказы, в которых предписываемо было, чтоб солдаты рубили наши рогатки. Вследствие чего атака его и ведена была как на главный вход, так и на правое наше крыло, где, как я прежде упоминал, также небольшая прогалина находилась. По счастью, сие последнее место успели наши занять еще заблаговременно. Храбрый полковник Языков с своим первым гренадерским полком заступил сие место и выдерживал все жесточайшие неприятельские нападения наимужественнейшим образом. По счастью, случились тут старинные рвы и каналы, которые служили нашим почти вместо ретраншемента и делали великую подмогу. Одним словом, сколько неприятель ни усиливался и сколько ни старался продраться сквозь сие место и сбыть с места, но не имел успеха. Наши устояли до самого конца баталии и хотя не малый урон претерпели, однако не потеряли сего столь важного для неприятеля места.

Но не со столь хорошим успехом дрались наши на левом фланге или паче в середине, куда ведена была от неприятеля главная его атака. Я уже выше упомянул, что неприятель так неприметно к нам подкрался, что нашим не было времени вывести порядочным образом полки и построить против него линию, но принуждены уже были, кое-как продираясь сквозь тесноту обозов, идти по рядам и фрунт подле леса вправо кое-как строить и вытягивать. Одним словом, наши тянулись еще и старались как можно более вытянуться, чтоб множайшее число полков могло уместиться и стать к обороне, как неприятели, подойдя уже довольно близко, упомянутый первый залп по ним дали; что на него с нашей стороны не было

ответствовано, тому причиной было то, что наши шли и тянулись по рядам и, видя, что еще пули неприятельские нас не вредили, не почли за нужное остановиться и к ним фрунтом оборачивать, но как всякая минута для нас дорога была, то старались только как можно дальше вытянуться. То же самое произошло и при вторичном неприятельском залпе, которым, хотя несколько человек у нас и переранило, но как для нас важнее всего было, чтоб вытянуть фронт далее, то юг, и на оный не ответствуя, продолжали все-таки тянуться. Но как неприятели в третий раз уже залп дали, тогда уже не было возможности более идти и оттерпливаться. Пули их уже гораздо наших цеплять начали, и для того принуждены уже наши были остановиться и показать им лицо, так же и то, что и у нас не хуже их ружья и пули водятся, и тогда-то начался с обеих сторон тот огонь неугасимый, о котором упомянул я уже выше.

Теперь надобно мне Вам, любезный приятель, сказать, что сей огонь хотя был с обеих сторон наижесточайший, однако не с равными преимуществами. Неприятели имели несравненно более выгод, нежели наши. Их атака ведена была порядочным образом, лучшими полками и людьми и по сделанной наперед и правильно наблюдаемой диспозиции. Артиллерия действовала их как надобно, а весь тыл у них был открыт и подкреплен второй линией и резервами, из которых им ничто не мешало весь урон в первой сражающейся линии того момента награждать и наполнять новыми и свежими людьми, а таким же образом имели они желаемую способность снабжать дерущихся нужными припасами и порохом. Что касается до наших, то они всех сих выгод, по несчастью, не имели, ибо, во-первых, диспозиции наперед никакой не было сделано, да и некогда было делать, а всем сам Бог управлял и распоряжал. Во-вторых, людей с нашей стороны было гораздо меньше, нежели с неприятельской. У них дралась целая линия, а у нас насилу только одиннадцать полков могли вытянуться, и сии принуждены были за все про все ответствовать. К вящему несчастью, и сии немногие люди связаны были по рукам и по ногам; ибо, во-первых, не было с ними нужной артиллерии, кроме малого числа полковых пушек и шуваловских гаубиц. Самих сих орудий, на которые вся армия наибольшую надежду полагала, не случилось более трех или четырех на сражении, и что можно было из них сделать, когда большую половину их ящиков и снарядов за лесом провезти было нельзя? Во-вторых, прижаты они были к самому лесу так, что позади себя никакого простора не имели. В-третьих, помощи и на место убитых свежих людей в дополнение получить было неоткуда; большая часть армии была хотя не в действии, но стояла за лесом и в таких мес-

тах, откуда до них дойти было нельзя. Самых нужных патронов негде было взять, как они потребовались.

При таких предосудительных и смутных обстоятельствах, чего иного можно было ожидать, кроме несчастья! Ах! Оно и действительно уже начиналось и, конечно б, произошло и совершилось, если бы сам Бог не восхотел нас явно помиловать и победу из рук неприятелей, показавши, вырвать. Храбрые наши полки стояли сперва, как непреоборимая стена, твердо; они отстреливались сколько было силы от неприятеля и целые два часа удерживали его наглость и стремление. Но что было, наконец, им делать, когда большая часть из них была побита и переранена, ряды стали уже слишком редки, а дополнить их было некем. Офицеров всех почти они лишились; а что всего паче, не имели, наконец, более и пороха, как единого и последнего средства к обороне. В сей крайности находясь, подвинулись они несколько ближе к лесу, но тем дело еще пуще испортили. Неприятели, увидев сие и почтя ретирадой, бросились с наивеличайшим жаром и смешали их совсем с грязью. Весь край леса наполнился тогда стоном и воплем раненых и умирающих и обагрен кровью побитых. Не было уже тогда возможности помочь чем-нибудь командирам и предводителям. Добродетельный и прямо усердствующий генерал-аншеф Василий Абрамович Лопухин, бывший, по несчастью, командиром сей дивизии, сколько ни напрягал сил своих, возбуждая и уговаривая солдат к храброй обороне, но не был более в силах учинить малейшее вспоможение. Самого его, многими ранами израненного и обагренного кровью, волокли уже в полон прусские гренадеры, и сорвали с него кавалерию, и конечно бы увели, если б не увидела сего несколько человек наших гренадеров: сии, несмотря что сами погибали, восхотели спасти любимого ими генерала. Ничто не могло удержать стремительства их. Как львы, вырвали они его из челюстей змеиных, но ах! едва уже почти дыхание имеющего.

При таких обстоятельствах легко можете заключить, что погибель наша власно как на волоску уже висела. Пруссаки смяли уже весь наш фронт совершенно и в некоторых местах ворвались уже и в самые обозы. Тут сделалось тогда наиужаснейшее смятение и белиберда. Все кричали: «Прочь! Прочь! Назад, назад обозы!» — но что некуда было им деваться, того никто не помнил. С одной стороны крутейший буерак, а с другой стороны река заграждала путь во все стороны. Самой армии бог знает куда бы ретироваться можно было, а чтоб обозы, конечно, все пропали, в том и сомнения нет. Одним словом, победа неприятелями получена была уже наполовину, и если б еще хотя мало-мало, то бы разбиты были мы совсем, к стыду неизреченному.

Теперь, надеюсь, нетерпеливо хотите Вы ведать, каким же чудным образом мы не только спаслись, но и победу одержали? С его, ежели прямо рассудить, мы уже сами почти не знали, сам Бог хотел нас спасти. Все состояло в том, что стоявшие за лесом наши полки, наскучивши стоять без дела в то время, когда собратья и товарищи их погибали, и, услышав о предстоящей им скорой опасности, вздумали пойти или, может быть, посланы были, продираться кое-как сквозь лес и выручать своих единоплеменников[3]. Правда, проход им был весьма труден: густота леса так была велика, что с нуждой и одному человеку продраться было можно. Однако ничто не могло остановить ревности их и усердия. Два полка — Третий гренадерский и Новгородский, бросив свои пушки, бросив и ящики патронные, увидев, что они им только остановку делают, а провезти их нельзя, бросились одни и сквозь густейший лес на голос погибающих и вопиющих пролезать начали. И, по счастью, удалось им выйти в самонужнейшее место, а именно: в то, где Нарвский и Второй гренадерский полки совсем уже почти разбиты были и где опасность была больше, нежели в других местах. Приход их был самый благовременный. Упомянутые разбитые полки дрались уж рука на руку, по одиночке, и не поддавались неприятелю до пролития самой последней капли крови. Нельзя быть славней той храбрости, какую оказывали тогда воины, составляющие раздробленные остатки упомянутых полков несчастных. Иной, лишившись руки держал еще меч в другой и оборонялся от наступающих и рубящих его неприятелей. Другой, почти без ноги, весь изранен и весь в крови, прислонясь к дереву, отмахивался еще от врагов, погубить его старающихся. Третий, как лев рыкал посреди толпы неприятелей, его окруживших, и мечом очищал себе дорогу, не хотя просить пощады и милости, несмотря что кровь текла у него ручьями по лицу. Четвертой отнимал оружие у тех, которые его, обезоружив, в неволю тащили, и собственным их оружием их умертвить старался. Пятый, забыв, что был один, метался со штыком в толпу неприятелей, и всех их переколоть помышляя. Шестой, не имея пороха и пуль, срывал сумы с мертвых своих недругов и искал у них несчастного свинцу, и их же пулями по их стрелять помышлял. Одним словом, тут оказываемо было все, что только можно было требовать от храбрых и неустрашимых воинов.

В самую сию последнюю крайность и показались им в лесу упомянутые два полка, им на помощь поспешающие. Нельзя изобразить той радости, с какой смотрели сражающееся на сию помощь, к ним идущую, и с каким восхищением вопияли они к ним, поспешать их побуждая. Тогда переменилось тут, все прежде бывшее.

Свежие сии полки не стали долго медлить, но, давши залп и подняв военный вопль, бросились прямо на штыки против неприятелей, и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену. Неприятели дрогнули, подались несколько назад, хотели построиться получше, но некогда уже было. Наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты. Тогда прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и в сем месте, не долго медля, обратились они назад и стали искать спасения в ретираде. Сие устранило прочие их войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-помалу колебаться, а у нас начался огонь сильнее прежнего. Одним словом, не прошло четверти часа, как пруссаки во всех местах сперва было порядочно ретироваться начали, но потом, как скоты, без всякого порядка и строя, побежали.

Всего вышеупомянутого происшествия нам издали и за дымом нельзя было видеть, однако мы, смотря не спуская глаз на самый конец правого их фланга, явственно могли видеть, как начинало оно колебаться и терять прежнюю свою позицию. Оно было последнее, которое приступило в ретираде, и в прочих местах неприятели давно уже бежали, а оно все еще стояло и перестреливалось. Но, увидев бегущих своих товарищей, не захотело и оно долго медлить. Какое приятное и восхитительное для воина представилось тогда зрелище! Сперва подвинулся их фронт шагов пять назад, там еще более, там еще далее и двигался час от часу скорее. Нам это все было видно, и мы, находясь между страхом и надеждой, не хотели верить глазам своим. «Ретируются никак? — говорили мы друг другу. — О, дай Бог, чтоб наши прогнали!» Но скоро радость наша была совершенная. Мы увидели весь их фронт, в совершенное бегство обратившийся, и закричали все: «Слава Богу, слава Богу! Наши взяли, наши взяли!» — и били в ладоши.

Тогда, в единый миг радость разлилась по всей нашей армии, и казалось, что она у всякого воина написана была на глазах. Всякий спешил сказывать о благополучии своем другому, несмотря что тот сам тоже видел, и тотчас разлился по всему войску некий приятный и тихий шум. Через минуту потом закричали наши командиры: «Ступай! Ступай! Ступай!», и мы все как стояли, так и бросились. Нельзя никак изобразить того восхищения, с каким бежали мы тогда в погоню за неприятелем, или паче спешили занимать его место. Не было тут уже нам никакой невозможности. Мы шли прямо через кустарник и через болото, и я не ведаю, как уже мы продрались. Каких и каких проказ не происходило тут во время сего пролазывания! Иной, с радости бежавши без памяти, попадал вдруг в колдобину и уходил по пояс в тину; другой, споткнувшись за кочку, летел стремглав и растягивался в тине и в грязи и в ней

как урод гваздался. Иной зацепливал платьем за кусты и не мог освободиться, он рвал его, не жалея, что испортится. Иному прутьями лицо и глаза все выстегало; иной, попавши в тину, не мог ног своих выдрать и просил помощи. Но все сие хорошо и ладно быть казалось. Мы пробежали, смеючась и хохотав, сквозь сие дурное место, и одно только то слитно было: «Ступай! Ступай, братец! Слава Богу, наши победили!».

Со всем тем, будучи в густом кустарнике, при всей своей радости, помышляли мы и о том, чтоб, выйдя из оного, не наткнуться на неприятеля. «Кто знает, — говорили некоторые, — не сто́ит ли еще его вторая линия на месте и не остановила ли она бегущих?» Но статочное ли дело, чтоб сему быть! Пруссаки как ни хвастают в реляциях своих, что они порядочно ретировались, но порядка тут и в завете не раживалось. Они пропали у нас в один миг из вида, и все поле было ими усеяно. Мы, вышедши из кустарника своего на поле, не увидели из них ни одного человека, а стояли только одни брошенные их пушки и лежали подле них убитые артиллериста и другие воины.

Прибежавши наконец на то место, где стояла их вторая линия, велено было нам остановиться и выравняться с прочими полками, строящимися тут, в одну линию, и не успела вся армия из-за леса выбраться и построиться в одну линию, как закричали «Ура!» и шляпы вверх бросили. О! Какое это было радостное для нас позорище! Многие от радостных слез не могли промолвить слова, так чувствительно это всякому воину.

Сим образом кончилась славная наша апраксинская и первая баталия с пруссаками. Небу угодно было даровать нам над неприятелем нашем совершенную победу, и мы не могли довольно поблагодарить оное за то, а особенно узнав, в какой опасности находилась вся армия и сколь малого не доставало к тому, чтоб ей совершенно разбитой и нам вечно тем стыдом покрытыми быть, что одна почти горсть пруссаков в состоянии была разбить столь многочисленную армию, какова была наша. И подлинно, ежели рассудить, то победа сия одержана была не искусством наших полководцев, которого и в помине не было, а паче отменной храбростью наших войск или наиболее по особенному устроению судеб, расположивших все обстоятельства так, чтоб самая храбрость наших воинов была уже принужденной, и они поневоле принуждены были драться до последней капли крови, когда им ни бежать, ни ретироваться было некуда. Но как бы то ни было, но мы победили и победу получили совершенную [...]

7

Письмо неизвестного[1]

8 ноября 1757. Рига

Как я часто случай имел с генералами рассуждать о порядке их в произвождении войны, то вся их надежда о победе полагается на превосходящую силу их армии, и они говорят, что пехота их от неприятельской конницы по причине рогаток безопасна; но по моему мнению, при счастливой пушечной пальбе, сии рогатки более вредительны, нежели полезны быть могут. Имеющийся при их коннице в доброте недостаток награждается множественным числом: ибо они при всяких случаях кирасиров своих супротив ставить будут, а сзади — во фланки и где только место случилось бы драгунами, гусарами, калмыками и казаками нападения чинить станут, от чего неприятель в конфузию наконец приходить должен. Их гренодеры и пехота уже всем другим сопротивляться будут и, конечно, ни на один шаг не отступят, в чем уже обнадежены. Артиллерия их, говорят они, также хороша, как и прусская, буде еще не лучше, и следовательно, не предвидят они, чтобы им воспрепятствовало победить ту маленькую армию, которая в Пруссии находится [...]

Все их походы как пехоты, так и конницы, чинятся всегда в великом беспорядке, и большее их счастие, что они множество легких войск имеют, которые оберегают их от нападения: инако же легко было б одним эскадроном хорошей конницы два их полка разбить; ибо два полка у них на походе такую дистанцию делают, какую у других едва ли и десять полков займут [...]

Теперь я стараться буду учинить Вам по моему усмотрению краткое описание знатнейших офицеров между россиянами.

Командующий фельдмаршал, граф Апраксин, человек в наилучших своих летах. Устремление его простирается к тому, чтоб иметь для своей персоны чрезмерно великий штат и экипаж. И как я с ним ежеденно разговаривал по часу времени, то я заподлинно приметил, что он не имеет и в теории знания, которое фельдмаршалу принадлежит; в практике же того и быть не может: ибо он нигде не бывал как только под Очаковым; но весь его разум состоит в том, что он думает людей своих к смелому бою преклонить [...]

Генерал-майор князь Долгоруков напоследок в Ригу приехал. Он будет конницею командовать, и сказывают, что весьма храбрый человек, но мало искусства имеет; о диспозициях он будто мало разумеет, а в скорой резолюции великий у него недостаток. Военные движения и повороты не значат у него ничего.

Генерал Вильбоа еще молодой господин, который только под Вильманстрандом находился; но он весьма старался учинить себя способным к службе и, по моему рассуждению нашел я, что он человек великого проницания, которой действительно способность имеет к великим диспозициям. Но он мне сам признался, что при нынешнем учреждении ко всему у него охота пропадает, употребя сии слова: «Чорт их возьми! Здесь надлежит таким глупцом притворяться, каковы другие суть, буде не похочется всех неприятелями себе сделать».

Граф Румянцов также молодой господин, которой однако ж чрезмерно старался к службе годным себя учинить и которой действительно в оной службе многие чрезвычайные теоретические знания имеет и, одним словом, искуснейший их генерал. Я с ним неоднократно разговаривал о службе легких войск, в чем он совершенный подражатель бригадира Турпина, но я нахожу, что он во всех его предприятиях горяч и совсем умеренности не имеет.

Генерал-майор Панин человек лет тридцати, которой ничего больше не разумеет, кроме простой экзерциции, в чем он сам мне признался. Он с молодых лет при дворе находился, а потом полковником и генералом сделан. Он говорил: «Я более ни о чем не забочусь. Для чего меня в генералы произвели и солдатом сделали? Я их о том не просил; я доволен, когда я могу полк обучать» [...]

8

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

27 июня 1762. Москва

Батюшка мой, Петр Александрыч, в неописанной я горести, что писем не получаю[1]. Вчерась приехала княгиня Белосельская, которая присылала сказывать, что тебя видела и ты, слава Богу, здоров. Казалося бы, знать такую оказию верную, можно написать, да, знать, что несчастие мое час от часу умножается и в горести уже без примеру огорчена, а за что, то Бог знает, так забыта, не для меня сделай милость пока жива, хоть для бедных детей того удовольствия не отымай, что пиши. Шесть лет живучи, и так быть огорченной! Боже мой, когда бы конец мой век прекратил, может быть бы бедные дети в жалость пришли тебе. Правда, что я в горести нонеча много утешена. Бедные дети уже пятая неделя были так больны все, что я боялася и за тем в деревню по сю пору не еду, чтобы им да справиться после болезни и, в грусти сидя, жду почту, думаю, что хоть то утешение буду иметь, что письмо получу, ан нет ни строчки

и ни слуху, ни вести. Уметь-то все это переносить, конечно, моей натуре железной. Итак, батюшка мой, самим Богом тебя прошу, сделай милость, сжалься в мое горестное состояние, вздумай, что мое благополучие в твоих руках, жизнь и конец мой сделать, за что же так меня огорчать, истинно нима[ло] перед тобою не виновата, а единственно горячностию любви моей к тебе и так окончив, пребуду покорная, верная жена

г [рафиня] *К[атерина] Румянцова*

9

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

6 августа 1762

Батюшка мой, Петр Александрыч, неожиданное порадование получила сегодня — письмо твое изо Гданска от 20 июля писанное, в котором пишешь, что ты просишься к водам лечиться[1] и мне даешь комиссию всем тебе помогать. Сердечно сожалею, что ты уже совсем знать меня забыл, что я есть. Я в жизни моей против тебя ни в чем не бывала, ниже мыслию против тебя не грешила, а я войди в такое дело, которое тебе предосуждение вечное может сделать, а мне с бедными детьми пагуба, так и ни просить и не мешать не буду, а утаить уже этого не можно, когда ты писал и просил. Только о том сожалею, что не знаю, к кому ты адресовался, да и я не намерена и проведать, ниже и сказать кому, что ты о сем ко мне пишешь, пускай лучше люди думают, что я не знаю, а, знаючи, на сию материю трудно отвечать, каковых резонов ради. Я верю, очень верю, что ты болен, только захотят ли эти резоны от меня принять, когда я их стану рассказывать; еще и обо мне люди вздумают, что и я ищу способы жить розно с тобою, так полвека на свете изжила слова на себе не имела никакого порока, так теперь поздно зачинать, но все как бы явным образом нонешный случай доказывает уже мне знаки милости твоей к моим бедным детям, что, избегая только, чтобы не жить со мною вместе, и их невинных ни в чем не менажируешь. Ехать к водам с пустыми руками не можно, надо деревни заложить и продавать, так таких очень мало есть. Буде Чаборчино продать, так не с чем и жить. Боже мой, для чего все таковые вымыслы, которые тебе не инако, как в предосуждение, и может ли что уже быть тайно, всяк скажет, что единственно ехать не хочешь, пускай уже бы то сказали, что для меня, что меня видеть не хочешь, что лучше я сидела бы одна и обижена

и огорчена, это до моей персоны и принадлежит. Коли Бог мне определил, так буди Его воля святая, коли я рождена на все горести, пока по душу Бог не пришлет, быть так, я истинно собою никому не помешала и ни в чем препятствия не делаю и не проискивала нигде этого, чтобы в чем-нибудь противу тебя, а единственно во всякой случае доказать искренность любви моей к тебе, что все огорчения в жизни сносила с тем, что утешалася надеждою, что и ты, увидев мой поступок против себя, свалишься. Но нонешний случай уже доказывает, что забыл все, а единственно для пристрастия одного себе предосуждение делаешь, меня к сокрушению ведешь, только во век мой единую надежду на Бога полагала и теперь уповаю на Его Единого, что права с сердца моего и твое Бог умягчит и увидишь, конечно, что я не таковая жена, как ты себе воображаешь. Я не знаю, что мне теперь делать, здесь ли жить, ждать, что по просьбе твоей будет, или уехать в Москву; буде дозволение получишь, так прошу, не мешкав, кого угодно прислать для управления дому и детей, да и к тому же, я чай, верющее письмо надобно будет для закладу или продажи деревни, без того денег трудно будет достать, также и на воспитание детей ваших определить, что им надобно по Вашему расположению. Подумай, Петр Александрыч, в каковое Вы меня состояние привели письмом своим и с каковым уже я отчаянием сие пишу; думала ли я когда, воображала ли в жизни, что таковым явным образом доказать, сколько тебе несносно со мною жить вместе, что себя не жалеешь и приятелям своим даешь случай говорить, как бы не истолковали, так все не к пользе твоей. Ты скажешь, да что я ей делаю, я все что свое имею в ея руках. Да, я так глупа не буду, как до сих пор, что все в своих руках имеючи, все хлопоты и обузу деревенские и домовые имела, утешаяся, что конец войне и моим горестям и буду жить попрежнему, а теперь вижу иное, что, когда неволя ведет со мною жить вместе, так ты выискиваешь новые способы и после на меня сердишься. Так за долг нахожу последнее уже сказать: коли хочешь жить и любить по-прежнему — так оставить езду свою к водам и приезжай сюда, или в Лифляндскую деревню, я с охотою к тебе поеду и ничего в жизни ниже живота своего не пожалею, буде же к водам намерения не переменишь, а поедешь, так прошу сделать милость дом и правление препоручить кому угодно. Я клянусь, что ежели уедешь безо всякого определения, то, собрав все крепости, письма и все, что в доме есть, с описью отдам твоим близким, потому что я не хочу этого более на себе иметь, что все твое в моих руках будет, а ты будешь ездить со своею полюбовницею да веселиться, а я здесь плакать да крушиться, да в долги входить. Так, воля твоя, тяжело, я уже шесть лет, что иго на себе ношу, знаю, како-

во сносить, видишь много примеров: Апраксин ездил же с б[...], да теперь дошло, что ни ему, ни жене кушать нечего, а детей по миру приходится пускать, так коли мое несчастие так велико, так пускай же я в деревне лучше век свой кончу, лишася уже и светской жизни. Правда, что я рано в свете жить перестала, люди еще начинают в 30 с годом жить, а я знать кончила в то время; а все для пристрастия ведь одного никогда не хотел меня с собою иметь, да и в каковую отвычку пришел, как представлю последнее письмо, что я получила, как дух во мне удержался! Недостойна истинно всего того, что претерпеваю, но Богу так угодно было, чтобы же столь несчастливой быть по твоей только одной милости, что совсем уже забыта. Да я не пеняю, воля твоя, я, как живу, все это зло умышленные способы та меня тебе ежечасно в уши внушает, да и резон имеет, когда она так далеко довела, что в невинности моей против тебя ниже мыслию, а ты такое письмо писал! Подумай, что начинаешь! Как ежели бы только кому-нибудь сказать что начато ко мае, государыня моя, и будто бы я так была безсовестна, что взяла все меры и пишешь, чтобы я отписала. Вот по воле Вашей коротко скажу; что буде надобно и хочешь жить так, как живали прежде, а не титулярною женою и приедешь сада, или мне к себе быть велишь, все забываю, люблю теперь душею и, увидя тебя, к себе по прежнему не инако, как верность любви и дружбы еще более докажешь, и до конца пребуду непоколебима, и ниже прошедшее вспомню когда, а буде не любишь и видеть уже более меня в жизни не захочешь, так исполняй свои желания, поезжай к водам, а на меня не считай уже инако, как, удалясь свету, уеду в деревню, только невинность свою к ногам вашим подвергаю, что они бедные не пострадали, сделайте с нами милость, ради Бога, одного вспомня, что от тебя они рождены, чтобы они во мне не погибли, сделайте им каковое определение, чтобы в чем бы их могла послать в чужие краи на воспитание их. Что угодно, я без Вас их при себе держать не буду, потому что мне их заключать в деревню жить, каковое я им могу там дать воспитание, уже и учить их леты не приходят. Представлю себе, какой несчастный я человек в свете предо всеми женами рожденная даже до того, что я и мать детям в пагубу. Боже мой, не услышит Бог слез моих, не даст конца жизни, чтобы тебя, батюшка, сделала спокойным и бедным детям помилования, может быть бы ты жалости об них более имел, а теперь единственно для меня их бросаешь, итак на все сие прошу ради самого Бога отписать свое намерение, для того Ланова посылаю, чтобы не через почту писать, и тебя прошу на все предписанное отписать ко мне, что намерен, а я пребуду покорная и верная жена

г[рафиня] К*[атерина]* *Румянцова*

[P.S.] Я заранее упреждаю, что я, не получа отповеди или письма, хоть через почту от тебя, писать не буду, пока не узнаю намерения Вашего. Уварова всякий час с обозом ожидаю и офицера и унтерофицеров и все привезенные вещи, люди будут содержаны до приказания твоего и на все прошу отписать. Я ничего не сделаю, вижу, что все уже от меня неподобное, так не вступлюся ни во что. Сожалею, что денег мало посылаю да истинно не в силах ничего более сделать, считаю, что и ты из человеколюбия одного не захочешь, чтобы я уже лишилася дневной пищи, закладуючи свою деревню, а ваших ни одной нет и не могу, верящего письма не имев, да и не хочу и не возьму, буде на имя мое пришлете, я заранее пишу, а коли к водам ехать нету способу обойтиться без того, чтобы в долги не войтить, и закладывать и продавать надо будет.

10

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

17 марта 1763. Москва

Петр Александрович! Как я была обрадована, так я уже огорчилась, что ты пишешь, болезнь тебя удержала, а другие видали писмы, что ты свое намерение весьма отменил. Подумай, за все Ея Величества [Екатерины II] к Вам милости, и сам писал к ней, что будешь, а так поступаешь, то ты уже ни на кого пенять не можешь, и для чего отечество опротивилось, когда такою милостию обнадежен. Ни хто в свете твое упрямство не похвалит. Ея Величество со всем с тем, видя твое непослушание, изволила мне вчерась говорить: «Думаю, что сын конешна будет, я еще писала, чтоб поскорее ехал». Так за то за все преслушником делаесся. Подумай, какой мне удар перед всеми людьми, видя такие дурные паступки. Да ежели бы ты причину имел, то бы прастительно было, а виде Ея милостивые письма, как мать, ана бы и без них повелением бы могла Вас оттудава вывесть, то таперече пуще чрез свои поступками делаесся подазрителен. Я уже о себе не говорю, Бог один видит, сколько мне горько, да знаю, что мое увещание недействительно, и что ты по безпутному упрямству все свое благополучие теряешь. Я тебе долг отдала: после ни на кого жаловатся не можешь, когда дурное вместо харошево выбрал. Только мне горько и стен стыдна, не только людей. Впрочем вручаю Вас Богу да желаю, чтоб твои мысли переменял.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

11

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

29 апреля 1763. Москва

Петр Александрович, свет мой, здравствуй! Письмо твое я получила и с сокрушенным сердцем вижу, что ты обо мне так рассуждаешь! Какая бы я такая злая мать была, чтоб я в твое состояние не входила, только как ты писал к Ея Величеству, что немедленно поедешь, и нас обнадежил; да к тому же всегда изволит меня спрашивать: «Скоро ли сын к Вам будет: желаю ево видить». Я же, друк мой, никогда не имела причины, какого-нибуть неудовольствия от тебя видать, и сердешно меня твоя слабость крушит, и кажется, я не дождусь тово, чтоб тебя видить. Я со всеми своими, слава Богу, здарова, и ежели бы только не одна печаль о тебе, то б я благодарила Бога. Нынче зять князь Юрий Никитич [Трубецкой] пожалован в полковники в Вятской полк и поехал к полку и с сестрою. Прасти, друк мой, не имей обо мне таких мыслей. Дай Боже, чтоб я ту радость видела, чтоб был в состояни к нам ехать, и чтоб мои глаза тебя, свет мой, еще увидили. Я сама часто, от слабости глаз, не могу часто писать и нынче две недели не могла за галавою. Вчерась выехала во дворец: Ея Величества изволила рождение свое быть в Тайнинском, 20 верст от Москвы, где с самою малою свитою изволила быть пять дней, а кроме дежурных, только Яков Александрович [Брюс Я.А.] и Параша [Брюс П.А.] были. Впрочем, свет мой, буди Божеская милость с табою и мое вечное благословение, и обрадуй меня, Боже, чтоб я услышела, как будешь в состоянии к нам приехать. Забыла, друк мой, к тебе отписать, что князь Иван Сергеич [Барятинский] наш пожалован в полковники, только быть при Ево Высочеству, и другой — Парошин. Прасти, мой друк, Христос с табою.

Мать ваша г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

12

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

1 января 1764. Москва

Батюшка мой, Петр Александрыч, поздравляю тебя с новым годом и дай Бог наступивший год для нас бы был счастливее прошедших, а в мое бы удовольствие, когда новый год не вместе взяли,

так хотя бы в январе увидеться, нетерпеливо ожидаю отповеди на свое письмо, что просила тебя о дозволении, чтобы дозволил к себе приехать[1]; страстно желаю, да и пора конец какой своей жизни иметь, долго ли мне жить, а себе не знать, что я. С будущим днем рождения поздравляю и дай Бог многие во всяком желаемом благополучии препроводить; новый год весьма худо зачинаю, во-первых, что не очень здорова, от самого праздника однова выезжала, да и слезами, это дай Бог, когда жизнь моя мне не к желанию моему обратится, так конец получить в сем году, детей препоручая в милость твою, а сама в мыслях целуя пребуду покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

13

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

27 февраля 1764. Москва

Батюшка мой, Петр Александрыч, письмо Ваше от 16-го получила, в котором Вы мне справедливость отдаете, что я таковые попечения беру о детях, не забыли же и Вы доказать мне всячески и ругательным образом, как Вы во век меня видеть не желаете. Я довольно уже о сем известна и без большого бы мне ругательства доказывает, что восемь месяцев Вы в Петербурге живете, а меня обнадеживая, что скоро в Москву сам будешь, так ни для того, ни для меня дозволения, что я просилася сама время не было, я же все горести беспримерные претерпевай, не из чего другого, как единственно для бедных детей. Так вспомните, когда я Вам не надобна, сей лучший способ Вам меня избавиться. Сумму Вы поставляете великую им дать; так, как я предписывала, все меньше будет стоить, нежели меня для них здесь в Москве содержать. Буде мне их в деревню завесть на житье, так я не в силах и некому там их доучивать, да и, храни Боже, который занеможет и лечить некому, да и войдите в жалость противу такой невинности, которая ни мыслями еще ни перед кем не повинна, а единственно пропадают от того, что от меня рождены, да не отречетесь, чтобы не ваши были дети. Когда бы предложение мое Вам было угодно, я бы мысль имела спокойну, их видя у места и воспитанных, так как надо, через что бы Вас успокоила; убытку избавилися, расходу бы в доме, ниже в деревнях ваших для меня не будет для того, что ни меня ни фамилии моей Вам содержания бы не стоило. Я рождена от таковых родителей, что дай Боже Вам все век свой то нажить, что отец по-

койник счастьем своим нажил, нас, благодаря Бога, шесть человек[1], все сыты живем, всякой по препорции имеет, так я для себя фортуну большую ни в каком градусе не могу почитать, я не сапожникова и не кузнецова дочь. Думала ли я в жизни, чтобы Вы когда-нибудь столько противу меня имели, что делать пропозицию, что поезжай я одна с детьми в чужие края ведь, сударь, это разумеется, хоть чорт меня возьми, только я с Вами не будь. Пристойно да это в свете и слыханыя ли дела, чтобы жена, оставя мужа, ездила по белу свету. Боже мой, когда конец моей горести будет, бедные дети от меня пропадают, насчастная в свете, что для них принуждена тебе быть в тягость. Кончи, Петр Александрыч, в твоей воли всех сделать благополучных, отпусти детей, себя успокой, пускай я одна жертвою, лишь бы Вы были все благополучны, я одного Бога помощника себе имею, никого не имею — ни матери, ниже ближних своих. Итак, предав в волю Творца своего, к Нему себя подвергаю, а Вам препоручая со слезами бедную невинность свою и пребуду покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

14

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

22 апреля 1764. Москва

Батюшка мой, Петр Александрыч. Почта нонешная еще не бывала, итак не знаю, получу ли я от Вас письмо. О детях скажу, что они, слава Богу, здоровы, в сад все ходят гулять, и радость такая, что лебеди плавают в пруду. Боже, утешь меня, чтобы Вы их видели и узнали, что они есть, а то только разве в лицо их знаете, можешь сказать, а каков который, то нельзя, не было время их узнать, и, препоручая в милость, пребуду покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

15

Секретные мемуары Дж.Бэкингэма

[...] Генерал Румянцев, осаждавший и завоевавший Кольберг, после своего возвращения в Петербург долго оставался незамеченным, пока заслугой своей сестры [графини Брюс] не был вытащен вперед

и сделан генерал-лейтенантом Украины[1]. Внешне он кажется высокомерным, но после первого знакомства Вы найдете его не просто любезным, но стремящимся угодить. Завоеванная страна, почувствовавшая его гуманность и признательная за нее, сожалела, когда его отозвали.

[Если русский в малейшей степени обижен или стеснен в своих обстоятельствах, он немедленно сказывается больным и замолкает. Румянцев четыре месяца носил старую ночную рубаху, жалуясь на боли в кишечнике, но как только он уверился, что императрица имеет в виду назначить его на должность, он сразу принял прекрасный внешний вид, хотя, надо полагать, его кишечник был также болен, как и всегда].

16

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

4 июня 1765. С.-Петербург

Петр Александрович! Прошу сего письма вручителя, которой находится при дворе певчим, а ныне отпущен для своих нужд и отправляетца к Вам, в Малороссию; просил меня до Вас отписать, чтоб Вы к нему милостивы были. В том прошу его не оставить. Впрочем буди с Вами милость Божия и мое благословение.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

17

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

2 декабря 1765. [С.-Петербург]

Петр Александрович, свет мой, здравствуй! Отправляютца отсюдова два иностранные офицеры к Вам, в Малороссию, которые были у меня и просили, чтоб рекомендовать их Вам в милость. А я, свет мой, прошу Вас уведомить меня, как Вы сюда скоро будете, потому что писем давно не получала от Вас. Я, слава Богу, и все наши в добром здравье. Отпиши, как будешь к нам. Впрочем буди с тобою милость Божия и мое вечное благословение.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

18

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

22 декабря 1765. С. -Петербург

Петр Александрович, свет мой! Поздравляю тебя, друг мой, и с невестушкою с наступающим праздником Рождеством Христовым и желаю Вам вечного благоподучия[1]. Детям посылаю мое благословение. Я затем давно не писала, за отлучкою моею: были за Государынею в Царском Селе. Я весьма о том радуюсь, что скоро с Вами увижусь. Впрочем остаюсь, слава Богу, со всеми своими в добром здравье. И все наши кланяются. Впрочем буди с табою милость Божия и мое вечное благословение.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

19

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

22 апреля 1766. Глухов

Батюшка мой, Петр Александрыч. Поздравляю тебя завтрашним праздником и в мыслях целую. Христос Воскрес. Праздник без тебя не весел будет. К тому же все разъехались по деревням, на завтра праздника будет торжество рождения Государынино, молебен будет и у меня обед и бал по табели положено. Ежели случится 21-е такой день, как вчерась, то назавтра праздника отправляют; время у нас стоит изрядное, дни бывают теплые; а и стужа завертывает и спаржей еще нету, значит, не очень еще тепло. Я нечто льщу себя, будто услышу, что скоро к нам будешь. Уже май близко; дай Бог, чтобы здоров был и к нам бы скорее приехал, а то скука ужасная, и так, батюшка, в ожидании тебя видеть здесь скорее и пребуду до конца покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

[P.S.] Дети, припадая, просят благословения и с праздником поздравляют. Теперь в окупации: яйца лаком покрывают и листочки режут.

20

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

7 мая 1766 [Царское Село]

Свет мой, Петр Александрович! С великою горестию усмотрела, что болезнь твоя продолжается[1], и Ея Величество очень милостиво изволила сожелеть и изволила сказывать, что Реслинк писал: балезнь не опасна, только мучительна. Дай Боже, мой друк, чтоб ты скорее от того освободился и чтоб тебя скорее здесь видить[2]. Сестра кланяется и желает вскоре тебя здоровава видать. Буди с тобою милость Божия и мое вечное благословение.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

21

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

28 сентября 1766. Глухов

Батюшка мой, Петр Александрыч. Я считаю, что сие мое тебя найдет в Петербурге. Дай Бог, чтобы здоров был и льстим себя все, что скоро к нам будешь. Дай Бог, чтобы у Вас время так хорошо, как здесь по нонешнему осеннему стоит. Да хочу припомнить, не прикажешь ли поискать тарелок порцелиновых глубоких для супов, у нас столько перебили, что в большие столы не станет, а здесь купить негде; да сельдей голландских, буде есть в привозе, переслать. Дети, слава Богу, здоровы, а о мне верь, батюшка, что до конца пребуду покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

22

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

31 июля 1767. Москва

Петр Александрович! Письмо твое я получила чрез генерала-прокорора Везямскаго, но желею, что ты, друк мой, апять нездаров. Я думала и ждала тебя к нынешнему случаю, как депутатов первое заседание будет[1]. Вчерась публичную одиенцию имели в Кремле,

П.А.Румянцев-Задунайский

П.В.Завадовский

А.А.Безбородко

Н.И.Панин

С.Р.Воронцов

Н.О.Кутлубицкий

А.Р.Воронцов

Генерал-майор и генеральский адьютант полевой кавалерии. 1764—1780 гг.

Обер-офицер драгунского полка. 1764—1775 гг.

Трубач драгунского полка. 1764—1775 гг.

Н.В.Репнин

П.И.Панин

А.М.Голицын

Я.А.Брюс

Генерал-аншеф, генерал-поручик
и генерал-майор полевой пехоты.
1764—1786 гг.

Трубач, обер-офицер и полковник
кирасирского полка.
1763—1778 гг.

Рядовые и штаб-офицеры
Харьковского и Ахтырского
гусарских полков. 1765—1776 гг.

Сражение при Кагуле 21 июля 1770 г.

Наградная медаль за победу при Кагуле

П.А.Румянцев в битве при Кагуле

Генерал-фельдмаршал.
1764—1786 гг.

Медаль в память заключения
мира с Турцией для
участников войны 1768—1774 гг.

Памятная медаль в честь фельдмаршала
П.А.Румянцева-Задунайского, заключившего
победный мир с Турцией в 1774 г.

Рядовые егеря. 1765—1786 гг.

Рядовой Екатеринославского пикинерного полка. 1774—1786 гг.

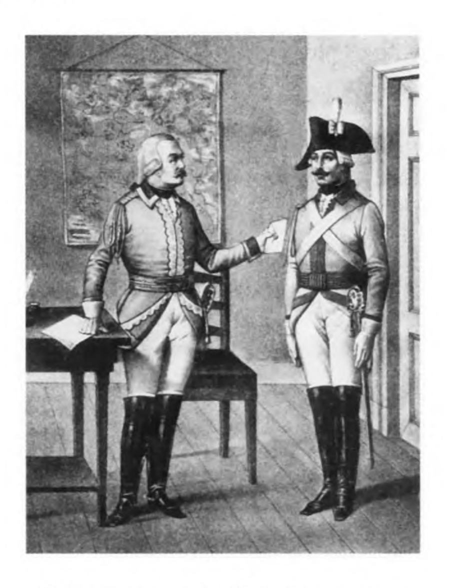
Унтер-офицер Острогожского гусарского полка. 1776—1783 гг.

Обер-офицер и унтер-офицер
драгунского полка.
1775—1781 гг.

Обер-офицер и сержант
егерского батальона.
1777—1786 гг.

Офицер и рядовой кирасирского
Наследника полка.
1778—1796 гг.

Г.А.Потемкин

Н.И.Салтыков

З.Г.Чернышев

А.В.Суворов

М.Ф.Каменский

И.К.Эльмпт

Встреча цесаревича Великого Князя Павла Петровича с прусским королем Фридрихом II в Берлине 21 июля 1776 г. (крайний справа — фельдмаршал П.А.Румянцев)

Конный портрет П.А.Румянцева

С.-Петербург. Обелиск «Румянцова победам». Фрагмент

откудова приехатше так устала, што и галава болит. Только сожалела, что тебя не было и никого из Вашей губерни. Депутат ваш адин приехал, и то на кануне. О всей церемони Вам скажет вручитель сего письма. Я и сестра здарова. Сестра тежала становится, а невеска з детми поехала в деревню. Друк мой, пажалуй, пиши ка мне, чтоб можно прачесть. Ей Богу, и сестра не все разабрала. Аднака з графами[2] переговорю. Прасти, мой друк. Буди с тобою милость Божия и мое вечное благословение.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

23

М.А.Румянцева — П.А.Румянцеву

15 декабря 1768. С.-Петербург

Свет мой, Петр Александрович! Отправляетца отсюда офицер к Вам в вашу команду, который просил меня, чтоб рекомендовать Вам[1]. Прошу сего письма вручителя в новости ево не оставить, а мне оной знаком: человек доброй. А знакомства больше нет, что тетка ево у двора над швеями командирша. Прасти, мой друк. Бог с тобою и мое вечное благословение.

Г[рафиня] *М[ария] Румянцова*

мить Ваше Сіятельство, что всѣ благоразумно

вами потомъ случаѣ принятыя мѣры заслужили

совершенное Ея императорскаго Величества апроба:

цію. Для прямаго узнанія сего новаго и опа:

снѣйшаго между Запорожцами безпорядка, остава

намъ получить точное свѣденіе, о причинахъ и:

дѣлахъ сіи замашки произведшихъ, коихъ и ожидаю

я отъ обыкновенной Вашего Сіятельства откровен:

ности въ столь благосклонной со мною переписки.

Ея императорское Величество изволила за:

нужно признать, обнародовать особливой по теперe-

шнимъ обстоятельствамъ манифестъ, для сохраненія

спокойства въ здѣшней съ Польшею торговлѣ. Я посылаю

присемъ къ вашему Сіятельству нѣсколько Экземпляровъ

онаго, съ копіею съ имяннаго указа, при которомъ отправ:

ленъ онъ къ князю Александру Михайловичу, оставляя,

на собственной Вашего Сіятельства прозорливости

и усердіе употребить оныя въ вашемъ краю для

пользы его комерціи.

Пакетъ къ князю Голицыну съ тѣмъ самымъ имян:

нымъ указомъ и манифестомъ, отправляю я съ симъ:

ее их вашему Сиятельству возвращаемым курьеромъ
покорно прося принять на себя попечение въ дальней-
шемъ оного их к нему доставлении.

Всегда пребуду я съ совершеннымъ почтениемъ
и истинною преданностию.

Вашего Сиятельства.

Въ С. Петербургѣ
18 го генваря 1769 го

Покорный вашъ
покорный слуга
Гр. Н. Панинъ.

24

П.А.Румянцев — Н.И.Панину

27 января 1769. Киев

Видевшись с князем Александром Михайловичем [Голицыным], приступлю я, Ваше сиятельство, к исполнению моего обещания[1], от 17-го, в полной надежде, что вы, милостивый государь мой, примете мои мысли в виде откровенного чистосердечия, столько из обыкновения и преданности хранимых к доверенности Вашей, сколько и для собственной в том моей пользы, и что Ваше сиятельство, видевши мои мнения иногда неправыми или несогласующими лучшему положению, не оставите мне мои ошибки приметить с наставлением истинным, которому всегда и усердно я повинуюсь.

Ремесло наше свои имеет правила, во многих случаях неопределенные, без положения и точности, зависимые токмо от предрассуж-

дений полководцев. А все, что искусство военное в основание своим мероположениям приемлет, состоит в одном том, чтоб держать всегда в виду главную причину войны, знать, что было полезно и вредно в подобных случаях в прошедших временах, совокупно положение места и сопряженные с тем выгоды и трудности, размеряя противных предприятия по себе, какое бы могли мы сделать употребление, будучи на их месте.

Вот, милостивый государь мой, правила военные, правила кратчайшие. Те, которые имели счастие прямо их проникнуть и предписуемое в них узнать, славное имя получили между победителями, и преимуществовать могли они всегда над своим соперником, так как ошибающиеся в сих соображениях платили дорого за свои инакие меры.

Не присвояю я себе права первых, но может быть наиболе найдуся в числе последних. Из подражания, однако ж, по малейшей моей практике, знаю собственно, сколько полезно основывать свои распоряжения на обстоятельствах изъясненных [...]

25

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

26 июня 1769. Москва

Батюшка мой, Петр Александрыч.

Письмо твое через курьера от 18-го подучила, радуюся, что здоров; дай Бог мне и вперед это удовольствие иметь, только и утешения, что коли известие получу. А здешних ведомостей столько, что переслушать нельзя; иные говорят, что Вы в ту сторону идете, другие — в другую[1]; Бог знает что правда, только прошу Бога, чтобы помиловал тебя, где бы ни был. Детей препоручаю в милость твою. Ты немножко поосердился на меня, что я об детях писала к тебе; простить мне сие можно по страсти моей к ним; а о мне верь, батюшка, что непременная покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

[P.S.] Вину отправленному при сем записочку посылаю и что заплачено, за что и сколько.

26

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

15 декабря 1770. Москва

Батюшка мой, Петр Адаксандрыч.

Вчерась курьер от тебя приехал, с которым я писем не имела и очень меня огорчило в обстоятельствах тех, что где на квартирах стоите[1] и так не часто курьеры ездят, а ты и не со всяким пишешь; я одного только уже и прошу, что в этом мое удовольствие сделать, хотя бы не своей рукою да имя подписывать. Детей я в сих днях отпускаю в Петербург[2], которым не отменно надобно верховых лошадей, следственно и убор, чепраки шитые, как знаю, что́ у тебя есть, пожалу[й], буде не надобны тебе которые, пришлите ко мне, а то я принуждена буду им купить обоим. Достается в адъютанты в нынешний новый год, в доклад поданы, матушка ко мне пишет и я принуждена теперь все излишнее еще для них сделать, лошадей и уборы, и людей прибавить им и расходу. Вручитель сего в Москве жив, с неделю не был у меня, не имев время, обещал сегодня быть, да не знаю, увижу ли его, потому что должна ехать со двора к сестре своей и твоей, которые обе не могут, лежат в постели, а и сама не очень здорова. Дети, припадая, просят благословения, а о мне верь, батюшка, до конца покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

И я Вам, милостивый государь батюшка, приношу мой нижайший поклон, притом доношу, что сегодня получили письма от бабушки, что мы оба с братом в доклад поданы в адъютанты полковые, а как Вам не без известно, что излишние надобны лошади и уборы, а у меня хотя, по милости Вашей и есть, только не для парада, также и лошади не очень хорошие; и предаю себя в милость Вашу и на оное буду ожидать Вашего приказания. Ваш всенижайший и всепокорнейший слуга и сын

г[раф] *М[ихаил] Румянцов*

И я, милостивый государь батюшка, возобновляю братнину просьбу и предав себя в милость Вашу, остаюсь Ваш, милостивый государь батюшка, нижайший слуга и сын

г[раф] *Н[иколай] Румянцов*

Лент егорьевских к тебе посылаю и пять звезд, мундир один вышли, а другой к празднику дошьют, буду ожидать твоего приказу,

с чем их прикажешь и коли к себе переслать, за оба 100 р. заплатила. Лу[...] просит, чтобы сына меньшого в отпуск хотя на малое время отпустить, пожалу[й] коли возможно. Письмо готовила с Потемкиным[3], а курьер в двери, считаю скорее и вернее, а тот не бывал у меня, может быть совестен перед тобою, так боится, что я знаю.

[Е.Румянцова]

27

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

15 мая 1771. с. Оксиньино

Батюшка мой, Петр Александрыч.

Письмо твое от 30 апреля получила[1], [в] котором пишешь, что коликами мучишься. Боже, тебя спаси таковых, какие я прошлого году вытерпела после своей лихорадки, и злодеям своим не желаю такую иметь, а что тебя удивило что за Оксиньино, я и теперь живу в Оксиньином, в городе делать нечего, никого нет, все мои родные по деревням. Здесь бы очень хорошо, что близко Москвы; я хочу ехать в Юрьевскую деревню на часть, только теперь меня дети держат, что пишут, что государыня изволила говорить об них, чтобы выпуск в [по]дполковники, и я теперя не знаю что, или одного к себе в штат взять[2] или бы ехать волонтерами, все си[е] все делается, как я ничего не знаю, а прежде было говорили, что ко двору возьмут в камер-юнкеры. Я бы поставляла сие для них бы авантажнее бы было, не ушла бы и армейская служба; мы видим, что многие от двора произошли; я бы желала коли бы ко двору, да пускай волонтерами будут пока война, а по прошествии войны опять бы были у двора, пока [в] совершенные лета придут и могли бы и повоежировать; мне кажется еще в их лета быть в полках подполковника рано и в полках одним жить бы мне не хотелося. Но как все сие без просьбы моей идет и от тебя, батюшка, зависит, я уже отдаю на твою волю, что тебе угодно и надобно: ты им отец, больше можешь узнать, что к их пользе, а я считаю, коли бы у двора были, все авантажнее, не думай, чтобы я через это хотела их отвести от военной службы, напротив того скажу, коли ты к себе не возьмешь, то во вторую армию пускай едут волонтерами. Это ведь все от страсти большого сына, спит и во сне видит и всем сказывает, что не хочет быть придворным, и оба мне кажется по их склонности, как я знаю с ребячества, правду скажу, что большому инаково и не

служить, а среднему, мне кажется, можно бы было и другою дорогою идтить и фортуну сделать; сердечно сожалею, что не послала их в армию, я право согласна была, да ты не хотел этого, а во вторую — без воли твоей не смела. К[нязь] Николай Василич Репнин охотно одного брал на свои руки, пожалу[й], буде возьмешь их, отдай ему одного, о другом пишут, будто государыня с тем к тебе приказала отписать, что она к Боуру изволит послать, так напиши, батюшка, что ты с ними хочешь сделать и о чем будешь просить, коли тех в подполковники выпуск. Так проси же меньшего к себе в генеральс-адьютанты; правда, ему авантажнее будет перед теми, а те ведь ничего не выиграют по их чинам, им выпуск достанется быть подполковниками; нонеча Солтыкова одного из адьютантов выпустили в премиер-майоры, а Петр Семеныч [Салтыков] подал его к себе в генеральс-адъютанты и без заслуг отцовых сделают. А мне пишут, коли де они подполковниками будут, отец пришлет с известием, а не полковник, а я говорю не бывать, ты конечно не пошлешь сына ни с каким известием и болтаться будут наряду со всеми, что делать, отдала их на волю Божию, как и во всех своих делах он мне помощник, ничего инаково не просила, а что Богу угодно и в твоей теперь воле предаю на все, что ты, батюшка, рассудишь им лучше; а о мне верь до конца покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

[P.S.] Мысленно целую; Боже, дай, чтобы письмо мое нашло тебя здорового.

Сережа, припадая, просит благословения. Иван Иваныч Уваров 9-го числа умер, быв болен давно, однако выезжал.

28

П.А.Румянцев — Н.И.Панину

25 марта 1773. Яссы

Счастие, от детства мною играющее, и в настоящей века моего преклонности поставляет меня на стезю многотрудных предметов[1] и к такому времени, когда бы мне стеня от припадков, искать удалиться от всего и дать последний час жизни в тишине и безмолвии надлежало; в чем я себя и обнадеживать по обстоятельствам великую имел причину, а особливо по уверению моего милостивого графа на отзывы мои о том, что к пренесению сего служения надобно краткое время. В сих обстоятельствах позвольте мне, Ваше сиятельство, иметь право ожидать пользоваться Вашими наставле-

ниями, и особливо зная, что мысли Ваши основаны на истинном усердии к службе Ея Императорского Величества, любви к отечеству и искании пользы его, и лаская себя взаимно, что Вы не отречетесь везде дать за меня ручательство, ежели не в способности, то, по крайней мере, в готовности моей.

Не обеспокоивая Вас продолжением сего моего отзыва, и будучи два дня в постели, не находя себя и в силах распространять оный, не в рассуждении содержания представляемых от меня настоящих обстоятельств, ссылался на мои всеподданнейшие реляции и письмо, сокращаю, с непременным высокопочитанием и неограниченною преданностию пребывая и пр.

29

П.А.Румянцев — Н.И.Панину

13 апреля 1773. Яссы

Приобретенные в прошедших кампаниях над неприятелем поверхности и по оным утвержденное в сих местах наше положение достигли, по мнению моему, той меры, что уже не покажется громким всякое вновь здесь приобретение[1]. А напротив сие самое состояние, подающее нам все выгоды пред неприятелем, поставляет меня в трудность немалую отваживать на удачу всю свою пользу предприятием, которое вывести нас может из оного. Имея, однако ж, попечение непрестанное о службе Государю и Отечеству моему, стараюсь все превозмочь; но и тут, к несчастию, встречаю непреодолимое препятство от самой натуры, что суровство воздушное, здесь продолжающееся и не попускающее произрасти полевому корцу, не дозволило еще армии предприять доселе никакого движения, ниже собраться вместе войскам.

Я слышу, что у Вас пребывают еще в надежде видеть вскоре мир сделанным.

Казалось и мне прежде, доколе послы, так сказать, между собою маневрировали политическими уловками и выжимали друг в друге весь сок претительности, что надежда к тому настояла; но теперь, коль послы разъехались, а турки бой открывают образом наступательным; то уже нам здесь думать не осталось, чтоб они в сем случае руководствовались миролюбивыми мыслями. Слышу и еще, милостивый мой друг, что в Санкт-Петербурге из моих искренних доброжелателей есть и такие, что сличают мои жалобы на болезни с моим упражнением, что я выезжаю иногда на охоту, хотя и не столь часто, как им знать доходит. Ваше сиятельство знаете много

охотников из страсти, но знаете же и таких, которых поневоле высылают доктора в поле, леча припадки движением. В сих последних числе я верно нахожусь и весьма близок к тем людям, которые накануне, так сказать, дороги в вечность еще ездили на прогулку. Впрочем, естли тот же дух и те же силы потребны бы были предводителю армии, каковы могут охотника делать способным гонять зайцев, то бы много у нас, нашлось воителей в вышней степени. Прошу Вашего сиятельства, в случае расширения сей не первой уже на меня клеветы, заступить своим благодетельским словом и подать лучшее удостоверение о моем усердии и попечительности в своем звании, которыми я только движусь, вступя, кроме случившихся припадков, в век сущего уже ослабения по человеческой жизни.

30

П.А.Румянцев — Н.И.Панину

14 февраля 1774. с. Корнешты

В пункте дому, что я его не имею, была пред Вами моя откровенность. Я дополню оную здесь чистосердечным изъяснением, что все имения, домы и деревни едва ли приносят больше как мысленную забаву, в коей я проводил век мой нечувствительно и, лишившись так сказать всякого в утехах соучастия, должен уже радеть не о новых стяжаниях[1], но о вещественной пользе, чтоб успокоить и тело, и дух в том достоянии, которое уже имею.

При отправлении сынов моих в чужие краи[2], до кого ж больше и лучше прибегнуть могу, в виде отца и просителя, как не к Вашему сиятельству, яко моему и им уже благодетелю? Совершите, милостивый государь мой, в сем разе довольно мне известное Ваше усердие на их пользу, чтоб они с покровительства Вашего снабжены были рекомендациями к нашим министрам о нужном там им, где будут, во всяком случае вспоможении; словом отверзите им путь и подайте, как лучше знаете, способы получить науку и всякое полезное приобретение.

Ничего я им больше не внушал, как чтоб они знали себя на всю жизнь благодарными за благодеяния Ваши, которые носим без оплаты и которые, переходя в род, должны вливать и вечную привязанность к Вашей фамилии, чтоб они и теперь и по мне наследили тоже почтение и безпредельную преданность к особе Вашей, в которой отец их имеет друга и благодетеля.

31

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

8 апреля 1774. С.-Петербург

Батюшка мой, Петр Александрыч.

Я пользуюсь сею верною оказиею к тебе писать, что Григорий Александрыч [Потемкин] столько много тебе служит во всяком случае и пожалу[й] поблагодари его, даже и мне великие атенции делает, и смотрит во всяком случае доказать; вчерась он мне говорил, чтобы я к тебе писала, чтобы ты к нему обо всем писал прямо, что я советую, во-первых, что и он во все входит да и письма все кажет; письмо, которое ты к нему писал своею рукою, он прочесть не мог, прислал ко мне, и я ему его прочла, он посылает отсюдава курьера и к тебе сам будет писать. А я к тебе, батюшка, писала об Мише, что он мне говорил, что захочешь ли ты, чтобы его в майоры гвардии; я сказала, что в секунд-майоры нету авантажу идтить; он мне на то отвечал, что это и секунд-майор да с чином. Так я [с] своей стороны думаю, чтобы это не худо, а как ты рассудишь, того не знаю, он будет ли сам к тебе это писать, только он мне сказал, чтобы я к тебе писала об этом, и ты бы отписал — надобно ли это тебе; так ты, батюшка, сам с Мишею поговори, и знавши обстоятельства теперешней данной комиссии тебе. Боже, только поспеши и дай успех хороший, чтобы ты его мог прислать с чем хорошим, а когда ты ко мне и отпишешь об майорстве его, так бы я знала, все бы можно было припомнить, ведь бы линия его все шла и старшинство бы не пропало, а он молод, так бы и в людях быть еще надобно ему. Я признаюсь, что мне очень хочется, да не смею без воли твоей, теперь дети уже не на моем попечении; ты всех видел и всех трех их знаешь, так уж из материной опеки вышли вон, довольно я имела попечения [...]

Дети в четверг едут, я остаюся одна в пустоте и одиночестве. Мысленно тебя, батюшка, целую и верь до конца покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

32

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

3 февраля 1775. Москва

Батюшка мой, Петр Александрыч. Письмо твое, батюшка, от 26-го получила, радуюся, что выздоровляешь, а что пишешь про

деньги, что у тебя нету, что детям послать, так я и подавно ничего не имею, нонешний год без доходов жить принуждена буду, не только что получить, еще, занявши, и в Чебарчино надо послать на винокуренный завод. Боже, только тебя дай видеть здорового. Может быть, приезд твой долги твои и мои заплатит. У нас нового нету ничего. Сегодня архиерей Платон въезд делал публичный, как московский архиерей. Архарову, полицмейстеру здешнему, пожалована тысяча душ польских и двадцать тысяч денег за хорошее смотрение его. И затем, мысленно целуя, пребуду покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

33

П.А.Румянцев — П.В.Завадовскому

7 февраля 1775. [Глухов]

Предыдущим моим подал уже я Вам уведомление о полученных мною от Вас письмах; и потому не оставалось при сем случае ничего, чтобы Вам сказать более; но, поставляя себе все таковы приятными, где только могу извещать Вас в виде отличного моего к Вам усердия, не схотел отпустить Вашего куриера, не уведомив Вас, что я прибыл в Глухов 5-го настоящего месяца. Тут застал я не противу прежнего, весь почти сей город принял другой вид. Превосходной вкус в качестве и количестве женщин, заставляет всякого к призванию в лучшем образе жизни и весьма видной в них перемене. И за тем, конечно, не было бы места скуке, если бы нам солнце открыло свое лицо, которого во все время пребывания нашего здесь мы не видели; на место оного сильный туман обложил тут всю окрестность и делает моему слабому здоровию поминутно новые припадки.

[Граф *Румянцов*]

34

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

24 декабря 1775. Царское [Село]

Батюшка мой, Петр Александрыч.

Вчерась в первом часу за полночь государыня в Царское село прибыть изволила благополучно и никогда так скоро, что 56 часов

только езды было от Москвы до Петербурга[1]. Из Новгорода почти вся свита отстала и во всю ночь все приезжали: изволила мне об тебе сказывать, что здоров и мне кланяться приказал. Я еще никого не видала, как письмо пишу, только Катерина Алекс[андровна] у меня ночевала, что приехала без девушки и без постели. Сказывала мне, что при прощаньи тебе эполет бриллиантовый пожалован. Итак, батюшка, ты теперь совсем наряден, а я хочу у тебя просить вещь ту, которая у тебя безо всякого употребления, портрет короля прусскаго[2], который, ведь, тебе ни коли не носить, а я бы с прибавкою своих себе на шею сделала что-нибудь. Да боюсь, что осердишься, знав, что и заочно скажешь, кстати ли старухе наряжаться. Это правда, да когда в обычае, что и старые носят алмазы, так мне в моих ходить стыдно, будучи твоею женою и в посте этом, а шпагу ломать, та, которую ты давно мне пожаловал, жаль для сыновей, а я прошу меня извинить, коли тебе это противно покажется, что я прошу. Завтрашним праздником, батюшка, поздравляю; Боже, дай многие во всяком благополучии проводить, а о мне верь, батюшка, до конца покорная, верная жена

г[рафиня] *К[атерина] Румянцова*

35

П.А.Румянцев — Г.А.Потемкину

4 января 1776. [Кайнарджи]

В предыдущем моем, мой Вселюбезнейший Друг, я тебе сказал, что, уклоняясь от звуку и гуку городского, удалился я на уединение; но сие не так отдалено, чтоб меня не сыскали мои близкие. Причиною сего моего к тебе — Александр Васильевич Салтыков, много меня одолживший своими услугами к моей матери; и ты мне, став посредником и надеждою окончания его весьма резонабельного искания, сделаешь наичувствительнейшее одолжение. Покажи, мой Милостивый граф, свое пособие сему человеку, доложив прозьбу его Государыне, а я все, что от тебя для него будет, приму на счет свой.

Моим желаниям всегда противустоят разные препоны; я уже собирался ехать отсель, но была столь великая стужа, что с нуждою мог я только сидеть в избе, не выходя ни ногой из оной. Теперь стало полегче, однако вместо того новая преграда, с сильным ветром бывшая более суток метелица, поделала на всех полях престрашные горы, и такие, что уже вовсе нет удобности двинуться о места. Я потому, в ожидании лучших дней, поживу еще несколько, а после,

хотя в самой вещи и печально, от стужи к теплу предприму свои меры. Но где бы я ни был, сохраню везде непреложно то истинное мое почтение и беспредельную преданность, с которыми во все дни жизни буду сердцем и душей преданнейшим и всепокорным слугою

[граф *Румянцов*]

36

П.А.Румянцев — В.И.Мещерскому

15 января 1776. [Кайнарджи]

Милостивый Государь мой, дядюшка, Князь Василий Иванович! Мне весьма совестно столь смело утруждать Вас, но в том удостоверении, что Вы снисходительно мои просьбы принимаете, я Вас обеспокоиваю теперь новою. Крестьянин моей деревни Рудни, Александр Григорьев, ищет получить себе в жены крепостную Вашу девку, Варвару Ермолаеву. Она, быв отпущена села Лотошина от бурмистра Калинина с свидетельством для приискания дневной пищи, почти оной не имеет. Сделайте, дядюшка, им обоим милость, дав на это Ваше соизволение.

С непреложным усердием и беспредельною преданностию пребуду

[граф *Румянцов*]

37

Е.М.Румянцева — П.А.Румянцеву

27 февраля 1776. С.-Петербург

Батюшка мой, Петр Александрыч.

Письмо твое через Астафьева получила, на которое ответствовать буду через него же. Все интересовались об отъезде твоем, почитали, что не для стужи живешь в Канаржи, теперь увидели, что уехал. Ты, батюшка, пишешь, чтобы я тебе писала что найду примечательного, истинно сказать, что так мудрено, непонятно здесь видеть, а заочно, чаю, и мудренее кажется. Григорий Александрыч [Потемкин] по наружности так велик, велик, что захочет, то сделает. Третьего дня, в вечеру уже это было, на братнином дежурстве, чтобы конную гвардию отдали в команду, что как полк весь этот опустился. Это было поутру, что дала приказ писать, а там остановили, опять в вечеру послали, а многие уверяют, что горячность уже прошла, та,

которая была, и он совсем другую жизнь ведет; вечера у себя в карты не играет, а всегда там прослуживает; у нас же на половине такие атенции в угодность делает, особливо по полку, что даже что на покупку лошадей денег своих прислал 4000 р., и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать и все на апробацию. Вы его бы не узнали, как он нонеча учтив предо всеми. Веселым всегда и говорливым делается, видно, что сие притворное только; со всем тем, чего бы он ни хотел и ни попросил, то, конечно, не откажут. Петра Василича [Завадовского], думав, что он не так любит, как в Москве было, хотя со стороны Петра Василича очень соблюдено все то же, и ходит к нему, да не так принимается, как прежде. Вы знаете, какия заключения в Москве делали об нем, и здесь весь город то же думает, а он отпирается, я же скажу, что признанием от Петра Василича противу тебя, батюшка, и ласкою, которую он и мне оказывает, заставляет себя добыть. Ты сам знаешь, батюшка, что я ничуть знакома не была, а единственно это по тебе он делает. Александр Андреич [Безбородко], мне кажется, не к месту пришел, нечто неудачливо, его же фигура неавантажная, и слышу, что рассуждают, что не таков как думали, и я его вижу, хотя он ко мне ходит, да не могу сказать, чтобы часто, сказывает, что все недосуг, а Петр Василич говорит: лжет, никаких дел нет, Семен Романыч [Воронцов] приехал и так худ, слаб, в иппохондрии и, думаю, пойдет в отставку, считая себя обиженным, что по сю пору бригадир. Петр бы Василич, может быть, ему и помог бы, да сам собою не отважится делать, чтобы не рассердить больше и на себя поднять, а видно, что сам просить, или говорить об нем Григорию Александрычу не хочет. А дружба Воронцова с Завадовским такова же, как и прежняя была. Все, что я к тебе ни писала, ты, конечно, батюшка, разуметь не будешь, мы, и здесь живучи, ничего еще не разумеем [...]

Хочу тебе написать об сервизе твоем пожалованном, этакой же сервиз точный, как твой, государыня пожаловала в Тверскую губернию, а как ея намеренье, чтобы везде были сервизы, так в малороссийские губернии надобен, так бы приказала твой взять, а тебе бы деньги выдать из малороссийской суммы, а на эти бы деньги в России деревню купить не хуже бы было, приносила бы, а то капитал мертвый в серебре в этом. Я ведь это для того пишу, что ты мне приказал к тебе писать, что найду надобное к сообщению, а то право скажу, я более после свидания нашего московского ни о чем не хотела советовать, для того что так была пренебрежена от тебя и худо трактована, что ни коли ни о чем и не говаривал, а теперь видите, чай, что я во многом права, что друзья твои не так как казалися по-видимому [...]

[Е.Румянцова]

38

П.А.Румянцев — Павлу Петровичу

20 февраля 1776. Черешенки.

Милостивейший Государь!

Ваше Императорское Высочество награждаете ревностное мое желание усердные услуги Вам показывать, возложением на меня новых комиссий[1]. Я в то же самое время, как имел щастие получить Ваше Милостивейшее, от 19 генваря, сделал мои предписания Малороссийским полковникам, приложить старание каждому от 10 до 15 и более способных и рослых людей из козаков, или другова звания свободных людей, в Полк Ваш Кирасирской[2] приохотить. Тут взял я смелость приказать уверять их, что они из особливой Вашего Императорского высочества милости, не только нарочитую прибавку к жалованью окладному, но, по поведению и заслугам, и другие авантажи получат.

В благодарности неизреченной к снисхождению, Милостивейший Государь, что соизволяете мне желать здоровья в сем году лучше прежнего, доношу, что ни перемена места, ни климата не пользуют уже мне ни мало, но что новый год, то новые припадки и ослабления больше оказываются, и против которых нет иного врачевания как терпения, к которому хотя трудно, но привыкать надобно. Доколе жив, не престанет во мне добрая воля посвящать остаток дней моих на услуги Вашему Императорскому высочеству, повергая себя к подножию Вашего Императорского высочества в глубочайшим благоговении Вашего Императорского высочества всенижайший раб

г[раф] *Р[умянцов]-З[адунайский]*

39

П.А.Румянцев — П.В.Завадовскому

21 марта 1776. [Парафеевка]

При настоящем отправлении куриера, не имею нового сообщить Вам в сем разе, как что здесь весна коснулась зимы слегка, а сия последняя свое берет на ней со всеми почестями, и мы теперь уже третий день в замете снежном сидим; а по сей новости вообразите себе мою старость и изнеможение, и судите, каково мне при жестокой буре и метели в деревне и почти безвыходно в избе, где мнил я толь многие утешения найтить, да и некоторые новости искать.

Теперь не знаю, могу ли скоро быть в Киеве для дела, а в Гомель и Топаль почти не думаю; и ежели все пойдет моему здоровию так вопреки, то и я принужден буду последнего пособия целительных вод коснуться.

Граф Кирилла Григорьевич [Разумовский], меня посетив, поехал в Кошары, на свой конной завод, куда и я 18-го дня, как в день его имянин, чрез силу, ездил. Тут я увидал, что всякой его хутор составляет мою волость, а волость все имение. Не завидуя, но удивляясь, размышлял, сколько разнствуют способы, коими люди доходят до почестей и имений, и как не равно один и другой оными пользуются. Он печется о своем, и весилится о себе. Но как всякому свое определено, то тут и надобно быть, ежели не философом, то, как Панглосом[1] всем довольным, абы быть хоть здоровым. Я последнего Вам, как существа всякого благополучия усердно желая, буду всегда с непременною преданностью покорным слугою

[граф *Румянцов*]

40

П.А.Румянцев — М.А.Румянцевой

21 марта 1776. [Парафеевка]

Милостивейшая государыня матушка! Видев из милостивейшего Вашего благополучное пребывание Ваше, воссылаю я мои молитвы ко Всевышнему, да продолжится оное, при самолучшем благосостоянии и целости здравия, до самопозднейших времен, к образованию тех, из которых благоволения Вашего прося, повергается к ногам Вашим

Ваш верный и покорнейший сын

41

П.А.Румянцев — М.А.Румянцевой

26 марта 1776. [Парафеевка]

Милостивая государыня матушка! Днем великой для меня радости, тезоименитства Вашего, и подходящими праздника Воскресенья Христова, Спасителя нашего, я нижайшее Вам поздравление сим приношу, желая в оных и премногих будущих самолучшего

благосостояния, удовольствия и здоровья за предел самопозднейший, к обрадованию повергащегося к ногам Вашим и испрашиваемого Вашего благословения

верного и всепослушного сына

42

П.А.Румянцев — М.П.Румянцеву

10 апреля [1776. Парафеевка]

Граф Михайла Петрович! Петр Васильевич отдаст Вам сие, и может быть, и еще два, одно к Государыне, а другое к графу Григорию Александровичу[1]. Они, по содержанию, касаются моих владений; и вы, коли изберет он приличнее отдать Вам для вручения Графу Григорию Александровичу, скажите, что я оные Вам адресовал, а попросите его именем моим о свершении полезном и скорейшем, во избежание следствий разорительных, кои терпеть буду я должен, если сие не примет желаемого и скорого окончания. Благодарю при том за уведомления, к особливому моему удовольствию, о Вашем благополучном пребывании, буду, как всегда, к Вам с искреннею любовию

Ваш доброжелательный отец

П.А.Румянцев — Екатерине II

Всемилостивейшая Государыня!

В пожалованных мне всемилостивейше от Вашего Императорского Величества в Белороссии местечке Гомле и поименованных деревнях с прежними и натоящими их принадлежностьми, отданы мне отдатчиками и поселившиеся на грунтах оных слобода; но губернская канцелярия, не входя в сии, ясно гласящие повеления, держится точно числа и названия деревень, и не признает сию отдачу сходною с высочайшим Указом Вашего Императорского Величества, о том данным, а потому и не утверждает.

Я ни правом старинного владения, ни отдачею утверждать сие хощу, но от милости Вашего Императорского Величества ищу Всемилостивейшего подтверждения.

Вам известно, Всемилостивейшая Государыня, что по обращении сей части Польши на новое основание, не составляется там доход

Графъ Петръ Александровичъ. Король
Пруской чрезъ брата своего принца Генриха
прислалъ знаки ордина Черного Орла вамъ
отъ него данного. Сии къ вамъ отправляя
позволяю принять и возложить на себя,
рада будучи тому, что заслуги и достоин-
ства ваши отличное къ вамъ уважение про-
извели и у Государей Союзниковъ нашихъ.

Пребываю всегда вамъ доброжелательная

Екатерина

С. Петерб.
10го апреля
1776.

нимало сообразный с титлом прежних староств: а я, особливо ежели с земель сих новых поселян свесть, или с земель отделить указано будет, и весьма бедненьким старостою останусь.

Повергаю себя к освященным ногам Вашего Императорского Величества, в глубочайшем благоговении Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб

г[раф] *Р[умянцов]-З[адунайский]*

43

П.А.Румянцев — П.В.Завадовскому

25 апреля 1776. [Парафеевка]

Неожидаемое случается часто, а предчувствование сказывает также не редко. Я не умею пересказать, что со мною делалось и в снах виделось во все это время; но меньше всего, хотя бы и желалось, я считать мог на предстоящий мне случай скорого позыву, будучи вовсе в расслаблении, и так сказать, стеня под самым легким бременем дел, кои я здесь с нуждою отправлял; но повинности и послушанию следуя, я иметь скоро буду удовольствие Вас видеть, следственно, изустно сказать о моем к Вам усердии, с коим я непреложно пребываю.

P.S. Я не успел отблагодарить принцу Генриху[1], думая лично сие исполнить.

44

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

[апрель 1776. С.-Петербург]

Сиятельнейший граф, милостивый государь! Простите мне, Ваше сиятельство, что я, соблюдая тайну цареву, открывать не смею точности сего дела, для которого Вы ко двору столь скоро призываетесь[1]. Чтоб однако ж спокойно Вы ехали, я могу изъяснить, что комиссия простирается к радости и ко взаимному удовольствию Императрицы и Великого Князя, и что они, условясь между собою, Вас призывают, не открывши о том ни единому человеку, и следовательно по сей тайне, сколько само дело произойдет внезапно, так и ваш приезд сюда всех удивит, и наконец предлежит Вам подвиг к славе и к сердечному удовольствию Вашему собственно.

15-го сего месяца Великая Княгиня[2] скончалась, не разрешившись от бремени. Сложение тела ея отнюдь было неудобно к деторождению. В коем случае всякое употребленное средство было бесплодно.

Графиня Екатерина Михайловна [Румянцева] до изнеможения сил понесла в сем несчастливом приключении беспокойства необходимые. Ея Императорское Величество безмерно довольна ея трудами и расположена к ней милостию отлично.

За скоростию отправления я не могу ни о чем писать, а только восхищаюсь радостью сердечною, что толь скоро могу целовать руки моего благодетеля, и в приятном ожидании сего пребываю с нелицемерною преданностью Вашего сиятельства нижайший слуга

Петр Завадовский

[*P.S.*] Храни Бог от поездки отговариваться, весьма неугодно будет Государыне и Великому Князю. Государыня все лето, я надеюсь, здесь проживет. Следственно, в приезд свой все нужное здесь найдете, а разве возьмите с собою весь лутчий ваш гардероб.

По причине дел, рождающихся от произшествия столь печального, никак нельзя было испросить указ о уплате за ваш сервиз, но сие дело почитайте уже сделанным. Ваши домашние к Вам не пишут, потому что ни один человек не знает о сем отправлении.

45

П.В.Завадовский — С.Р.Воронцову

[1776. С.-Петербург]

Я не отвечал два дни на твои письма, всячески желая и ища произвесть перемену в приезжем[1]. Вчера я с ним изъяснялся наедине. Просил его усердно, чтобы он поступок свой против Г[осударыни] переменил на приветливый. Правда, что после сего он несколько с нею поласковее обходится; однако ж весьма еще далеко от того тону, на каком он был в Москве, на которой, если бы и здесь обратился, он бы был превознесен.

Любезный Сенюшенька! Тебе знакомо мое сердце. Я все употребил и употребляю, чтобы до явного огорчения не дошло. Перед ним я без отмены все тот же, которого он при себе имел. Чтоб же взять воинский департамент, он уже довольно дал мне чувствовать свое крайнее нежелание. И сколько я понимаю, то он, оконча поездку, затеит что-нибудь похожее на жизнь Данцигскую[2]. Что станешь

делать с человеком скрытным и до бесконечности своенравным и упрямым? Для него бы все могло быть сделано, чего бы только он мог пожелать. Но рассуди сам, Сенюша, поставив себя вместо царя. Если бы не являл к тебе кто ни есть усердия, стал ли бы ты ему кланяться? К его талантам всегда была доверенность отличная; оставалось токмо приобресть оную со стороны сердца. Но сей пункт он сам теперь пренебрег, а оной-то и употребили помощию себе коварники. Я тебе не могу описать, сколько мучусь я сокрушением сердечным, взирая на его поведение. Богу, видно, так угодно лишать меня помалу всего того, что бы составить могло мое удовольство. Кроме двух Орловых [Г.Г. и А.Г.] я не вижу кого бы интересовал жребий отчизны. Приезжий, хотя завидует богатейшим противу себя, и хотя еще рад он многое получить, однако ж приобретенную славу и обожание не отважит на дела, которые ведутся под глазом двора. Я черпав сию мысль в его мыслях, которые мне можно постигать из обучения десятилетнего. Легче все на все осуждать, нежели поправить и переделать. Завтра двор не будет в город, а и фельдмаршал отдумал ехать, избегая подать случай думать, что он с кем-нибудь советовал. Я рад Алексаше [А.Р.Воронцов], ежели он завтра сюда приедет, и прошу о сем его. Твои заключения о причине перемены фельдмаршальской весьма основательны. Я твоему совету всегда буду следовать. Я пред ним разве погрешил избытком усердия; а он так обходится, что гнев его на меня и сторонние уже примечают.

В моем состоянии надобно ослиное терпение. Пожалуй, Сенюшенька, выздоравливай. Ты одна моя отрада [...]

Как я сие оканчиваю, фельдмаршал пришел меня посетить. Говорил много о тебе, пеняя, что тебя не должно столько трогать произведение младших, которые никогда не могут твоим достоинствам дороги заступить.

[Петр Завадовский]

46

П.В.Завадовский — А.Р. и С.Р.Воронцовым

[1776. С.-Петербург]

Обоих Вас благодарю за наставления дружеские. Не стану уверять сызнова, что ничего нет у меня опричь Вас любезнее. Еще я не знаю, когда будет поездка в Гачин, как равномерно и фельдмаршальская в город. Я уведомлю Вас о том и другом в свое время.

Приезжий с г[осударыней] получше. Против меня тот же. Да я рад, лишь бы он ея не прогневлял; меня ж он раздражать никогда не может. Напрасно Вы стараетесь находить средства сделать его другом. Он не родился с качеством для сего нужным. Таланты его высоки, но душа [...] Всех совершенств не дает природа ни одному человеку. Таким сделать его, каковым быть ему надобно, и любящим его особу и отечество желательно, никак нельзя, и вотще все будут помышления. Со мною он не будет николи искренен, потому больше, что он сам знает, что его довольно знаю [...]

[Петр Завадовский]

47

П.А.Румянцев — М.П.Румянцеву

13 сентября 1776

Граф Михайло Петрович!

Благодарю Вас за два письма Ваши, кои я исправно получить удовольствие имел, равномерно и за труд, который Вы по моим хлопотным коммисиям подъемлете, и ласкаю по последнему, что и трудности, которые Вам настояли в удовольсвтии моих кредитов, в рассуждении червонной монеты, Вы нашли способы изъять. Я желаю Вам взаимно в благоугодность все возможное всегда делать, с совершенным к Вам доброжелательством пребуду.

P.S. Гриму мое почтение, а братцам Вашим мой поклон[1].

48

П.А.Румянцев — адъютанту Транзею

25 февраля 1777

Самому прилежно осмотреть: 1-е, все господину в том селе или деревнях принадлежащее, в домах и какова состояния и внутренние приборы; в садах, каковой они долготы, широты, регулярные или нерегулярные и какого рода, количества и качества плодовитые в оном деревья; в мельницах, сколько камней или ступ, и какого мастерства оных отделка и воды количество; в скотских дворах, строение и скот, какого оные состояния и в каком числе, в амбарах наличного хлеба количество и доброту; 2-е, начав селом Заяньим

[так в тексте] до последней деревни местоположение, озера, реки, рощи, леса, и какой оные долготы, широты и первые глубины, а последние высоты, и какого рода дерево, строевое или дровяное, и что из тех угодий точно владельцу принадлежит, или своим крестьянам и другим владельцам; как велика которой часть, и что в селе и деревнях крестьянских дворов и в оных душ, и как далеко которая деревня от села и других смежных деревень.

Тамошних поселян спросить:

1-е. О количестве пашни, сенокосов, по тамошнему исчислению десятин или копен, и что в таковых долготы и широты сажен, и что именно в селе Заянье и других деревнях и пустошах на господина, на церковь и ко всякому из них селению принадлежит, и какова качества пахотная земля и сенокос, и как плодоносны?

2-е. Какие оклады денежные или работы на них ныне лежат, и в чем оные состоят?

3-е. В принадлежащих ко владению озерах и реках, какая рыба и каким количеством, всегда ли равно, или по временам, и в каком времени года лучше ловится?

4-е. Куда они продукты господские в продажу отвозят, как далеко от тех пристаней, при каких местах и на каких реках?

5-е. Не имеют ли они с соседями споров, или иногда уже и тяжб с кем, и в чем оные состоят, и где судятся?

У соседних спросить о всем том, что и у тамошних, а впрочем о состоянии промыслов поселян села Заянья с деревнями.

[Граф *Румянцов*]

49

П.А.Румянцев — Н.В.Репнину

19 октября 1777

По претерпении не наводнения, а чуть не потопа, не неприлично наведаться о друзьях своих, и скажи мне, мой вседражайший князь, где ты в то время был? Я всеусердно желаю, чтобы не коснулось ни тебя, ни домашних твоих, ни малейше сие злоключение, ни дому твоему, который только что в отделку к сему неожидаемому случаю приходил, и не сделало нового тебе убытка. Что до меня, то я, и дома будучи, все странствовал. У меня не вода и не огонь, да не знаю, что все глотает и сокрушает, и нигде ничто ни растет, ни зреет, ни спеет, ни собирается. Может быть, этому и быть надобно, чтобы чужое казалось лучше своего, и мы бы к своему не привязы-

вались; могло бы быть и то не худо, ежели бы физическое добро нас не оставляло.

Вестей отсюда хороших и ждать не надобно. Я две посылаю не весьма приятные: одну, что Гике голову отсекли, другую, что татары взбунтовались[1]. Причины прямые не известны, а следствия их скажут нам; однако же, на все готовым быть надобно, не знаю, есть ли только всегда к тому удобность и возможность. Обстоятельнее узнаете от графа Никиты Ивановича [Панин].

Порадуй меня, и скажи мне хотя словечко о себе, а некогда припомни и обо мне. Всей твоей дражайшей фамилии свидетельствую мое усердное почтение и пребуду с непреложным усердием и душевною преданностию всепокорным слугою

[граф *Румянцов*]

50

П.А.Румянцев — Павлу Петровичу

24 ноября 1777

Всемилостивейший Государь!

Ваше Императорское Высочество должны быть моих сердцевидцем, а потому и определите степень удовольствию моему, каково я ощущаю из всякого случая, где Вы меня находите способным и употребительным на Вашу услугу.

Произвождение офицерам полку Вашего, сходственно воле Вашей, Милостивейший Государь, я зделал исключительно маиоров, коих произвождение выше пределов моей власти. Лошади для полку Вашего Императорского Высочества готовы, и я ожидаю только удобнейшего времени и пути к их отправлению.

Что до окрестных обстоятельств, то они вообще предзнаменуют близкую войну[1], и я не осмеливаюсь решительно судить, что для нас полезнее: прямая война или непрестанное ополчение и бдение? Не дерзаю гадать по известному мне Вашему человеколюбию, что вы, Милостивейший Государь, сохранение подданных от кровопролития предпочтете всякому убытку, естли оное со славою и достоинством государства могло быть предъобережено; а прилежно молю Всевышнего, да удовлетворит он сему Вашего Императорского Высочества благоразумному к отечеству расположению; а в противном случае, и естли жребий военачальства на меня падет, то позвольте Ваше Императорское В[ысо]чество уповать на всемощное Ваше покровительство и благопризрение изнемогающему в силах,

но истинно ревнующему о добре и пользе отечества, повергающемуся к ногам Вашего Императорского Высочества во всеглубочайшем благоговении Вашего Императорского Высочества всенижайший раб

г[раф] *Р[умянцов]-З[адунайский]*

51

П.А.Румянцев — А.А.Безбородко

16 декабря 1778

Государь мой, Александр Андреевич!

Благодарю Вас наипризнательно за сделанные мне дружеские Вами примечания при учреждении Курского наместничества, весьма к сведению моему нужныя[1]. Вы, любезный друг, и больше меня одолжите, если подадите мне еще хотя некоторое понятие и о надобных к тому строениях, какая, каким образом, где расположены быть должны, примерно в других наместничествах заведенных, или уже где либо и совершившихся.

Я о политических делах судить могу, как слепой о красках, и по краткому описанию Вашему дел германских мне кажется, что важность покорительной и скромной поступи Венского двора, при сделанном от нашего ему представлении, есть издревле принятое у него правило при подобных случаях. Что до Версальского, то предложение им своих услуг делам нашим с Портою и наклонность его к стороне Австрийской, заставляет гадать о его старании к приведению дел наших с Портою в равную с германскими зависимость[2].

Пребывающий с истинным к Вам усердием и преданностию покорным слугой

[граф *Румянцов*]

P.S. Поздравляю Вас, любезный друг, с наступающим Новым годом, и желаю Вам в оном новых благополучий и самопомысльных удовольствий. Не вмените себе в отягощение моей просьбы, чтобы при сем случае комнатным обоего пола, мне знакомым и много доброхотствующим, пожелать в Новом Годе всякого благополучия, как и на письме.

52

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

[1778. С.-Петербург]

Бывши многие года в ваших повелениях, нельзя мне не знать, что Вы избираете уединение и жизнь деревенскую не ради выгод себе полезных, но чтобы удобнее в таком положении отправлять дела звания. Однако же есть всему толки и свое разумение, а потому и отзываются, будто требует долг и приличность бывать и в городе главном своей губернии. Не примите сих моих искренних уведомлений в другом виде, как что я пишу оные, любя Вас, любя Вашу славу и тронут будучи всегда тем, что до Вас касается. Не совет даю, а исполняю долг сердечно Вам преданного. Ради Бога, не предайте меня своим иногда сюда отзывом до сей материи, поелику угадают, кем слышанное Вам пересказано.

О чем я Вам пред сим писал, то еще и до ныне не выходит из-под спуду. Репрезентация для публики та же и непрерывна. Князь Г[ригорий] П[отемкин] не имеет против себя балансу. В действиях я не узнаю прежних правил, прежних мнений. Говорит Тасс: *в свете одно непостоянство всегда постоянно.* Заложение Херсона[1] весьма прославляется, хотят медали быть на память сего происшествия. Вещь обычная, что автор свое дело любит и возвышает. Чья губерния — тому на сей раз и вся слава. Во все века редко Бог производил человека столь универсального, каковым есть князь П[отемкин]: везде он и все он [...]

[Петр Завадовский]

53

А.А.Безбородко — П.А.Румянцеву

20 декабря 1781.[С.-Петербург]

Милостивый государь! Ваше сиятельство, по великодушию Вам сродному, не довольно, что возвели меня на степень, отверзшую мне путь к нынешнему моему состоянию, но продолжая особливое ко мне благоволение, принимали всегда милостивое участие во всем со мною случившемся после того времени, когда я вышел из безпосредственного Вашего руководства, а тем и сделали меня должником пред Вами неоплатным. В качестве сея моей обязанности не могу я умолчать без донесения Вашему сиятельству о новом знаке монаршей ко мне доверенности. Ея Императорское Величество бла-

говолила определить меня членом государственной Коллегии иностранных дел по секретной экспедиции, препоруча, сверх того, в мое главное и точное ведение почтовый департамент и оставляя меня при прежних должностях[1]. Возложение на меня сего нового служения тем для меня было ласкательнее, что Ея Величество неоднократно повторять изволила, что она меня присоединяет к министерству иностранного департамента с договором, дабы я отнюдь не отставал от дел внутренних государственных, в коих труды мои ей угодны. Естли упражнения мои и малые способности заслужили сие высочайшее уважение, то кому же я иному то отнести могу по справедливости, как не Вашему сиятельству, под которого мудрым управлением и наставлением конечно лучший свет заимствовать свойственно? Препоруча себя неотъемлемому покровительству Вашему, пребуду с безпредельным высокопочитанием и совершенною преданностию Вашего Сиятельства всепокорнейшим и всепослушнейшим слугою

Александр Безбородко

54

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

26 августа [1783. С.-Петербург]

Милостивый государь!

Объясняемые мысли в последнем письме Вашем доказывают проницание, которое обык я чтить. Правда, Милостивый государь, что и странное должно принимать, когда есть в том необходимость. Когда все предприятия удача или счастье венчает, в таком случае безмолвность есть то же, что благоразумие.

По всем известным обращениям дел, кажется, войны быть не может[1], ибо за чужое никто в оную не вдается, особливо что многим нужно лечить собственные раны, следственно, успехи радуют и превозносят людей. Ваше сиятельство в сих изъяснениях меня разумеете: равно считаю удостоверен и в том, что внутреннее во мне ощущение знает степень настоящих Ваших чувствований.

Александру Андреевичу [Безбородко] пожалованы деревни Киевского и Лубенского полковничеств, с прибавкою некоторых также песков.

Больше нет здесь нового, а по крайней мере достойного донесения или сведения Вашего. Мы еще в вассальство или покровительство приобрели края грузинские с царьком их[2]. Князь Гр[игорий] Алек[сандрович] не прежде ноября сюда ожидается, он хотел преж-

де прислать расписание армии для будущего времени и открыть наместничество свое.

Пребываю с нелицемерною и вечною преданностью Вашего сиятельства нижайшим слугою

Петр Завадовский

55

П.В.Завадовский — С.Р.Воронцову

6 августа [1785]. Екатеринодар

Благодетеля нашего фельдмаршала я видел в его Вишеньках. Рука повреждающей старости уже его касается; ничего приятного он не дознает, и в рассуждении уважения или дел он так, как бы не жил. Глядя на его состояние, какую лично на себя посылку сделать! Впрочем, бодрее он духом, нежели в лучшее свое время, даже до того, что говорит часто правду, несмотря на людей случайных [...]

[Петр Завадовский]

56

П.В.Завадовский — С.Р.Воронцову

16 сентября [1785]. Екатеринодар

Фельдмаршала вижу часто, ездя к нему. Он еще непохож на обыкновенных стариков; но против Румянцева он чувствительно изменился. В рассуждении заслуг и своей славы он бессмертен, а по своему теперешнему положению власно как бы он умер [...]

[Петр Завадовский]

57

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

[1785. С.-Петербург]

Медлительно уведомляю о той материи, которую положили на меня при моем выезде[1]. Сами знаете, что не всякий день здесь ко всему способен. Я имел случай по желанию говорить искренно с князем. Представил я ему без всякого закрытия, по моему разу-

мению, все неудовольствия, которые российский Сципион в дни последние своего века принужден сносить. Тронут он был сердечно справедливыми Вашими чувствами. В рассуждении неприятностей по губернии он изъяснялся, что никакого участия в том не имеет, и еще меня по многим случаям уверял, что он стоял крепко, удерживая уважение, которое к Вашей особе иметь должно. И сие по моему собственному удостоверению совсем справедливо. Когда же дошел разговор на военную часть, тут он признавался, что иное принужден был сделать, удостоверившись, что Вы от сих дел всеми образы уклонялись, а расписание последнее делалось по намерению, чтобы из легкой конницы составить в Новороссии лагерь к обозрению Государеву[2], то как он сам сей части и того края начальник, принято было и все те полки, что стоят в его команде, ему же подчинить к такому времени. Татарские дела в подобным сему виде в его распоряжение перешли. В продолжение разговора, который все вида казал чистосердечия, промолвил он и то, что он все знает, как Вы о нем отзывалися, ибо известно ему и говоренное Вами в Киеве с Репниным и Салтыковым при бывшем тогда движении войск. Я ему говорил, что не должно всему верить и полагаться на людей, которые часто тем находят, что в прислугу лгут и клевещут. Далее я говорил, что он, проезжая раз несколько Малороссию, никогда к Вам не заехал. Против сего он вымолвил, что как он лежал на смертном одре, Вы его не посетили. Я тут мог сказать, что сие было после, а не прежде его проезда. Наконец, когда склонилось изъяснение и на то, что личная правда может быть ощущаема и подозреваема, он с полною чувствительностию вызвался, *что он желает, чтобы собственные Ваши дети так Вас любили и почитали, как он Вас, любит, и почитает, и полагает, едучи в Новороссийскую губернию, заехать к Вам непременно и самолично о том изъясниться.* Об отъезде, однако ж, его ничего верного донести не могу, равно и шествии государыни, ибо я не более вижу как один лишь о сем разговор, хотя и расположение к тому весьма явно; но тамошний край, в рассуждении климата, действующий на всякое здоровье, составляет уважение. В продолжение весны и лета поставится сие на мере, а теперь, кажется, сие дело еще не прямо решенным. Если бы Вы на малое время сами могли приехать сюда, многое бы чрез присутствие Ваше отменилось; да и Вашего состояния человеку — редко посещать столицу (где отсутствие есть случай вящий к забытию человека), по моему разумению, прилично и нужно. Вас привыкли видеть во всегдашнем отдалении, то хотя иногда и поговаривают по слухам — Вы быть намерены, однако же сему и не верят больше [...]

[Петр Завадовский]

58

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

[1786—1787. С.-Петербург]

По пяти тысяч обоим сыновьям Вашим я уже перевел сходно на то Вашей воли. Писал ко мне также и Александр Андреевич [Безбородко] о расставании. Вы знаете цену всякой монеты. Я всегда думал и говорил, сколько ни прославили Вы отечество силою оружия, но еще трата для оного величайшая есть в том, когда Вы лишены способов во многие протекшие годы устроить и увеличить пользу воинства. Но дела света всегда имели и иметь будут превратное свое течение. Сколько видели, столько Вы их и знаете, чтобы судить и успокоиться.

[Петр Завадовский]

59

Записки Р.Каульбарса

Зимою1787-го года императрица Екатерина с громадною свитою прибыла в Киев[1], дабы пробыть здесь весь великий пост. После Пасхи она должна была продолжать свой дальнейший путь в Крым, а до приезда в Киев должна была по первоначальным планам переночевать у графа Румянцова в его Вишеньках. Это намерение было затем изменено, и императрица не ночевала у графа, а только обедала.

Для приема императрицы граф разукрасил весь дворец, обновил всю меблировку дворца и в короткое время отстроил все недостающее. Дядя мой [Каульбарс К.] с утра до поздней ночи лично распоряжался всем и сильно простудился. Простуда эта впоследствии перешла в подагру, очень мучившую его весь последний год его земной жизни.

На следующий день по отъезде императрицы граф последовал за нею в Киев, во 1-х, как главнокомандующий всеми войсками Южной России, а во 2-х, и как генерал-губернатор Киева, Чернигова и Новгород-Северского. Дядя и я находились в его свите.

При дворе и в доме графа Румянцова я познакомился со многими иностранцами, в том числе с австрийским посланником графом Кобенцель, английским — лордом Фиц-Герберт, французским — графом Сегюр, известным автором мемуаров [...]

Как племянник личного друга графа Румянцова, я везде был встречаем очень любезно.

Пехотными полками, занимавшими в то время в Киеве все караулы, были: Сибирский гренадерский и Ингерманландский [...] Эти два полка, из которых первый отличался своими рослыми и красивыми людьми, а второй — своею выправкою и церемониальным маршем на парадах, всячески соперничали друг с другом [...]

60

Записки Л.-Ф.Сегюра

[...] Фельдмаршал Румянцев, в качестве местного губернатора, принял государыню на границе губернии. Лицо этого маститого и знаменитого героя служило выражением его души; в нем видна была и скрытность, и гордость — признаки истинного достоинства; но в нем был оттенок грусти и недовольства, возбужденного преимуществами и огромным значением Потемкина. Соперничество во власти разъединяло этих двух военачальников: они шли, борясь между славою и милостью, и, как всегда почти бывает, восторжествовал тот, кто был любимец государыни.

Фельдмаршал не получал никаких средств для управления должностью; труды его подвизались медленно: солдаты его ходили в старой одежде, офицеры напрасно домогались повышений. Все милости, все поощрения падали на армию, над которою начальствовал первый министр [...]

61

Записки Р.Каульбарса

[...] Когда прошли Великий пост и Пасха, императрица на приготовленных для нее ладьях направилась по Днепру через Кременчук в город Херсон. В этой поездке ее сопровождал уже князь Потемкин как генерал-губернатор Екатеринославский и Таврический и командовавший войсками тамошнего корпуса. Ожидая отъезда императрицы из Киева, он жил в Печерском монастыре [...]

По отъезде императрицы граф Румянцов, все время проболевший и не оставлявший своего дома, покинул Киев и в сопровождении моего дяди отправился в свое имение Ташань, в 70-ти верстах от Киева [...]

62

Записки Л.-Ф.Сегюра

[...] Наконец 22 апреля императрица пустилась в путь на галере, в сопровождении великолепнейшей флотилии, которая когда-либо шла по широкой реке [...]

Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определенных местах выравнивались строем превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противуположность их щегольского вида с наружностью румянцовских солдат уже доказывала нам, что мы оставляем области этого маститого, знаменитого воина и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потемкина [...]

63

Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский пред последнею Турецкою войною. Начертание благодарного очевидца Н.Лесницкого, бывшего его питомца и секретаря

Предуведомление.

Предлагаю некоторые сказания о великом победоносном Полководце. Слава дел его гремела и блистала в свете, а редкие правила, привлекательность и особенная любезность его проницались не каждым; мое дело и долг сие изобразить.

Я не автор, и потому не следовал никакому примеру в расположении истории, но из памяти моей и сердечных чувств извлекая все мною виденное, слышанное и производимое, описывал я в том порядке и теми словами, коим в продолжение 17 лет служебного моего воспитания при нем, я имел счастие научиться. Может быть, слог мой или слова мои покажутся необыкновенными, но и тот, о ком речь идет, был выше обыкновенного.

Убедительно прошу и благодарен буду тому, кто скудость мыслей моих исправит, знав покойного Фельдмаршала лучше и быв более сведущ о всех обстоятельствах его жизни, нежели я. Меня одушевляли не виды сторонние, но одно усердие.

Сочинение сие разделено мною на двенадцать частей, или отделений:

1. Свойства сего великого мужа. 2. Его особенности. 3. Его занятия. 4. Его домоводство. 5. Его приуготовление к последней Турецкой войне. 6. Действия военные. 7. Отзыв от командования армией. 8. Пребывание в Молдавии. 9. Пребывание в Ташани, в Малой России. 10. Призыв к командованию армией. 11. Кончина. 12. Анекдоты.

Отделение первое

Свойства Героя Задунайского

Великий дух великого мужа сего во всякое время призывал его к пользам отечественным, паче собственной славы. Любовь к природному государю была господствующею в его душе, а в особенности он любил жизнь мирную гражданина в состоянии не блистательном, любил провождать время в сообществе друзей и соседей, был ж призываем на защиту отечества, стремился со всею готовностию и отыскивал способы в искусстве, опытах и усердии*. Оставался ли при одном гражданском управлении — кратко сказать: был отцом семейства. Был ли отчужден от того и другого — был друг человечества, в какой бы стране и народе его ни поселила внезапность.

Повсюду одушевляли его желания общей пользы: повсюду молился он о благе Отечества и Самодержавной власти: как при берегах Дуная, так и при берегах Десны и Жижи.

Начальство его всегда сопровождали: основательность в распоряжениях, точность в определениях, дальновидность в предположениях и гадательная верность в соображениях. Сии сопутники всех славных дел его, повсюду были подчиненным надеждою, ободрением, а для врагов отечества ужасом.

К старшинству и заслугам имел он отличное уважение**.

---

* В одном предписании своем генералу графу Эльмпту 1787 года, при внезапности последней с турками войны, когда тот затруднялся, Румянцев отвечал так: «Теперь нам должно браться за те средства, кои суть в возможности нашей и все тут употреблять, что только усердие и каждой из нас, по его лучшему разумению, делать должен и может» (здесь и далее в № 63 примечания Н.Лесницкого).

** И в военное время он отличал старшинство в предписаниях своих, например: ордер г. генералу-аншефу и кавалеру графу Ивану Петровичу Салтыкову или князю Александру Александровичу Прозоровскому; младших же полных генералов в письменных повелениях он называл по одной фамилии; в мирное же время ко всем подчиненным такового чина писал не ордерами, а сообщениями.

В генеральных правилах, кои всегда учреждал он основанием в каждом течении дел, каждый чин уполномочен был к деятельности, и тем уважена была всякая подчиненность*.

Должности службы каждого чина или звания и в самых меньших из подчиненных ведал столь же подробно, как и свою обширную, во всех обстоятельствах. Подробности в соображениях, обдуманность, осторожность не могли быть ему в тягость. Его правило: *предосторожность нигде нас не отягощает*; он упреждал все то, что нарушает порядок и предварительно действовал, не допуская до расстройства. Одною рукою метал гром на сопротивляющегося неприятеля, а другою осенял соотечественников своих. Доверенность приобретал везде. Побежденные его благословляли, единоземцы любили, как отца.

Продовольствие и снабжение войск, как важнейшая статья в управлении Главнокомандующего, были особенным его искусством. Казну и пользу оной хранил он и наблюдал с предосторожностию и расчетами, ему одному возможными.

В заготовлениях потребностей продовольствия не потерял нигде удобного времени, и при недостатке денег был в равной возможности, как и с деньгами**.

В войне имел попечение и о продовольствии самих офицеров.

С начальством соединял он уважение к подчиненным; как в войске, так вообще и в гражданском управлении удерживал всемерно правила общежития.

В жизни домашней хранил гостеприимство; обхождение его со всеми и со всяким одушевляла ласковость; но сколько утешался посещениями, столько отягощался поклонами. Дворянство любил и всегда поддерживал. Имя: дворянин, офицер важно было в глазах и устах его. К сему последнему званию привязанность и уважение до того были сильны, что он сам всегда носил простой офицерской, большею частию пехотный, мундир, где только требовалось присутствие его.

---

* Одно предписание его графу Каменскому, бывшему, впоследствии генерал-фельдмаршалом, имело начало в сих словах: «Хотя я весьма в том уверен, что Ваше Превосходительство найдете всякой раз в Ваших превосходных качествах военных и в большом искусстве способы и образ к уничтожению всех злых видов неприятельских и на пособствие славы оружия Ея И-го В-ва: то однако же и в единое доказательство моего признания к доверенности, что Вы во мне полагаете, я хочу наиохотнейше удовлетворить Вашему желанию» и пр.

** Доказательством тому есть бывший неурожай хлеба 1787 года и недостаток в потребных суммах, кои сколько ни представляли неудобств к заложению магазеинов в бывшей Польше к наступающей тогда 788 года кампании; но Румянцев все успел совершить в пользу казны, войск и жителей.

В собраниях не проходил никого, чтобы не удостоить разговорам; беседовал ли он, повелевал ли, спрашивал ли кого, уста его каждое слово сопровождали приятностью. С кем говорил в особенности, к тому подходил, глядел прямо в глаза, своих никогда не потуплял, и простирал речь со светлым, открытым лицом и устами, оживленными непритворною, всегдашнею улыбкою.

Если же разговор его касался общей материи, то всякой из присутствующих приобретал нечто и к нему обращающееся. Речь его была ясна и вразумительна; властолюбие не причастно было его правилам. Косноязычие, или скудное слово никогда не истощали его терпения, он благосклонно внимал причины и от недостатка телесного не отвращался. Самая внезапность вины такого человека, коего происхождение или репутация уже известна, не отчуждала участия его сердца. Он не устранялся ни от каких людей, кроме доказавших явную остуду к чести.

В своей земле большой при себе свиты никогда не терпел, караулов не имел — и везде в хижине поселянина жил покойнее, нежели в каменных палатах. В дороге большие домы обыкновенно проезжал мимо. Доступ к нему был всякому свободен, потому что он сам всякого прежде находил, по крайности глазами; окна кабинета его всегда были зеркалом, в которое видел он всех приходящих и проходящих; часто он появлялся там, где вовсе его не ожидали. Всякой, кто имел на имя его пакет или просьбу, сам должен был вручить ему лично. Секретари принимали только в случае болезни его. С самим Фельдмаршалом скорее и надежнее говорить было можно, нежели с его секретарем, потому что всем известно было, что от него самого, а не от кого-либо все зависело — как в здоровье его, так и в болезни. Воли его никто преступить не имел и воля его не означалась иначе, как общим, частным и личным добром.

В отправлении дел поспешность, без торопливости для исполнителей, сопровождала все упражнения его до самой кончины. Для обыкновенных дел службы было у него положенное время, а для чрезвычайных — всегдашняя готовность. Быстрейший имел бег мыслей, и величайший дар слова. Если приказывал писать что-либо, то всегда почти сказывал три раза содержание письма и всякой раз одно другого превосходнее, а сам писал скорее и отборнее. Зрение и память имел удивительные; в поздних летах уже — ни очков, ни стекла не употреблял. Сам читал все получаемые и подносимые дела, и никогда никто оных пред ним чтением не докладывал; читал же он одним взглядом не строки, но периоды — и целые страницы; и вдруг содержание их и резолюцию на то сказывал или своей рукой надписывал.

В то же время, когда на подносимых ему делах рука начертывала его имя, глаза поверяли подписываемое и мгновенно ставил знаки, одно переправлял, а о другом приказывал.

Для дел особенно не уединялся; при множестве оных, суеты никогда не было приметно; всему держался свой порядок.

Все, что содержало основание каких-либо правил, или действий, а наипаче военных, то начертывала рука самого Военачальника, такие по большой части и писания к друзьям и родным. Все, что подлежало обыкновенному течению дел, было на ответственности секретаря, но и в сих случаях не редко он сам занимался. Весьма часто случалось, что скажет: попросите N.N. (чтобы приказать написать) и покуда тот придет, он уже своею рукою напишет.

Писал весьма связно; охотно изъяснял, если чего секретарь не прочел, но диктовать никогда не любил.

Иногда, приказывая переменить содержание которого-либо из подносимых отпуска, тут же на нем то самое и писал, и также скоро, как говорил.

Законы отечественные все проходил и помнил их совершенно. Малороссийское же право читал всегда на польском языке. Обыкновенно говорил он: *я мало понимаю законы, но весьма твердо знаю мой долг.* Если секретарь не отыскивал чего-либо во множестве законов в несколько суток, он в одну минуту разрешал то своим мнением, которое общему закону, конечно, было согласно.

Знал все фамилии дворянские в России, Лифляндии, Малороссии, Польше и пр., всех генералов знатных служб и отличных офицеров, пашей турецких, знатнейшее купечество, превосходных художников и всех сих помнил происхождение, а первых даже связи, родство и пр. Кого в первый раз в жизни видел, тот весьма часто был коротко ему знаком по отце или по какому-либо случаю: часто не спрашивая, но взглянув только на лицо, он говорил: скажите, не сын ли вы, или не брат ли Вы такого-то; или спросив о фамилии, рассказывал ему его отличия или примечания, достойные происшествия, которые случились с сим человеком.

К старым сослуживцам своим расположен был до последних дней; любил их чистосердечно и обходился с ними столь же дружественно, как и во время прежней службы*.

Всех важных духовных и ученых имел в отличном почтении и даже средних людей в сем звании; соседей своих и детей их, про-

---

* Его дежурные Прусской войны: 1-й — князь Италийский граф Суворов-Рымникский, который иначе не воспоминал о графе Румянцеве, как: ему равного нет, на мне его 1-й патент! и пр.; 2-й — князь Платон Степанович Мещерской — особа примерная в бескорыстии и деятельности; особливо князь Александр Александрович Прозоровский.

стой народ и крестьян своих многих знал по именам. При случае спрашивал, рассказывал или разговаривал с ними и об них.

Всякой новой год начинал добрыми пожеланиями, как друзьям, родным и соседям, так вельможам и духовным знатным*. Благосостояние каждого, а особенно друзей и родных всегда его занимало, потеря же их душу его тяготила скорбию**.

Он имел особенный дар взаимности в чувствах, а узнавать людей и того более.

Никогда не притворялся, удовлетворяя сану по мере обязанности его. Всегда всякому с самого начала показывал себя в истинных своих качествах и свойствах.

Всякой входивший в знакомство его, покровительство, начальство, принадлежность, всякой входивший в дом его, видел его во всей ясности.

Равновесие удерживал он во всех; один другому не мешал, и на место утвержденное или принадлежащее одному никогда другой внезапно не выискивался. Как в поместьи его, так в поле, в службе, в доме, в беседе, за столом, ни кто не мог предопределить себе более надлежащего, и ни кто того не лишался без вины, или особенной неосторожности. Обхождение его или поступь начертывали меру поведению каждого; невозможно было ни покуситься на фамилиярность, ни уничижиться робостию. Не поселяв оной ни в ком, кроме врагов отечества и тишины, он имел к робости отвращение, а истинное честолюбие благородных душ было средством приобретать и удерживать его внимание или сообщество. В образовании способностей молодого человека на службу был не подражаем; развязанность благородную, скромностью управляемую, ободряя; расторопностию в исполнении был особенно доволен. Добрую волю предпочитал всему; всякому принуждению неприятельствовал и теми, кого принуждать надлежало, отягощался***.

Во всех родах изъяснений на словах и письменно изображал мысли свои самым убедительнейшим образом.

---

* Из духовных особ в старинной дружбе с ним был известный Феоктист Мочульский, епископ Белоградский.

** Кончина графини Катерины Михайловны, супруги покойного, кончина графа Петра Борисовича Шереметева, Катерины Александровны Леонтьевой, графини Прасковьи Александровны и графа Якова Александровича Брюса, родных его, стоила ему пролития многих слез и печальных воспоминаний.

*** Доказательством послужит лифляндский дворянин, отставной полковник Сиверс, который по доброй воле в последнюю турецкую войну служа отлично в передовых войсках, после кампании всегда отъезжал в дом, а по открытии оной являлся снова на ратное поле с храбростию своею и признательностию.

В писании изъяснялся лаконически, в словах держал выбор, имел много самоизобретенных, и в разговоре, по какой бы причине ни происходил оный, не употреблял тех, коих написать нельзя. Повторениями во всяком роде и смысле отягощался.

Подчиненность удерживал в наилестнейшем виде. Начальник и подчиненный представлялись в нем в неразрывной связи и каждый в своем качестве.

Неизбежность слабостей человеческих и жалобы удовлетворялись, не взирая на лица, но без оглашения.

Самые взыскания с подчиненности были исполнены уважения и осторожности, могли быть громки, убедительны, но не были никогда обидны, и в том еще соображался он со свойствами подвергшегося и умерял себя, в личности и по состоянию. Один вздох чистого сердца или равнодушный вид истинны восстановляли его доверенность.

Вздох сей, вид раскаяния или твердой справедливости мгновенно отглашался в душе его спокойствием; глаза утешительно блистали и речь текла наилестнейшая.

Видя непорядок, упущение или ошибку, великодушно снисходил. Если сам тот, до кого сие коснулось, благовременно оные объяснял, тогда выслушивал все терпеливо; ибо недоразумениям снисходил, поколику обладал способами исправлять, и никогда не упрекал; но если кому замечания за непорядок свой надлежало слушать от него, тому оправдаться было трудно, а возражать и вовсе невозможно, потому что он вещи обнимал и обсуживал превыше всякого; велеречию его нет подражания. Каждому слову во всяком разговоре давал он силу, ему одному свойственную. Если бывал грозен, то, конечно, не суров и не угрюм, и сей мрак никогда не затмевал светлого лица его. Когда-либо чей беспорядок возвышал голос его на лицо виновного, то прочие находились в удивлении подобострастном, ибо в обществе ни одна поступь, ни одно движение, оборот или речь его не были таковы, где бы не показался он превосходным и в приличности неподражаемым. Всегда имел присутствие духа, и поздние лета ни живости взоров, ни силы мыслей, ни произношения, ни слов, ни чувств его нисколько не переменили, был всегда весел и дар сей небесный вдыхал во всех, принадлежащих ему. Из числа их скорее можно было видеть раскаявающегося, нежели предававшегося кичливости, никто не смел встретить кого-либо постороннего с наморщенным челом, а еще того меньше — нагрубить.

Если же грубость доходила до слуха его, тону не было места при нем. Благоприятность была главною его добродетелию, а вежливость его подчиненных была непременным его правилом и волею.

Тайну в отправлении дел строго наблюдал; но никто не изнурялся суровою неизвестностию, ежели ожидал чего, ибо присутствие его внушало сладкое упование.

Правилом имел удовлетворить каждого, но невозможность требуемого от него, или истинные причины своего несогласия, умел каждому представить очевидными, в приятнейшем смысле, и следственно никого не огорчал; но ежели случалось кому быть в досаде на него, то, конечно, тот был сам в том виновен. Обещаний уклонялся, упреждая их самим делом; если же что обещал, то не свыше возможностей своих и слово всегда держал твердо; напоминать ему не надлежало.

Читал в глазах каждого желания его; проникал в нужды или скорбь, и упредительно ободрял каждого благотворным образом, и надежду в словах или во взорах своих подавал. Если в продолжении речи его хранилось что-нибудь непроницаемое; то мгновенно объяснял в самых лестных выражениях. Не щадил возможности оказывать милость, и неблагодарных никогда не укорял. Имя неблагодарного делал недостойным уст своих: не говорил об них, оставляя забвенным в великой душе своей сей порок непростительный. В ком был уверен, того ничто не превозмогало, и хотя бы тот находился в отсутствии, но оно было надежнее, нежели предстояние иных. Располагал к приязни всех и каждого, а друзей избирал по опытам*.

Нежен был в его свойствах и в неге содержал тех, коих удостоил быть избранными своими. Предохраняя их во всяком смысле от всяких неудовольствий.

Кто превзошел меру его терпения, тот еще мог найти в нем приветливость; но доспеть доверенности предстоял великий труд и невозможность.

---

* Известный из ближайших его друзей был один граф Петр Васильевич Завадовский. Кротость и чувствительность души графа Петра Васильевича Завадовского были драгоценным залогом в дружбе покойного Фельдмаршала: всякой раз если кто из своих возвращаясь из С.-Петербурга не привез к нему от графа П[етра] В[асильевича] письма, то было причиной его заботливости. Он беспрестанно спрашивал: как это могло случиться? Речь его о графе П[етре] В[асильевиче] всегда заключала что-либо особенно утвердительное. Например: *он в дружбе никогда нигде не был причиною несогласия*, и пр. Во взаимную доверенность их никто влияния не имел. По кончине графини Марьи Андреевны Румянцевой, родительницы покойного Фельдмаршала, граф П[етр] В[асильевич] живейшее принял участие и прислал к нему нарочного (из молодых графов ни один не был тогда в С.-Петербурге). Получа печальное сие известие великий муж прослезился и в собрании сказал: *прискорбна душа моя до смерти, теперь я вижу, что у меня ни родных, ни друзей, кроме П[етра] В[асильевича], нет.*

Был врагом ласкательств. Одолжался самыми малыми услугами для того, что в больших не имел необходимости.

Ни чем не нуждался, ни к чему не привязывался, если мог без чего обойтися.

Если кого нужды или причины отвлекали от службы, то истощал убеждения предлежащей чести, пользы, славы, но впрочем желаниям каждого споспешествовал, и никогда не затруднялся деятельностию в предлежащем.

В речь свою заслуг своих никогда не включал; тщеславием и мечтанием гнушался. В разговорах употреблял нередко: «По моему простому рассуждению».

Случай говорить с ним, мог иметь простой человек так же, как и почетный.

Путей посторонних к себе никаких не позволял, и их не было известно: всякому уловлению себя противопоставлял, если не словами, то делом или поступью; всегда был один и тот же, и вообще никогда не переменялся. Не от него, а от личности чьей либо зависело, прямою стезею, по его строгим правилам, видеть от него во всем благо; но неопределенною, неизвестною стезею напрасно было бы приступить к нему.

Не всегда обо всем спрашивал, и следственно не всегда на все отвечать имел причину.

Остроту ума, мыслей, умственную игру слов никогда не отвергал, и в самых простых сказаниях; но низких шуток и балагуров сего рода не терпел.

В присутствии его не было места ни от кого и ни о ком худому слову, которого ни на чье лицо и сам никогда не держал. Пороку и порочным не потворствовал, но только касался в генеральной материи так, что тот, кто был виновен, один видел себя, как в зеркале, и был в совести своей самому себе судья, но от общего предосуждения всегда предохраняем.

Перенощиков к себе не допускал; однако же все знал, где как живут, и что делают.

Приедет ли кто-либо из команды, или случиться что со своим домашним*, он его спрашивает, а сам ему пересказывает.

Утешался спокойствием и тишиною, но распри в подчиненных тяготили его и однако же не выходили от него далее; лишь узнавал, мгновенно все покрывалось тишиною; но где доходило до взыска-

* Почитавшиеся домашними его были: покойный генерал-поручик фон Кауль Барс [Каульбарс К.], нынешний генерал от инфантерии Римской-Корсаков, генерал-лейтенант князь Дашков, генерал-поручик князь Иван Иванович Прозоровский, генерал-майор Михаил Васильевич Гудович и пр.

ний, там был строг; в штрафах же и наказаниях осторожен и человеколюбив, и в зависящих от него делах искал только случая облегчить, или простить.

Сие последнее приводил он обыкновенно к высокоторжественным дням, дабы милость монаршая всечастно отдавалась в сердцах верноподданных. Облегчал по роду преступления, и виновного всегда находил, где раскрытие истины оправдать должно невинного.

Не допускал себя быть обманутым, но удивительное имел терпение ко всем покушениям. Приметя порок, не отчуждал от себя человека, по настоящей причине; всегда предварял признаками в обхождении, стоило выразуметь, удалиться, и время все исправляло. Так обходился сей великий муж! Никогда, ни кому, и даже отяготившему уже пороком свое поведение, он сам собою не хотел быть в тягость; по писанию: *да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати, косен во гневе** . Если же кто упорным присутствием, или и в покушениях превзойдя уже всякое ожидание, вынуждал у него решительность, то расставался с ним прямо, но все не по настоящей причине. Великодушие неподражаемое! Он того уже никогда к себе не приближал, но не делал его неудобным найти свое счастие инде, и никогда о нем с худой стороны не вспоминал, ни возражал, слыша пред собою о таковом похвалы, а по времени и в помощи не отказывал.

Труд, бдение и вежливость подчиненного, единые были средства обратить к себе благоволение его, кроме подвигов войны. Просьбы ни личные, ни участвующих не действовали на него. В войне уважал в полной мере рекомендацию начальников, воздаяние же чинам принадлежащим им, и выбор их всегда предоставлял себе. Терпение награждал, как подвиг; добросердечие и откровенность в людях покровительствовал. В жалобах всякого рода всегда проникал прямую обиду или привычку жаловаться, но чем более кто таил утеснение, тем подробнее он ведал то, и неприметно защищением ограждал. Ум уважал во всяком состоянии и положении человека: талантам, особливо военным, отдавал справедливость, наипаче в поле, в офицерах, и таких, кои по стечению обстоятельств были в закоснении.

Одушевлять к подвигам, а паче военным, был единственный начальник** . Следственно, усиливал деятельность и в малых способах

---

* Соборное послание Св. Апостола Иакова, гл. 1, ст. 19.

** Одна реляция его о полковнике (бывшем наконец генерале от инфантерии) Александре Михайловиче Римском-Корсакове, по сражении при Берладе 1789 года, содержала следующее: «И хотя сей достойный офицер своим храбрым отпором и отогнанием неприятеля, всеми образами мой в нем сделанный выбор, так как и свое горячее усердие к В.И.В. военной службе, в которой он,

и силах, которых он никогда не уравнивал с неприятельскими. Получив пленных или трофеи с поля сражения и писав партикулярно к генералу, не забывал и отличившегося офицера: «Моему храброму Рогову, моему храброму Мешкову поклон!»*.

А внимание полководца и ободрение есть сильная причина воскипению ревности; реются и побеждают! По сим правилам, нередко работал у него один вместо многих.

Упражнения на пользу службы или общественную, во всяком положении, обращали на себя его признательность. Образ мыслей и намерения его содержали вообще пользу государственную и народную; препоны в сем огорчали его.

Если зависть производила ему противных, то сии, противополагаясь ему поведением в делах, не таили в душе своей, его превосходства над ними; иной без него, а другой без примеров его обойтись не могли. Он во всех трудных и расстроенных делах, другим невозможных, преодолениями властвовал. В искусных руках его все возблистало! От силы зависти он устранялся равнодушно. Связи были для него нечто неизвестное. Пышность ненавидел, от шуму и жизни городской удалялся, но углублялся в задумчивость. Нигде не одолевался скукою, речь прекращал только тогда, когда наедине занимался чтением. В образе жизни был умерен, выбор в одеянии входил в совершенство того вкуса, которой имел он во всем и вообще. Чистоту и бережливость одобрял. Ссужал многих, и долгов не имел. Никому не подражал и ни от кого не заимствовал; во всем имел свои правила.

Никогда не божился; и если что утверждал, то говорил: *точно, было так;* или: *как честный человек,* и *аминь.*

Великодушен, чувствителен, сострадателен, справедлив, бескорыстен, тверд. Во все течение его жизни, душа его была исполнена верою. Все христианские вероисповедания и духовенство он уважал, но отличал особенною преданностию православную веру и духовенство грекороссийской церкви.

Словом — был Христианин, Вельможа и Простой Дворянин. Полководец и Гражданин, Победитель и Покровитель; Законоведец и Земледелец, Воин и Философ, Начальник и Отец, Отец и Друг!

будучи из Киева уволен на 2 года, из 1-х поспешил, оправдает, но и моим долгом есть пред В.И.В. засвидетельствовать и ему В.И.В. Всевысочайшего благоволения всенижайше испросить» и пр.

* Мешков ныне полковник в войске Донском. Его подвиг 178[8] года при Гангуре: поразил сына ханского и силу его, взял несколько знамен, и от героя Задунайского с лестнейшею хвалою украшается военным орденом, тоже и бывший походный атаман при Украинской армии Н.Кульбаков.

64

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

6 сентября [1787. С.-Петербург]

Мы пугали турок, они готовились — и нам нечаянно войну объявили[1]. Император [Иосиф II] за нас противу их, наверно, воевать станет. Происшествие сие здесь никого не потревожило. Соделанные успехи орудием, в Ваших руках бывшим, подкрепляют надежду. Участие чужих дворов еще теперь закрыто, разве в течение его узнаем. Всякая война ненадежна, но обороняться есть необходимость, а оная приключилась в голодный год.

Наветы с достоинствами всегда неразлучны. Ежели есть злословящие, то напротив вся Россия — проповедник Ваших добродетелей и заслуг.

Общее желание, чтоб Господь укрепил Ваши силы в этом нужном случае для отечественного блага. Не судите по первым видам; на дух и в руки Ваши все обратится.

Трудно потянуться сей войне надолго; она же и начата, против воли миролюбивого султана, горячими головами министерства, которыми первую неудачу они заплатят. Турки никак не думают, чтобы объявление войны нам, принудило объявить им оную императора, а сей союзник с великим жаром и усердием восстает за нас. Многие сомневаются в такой помощи, которую с первого раза видим. При первом известии о войне Ея Величество, собрав совет, изволила присутствовать в оном и сверх прежних членов указала быть в оном г[рафу] Брюсу [Я.А.], Н.[И].Салтыкову, г[рафу] Пушкину [Мусин-Пушкин В.П.], [А].П.Шувалову, Воронцову [А.Р.], Стрекалову [С.Ф.] и мне. Итак, совет многолюдный, а все дела лягут на фельдмаршалов[2]. Боже, даруй всем Вам крепость к новой славе. Осмеливаюсь просить об отсылке вложенных тут писем. Пребываю с вечною преданностью Вашего сиятельства нижайший слуга

Петр Завадовский

65

П.А.Румянцев — Д.М.Голицыну

3 января 1788

Ежели война по многим причинам или вообще не между приятными обстоятельствами полагаема быть должна, то доставляет она

однако ж иногда нам и большие удовольствия. В сем положении нахожусь я со стороны непосредственной переписки с В[ашим] С[иятельством] и того вещественного пособия, коего я от Вашего благотворительного ко мне расположения ожидать всю надежду имею. И В[аше] С[иятельство] воззрите уверительно на смелость, которую я беру Вас беспокоить моею просьбою со свойственным Вам снисхождением, и припишите ее той доверенности, к каковой моя всегдашняя к Вам преданность и искренность некоторое право дают, и она состоит о двух колясках, кои я В[аше] С[иятельство] нижайше прошу заказать сделать и через Львов или Броды ко мне доставить. Первая из них должна быть для моего собственного употребления по роду, какие употребляют тамошние генералы в кампаниях. Она может быть и карета, ежели они употребляются.

При сем желал бы я иметь бюро для писем и бумаг с чернильницею и песочницею и с нужным для сего приборам вообще и для вещей, кои получше с надежным замком. Кровать, сундук для нужного платья и белья и все что принадлежит к военному туалету и в магазинах внизу или с боков два штофа больших для воды и вина, два меньших для водки и места для ружья и пистолета были. Другая, где бы могли ехать нужные люди, т.е. повар и егерь, один или два служителя, и там бы находился на 12 особ легкий походный серебряный сервиз гладкой работы, и коего суповые чаши были б род котла со всеми приборами столовыми в серебре и стекле и вся посуда поваренная, соразмерно тому и чайный прибор с 12 чашками, и все бы то в двух или трех сундуках, сколько можно уютно и по походному, ежели можно, одне вещи в другая вложены были. К тем обеим коляскам должна быть сделана и вся надобная упряжь тоже с прибором и на кучера и форейтора платье из голубого цвета с оранжевым по манеру, какие там употребляются. А деньги, которые В[аше] С[иятельство] на то употребить изволите, по первому от Вас повелении в Петербурге, Москве, Львове и Бродах, где укажите, тотчас с благодарностию внесены будут.

66

Записки Р.Каульбарса

[...] Здесь в Парафеевке я и провел февраль и март месяцы 1788 г. вплоть до отъезда фельдмаршала к его армии, стоявшей в Польше на р. Днестре и подготовленной к походу в Молдавию. Во время моего пребывания в Парафеевке я должен был переписать начисто несколько французских писем графа, который, как извест-

но, писал крайне неразборчиво. В результате я часто бывал в большом затруднении — как понять те или иные написанные графом слова. Он, кроме того, любил писать еще и неясно, а очень часто и совсем двусмысленно, так что я по несколько раз переписывал эти письма, сначала разобрав их с помощью или генерал-лейтенанта князя Волконского, или графа Капуани, который вместе с князем Прозоровским [И.И.] состоял в то время при графе и был более или менее знаком с его своеобразным почерком [...]

67

Записки Л.Н.Энгельгардта

[...] Украинская армия образовалась таким образом: корпус, состоящий из 12 батальонов, 12 эскадронов, 30 орудий полевой артиллерии и одного казачьего Донского полка, под командою генерала графа Салтыкова [И.П.] в соединении с австрийским корпусом под командою принца Кобургского [Саксен-Кобург] должен был осадить Хотин.

Главному корпусу назначено было рандеву Подольской губернии при местечке Мурахве (в сей корпус Сибирский полк был назначен). Оный корпус состоял из 17 батальонов, 10 эскадронов кирасир, 18 карабинер, одного Донского казачьего полка и 30 орудий полевой артиллерии.

Корпус генерала Эльмпта, состоявший из 12 батальонов, 12 эскадронов, двух Донских казачьих полков и 30 орудий полевой артиллерии, должен был перейдти через Днестр и делать поиски над неприятелем.

Резервный корпус под командою генерала Каменского [М.Ф.] состоял из 12 батальонов, 12 эскадронов, одного полка Донских казаков и 20 орудий полевой артиллерии.

Вся армия, ежели была бы в комплекте, состояла бы из 50 000; но на лицо, конечно, не превосходила 30 000 человек.

Как в Украинской армии не было регулярных легких войск, то фельдмаршал испросил позволение у императрицы преобразовать четыре полка карабинер и назвал их легкоездными. У фельдмаршала с князем Потемкиным был спор в наименовании войск; сперва именовали их легкою кавалерией, а светлейший князь назвал легкою конницею; граф назвал своих легкоездными. Когда светлейший князь впоследствии принял в командование обе армии, назвал их конными егерями, хотя лошади и вооружение оставались те же самые.

Екатеринославская армия числом гораздо была превосходнее и двинулась к Очакову[1]. Притом под непосредственным распоряжением светлейшего князя состоял Черноморский флот и гребная флотилия. Всеми морскими силами управлял вице-адмирал Н.С.Мордвинов, флотом начальствовал контр-адмирал [Ф.Ф.]Ушаков, имея под собой известного Поль-Джонса, прославившегося в американской войне. Флотилией командовал принц Нассау.

Собравшейся Украинской армии главный корпус получил повеление идти к Могилеву, что на Днестре[2]. По прибытии туда, на другой день и фельдмаршал прибыл с главною квартирою. Генерал-поручик кн[язь] Г.С.Волконский вступил в командование корпусом. Всею артиллерией армии командовал артиллерии генерал-майор И.М.Толстой, инженерами бригадир [Г].Ф.Кнорринг. Генерал-квартермистром был Н.М.Бердяев, при нем генерал-квартермистры-лейтенанты: бригадир Медер и полковник Филиппи. Дежурным генералом фельдмаршал избрал генерал-майора А.Я.Леонидова. В корпусе командовали: кавалериею генерал-майор В.[К].Энгельгардт пехотою генерал-майоры гр[аф] Меллин и Мельгунов, авангардом генерал-майор Ласси.

На другой день по прибытии, фельдмаршал приказал войскам быть во фрунте без ружья, и сам со всеми генералами прибыл к корпусу; все были при появлении его в восхищении; ни одного не оставил он штаб-офицера, которому бы не оказал что-нибудь приятное. Как скоро сказал солдатам: «Здравствуйте, ребята!», все почти в голос закричали: «Здравствуй, наш батюшка, граф Петр Александрович!». Старые солдаты говорили: «Насилу мы тебя, нашего отца, увидели». Поседелый унтер-офицер, обвешанный медалями, сказал фельдмаршалу: «Вот уже, батюшка, в третью войну иду с тобою». — «Ну, друг мой, — отвечал граф, — в четвертый раз мы вместе с тобой уже воевать не будем». Объехав все полки, исполненные радостию его присутствием, отъехал он в главную свою квартиру, в Могилев.

Авангард, состоящий из пяти батальонов, шести эскадронов и Донского полка Грекова, переправился чрез Днестр, а в то время наводили понтонный мост.

Как скоро мост был готов, весь корпус переправился и занял высоты: пехота в две линии, кавалерия в третьей, а главная квартира за оною. Гренадерские полки, как-то: Сибирский на правом фланге, 1-й и 2-й батальоны в первой линии, а 3-й и 4-й во второй на левом фланге был Малороссийский гренадерский, в котором фельдмаршал был шефом. Первыми двумя батальонами в лагере начальствовал сам полковник, а как подполковник откомандирован был для командования сводным гренадерским батальоном в авангард, то,

как старший по нем в лагере, 3-м и 4-м батальонами полка командовал я; как же скоро корпус двигался, то полк соединялся вместе.

На другой день выступил корпус в поход. Пред выступлением, когда лагерь был снят, полки выстроились, знамена были развернуты. Фельдмаршал проезжал мимо фланга командуемых мною батальонов; я сделал ему на караул и поскакал к нему на встречу. Но представьте мой ужас! Фельдмаршал на меня кричал самым страшным голосом; вид его представлял, чего вообразить невозможно: ноздри раздувались, глаза яростно сверкали. Как скоро я услышал этот голос и увидел страшный его вид, то так оробел, что не слыхал ни одного его слова. Дежурный генерал, подскакав ко мне, приказал командовать: «На плечо!» Я едва мог выговорить. После чего опять подъехал он ко мне и спрашивал от имени фельдмаршала: «Как я осмелился отдать ему честь!» Я отвечал, что считал то долгом. Но он мне сказал: «Вчера был отдан приказ, что когда фельдмаршал будет проезжать мимо полков или караулов, никогда бы не отдавали ему чести». Я отвечал, что приказа сего не слыхал. Когда дежурный генерал донес о сказанном мною, фельдмаршал поехал к 1-й линии, где мой полковник тоже сделал ему на караул. Фельдмаршал делал таковое же взыскание; но как полковник отвечал, что приказа того не слыхал, то фельдмаршал, обратясь к князю Волконскому, сказал: «Князь Григорий Семенович, я Вам приказал?» На что тот отвечал, что и он приказал. Но полковник утвердительно донес графу, что в Сибирском полку сей приказ не объявлен. Фельдмаршал приказал дежурному генералу объехать все полки и спросить, в которых полках объявлено сие приказание? Между тем весь корпус стоял в ружье. Дежурный генерал, справясь, донес, что ни в одном полку не было того объявлено. Тогда фельдмаршал с великим гневом сказал Волконскому: «Господин генерал! Ежели Вы вперед забудете исполнить мое приказание, я Вас поставлю перед взвод гренадер с заряженными ружьями, а теперь поезжайте к господину майору Энгельгардту и скажите ему, что он исполнил свою должность, что я его благодарю, и что выговор, сделанный ему, к вам относится». Хотя Его Сиятельство и подъезжал ко мне, но приказанное фельдмаршалом мне оказать не объявил; однако ж мое удовлетворение всем стало известно, ибо главнокомандующий был окружен всеми генералами и всем штабом, к главной квартире принадлежащим.

Порядок марша каждого перехода был таков: за авангардом шли всегда наряженные на завтрашний день в караул, т.е. все пехотные пикеты с шанцовым инструментом; все отъезжие пикеты кавалерийские с дежурными штаб-офицерами, с генерал-квартермистром

и квартермистрами отправлялись занимать лагерь, и когда корпус вступал в оный, то все уже караулы были на своих местах, и цепь расставлена. Во время похода артиллерия составляла среднюю колонну, по сторонам на две пехотные колонны; перед каждой командировано было по одному эскадрону кавалерии для утоптания травы; по сторонам пехотных колонн были две кавалерийские, с флангов которых шла кавалерийская цепь. Обоз тянулся в две веревки, а иногда и в четыре, ежели позволяло место; за оным вагенбург.

Бывшие того дня полевые пехотные пикеты с отъезжими караулами оставались на своих местах по выступлении корпуса; дежурные штаб-офицеры формировали оные в батальоны и эскадроны, и составляли авангард.

Когда вступали в лагерь, то каждый батальон подходил к левому флагу своего лагеря, а кавалерийские полки к левому флангу своих полков; тогда вдруг делан был отбой, и пехота церемониальным маршем повзводно, а кавалерия поэскадронно, входили в линию.

В походе наряжалось два эскадрона в конвой к фельдмаршалу, и он, несмотря ни на какую погоду, верхом, в одном мундире, до половины марша ехал при корпусе. На половине приказывал делать отбой на час времени, а сам с главным штабом уезжал вперед осмотреть занятие лагеря; иногда приказывал, по положению места, переменить лагерь, потом ездил в авангард, осматривал отъезжие пикеты и приказывал, куда посылать партии. Случалось, что мы, пришед в лагерь, уже отдохнули, а он только что приезжал.

Во время марша, фельдмаршал подъезжал к полкам и не дозволял, чтоб офицеры сходили с лошадей; ибо по тогдашнему обряду службы, когда выходили войска в поход, то, кроме дежурных при полку одного капитана и при каждом батальоне по одному офицеру, все прочие офицеры могли ехать верхом подле своего взвода. Солдаты, по желанию, пели песни, и когда граф подъезжал, обыкновенно старались петь какую-нибудь военную в честь ему, как то: «Ах ты наш батюшка, граф Румянцев генерал» и проч. Иногда давал он сим песельникам червонца по два, говорил им несколько ласковых слов, тоже удостоивал разговаривать с некоторыми штаб- и обер-офицерами; словом, приветливостию своею привлекал к себе всех души и сердца.

Лагерь всегда был в две линии: на флангах кавалерия, артиллерия батареями между полками, а главная квартира между двух линий. Караул фельдмаршала состоял из 24 человек при одном офицере, с хором музыки и конвойной команды с литаврами, с двумя трубачами; для сигналов была вестовая пушка, из которой стреляли к вечерней зоре.

Пароль и приказ отдавал дежурный генерал, для принятия которого должны были быть: дежурный по корпусу полковник, подполковник и секунд-майор, от каждого полка штаб-офицер и генеральские адъютанты.

К разводу фельдмаршал никогда не выходил.

Когда корпус не был в походе, обыкновенно граф выходил из своей ставки или домика, в большой еринной намет, где уже стол был накрыт, и где генералы и штаб-офицеры и некоторые из обер-офицеров были. Всегда выходил он в мундире, с тростью и шляпою в руке. Обходил всех тут бывших, и ежели с кем не говорил, то по крайней мере делал ему приятную мину. Наконец пил водку и закусывал, и все кто тут были — тоже. В первом часу он обедал; стол накрываем был на 40 кувертов, другой стол в особливом намете для штата его и ординарцов, от каждого полка наряжаемых по одному офицеру.

После стола фельдмаршал тотчас откланивался; по вечерам собирались к нему генералы и полковники, иногда играли в коммерческие игры.

Второй лагерь был при деревне Полоппах[3], в 30 верстах от Днестра, тут пробыли более месяца в ожидании действия осады Очакова и Хотина. Корпус генерала Эльмпта дошел до Ясс, не встречая нигде неприятеля. Фельдмаршал был не доволен медленным и тактическим немецким движением сего корпуса, почему сей генерал, когда главный корпус подошел к Цыцоре[4] (на Пруте, в 20 верстах от Ясс), отправился в отпуск и более уже в армию не приезжал [...]

Очаковская осада[5] продолжалась медленно, которую называл фельдмаршал осадою Трои; однако ж были успехи на водах, как то: наша флотилия одержала победу над флотилиею турецкою, равно и большой наш флот заставил турецкий оставить Очаков[6] [...]

Фельдмаршал получил донесение от графа Салтыкова, что Хотин турки сдают на капитуляцию[7], но требовали сроку на три дня; фельдмаршал к тому времени приказал, чтобы на батареях были пушки заряжены стрелять викторию о сдаче Хотина, когда курьер приедет; но он приехал с тем, что отсрочено еще туркам на три дня, и потом еще на три дня[8]; фельдмаршал был очень недоволен и, не ожидая уже взятия Хотина, выступил с главным корпусом вперед. Все мы, молодые служивые, обрадовались, что наконец увидим неприятеля, и ревностно хотели с ним сразиться; но дошед в несколько маршей, остановились до окончания кампании при урочище Цыцорах, на левой стороне Прута, в 20 верстах от Ясс.

Корпус генерала Эльмта занял Яссы и поступил, по отпуске его, в командование генерал-поручика князя Бориса Григорьевича Шаховского; через день резервный корпус генерала Каменского при-

соединился к главному. На марше получено донесение графа Салтыкова о занятии Хотина и сдаче оного цесарцам. Графу Салтыкову поручено занять Кишенев и наблюдать Бендеры.

Неприятельский лагерь открыт был в сорока верстах на левой стороне Прута, против Рябой Могилы, в больших силах.

За малоимением легких войск, фельдмаршал приказал отставному полковнику Сиверсу[9], бывшему волонтером, набрать три тысячи арнаутов; ему поручены от трех корпусов, Донского войска, казачьи полки и повелено быть в десяти верстах от армии, иметь свой стан, охранять оную и посылать партии для разведывания. Редко очень казаки встречались с турками, а еще менее небольших схваток. Турки так боялись русских, а еще более имени Румянцева, что как скоро завидят казака, то бывало и бегут; однако ж во все то время нахватали человек до пятидесяти пленных [...]

Цесарские войска непрестанно, хотя и не было генеральной баталии, но во многих сражениях турками были поражаемы. Император [Иосиф II] неоднократно просил фельдмаршала сделать движение для диверсии в пользу австрийцев, но граф и с места не тронулся, под видом, чтобы при его движении не открыть места, чрез которые турки могли подать секурс Очакову [...]

Главнокомандующий был очень недоволен ганерал-квартермистром Бердяевым, который действительно не имел особливых дарований, ни природных, ни приобретенных сведениями. К генерал-квартермистру-лейтенанту Медеру он по особливым причинам не благоволил и хотел испытать товарища его полковника Филиппи: способен ли он, если бы нужда потребовалась, на какое важное предприятие. Фельдмаршал дал ему повеление с сотнею казаков ехать по правую сторону Прута и рекогносцировать: можно ли, поставя батарею на Рябой Могиле, анфилировать неприятельский лагерь? Прут в то время был так мелок, что было только лошади по колено; фельдмаршал, дав ему приказ, не объявил, что полковнику Сиверсу дано уже повеление, — что Филиппи поедет рекогносцировать, а потому чтобы Сиверс заранее со всеми своими легкими войсками отправился вперед и его бы прикрывал, а ежели не только опасно будет Филиппи, но даже можно опасаться потери одного человека его команды, то чтобы сам возвратился и дал бы Филиппи запечатанное повеление, в котором ему приказано было возвратиться без исполнения порученного. Филиппи, получив приказание от фельдмаршала, думал, что посылается на неизбежную смерть. Отъехав верст десять, спросил он молдаван: есть ли турки на той стороне? И как они еще сказали, что много, то он и отправился назад. Вошед к фельдмаршалу в ставку, когда уже было большое собрание, и как на тот раз хотинский гарнизон не в дальнем расстоянии от

лагеря проходил под прикрытием австрийских войск, то командующий оным конвоем генерал и многие австрийские штаб-офицеры тут были. Фельдмаршал, как скоро увидел вошедшего Филиппи, подошел к нему и спросил на ухо: «Sind Sie da gewessen? (Были Вы там?) — Nein, Ihre Erlaucht (Нет, Ваше сиятельство). — Warum? (Почему?) — Ich fürchtete. (Я побоялся!)». Тогда вдруг вскричал фельдмаршал громко: «Счастлив ты, что сказал не по-русски, а их языком (показав на австрийцев), а то бы тотчас велел тебя расстрелять». И после сего не только никогда его не употреблял, но даже с ним никогда уже не говорил.

Тогда фельдмаршал вздумал испытать дивизионного квартермистра Лена[10]. Когда хотинский гарнизон вышел в турецкий лагерь, то сераскир присылал парламентера благодарить за исполнение в точности капитуляции. Фельдмаршал воспользовался сим, послал Лена с пустым комплиментом, но, отправляя его, сказал ему: «Непременно привези мне план позиции неприятельского лагеря». Лен вот как исполнил сие поручение: как скоро приехал к аванпостам с трубачем, то дал себе по обыкновению завязать глаза, но когда он почувствовал, что уже в неприятельском лагере, по шуму его окружавших, тогда вдруг сдернул повязку; некоторые турки было бросились на него, но он, выхватив пистолет, угрожал выстрелом. Он приведен был в палатку, обгороженную тростником, но уже успел увидеть все положение турецкого лагеря. При возвращении своем, начертил план и представил его фельдмаршалу, который спросил: «Как, батюшка, Вы это сделали?» И когда он ему отвечал, то граф его обнял и сказал: «Будем друзьями, господин Лен» [...]

Войска 22 числа [ноября] вошли в зимовые квартиры, в Цыцорах сделано было несколько редутов, и оставлено три батальона для прикрытия Ясс и сбережения замерзших понтонных постов. Корпус кишиневский поручен был генералу Каменскому, на место графа Салтыкова, который отпросился в Петербург. Главная квартира заняла Яссы.

При выходе из лагеря, накануне того дня, говорил я полковнику, что мне хочется побывать к батюшке; он мне оказал, что о том скажет фельдмаршалу, который, как скоро о том услышал, с гневом сказал: «Мы еще не вошли в зимовые квартиры, а молодые люди уже скучают службой». Хотя все знали, что уже и приказ написан, только еще не был объявлен, но чрез несколько часов оный и отдан был при пароле.

Штабы всех полков, составлявших главный корпус, остались в Яссах, а полки были расположены в окружностях. Я уже лишился было надежды быть в отпуску, а проситься боялся и подумать.

25-го обедал я у фельдмаршала, как вдруг он сказал мне: «Как, господин майор, я слышал, что Вы хотите в отпуск?». Я ему отвечал: «Если Ваше сиятельство позволите». «Для чего же нет?» — сказал он. Вставши из-за стола и подошед ко мне, он спросил: «Скоро ли Вы хотите ехать?». — «Как Вашему сиятельству угодно». — «Однако ж, если б от Вас зависело?». — «Я бы уехал сего же дня». — «Вы очень скоры, однако ж я Вас прошу остаться только до шести часов утра завтрашнего дня, а притом я Вас буду просить взять на себя некоторые поручения, и завтра в шесть часов прошу ко мне». Я думал, что как мне должно было проезжать Гомель, его местечко в Белоруссии, то верно что-нибудь прикажет к его там управляющему. Не успел я в шесть часов по утру явиться, как уже дежурный генерал сказал, что фельдмаршал меня ожидает. Я вошел в кабинет. Граф дал мне паспорт на двадцать девять дней, подорожную и письмо к моему отцу, сказав: «Вот в чем состоит мое поручение, доставьте удовольствие Вашему батюшке видеть доброго сына».

Вот содержание сего письма:

Милостивый Государь мой Николай Богданович!

Податель сего будет Вам лучшим свидетелем моего к Вам усердия, но я не могу однако ж отказать себе того удовольствия, чтобы не представить его тоже с моей стороны, свидетельствовать о его лучшем поведении и прилежности к службе, и Вам не пожелать всякого, самомысленнейшего добра, и что я в особливое себе удовольствие вменяю всякий случай, который мне подает способы Вам и Вашему достойному сыну мои услуги оказать. И с сими чувствами и искреннейшим почтением что я имею честь быть

Яссы, 26 ноября 1788 года

Вашего Превосходительства
всепокорнейший и всегдашнейший слуга
Гр. Румянцов-Задунайский

Лестное сие письмо я почитаю лучшим себе аттестатом в мою службу. С какою деятельностию сей великий человек делал свои благодеяния, и вот каким очарованием привязывал к себе! Хотя чины и кресты во время его командования трудно доставались, но за то они были им раздаваемы справедливо и за настоящее дело, кто чего заслуживал; за то всякая награда принималась с величайшим уважением.

Можете себе представить, с каким удовольствием отец мой меня увидел с графскою рекомендацией [...]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] 26 [illegible]

1744

В 1789 году явился я из отпуска к фельдмаршалу, несколько дней просрочив, и боялся его выговора; но вместо того, увидя меня он сказал: «Как, Вы уже возвратились?» — «Я и так, Ваше Сиятельство, просрочил; причиною тому большие метели», — отвечал я. И действительно, подъезжая к Могилеву, подводчик мой потерял дорогу, всю ночь проплутал и почти к свету, заехав в сторону, наткнулся на одну деревню, где дождался свету, в ту крутую зиму многие от вьюг пострадали. — «Напрасно Вы спешили, дела теперь нет, Вы бы могли еще пробыть столько же у Вашего батюшки, однако ж это не худо: вперед будете иметь кредит».

Во время моего отсутствия, генералу Каменскому повелено было выгнать татар из занимаемых ими квартир, селений Гангур и Салкуц, к стороне Бендер[11]. Каменский, напав на них нечаянно, почти всех их истребил, в том числе был убит сын хана [Мехмет-Гирей] — командовавший оными; малое число из них спаслось. Этим зимовые наши квартиры стали безопасны и во всю зиму не были неприятелями обеспокоиваемы, почему три батальона, под командою полковника Владычина, оставленные при Цыцорах в землянках, для прикрытия укрепления, отпущены, а на место их для караула понтонных мостов оставалось две роты.

Князь Г.С.Волконский, на другой же день моего прибытия, командировал меня к оным двум ротам. Фельдмаршал того же дня спросил нашего полка премьер-майора Клугина: «Где же Ваш приезжий майор Энгельгардт?» А как тот отвечал, что командирован в Цыцоры для караула мостов князем Волконским, тут бывшим, фельдмаршал с гневом сказал ему: «Для чего штаб-офицера нарядили в караул? Тотчас пошлите ордер господину майору, чтобы сдал он команду старшему по себе капитану, и завтра явился бы ко мне. Господин генерал, — примолвил он, — молодых, хороших офицеров надобно поощрять, а не унижать». Получа сие повеление, я очень обрадовался, тем более когда узнал о приятном отзыве обо мне фельдмаршала [...]

Образ жизни фельдмаршала в Яссах был таков: он вставал всегда в пять часов; в шесть приходил к нему с рапортом дежурный генерал, потом секретари его разных экспедиций по очереди подносили дела, которые он приказывал к тому дню приготовить; в десять в кабинет были допускаемы генералы и некоторые полковники; в одиннадцать выходил он в приемную комнату и из бывших тут с каждым почти говорил. Наконец отворялись двери, и допускаемы были к нему люди всякого звания с просьбами: солдаты, молдаване, жиды, словом кто только имел до него дело; словесные просьбы выслушивал он с терпением и тогда же делал удовлетворение, отсылая

их куда следует, или чрез своих адъютантов или ординарцев; писанные же просьбы принимал и клал в карман. Обедал в первом часу в половине; стол его, так же как и в лагере, был на сорок приборов; после обеда чрез полчаса откланивался и уходил в кабинет; там несколько отдыхал, а проснувшись рассматривал просьбы, на всякой своею рукой надписывал резолюцию и к которому числу должен ее секретарь исполнить, записывая у себя в особливую тетрадь, и в следующее утро справлялся с нею: какие дела и который секретарь должен был ему доложить. В шесть часов вечера приходили секретари, и каждому из них по экспедиции он отдавал те просьбы; ежели какая поступала просьба недельная, то он наддирал у оной уголок: то было знаком, чтобы просителю отказать. Потом выходил в приемную, где собирались генералы и штаб-офицеры и делали партии, а в девять часов он откланивался, и все разъезжались [...]

В марте князь Шаховской донес, что он атакован превосходными силами, и потребовал скорого подкрепления[12]. На зиму все почти полковники отправились в отпуск, одни штаб-офицеры командовали полками. Фельдмаршал приказал нарядить два батальона Сибирского и два батальона Малороссийского полков с их полковыми орудиями и от каждого полка штаб-офицера; старшему из них приказал поручить все четыре батальона. Старшим случилось быть мне, и на другой день должен я был явиться к фельдмаршалу для получения приказания и тотчас выступить. Я был в восхищении, всю ночь занят был распоряжениями, был у генерал-квартермистра для получения маршрута, скопировал карту окружности Васлуи. Мечталась в моих мыслях слава, которую приобрету я моими дарованиями и храбростию, но мечта сия на другой же день рано исчезла.

Князь Шаховской донес, что вместо больших неприятельских сил, которых он сам не видал, только передовые посты его были атакованы сильною партией, которая вскоре, не сделав ни малейшего вреда, отступила к своим квартирам к Галацу. При том схваченные турки сказывали, что там делают несколько отдельных укреплений, полагать должно, редутов.

В исходе же марта главнокомандующий сделал производства на вакансии; мне досталось премиер-майором в Днепровский полк, пребывавший для прикрытия магазинов в Польше.

Фельдмаршал, вскоре после взятия Очакова, просил у Императора, по преклонным летам и болезням, увольнения от командования армией, на что Государыня соизволила указать при милостивом рескрипте[13]. После того обе армии соединились под команду светлейшего князя Потемкина, но до приезда его назначено принять оную генерал-аншефу князю Николаю Васильевичу Репнину, авангардный корпус — генерал-аншефу Александру Васильевичу Суво-

рову. Фельдмаршал не хотел дожидаться князя Репнина, который тогда еще был в России, и до прибытия его сдал армию генералу Каменскому.

Суворов скоро прибыл и явился к фельдмаршалу в куртке и каске, когда был там и Каменский, который всегда был по недугу своему в длинном мундирном сюртуке, белою портупеей подвязанном. Суворов до выхода еще фельдмаршала из кабинета сказал Каменскому: «Признаться, мы с тобой великие оригиналы: оба мы у фельдмаршала, которого чтим душою, только ты очень долго, а я очень коротко». Не замедлил прибыть и князь Николай Васильевич Репнин и вступил в командование армией. Тогда фельдмаршал переселился на речку Жижу, в деревню одного молдаванского боярина, в десяти верстах от Ясс, где и пробыл почти до заключения мира [...]

По прибытии светлейшего князя в Яссы, один раз он только был у фельдмаршала графа Румянцева в Жиже и изредка посылал дежурного генерала, племянника своего В.В.Энгельгардта, с приветствием. Остальные генералы из подлости и раболепства редко посещали графа, да и то самое малое число. Один только граф Алекс[андр] Вас[ильевич] Суворов оказывал ему уважение; после всякого своего дела и движения, посылая курьера с донесением главнокомандующему, особенного курьера посылал с донесением и к престарелому фельдмаршалу так, как бы он еще командовал армией [...]

Проезжая квартиры старого Екатеринославского полка [1791], заехал на квартиру унтер-офицера, чтоб он нарядил мне две перемены лошадей. Я нашел у него несколько старых гренадер, которые хотели было выйдти; я их остановил и начал с ними разговаривать. Между прочим я спросил: «Скажите, ребята, Вы были 3-го гренадерского полка, всегда были при главной квартире славного нашего фельдмаршала Румянцева и были его любимым полком; потом также был полк сей всегда при покойном светлейшем князе и также его любимым полком, в котором он был и шеф; один из них уже умер, а другой так стар, что, конечно, никогда уже не будет командовать армией; кого из них Вы более любили?» Один гренадер отвечал: «Покойный его светлость был нам отец, облегчил нашу службу, довольствовал нас всеми потребностями; словом сказать, мы были избалованные его дети; не будем уже иметь подобного ему командира; дай Бог ему вечную память!». Тут он прослезился и отер свои глаза; но вдруг глаза его оживились, он приосанился и сказал: «А при батюшке нашем графе Петре Александровиче, хотя и жутко нам было, но служба веселая; молодец он был, и как он бывало взглянет, то как рублем подарит, и оживлял нас особым духом храбрости» [...]

68

П.В.Завадовский — П.А.Румянцеву

6 сентября [1789]

Ваше пребывание в Молдавии после того что не повелеваете войсками, раждало неприятные толкования. Приращение оных возбудило наконец и неудовольствие, а по сему последнему велено мне о том Вам написать, считая сим образом подвинуть Вас к перемене настоящего места, о коем не благоволят. Не хочу пересказывать говоренного. Уже и сей один долг, по которому Вам о том даю знать, тяготит мое сердце неизреченно и достаточен внушить Вам восприятие мер по собственному Вашему благорассуждению. Исполнив возложенное от власти, уверяю о моей вечной к Вам привязанности.

[Петр Завадовский]

69

П.В.Завадовский — С.Р.Воронцову

12 апреля [1793. С.-Петербург]

Похвалюсь тебе, мой друг, добрым делом. Лет несколько работали и отливали по моему заказу бронзовую большую статую фельдмаршала Румянцева[1]. Производил оную здесь находящийся художник Рашет. Вышла прекрасно в отделке, и образ его довольно похож. Я не хотел выставить оную здесь на показ всем, чтоб не протолковали укоризной, а отправил в мою малороссийскую деревню, где приготовлен для ея храм, чтоб воздвигнуть памятник благодарности моей к благодетелю [...]

70

Рассказы Н.О.Кутлубицкого

[1793]

[...] Через некоторое время его [Кутлубицкого] службы, кажется, чуть ли не через год, Павел Петрович сам предложил ему ехать в отпуск к отцу в Малороссию; на дорогу подарил ему свою шинель, в которой, говорил покойный Николай Осипович, я только переделал воротничек: вместо красного поставил черный. Великому

князю было известно через самого же Кутлубицкого, что отец его, живший в маленьком своем имении Полтавской губернии, в Прилуцком уезде, служил в канцелярии графа Румянцева, управлявшего Малороссией, и находился при нем в Турции, и что по милости графа сем он был определен в корпус. Почему, отпуская его домой, Павел поручил ему передать письмо к Румянцеву[1], сам привязал его к шнурку, на котором Кутлубицкий, по обыкновению, носил на груди крест, приказал вручить тайно самому графу, заметив при том, что тайного с ним свидания он может добиться чрез его карлика.

По приезде молодого адъютанта к обрадованному отцу, первым угощением, по старому обычаю, была ему предложена баня. Дом отца Николая Осиповича состоял из двух комнат, разделенных большими сенями, в которых была сделана печка. Послушный сын не смел отказаться от бани, а между тем куда спрятать письмо? Осмотрев, что в сенях никого нет, вынул он из печи кирпичину, положил туда свой крест с письмом и осторожно закрыл опять кирпичом; по возвращении же из бани, он поспешил вынуть положенное так, чтобы никто не мог видеть.

После первых дней общей радости, проведенных дома, Николай Осипович сказал отцу, что ему следовало бы съездить к графу Румянцову, поблагодарить за его определение в корпус. Отец похвалил сына за его благородные чувства, на другой день снарядил тележку и в ней отправился с сыном в имение графа Ташань, где он тогда проживал. Приехавши на место, остановились в постоялом дворе и, переодевшись, отправились в дом графа. По докладе о них, старик вышел к ним в тулупе, поблагодарил отца и сына за память, погладил последнего по голове, дал ему поцеловать свою руку и пригласил обоих к обеду.

После обеда отец Николая Осиповича ушел отдохнуть, а сын сказал ему, что останется посмотреть сада; и только что он ушел в сад, как и выбежал за ним карлик графа, который беспрестанно увивался возле него. Осмотревшись, чтобы никого не было, Кутлубицкий едва успел сказать ему, что он имеет надобность видеть наедине графа, как карлик скрылся под балконом, и через насколько минут кивнул ему, чтобы он за ним следовал, и провел темным коридором в спальню графа, а сам исчез. Кутлубицкий увидел перед собою постель и перегородку, из-за которой услышал слова графа: «Взойди, мой друг, сюда». И когда он взошел, старик спросил его: «Что тебе надо?». Кутлубицкий объяснил ему свое поручение и, вынув привязанное ко кресту письмо, подал его графу, который, поцеловав печать, спросил: «Зачем ты прежде мне не сказал об этом?» и приказал завтра таким же образом взойти к нему для получения

ответа. И когда на другой день Кутлубицкий был опять тем же путем проведен карликом, граф сам привязал ему на крест свой ответ наследнику. «Смотри, я тебе вручаю, — сказал он, — свою голову; чтобы у тебя [...] этого письма никто не видел; ежели, в случае, заболеешь, съешь его». Потом прибавил: «Я вижу, что наследник тебя любит; когда он взойдет на престол, вероятно ты будешь к нему близок. Смотри же, вот тебе мое стариковское наставление; проси у государя за всех и для всех; но для себя, чтобы язык не заикался, чего-нибудь просить. Сердце царево в руце Божией, и когда Богу угодно будет тебя наградить через царя, то он и наградит. Но чтобы сам ты никогда ничего не просил для себя». Кутлубицкий за все время пребывания своего при дворе старался быть верен этому благородному наставлению редкого по чувству и характеру вельможи времен Екатерины и однажды имел случай рассказать о том императору Павлу, когда он спрашивал у него, зачем он никогда ничего для себя не просит [...]

71

П.В.Завадовский — С.Р.Воронцову

3 марта [1794. С.-Петербург]

Предполагая войну[1], ниже помышляем о Румянцеве, он делает отзыв о своей готовности, однако ж втуне. По летам, хотя он в теле переменился, но разум свеж и тот же, без наималейшего упадка. Жалка его участь: навлек гонения, что был достойнее всемогущего. Один он и есть, чтоб мог расстроенное поднять. Участь его часто мне приводит на память великий музей, умиравших в полном огорчении от не правосудия [...]

[Петр Завадовский]

72

П.В.Завадовский — А.Р.Воронцову

19 мая [1794. С.-Петербург]

Фельдмаршал граф Румянцов безмолвно принял команду, и курьер его оставил веселым и бодрым. Как поведет дела, о том, еще не познав их, не мог сказать, а только молвил, что потребное распорядит. Ежели положение настоящее тяжелее найдется, чем

великие его способности, со всем тем он возможное наилутче устроит. Я же и о том внутреннюю радость имею, что человек заслужанной и достойной не умрет в полном огорчении; я тебе не могу довольно пересказать, как непомерная радость над всеми воздействовала, когда услышали о его начальстве, начиная от двора даже до улицы. Друг друга поздравляя, целовали, как в светлой праздник. Не знаю, был ли кто у нас, чтоб толикое возбуждал к себе внимание. В сем только случае я приметил, что и русская публика может быть правосудна [...]

[Петр Завадовский]

73

П.В.Завадовский — А.Р.Воронцову

6 января [1795. С.-Петербург]

Старику, нашему благодетелю, фельдмаршалу графу Петру Александровичу пожалованы деревни в новоприобретенной Польше и дан Сенату указ, чтобы выстроить ему казенным иждивением дом и поставить монумент в том месте, которое он сам к тому изберет. Сим отличием он доволен. Таково было сделано для князя Потемкина, но он не дожил. Не желаю, чтоб и фельдмаршал в сем строении обитал; однако ж награждение всю славу приносит его имени, хотя в свой век не случится пользоваться. Телом и духом он бодр, на свои ноги жалуется; но и сия немощь есть проблема; не всем одинаков кажется [...]

[Петр Завадовский]

74

П.В.Завадовский — С.Р.Воронцову

17 апреля [1796. С.-Петербург]

Благодетель наш фельдмаршал и доднесь смешит людей видами своей женитьбы, которая не уповаю, чтобы сбылась. Величания свои нередко ф[ельдмаршал] присылает по обычаю, которые принимаются в цену его; но при всем том Суворова позиция впереди и превосходная в числе войск. К детям своим расположен всегда, непо-

хоже как другие отцы; нрав неизвинительный, что те, кто ближе ему, больше несут огорчения [...]

[Петр Завадовский]

75

Записки А.Ф.Ланжерона

[1796]

[...] Я выскажу лишь только то, что почитаю за правду, изложу свои мнения; но я не имею притязания утверждать, чтобы мнения мои не могли быть опровергнуты и что события должны всегда оправдывать их.

Фельдмаршал граф Петр Румянцев, без всякого сомнения, самый блестящий из всех русских генералов*; это человек, одаренный большими достоинствами. Он обладает очень серьезным и весьма обширным образованием, высоким умом, удивительною памятью, здравым суждением, большою твердостью и искусством внушать к себе уважение. Этим последним преимуществом он обязан столько же своей обдуманной и вежливой твердости, сколько своей открытой и величественной наружности и своим изысканным манерам. Я не знаю человека, беседа с которым была бы более интересна и привлекательна. Мне случалось проводить с ним одним целые дни, и я не разу не испытал ни одной минуты утомления или скуки.

Никто лучше Румянцева не знает внутренних подробностей военного дела и, если позволено будет сказать, он даже отчасти не в меру налегает на них. Такая крайность свойственна лишь посредственным генералам, но подобная мелочность не простительна в великом человеке. Румянцев, будучи исключительным поклонником прусаков, у которых он служил в качестве волонтера**, питает к этой нации фантастическое предпочтение и ненавидит австрийцев. Не знаю, был ли бы он в состоянии потягаться с австрийскими и прусскими генералами и в особенности с теми французскими генералами, которые оставили так далеко за собою всех остальных?

---

* Суворов превзошел его в блеске и впоследствии совершил в Италии то, на что Румянцев вряд ли бы отважился (здесь и далее в № 75 примечания А.Ф.Ланжерона).

** Когда Румянцеву было 16 лет, его отправили советником посольства в Берлин; его предназначали дипломатической карьере. Но молодой граф, увлеченный своею решительной склонностью к военному делу, покинул посольство и поступил волонтером в один прусский полк, в котором, благодаря своим заслугам, достиг чина сержант-майора.

Но фельдмаршал Румянцев, как обладающий необыкновенным умом, замечательною осторожностию, самыми обширными познаниями и большим навыком в командовании, мне кажется, должен оказаться равносильным их противником, если бы случай заставил его сражаться с ними.

Быть может, в похвалы, расточаемые русскими о фельдмаршале Румянцеве, входит некоторая доля национального самолюбия, но в них заключается также и много правды; армия питает к нему большое доверие и, хотя он строгий поклонник суровой дисциплины, солдаты, в особенности те, которые служили под его начальством, любят и уважают его бесконечно.

Но если фельдмаршал Румянцев обладает всеми достоинствами ума, то о нем можно сказать и, к сожалению, совершенно справедливо, что сердце его имеет много недостатков: сладостные излияния дружбы, нежные объятия сыновней и родительской любви, наслаждение благотворительностью, порывы любви к отечеству не знакомы, как утверждают, его черствой и себялюбивой душе. Мало чувствительный, как сын и отец, недостаточно ревностный гражданин, опасный подчиненный и еще более опасный начальник, Румянцев навлекает на себя обвинение еще и в том, что во время войны с Пруссией, в которой он командовал корпусом в 20 или 30 тысяч человек, он более потворствовал известной склонности великого князя Петра (впоследствии Петра III), чем служил интересам императрицы Елизаветы. В 1769 году, в первую кампанию против турок, Румянцев командовал второю армиею и не поддержал, говорят, фельдмаршала князя Александра Голицына, начальствовавшего первою армиею, который в действительности далеко уступал ему. Во вторую кампанию Румянцев получил главное начальство*; мы увидим, что он сделал в 1788 году. Румянцев совсем не любит императрицу и всегда держится от нея в отдалении, несмотря на благодеяния, которыми она его осыпала. Он обращается со своими детьми, как с посторонними, называет их соответственно их званию и дает им посредственное содержание. Дети его прозябают в низших чинах и не пользуются довольством. Коварный, язвительный,

---

* Он оставался главнокомандующим до самого окончания войны, и его противники и сторонники генерала Бауера утверждают, что этот искусный и знающий офицер, бывший его генерал-квартирмейстером, доставил известность фельдмаршалу. Действительно, кампания 1770 года, которою руководил Бауер, была самая прекрасная и самая искусная во всю эту войну; она была образцом величайшей тактики и рассчитанной и обдуманной смелости. После кампании 1771 года фельдмаршал, знавший, что говорят о генерале Бауере, и то, что говорил последний, искал случая погубить его и успел в этом.

бесчувственный, Румянцев не любит и не уважает никого в мире. Он обладает состоянием в несколько миллионов и тратит не более восьмой части своих доходов, он копит, наживает богатства и не делает никому добра. Вот, к сожалению, верное изображение характера этого знаменитого человека, дарования которого заслуживают большого уважения, чем его нравственные качества*.

Румянцев получил приказание расположиться на зимние квартиры в Молдавии. Он сам хотел этого, но генералы, желавшие воспользоваться удовольствиями жизни в Польше, воспротивились такому распоряжению и увлекли на свою сторону Бауера. Фельдмаршал созвал военный совет, на котором было решено возвратиться на зиму в Польшу; Румянцев поручил генералу Бауеру отвезти его решение в Петербург; но едва Бауер приехал туда, как фельдмаршал приказал расположиться в Молдавии. Он отправил одного офицера предупредить об этом императрицу и прибавил, что это было сделано против желания генерала Бауера, без которого он может обойтись. По приезде в Петербург, Бауер потерпел полное поражение и не вернулся более в армию. Фельдмаршал со славою окончил войну без него; однако ни одна из остальных его кампаний, за исключением последней, не может сравняться с кампанией 1770 года. В 1773 году он испытал несколько неудач, что заставило его два раза обратно перейти Дунай. В 1774 году Румянцев совершил блистательную кампанию и окончил войну самым достославным образом [...]

76

С.С.Апраксин — А.А.Прозоровскому

[5 декабря 1796]. Ташань

Ваше сиятельство, думаю, заключаете, что я еще в отсутствии, но я уже давно к фельдмаршалу явился, и с 27-го прошедшего месяца откланиваясь неоднократно, оставался здесь на несколько еще дней по приказанию фельдмаршала, почему щитал всякой день ехать, но теперь без особого на то приказания Вашего, милостивый государь, отсюда кажется мне отлучиться не можно. В 4-й день декабря, в половине десятого часу по полуночи, имел я нещастие увидеть

---

* Все военные, служившие под начальством фельдмаршала Румянцева, как его враги, так и сторонники, уверяли меня, что его темперамент отказывался презирать опасности. Он рисковал собою лишь изредка и то только тогда, когда это было безусловно необходимо, и притом лишь в том случае, когда прямо был к тому вынуждаем. Бледность лица и судорожное подергивание всех членов слишком явно изобличали те усилия, которые он принуждал себя делать и которые он не был в состоянии скрыть.

с предстоящими тут и другими фельдмаршала постиженного опаснейшим припадком, и с тех пор по сей час он без языка, никакой перемены к лучшему не делается, а час от часу токмо пульс будто ослабевает. Я не потерял ни минуты к созванию врачей [...]

[...] все ли он успел исполнить по письмам к нему, или токмо часть, или были ли и высочайшие повеления, мне то неизвестно; все осталось в его кабинете, где ни я и никто из здешних ничего тронуть не может [...]

[...] мы написали общее письмо к полковнику Бесину [...] мы сочли сие нужным, поелику и Вашему сиятельству известно, что кроме Карды, которой не может никак за всех усмотреть, граф окружен людьми ежедневно сменными и усердием коих не замечался он довольным. За тем, милостивый государь, как и всегда, а тем более в сем огорчительном приключении по милостивому Вашему ко мне благорасположению, дайте мне Ваше наставление, сколь долго мне здесь быть, кого здесь по себе оставить, поелику полковник Бесин и майор Алексеев отчаянно плачут и ничего делать почти не в состоянии, а на случай лучшего, а Боже храни, худшего, какие меры мне брать. Я послал за комендантом Переяславским, да губернатором Киевским, а прежде всех за князем Дашковым, но еще их нет.

P.S. Прошу Ваше сиятельство о тяжкой болезни графской дать знать Вильгельму Христофоровичу Дерфельдену.

[Степан Апраксин]

77

С.С.Апраксин — В.Х.Дерфельдену

8 декабря 1796. Ташань

Милостивый государь, Вильгельм Христофорович.

По донесении моем от 5-го сего месяца Его Сиятельству князю Александру Александровичу о болезни, постигшей Его Сиятельство, фельдмаршала графа Петра Александровича, я просил его уведомить о сем и Ваше Высокопревосходительство, а сегодня, в десятом часу по полуночи, к сожалению всего отечества фельдмаршал в вечность преселился. С истинным высокопочитанием и таковою же преданностию есмь, Вашего Высокопревосходительства милостивого государя всепокорнейший слуга

С[тепан] Апраксин

P.S. Я к нещастию при начале болезни случился. Граф четыре дни страдал.

78

Н.П.Румянцев — В.Х.Дерфельдену

8 января 1797. Киев

Милостивый государь мой, Вилим Христофорович.

Хотя кончина покойного родителя нашего уже конечно Вам известна, мы долг свой в рассуждении Вас исполняем, извещая о сей столь сокрушительной для нас потере, полагая твердую надежду, что Вы тужите о покойнике и о нас самих, и что нам, детям его, продолжите то дружество, которое ему показывать изволили. Родитель наш сражен апоплектическим ударом 4-го декабря, приобщася Святых Таин, скончался 8-го, и Богу споспешествующу угодно было допустить нас тело его перенести в Киев, где вечному покою предано оно сегодняшнего дни и положено в самой Соборной церкви Киево-Печерской лавры. С истинным высокопочитанием я имею честь Вашего высокопревосходительства, покорный слуга

граф *Николай Румянцов*

[*P.S.*] Как я вслед за сим отъезжаю, то и прошу письмо сие оставить без ответа.

ПРИМЕЧАНИЯ*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Раздел I

1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1682. Л. 603об.–610. Копия.

[1] Применение колонн в качестве боевого порядка — большая заслуга П.А.Румянцева в области русского военного искусства. Через несколько десятков лет это нововведение нашло широкое применение.

2. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1682. Л. 687об.–683об. Копия.

[1] Формирование стрелковых батальонов, предшествующих егерской пехоте, было крупным тактическим достижением. Действия легкой пехоты, обученной групповому и одиночному бою на пересеченной местности, в сочетании с колоннами стало основой новой тактики — применения колонн и рассыпного строя.

3. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 1052. Л. 14–26об. Подлинник.

[1] В докладе на имя Екатерины II 29 сентября 1776 г. члены Военной коллегии отмечали целесообразность введения «Обряда службы» Румянцева как общеармейского устава и просили «[...] высочайшего указа, чтоб основываться всему войску единогласно на помянутом обряде службы» (РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 1052. Л. 13об.).

4. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 32. Л. 122–122об. Подлинник.

5. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 17775. Л. 1–11об. Копия.

Раздел II

6. РГВИА Ф. 314. Оп. 1. Д. 1853. Л. 79. Подлинник. Публикуется впервые.

7. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 574. Л. 207. Копия. Публикуется впервые.

8. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 581. Л. 251. Копия. Публикуется впервые.

---

* Примечания по содержанию документальных, эпистолярных, мемуарных источников включают комментарий, необходимый для понимания фактов, отраженных в сборнике. Примечания даются по номерам документов (отдельно для первой и второй части) при сохранении нумерации внутри каждого из них. Они содержат указание на архивные материалы или источник публикации, обозначенный римской цифрой (см.: Список использованных источников).

9. РГВИА. Ф. 114. Оп. 1. Д. 28. Л. 214. Подлинник. Публикуется впервые.

[1] Военная активность России в Прибалтике во второй половине 40-х годов XVIII в. была связана с оформлением враждебных коалиций в Европе, экспансионстскими устремлениями Пруссии, походом русского корпуса на Рейн в 1748–1749 гг.; противоборством между Берлином и С.-Петербургом за влияние в Швеции.

[2] В подчинении П.А.Румянцева помимо Воронежского пехотного полка находились еще пять батальонов других частей, и будучи фактически во главе бригады он именовался как полковник правящий за бригадира.

10. РГВИА. Ф. 114. Оп. 1. Д. 28. Л. 268. Подлинник. Публикуется впервые.

11. РГВИА. Ф. 114. Оп. 1. Д. 15. Л. 376. Подлинник. Публикуется впервые.

12. РГВИА. Ф. 2. Оп. 10. Д. 699. Л. 316–316об. Подлинник.

Раздел III

13. РГВИА. Ф. 48. Оп. 1. Св. 72. Д. 9. Л. 42–42об. Подлинник. Публикуется впервые.

14. РГВИА. Ф. 48. Оп. 1. Св. 72. Д. 9. Л. 43. Подлинник. Публикуется впервые.

15. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1657. Ч. III. Л. 391–398об. Подлинник.

[1] Румянцев, командуя резервом (Сводный гренадерский, Троицкий, Воронежский, Новгородский полки), в наиболее критический момент сражения взял на себя инициативу и нанес решительный удар по наступающим прусским войскам. (См.: Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Т. I. Тула, 1988.)

16. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1657. Ч. III. Л. 162–162об., 165–165об. Подлинник.

17. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1663. Ч. I. Л. 67. Копия.

[1] После победы при Гросс-Егерсдорфе фельдмаршал Апраксин начал наступление на Кенигсберг, но из-за недостатка продовольствия вынужден был отвести войска к Тильзиту, а затем к Мемелю. Конференция при высочайшем дворе (высшее государственное учреждение России в 1756–1763 гг.) признала объяснения Апраксина в этой связи неудовлетворительными. Новый главнокомандующий Фермор получил приказ о возобновлении военных действий в Восточной Пруссии. Наступательные операции начались в декабре 1757 г. и велись двумя колоннами, одной из которых командовал Румянцев.

18. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1663. Ч. 1. Л. 288об.–289. Подлинник.

[1] После занятия Восточной Пруссии в конце мая 1757 г. русская армия начала наступление в Померании. На войска Румянцева было возложено прикрытие правого фланга и тыла главной армии, а также развертывание демонстративных операций в направлении р. Одер для отвлечения противника.

19. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1663. Ч. 1. Л. 302–303. Копия, заверенная Фермором.

20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1661. Л. 116–117. Подлинник.

21. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1661. Л. 125–126. Подлинник.

22. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1663. Ч. II. Л. 10–10об. Копия, заверенная Фермором.

23. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1661. Л. 184–184об. Подлинник.

[1] Прусская армия переправилась через р. Одер и отрезала войска Румянцева от основных русских сил. Упорное сражение 14 августа у д. Цорндорф не дало значительных преимуществ ни одной из сторон.

[2] Дивизия Румянцева не приняла участия в сражении, хотя ее появление и могло стать решающим. По всей вероятности, это объяснятся дезориентацией Румянцева, получавшего противоречивые сообщения о ходе боя, нераспорядительностью Фермора, а также опасением за возможный прорыв пруссаков в г. Шведт.

24. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1663. Ч. IV. Л. 624–625. Подлинник.

[1] После Цорндорфского сражения Фридрих II отвел свои войска к Кюстрину, а Фермор — к Гросс-Камину, после чего повел армию к Лансбергу и Штаргарду. Для прикрытия движения союзника войска Румянцева остались у Пас-Круга, где и были атакованы частями генерала Донау.

25. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1670. Л. 111об.–112об. Подлинник.

[1] План кампании 1759 г. предусматривал совместные действия русской и австрийской армий в Силезии. На пути к Кроссену войска Салтыкова были атакованы корпусом Веделя: сражение 12 июля при д. Пальциг закончилось поражением пруссаков. Салтыков занял Франкфурт и предложил австрийскому фельдмаршалу Дауну начать наступление на Берлин. Пока велись переговоры, Фридрих II, собрав значительные силы, подошел к Франкфурту. Русские войска заняли позиции у д. Кунерсдорф, где 1 августа были атакованы врагом. В сражении прусская армия была разгромлена. Румянцев, командуя центром русских порядков, сыграл важную роль в общей победе.

26. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1676. Ч. 1. Л. 236, 239об., 241об., 247, 251об., 315об., 316об., 318об. Подлинник.

[1] В 1760 г. по настоянию Австрии русская армия действовала в Силезии. Салтыков, вынужденный учитывать мнение союзника, вместо решительных операций перешел к маневрированию. Лишь в конце кампании была осуществлена успешная экспедиция на Берлин. Румянцев не принимал в ней участия.

27. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1688. Л. 245об., 246об., 251. Копия.

[1] В кампании 1761 г. русская армия вела военные действия совместно с австрийцами в Силезии. На Румянцева была возложена самостоятельная операция по овладению приморской крепостью Кольберг — ключевого пункта для снабжения находящихся в Померании войск, откуда можно было вести наступление на Бранденбург. Главнокомандующий фельдмаршал Бутурлин, сменивший Салтыкова, 7 мая направил Румянцеву инструкцию об организации порученной ему экспедиции. Располагая четырьмя пехотными полками и казачьей конницей, он через Кониц и Штейнфурт 13 мая пришел в Румельсбург, где дождался подкреплений, а 8 июня выступил к Кеслину — месту предстоящих операций против Кольберга.

28. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1682. Л. 749об.–750. Копия.

[1] Дивизия Долгорукова была направлена для содействия корпусу Румянцева.

[2] Генерал Вернер, посланный в июле 1761 г. для обнаружения корпуса Румянцева, вынужден был втянуться в стычки с русскими частями, а в конце августа его армия была разбита в районе Трептова и сам он попал в плен.

29. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1690. Л. 123–125. Копия.

[1] Подошедшие на помощь Кольбергу войска Платена 7 октября 1761 г. были вынуждены отступить. Принц Вюртембергский выслал в Трептов для прикрытия крупный отряд Кноблоха. Румянцев атаковал его и 14 октября принудил сдаться со всем гарнизоном.

30. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1688. Л. 496–496об. Копия.

31. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1682. Л. 938. Копия.

[1] Перед войсками Олица и Берга ставилась задача отразить попытки принца Вюртембергского Евгения и Платена прорваться к осажденному Кольбергу для доставки продовольствия.

32. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1682. Л. 942об.–943. Копия.

33. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1688. Л. 502об.–503. Копия.

34. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1688. Л. 504об. Копия.

[1] После того как корпус принца Вюртембергского вынужден был уйти из-под Кольберга, Румянцев значительно усилил осадные работы, сжимая кольцо окружения. Видя свое безнадежное положение и провал попытки Платена прорваться на помощь осажденным, гарнизон крепости 5 декабря капитулировал. Предложения коменданта Гейдена сдать город на почетных условиях были решительно отклонены Румянцевым.

35. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1695. Л. 9. Копия.

Раздел IV

36. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1632. Л. 2. Копия.

37. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1847. Л. 3–4об. Подлинник.

38. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1847. Л. 8–8об. Подлинник.

39. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1847. Л. 69–75об. Подлинник.

40. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1847. Л. 103–104. Подлинник.

41. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1847. Л. 114–115об. Подлинник.

[1] В декабре 1769 г. Бухарест был занят турками, а 5 июня 1770 г. вновь взят русскими войсками.

42. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1688. Л. 223–227об. Подлинник.

43. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1868. Л. 235–236об. Подлинник.

44. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1868. Л. 292–303об. Подлинник.

45. РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 21об.–22об. Копия.

46. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1868. Л. 348–348об. Подлинник.

47. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1868. Л. 462–462об. Подлинник.

[1] После побед Румянцева при Ларге и Кагуле русские войска взяли несколько крепостей — опорных баз турецкой армии: Измаил, Килию, Аккерман, Бендеры, Браилов. В результате кампании 1770 г. была завоевана обширная территория между Дунаем, Прутом и Днестром, подготовлен плацдарм для последующих наступательных операций.

48. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1925. Л. 28–30. Подлинник.

49. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1925. Л. 70–72об. Подлинник.

50. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1925. Л. 91–91. Подлинник.

51. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1926. Л. 2–2об. Подлинник.

52. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1925. Л. 123–124об. Подлинник.

[1] Румянцев был возмущен сдачей крепости Журжи без упорного сопротивления. Все офицеры гарнизона, высказавшие мнение о сдаче, были преданы военному суду. Три офицера были лишены всех чинов, имущества, званий и приговаривались к пожизненной каторге. Впоследствии приговор был значительно смягчен.

53. РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 35об.–36. Копия.

[1] Неподготовленный штурм Журжи в начале августа 1771 г. стоил больших потерь для русских частей, несмотря на мужество и храбрость солдат и офицеров.

54. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1925. Л. 268–269об. Подлинник.

[1] В кампании 1771 г. русская армия громила турецкие войска на обоих берегах Дуная, не допуская создания вражеских плацдармов. В результате укрепились позиции России в Молдавии и Валахии.

55. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1932. Л. 69–70об. Копия.

[1] Успехи русского оружия заставили Турцию начать переговоры о мире, в этом была заинтересована и Россия.

[2] Румянцев настаивал на том, чтобы военные суда не могли заходить в устье Дуная и Днестра, а турецкие корабли подходить к Крыму.

[3] Переговоры начались в июле 1772 г. в Фокшанах. Россия требовала: независимости Крымского ханства; свободного пропуска русских судов через Дарданеллы, права плавания по Черному морю и в Архипелаге; передачи ей Керчи, Еникале и Кинбурна. К началу сентября переговоры были прерваны и возобновлены уже в ноябре в Бухаресте. Турецкое правительство, поощряемое западными державами, отклонило предложенные условия. В марте 1773 г. военные действия возобновились.

56. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1987. Л. 109–110. Подлинник.

[1] При подготовке похода за Дунай Румянцев сосредоточил свои силы в четырех основных группировках: Салтыкова — в окрестностях Журжи, Потемкина — в районе рек Серет–Яломица; Вейсмана — на нижнем Дунае; главные силы — в Молдавии. Потемкин, Суворов и Вейсман, дезориентируя противника, для прикрытия переправы через Дунай главных сил предприняли ряд удачных операций на Гирсово, Туртукай и у Карасу.

57. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1987. Л. 153–156. Подлинник.

[1] Испытывая недостаток в войсках и их обеспечении, Румянцев вынужден был отказаться от активных действий на правобережье Дуная, вернуться на исходные позиции и заняться подготовкой кампании 1774 г.

58. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2011. Л. 251–252, 254. Подлинник.

[1] К лету 1774 г. Румянцеву удалось значительно усилить свою армию, обеспечив ее необходими ресурсами. Началось активное и решительное наступление за Дунаем, увенчавшееся победами под Базарджиком и у Козлуджи, что заставило Порту пойти на мирные переговоры.

59. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2011. Л. 270–271. Копия.

60. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2011. Л. 272–274. Подлинник.

Раздел V

61. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 409. Л. 50–50об. Подлинник.

62. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 473. Л. 7–8. Автограф.

[1] Объявление Австрией войны Турции.

[2] Румянцев предписывал занять Богополь, перейти на правый берег Буга и выполнять приказы Потемкина.

[3] Во время первой русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Румянцев фактически отменил применение рогаток для оцепления боевых порядков против кавалерийских атак, поскольку они мешали маневру, обрекая на оборонительный способ действия. В начале второй русско-турецкой войны 1787–1791 гг. вновь встал вопрос о необходимости их использования, о чем и запрашивал Румянцев Потемкина.

63. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 1. Л. 102–102об. Копия.

[1] Начальник шляхетского ополчения русского воеводства Малопольской провинции Польши.

64. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 1. Л. 105–105об., 108. Подлинник.

65. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 473. Л. 50–50об. Копия.

66. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 473. Л. 59. Автограф.

67. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 1. Л. 326–327об. Подлинник.

[1] 17–18 июня 1788 г. русская гребная флотилия при поддержке батарей Кинбурна разгромила турецкую эскадру в Днепровском лимане.

68. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 206–261. Подлинник.

[1] Румянцев был возмущен почетными условиями капитуляции Хотина, принятыми австрийским командованием и Салтыковым. Турецкий гарнизон сохранял оружие и знамена, а его конвой представлял угрозу для русских частей, действующих в этом районе.

69. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 383–383об. Копия.

70. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2391. Ч. 2. Л. 578–579об. Подлинник.

71. РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 522. Л. 4. Автограф.

72. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2405. Л. 177–177об. Подлинник.

73. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2405. Л. 243–244. Подлинник.

74. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 2405. Л. 286–287. Подлинник.

Раздел VI

75. РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 1. Л. 58об.–59. Копия.

76. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–2. Подлинник.

77. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 3–4об. Подлинник.

78. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 33–34. Подлинник.

79. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 202–202об. Подлинник.

80. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 206–207. Подлинник.

81. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 157–158об. Подлинник.

82. РГВИА. Ф. 43. Оп. 1. Д. 95. Л. 193. Копия.

83. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 292. Л. 86-86об., 88. Копия.

[1] При разделении армии на 12 дивизий (инспекций) Украинская вверялась Румянцеву, кроме того, с 11 по 25 ноября 1796 г. он числился шефом эскадрона лейб-гвардии Конного полка.

84. РГВИА. Ф. 41. Оп. 1. Д. 387. Л. 6–8об. Копия.

85. V. С. 120.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. РГВИА. Ф. 47. Оп. 1. Св. 73. Л. 168–168об. Подлинник. Публикуется впервые.

[1] А.И.Румянцев в 1740–1742 гг. возглавил посольство в Турцию, добился значительного смягчения противоречий между сторонами, сохранив высокий авторитет России.

[2] Б.Х.Миних способствовал определению Петра Румянцева в Кадетский корпус, произвел его в подпоручики Воронежского пехотного полка и даже держал

при себе в ординарцах (подробнее см.: Письмо А.И.Румянцева к Б.Х.Миниху. Публ. А.П.Капитонова // Российский архив. 1994. Вып. V. С. 81–84, а также документы 6, 7 первой части).

2. XVII. С. 134–135.

[1] Возможно, имеется в виду следствие о захвате пушкарями посадской земли и вооруженном сопротивлении властям.

3. XVII. С. 136–137.

[1] Так в тексте, следует «Романович».

[2] Возможно, имеется в виду инцидент, касающийся Н.А.Возжинского.

4. XVII. С. 137–139.

5. XVII. С. 139.

6. VI. С. 127, 129, 145–146, 147–167.

[1] Семилетняя война (1756–1763) между Австрией, Францией, Россией, Испанией, Саксонией, Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Великобританией (в унии с Ганновером), Португалией — с другой, была вызвана обострением англо-французской борьбы за колонии и столкновением агрессивной политики Пруссии с интересами Австрии, Франции и России. Победы прусской армии у Росбаха и Лейтена в 1757 г. были сведены на нет победой русско-австрийских войск в Кунерсдорфском сражении 1759 г. От катастрофы Пруссию спас союз, заключенный в 1762 г. с русским императором Петром III (Екатерина II расторгла договор, но войны не возобновила). По Губертусбургскому миру 1763 г. с Австрией и Саксонией Пруссия закрепила за собой Силезию, а Парижский договор 1763 г. оформил переход к Великобритании французских владений в Северной Америке и Индии.

[2] Одновременно эмоциональные и критические оценки Болотова хода Гросс-Егерсдорфского сражения (победа в котором русской армии была в значительной степени заслугой Румянцева) приобретают еще больший интерес при сравнении с официальными документами того времени (см., например, документ 15, часть первая).

[3] Полки резервной бригады, вверенной Румянцеву, и были тем спасением, о котором пишет Болотов.

7. XIX. С. 478–493.

[1] «Письмо вояжира из Риги о состоянии Российской армии и генералитета» было переведено и представлено вице-канцлеру М.И.Воронцову, который, обращаясь 22 сентября 1758 г. к главнокомандующему русской армией Фермору, в свою очередь, рекомендовал, несмотря на «многие явные лжи», рассмотреть его с высшими офицерами и сделать необходимые выводы (см.: XIX. С. 353–354).

8. XVI. С. 2–3.

[1] В это время Румянцев, назначенный Петром III командующим войсками в Померании, готовился к войне с Данией за отторжение Голштинии.

9. XVI. С. 5–9.

[1] После переворота 28 июня 1762 г. и восшествия на престол Екатерины II Румянцев был отстранен от командования войсками. Уязвленный недоверием и не будучи расположен к новой императрице, он сначала просился в отпуск по болезни, а в 1763 г. — в отставку. Екатерине, не желавшей наживать себе врага, имеющего большой авторитет, удалось убедить полководца остаться на службе.

10. XVII. С. 40–141.

11. XVII. С. 141–142.

12. XVI. С. 15.

[1] В это время П.А.Румянцев жил в Петербурге, не разрешая семье приехать к нему из Москвы.

13. XVI. С. 19–20.

[1] Из братьев Голицыных наиболее известны А.М.Голицын и Д.М.Голицын.

14. XVI. С. 25–26.

15. II. С. 122.

[1] В 1764 г. Румянцев был назначен президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии.

16. XVII. С. 143.

17. XVII. С. 145.

18. XVII. С. 146.

[1] Непродолжительное время (1765–1766) семья Румянцевых жила в г. Глухов — административном центре Малороссии.

19. XVI. С. 56–57.

20. XVII. С. 147–148.

[1] Прибыв в Петербург, Румянцев заболел.

[2] В Царском Селе.

21. XVI. С. 66.

22. XVII. С. 149.

[1] Открытие Уложенной комиссии состоялось 30 июля 1767 г.

[2] Графы Орловы — депутаты Уложенной комиссии: Григорий — от Петербургской губернии; Иван — от Смоленской (1767).

23. XVII. С. 153.

[1] После того как Румянцев занял пост генерал-губернатора Малороссии и президента Малороссийской коллегии, многие из направлявшихся по служебным делам на Украину, являлись к графине М.А.Румянцевой за рекомендательными письмами. Она практически никому не отказывала, поэтому таких несколько однообразных документов сохранилось достаточно много.

24. XI. С. 50–51.

[1] Опущена критика Румянцевым общего плана кампании, присланного из Петербурга, в котором предполагалось нанести главный удар по Хотину силами 1-й армии. Румянцев предлагал прежде всего захватить Очаков — опорную турецкую базу на юге России. Неудачная кампания 1769 г. подтвердила правильность его анализа.

25. XVI. С. 139–140.

[1] В мае 1769 г. Румянцев во главе 2-й армии переправился через Днепр, но вынужден был отказаться от активного наступления вследствие бездействия и нерешительности 1-й армии А.М.Голицына.

26. XVI. С. 165–166.

[1] После успешной летней кампании войска были отведены на зимние квартиры в Молдавии, Валахии и Бессарабии. Румянцев находился в Яссах.

[2] Николай Румянцев — прапорщик л.-гв. Семеновского полка в 1769 г. был назначен адъютантом; Михаил Румянцев — подпоручик л.-гв. Преображенского полка.

27. XVI. С. 170–171.

[1] Румянцев находился в Яссах.

[2] Назначенный генеральс-адъютантом при отце, М.Румянцев в августе 1771 г. прибыл в армию. В 1772–1773 гг., командуя гренадерским батальоном, отли-

чился в ряде сражений; в 1774 г. был послан в Петербург с известием о заключении Кючук-Кайнарджийского мира (произведен в генерал-майоры).

28. XII. С. 47–48.

[1] К этому времени закончился период переговоров с Турцией (1772–1773), которые не дали положительных результатов. Екатерина II требовала немедленного выступления русской армии за Дунай.

29. XII. С. 49.

[1] Румянцев уклонялся от немедленного широкого наступления, считая необходимым сохранить уже отошедшие к России территории и лучше подготовить армию.

30. XII. С. 57.

[1] Румянцев был занят подготовкой к кампании 1774 г., когда началось решительное наступление русской армии.

[2] Николай и Сергей Румянцевы в сопровождении публициста и дипломата барона М.Гримма в апреле 1774 г. отправились за границу, посетив Германию, Францию, Италию, Австрию, около года слушали лекции в Лейденском университете.

31. XVI. С. 183–184.

32. XVI. С. 186–187.

33. XXI. С. 113.

34. XVI. С. 191–192.

[1] Екатерина II и двор возвратились из Москвы в Петербург после пышных торжеств по поводу заключения Кючук-Кайнарджийского мира с Турцией.

35. XXI. С. 125.

36. XXI. С. 131.

37. XVI. С. 197–199

38. XXI. С. 144–145.

[1] Павел Петрович обратился к Румянцеву с просьбой о содействии в вербовке вольнонаемных для службы в кирасирском полку.

[2] Кирасирский наследника цесаревича полк (позднее л.-гв. Кирасирский Его Величества полк); с 1762 по 1801 г. шефом полка был цесаревич, затем император Павел I.

39. XXI. С. 160–161.

[1] Панглос — герой философской повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1758), проповедовавший примирение с действительностью.

40. XXI. С. 158.

41. XXI. С. 163.

42. XXI. С. 176.

[1] Румянцев переслал письма на имя Потемкина и Екатерины II с просьбой урегулировать вопросы, связанные с пожалованием ему земель Гомельского староства в Белоруссии.

43. XXI. С. 183–184.

[1] Прусский принц Генрих в это время находился в Петербурге.

44. XV. С. 20–21.

[1] П.А.Румянцев был уполномочен сопровождать цесаревича Павла Петровича в Берлин на помолвку с принцессой Вюртенбергской Софией Доротеей (будущая императрица Мария Федоровна).

[2] Первая жена Павла Петровича.

45. XIV. С. 8–10.

[1] Весной 1776 г. Румянцев находился в Петербурге, готовясь к поездке с цесаревичем Павлом Петровичем в Берлин.

[2] Имеется в виду позиция Румянцева в 1762–1763 гг., когда он не торопился возвращаться в Россию, несмотря на настойчивые требования Екатерины II.

46. XIV. С. 11.

47. XXI. С. 194.

[1] Николай и Сергей Румянцевы 6 сентября 1776 г. возвратились из заграничного путешествия в Петербург.

48. XXI. С. 228–229.

49. XXI. С. 262.

[1] Крымский хан Шагин-Гирей вызвал недовольство среди местного населения и во вновь набираемых им войсках, что привело к восстанию и осложнению отношений России с Турцией в 1778–1779 гг.

50. XXI. С. 265–266.

[1] Имеются в виду события в Крыму и угроза турецкого вмешательства.

51. XVIII. С. 101.

[1] На Румянцева было возложено открытие Курского наместничества согласно Губернскому положению 1775 г.

[2] Имеется в виду дипломатическая активность, вызванная войной между Австрией и Пруссией за баварское наследство. В 1779 г. спор был урегулирован и заключен Тешенский договор, гарантами которого стали Россия и Франция.

52. XV. С. 23–24.

[1] Херсон был основан Г.А.Потемкиным в 1778 г.

53. XIII. С. 253–254.

[1] А.А.Безбородко, рекомендованный Румянцевым Екатерине II, благодаря своим выдающимся способностям быстро продвигался по службе. В конце 1780 г. он был причислен к Коллегии иностранных дел в звании «полномочного для всех негоциаций»; через год получил повеление присутствовать в Коллегии по секретной части, а также возглавить Почтовый департамент, сохраняя при этом должность секретаря императрицы.

54. XV. С. 61–62.

[1] В 1783 г. Крым вошел в состав России.

[2] В 1783 г. по Георгиевскому трактату Восточная Грузия вошла в состав России.

55. XIV. С. 30–31.

56. XV. С. 32.

57. XV. С. 67–69.

[1] В 1785 г. при отъезде из Малороссии в Петербург П.В.Завадовский получил поручение объясниться с Потемкиным по поводу его отношения к Румянцеву.

[2] Г.А.Потемкин развернул широкую деятельность по подготовке поездки Екатерины II на юг России.

58. XV. С. 75.

59. IV. С. 6–7.

[1] В январе–августе 1787 г. Екатерина II предприняла свое знаменитое путешествие на юг России и в Крым для осмотра вновь приобретенных территорий.

60. VII. С. 152–153.

61. IV. С. 7–8.

62. VII. С. 184–185.

63. III. С. 25–58.

64. XV. С. 75–76.

[1] В августе 1787 г. Турция начала войну против России, стремясь вернуть Крым, закрыть Черное море для русских кораблей и вытеснить Россию из Грузии.

[2] В сентябре Румянцев получил в командование Украинскую (резервную) армию.

65. I. С. 174–175.

66. IV. С. 9.

67. VIII.

[1] Екатеринославская армия Потемкина выполняла основную задачу, начав в июле осаду Очакова.

[2] Румянцев 15 июня 1788 г. выехал к мосту, наводимому у Могилева; 21 июня закончился переход Украинской армии через Днестр.

[3] 1-й корпус прибыл к д. Плоппы 1 июля 1788 г.

[4] 1-й корпус прибыл к Цецоре 17 сентября 1788 г.

[5] Осада Очакова продолжалась с 1 июля по 6 декабря 1788 г.

[6] В июне — начале июля 1788 г. русский флот одержал ряд побед под Очаковым и у о. Фидониси.

[7] И.П.Салтыков доносил, что 4 сентября турки предложили капитуляцию Хотина.

[8] Сдача Хотина завершилась 18 сентября 1788 г.

[9] Ордер Румянцева полковнику Сиверсу на организацию поиска в районе Рябой Могилы выдан 19 сентября 1788 г.

[10] Описываемые события происходили 18 октября 1788 г.

[11] Части Каменского, начав наступление 19 декабря 1788 г. из района Кишинева, двинулись к Ганкуру и разбили татарские отряды.

[12] Турецкие войска усиливались в низовьях р. Прут и по берегам р. Серет, постоянно тревожили передовые русские и арнаутские посты.

[13] План кампании 1789 г., разработанный в Петербурге, предусматривал сосредоточение всего командования на Балканском театре в руках Потемкина, а Румянцева предполагалось использовать для формирования армии на западной границе с целью предотвратить возможное вмешательство Пруссии. Румянцев отрицательно отнесся к этому. В марте 1789 г. он был отозван из армии, попросился ехать на лечение; в апреле уволен в отпуск, но не покинул Молдавию, проживая в с. Лазорени. В январе 1790 г. Екатерина II вторично подтвердила увольнение Румянцева, настаивая, чтобы он оставил театр войны, воспользовался отпуском или возвратился в Россию. Только в 1791 г. Румянцев перебрался в с. Ташань.

68. XV. С. 102.

69. XIV. С. 83–84.

[1] Статуя была установлена в имении Завадовского Ляличи Суражского уезда Черниговской губернии.

70. XX. С. 509–538.

[1] Эпизод тайной поездки Кутлубицкого к Румянцеву по поручению Павла Петровича, по всей видимости, мог быть связан с вопросом о престолонаследии (Екатерина II предполагала передать престол внуку Александру). Несомненно, что в этих условиях Павел хотел заручиться поддержкой знаменитого полководца, состоящего к тому же в Государственном Совете, справедливо рассчиты-

вая на его симпатии и зная о его непростых взаимоотношениях с Екатериной II.

71. XIV. С. 105.

[1] В августе 1794 г. Румянцев был назначен командующим всеми вооруженными силами, направленными в Польшу на подавление восстания под руководством Т.Костюшко.

72. XIV. С. 114.
73. XIV. С. 145.
74. XIV. С. 164.
75. X. С. 153–155.
76. IX. С. 199–203.
77. IX. С. 203–204.
78. IX. С. 204.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. 1774–1788 гг. — Сборник военно-исторических материалов. Вып. VI. СПб., 1893.

II. *Бэкингэм Дж.* Секретные мемуары, относящиеся к кабинету в Санкт-Петербурге. Введение к публикации, перевод и примечания А.Б.Соколова. — Вопросы истории. 1999, № 4–5.

III. Генерал-фельдмаршал граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский пред последнею Турецкою войною. Начертание благодарного очевидца Н.Лесницкого, бывшего его питомца и секретаря. — Отечественные записки. Ч. 24. 1825, № 66.

IV. Дневник секунд-майора Черниговского карабинерного полка барона Р. фон Каульбарса. 1780–1790 гг. С предисловием и примечаниями П.Н.Симанского... — Журнал Императорского русского военно-исторического общества. Кн. 1. 1910.

V. Донесения о болезни и смерти генерал-фельдмаршала, малороссийского генерал-губернатора, графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского. Сообщил П.И.Иванов. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 3. Смесь. М., 1859.

VI. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1737–1774. — Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1737–1796. Т. I. Тула, 1988.

VII. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865.

VIII. Записки Льва Николаевича Энгельгардта. 1766–1836. М., 1867.

IX. Исторические документы о кончине графа П.А.Румянцева-Задунайского. — Русский Вестник. М., 1842, № 5–6.

X. Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II (Предисловие и примечания автора; сообщил Н.Шильдер). — Русская старина. М., 1895, № 3.

XI. Переписка графа Н.И.Панина с графом П.А.Румянцевым. 1769 год. — Русский архив. Кн. 1. М., 1882.

XII. Переписка графа Н.И.Панина с графом П.А.Румянцевым. 1771–1774 гг. — Русский архив. Кн. 2. М., 1882.

XIII. Письма А.А.Безбородко к графу Петру Александровичу Румянцеву. С предисловием и примечаниями А.П.Барсукова. — Старина и новизна. Кн. 3. М., 1900.

XIV. Письма графа П.В.Завадовского к братьям Воронцовым. 1770–1807. — Архив князя Воронцова. Кн. 12. М., 1877.

XV. Письма графа П.В.Завадовского к фельдмаршалу графу П.А.Румянцеву 1775–1791 годов. С предисловием и примечаниями П.Майкова. СПб., 1901.

XVI. Письма графини Е.М.Румянцевой к ее мужу, фельдмаршалу П.А.Румянцеву-Задунайскому. 1762–1779. СПб., 1888.

XVII. Письма к графу Петру Александровичу Румянцеву от его родителей. 1745–1768 гг. С предисловием и примечаниями А.П.Барсукова. — Старина и новизна. Кн. 3. М., 1900.

XVIII. Письма к разным лицам графа П.А.Румянцева-Задунайского. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Материалы отечественные. Кн. 4. М., 1875.

XIX. Письмо путешествующего из Риги, которым описываются состояние российской армии и свойства командиров оной, с прибавлением о французской армии, во время учиненного на княжество Гальберштатское нападения. — Архив князя Воронцова. Царствование Елисаветы Петровны. Кн. 6. М., 1873.

XX. Рассказы генерала Кутлубицкого о временах Павла I (Рассказы о старине. Запись А.И.Ханенко). — Русский архив. Кн. 2. Вып. 8. М., 1912.

XXI. Частные письма графа Румянцева-Задунайского. 1775–1777 гг. — Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Материалы отечественные. Кн. 1. М., 1866.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ И АРХАИЗМОВ

Абшид (абшит) — увольнение от должности или в отставку; документ об отставке.

Аванпосты — передовые посты сторожевого охранения.

Авантаж — выгода, преимущество.

Авни — помощник.

Ага — хозяин, начальник; составная часть звания или титула турецких военачальников и чиновников.

Алинирование — вхождение в общую линию при эволюциях линейного строя войск; выравнивание строя.

Алярм (аларм) — тревога.

Аманат — заложник.

Амбускад — засада.

Амт — округ, территориальная единица в Германии.

Анфилировать — вести продольный огонь вдоль фронта.

Арнауты — в турецкой армии части, состоящие в основном из албанцев; в русской армии — легкие иррегулярные войска, вербуемые из жителей Молдавии и Валахии.

Артикул — статья, пункт договора или устава; упражнения, приемы обращения с оружием.

Атенция — внимание.

Аудитор — должностное лицо бригадного или полкового военного суда, исполняющее прокурорские, следственные или секретарские обязанности.

Аще — если, коли.

Байдак — речное одномачтовое судно.

Байрактар — знаменосец в турецкой армии.

Банат — пограничная область в Венгрии.

Бандалер — перевязь через плечо для ношения оружия.

Баран (таран) — стенобитное орудие.

Бей — господин, владетель; титул турецких правителей областей, высших гражданских и военных чиновников.

Бошняк — житель Боснии.

Брандер — судно, наполненное горючим материалом для поджигания вражеских кораблей.

Бригадир — чин в русской армии XVIII в. (между полковником и генерал-майором).

Бруствер — земляная насыпь для защиты от огня противника.

Бунт — связка канатов и т.п.

Бунчук — древко с золоченым наконечником и прикрепленными под ним конскими хвостами, знак власти и достоинства турецких пашей, а также украинских гетманов и атаманов.

Буюк-паша (белюк-баши) — сотник, командир роты в турецкой армии.

Вагенбург — временное полевое укрепление из повозок обоза; расположение обозов и войскового тыла.

Вагенмейстер — начальник обозной службы.

Винтер-квартиры — район зимнего квартирования войск.

Волоки — валахи, жители Валахии.

Волонтер — доброволец на военной службе.

Вояжировать — странствовать, путешествовать.

Воспящать — запродать.

Вотще — напрасно.

Вящий (вяще) — больший, более.

Галера — военное гребное судно, действующее у побережья.

Генерал-аншеф — полный генеральский чин, следующий за генерал-поручиком.

Генерал-аудитор — высшая должность по военно-судебной части.

Генерал-гевальдигер — начальник военной полиции; старший офицер, наблюдавший за порядком в лагере и главной квартире.

Генерал-квартирмейстер (квартирмистр) — высшее должностное лицо в армейском управлении, ведавшее разработкой планов боевых действий, организацией передвижения и расквартирования войск.

Генерал-кригс-комиссар — высшее должностное лицо, возглавлявшее комиссариат.

Генерал-марш — сигнал барабана (или трубы) к выступлению в поход; подъем.

Генерал-поручик — чин, соответствующий генерал-лейтенанту.

Генерал-провиантмейстер — высшее должностное лицо, возглавлявшее провиантское управление.

Генерал-фельдцейхмейстер — главный начальник артиллерии и инженерных войск.

Генеральный, генерально — общий, вообще.

Генеральс-адъютант — старший адъютант при полном генерале.

Господарь — титул правителя Молдавии и Валахии.

Гренадеры — отборный вид тяжелой линейной пехоты.

Гусары — легкая кавалерия.

Дам — земляная насыпь, дамба.

Дезавантаж — невыгода, неравенство.

Действительный тайный советник — гражданский чин, соответствующий полному генералу.

Десператный — отчаянный.

Деташамент (деташемент) — отряд.

Деташировать — отрядить, командировать.

Дефиле (дефилеи) — узкий проход на местности, теснина.

Диван — совет высших сановников в восточных государствах.

Диверсия — внезапное нападение, часто с демонстративной целью.

Дискреция — безусловная капитуляция.

Диспозиция — письменный план боевых действий с указанием порядков воинских частей.

Днесь — сегодня.

Довлеемая — полная, довольная.

Драгоман — переводчик.

Драгуны — вид кавалерии, действовавшей в конном и пешем строю.

Егеря — легкая пехота, обученная стрелковому бою в рассыпном строе.

Единорог — артиллерийское орудие типа гаубицы, введенное с середины XVIII в. в русской армии П.И. Шуваловым (орудийные стволы украшало изображение мифического зверя).

Епанча — широкий плащ без рукавов.

Живот — жизнь.

Замах — размах.

Запан — передник, фартук.

Инде — местами, где-либо.

Инструмент — договор, контракт, условие.

Интернунций — дипломатический представитель папы римского.

Инфантерия — пехота.

Каймакан (каймакам) — в Турции начальник уезда, заместитель; подполковник.

Калга-султан — наследник престола, второе лицо в Крымском ханстве.

Камера (камора) — палата.

Камер-советник — член палаты.

Камер-юнкер — придворный чин 5-го класса.

Кампамент — лагерь.

Кантон — территориальная единица, сборное место.

Кантонир-квартиры — временное расположение войск на театре военных действий в относительной близости противника.

Кантонирование — расквартирование.

Капральство — часть взвода.

Каптенармус — унтер-офицер, заведующий оружием и вещевым имуществом роты.

Карабинеры — вид тяжелой кавалерии, имевшей на вооружении помимо палашей и пистолетов карабины.

Каре (карея) — осевой сомкнутый строй пехоты в виде квадрата или прямоугольника.

Каруца — телега, повозка.

Квартирмейстеры (квартирмистры) — офицеры или унтер-офицеры, ведавшие передвижением войск, их размещением в лагере и на квартирах.

Квартирьеры (квартиргеры) — особые команды, назначаемые для отвода и распределения квартир или лагерных участков.

Кегаяси — албанский.

Кирасиры — тяжелая кавалерия, носившая защитное вооружение — кирасы (металлические грудные и спинные латы).

Колонна — походный и боевой порядок построения, при котором военнослужащие становятся в затылок друг другу.

Комиссариат — центральный орган продовольственного, вещевого и денежного снабжения армии.

Комиссары (кригс-комиссары) — чиновники комиссариата.

Комиссия — поручение.

Кор-де-арме — главные силы армии.

Кор-де-баталь — основные силы боевого построения армии.

Котоировать — следовать на фланге.

Крепость — документ на право владения.

Куверт — столовый прибор.

Линейная тактика — равномерное расположение войск по фронту в 2–3 линии (как правило, 3–4 шеренги при расстоянии между линиями 50–200 шагов), рассчитанное преимущественно на поражающую силу огня.

Лозунг (лозонг) — условное слово, ответ на пароль (отзыв).

Лядунка — патронная сумка в кавалерии.

Магазин (магазеин) — склад для хранения амуниции, продовольствия и фуража.

Маркитентер (маркитант) — мелочный вольный торговец, сопровождающий армию в походе.

Марш-комиссар — интендант, обеспечивавший довольствием войска в походе.

Материя — существо, содержание.

Менажировать — щадить, обращаться бережно.

Мушкетеры — основной вид линейной пехоты, вооруженной мушкетами

Мюниб — превосходный, возвышенный.

Наглой — дерзкий, внезапный.

Наступный — наступательный.

Негоциация — переговоры.

Нечто́ — конечно, так.

Ниже́ — ни даже, нисколько.

Нишан — орден.

Нишанджи — кавалер ордена, стрелок.

Обвещание — объявление.
Обер-офицеры — младшие офицеры — от прапорщика до капитана (ротмистра) включительно.
Оказия — случай.
Омбраж — подозрение.
Ордер — приказ, предписание.
Ордонанс-офицер — офицер связи.
Отверстие — открытие.
Отповедь — ответ, показание.

Паки — снова, еще.
Партикулярный — частный, неофициальный.
Пас — проход; паспорт, пропуск.
Патент — диплом, свидетельство о чине.
Паче — тем более, особенно.
Паша — высший военный чин, а также правитель области в Турции.
Пикет (бекет) — сторожевой пост.
Пионеры — инженерные части.
Плутонг — подразделение (обычно взвод), на которые делилась рота для производства залповой стрельбы.
Повага — внимание, уважение.
Поверхность — преимущество.
Повет — уезд на Украине, в Польше.
Подвысь — команда «вверх».
Полицмейстер — начальник полиции губернского города.
Понеже — потому что, так как.
Порта (Блистательная) — европейское название Османской империи.
Порцелиновый — фарфоровый.
Представление — донесение, доклад.
Премьер-майор — старший майорский чин, следующий за секунд-майором.
Претекот — повод, предлог.
Претительный — запрещенный, вызывающий отвращение.
Промемория — памятная записка, отношение.
Профос — должностное лицо в полку, отвечающее за чистоту, а также исполнявшее экзекуции.

Рандеву — свидание; соединение войск в назначенном пункте.
Ранжир — шеренга, строй, порядок; по ранжиру — по росту.
Рапортиция (репортиция) — ведомость, распределение.
Растах (растаг) — дневка на марше, привал.
Регимент — полк.
Регистр — список, опись.
Регулы — правила.
Резон — причина, оправдание.
Резонабельный — разумный, обоснованный.
Рейс-эфенди — министр иностранных дел в Турции.
Рейтары — кавалеристы.

Рекогносцирование — разведка.
Реляция — донесение о военных действиях.
Рескрипт — письменное обращение государя к должностному лицу.
Ресми — официальный.
Ретирада — отступление.
Ретраншемент (ретранжемент) — большое полевое укрепление разного вида, окоп.
Рогатки — продольные и поперечные деревянные брусья, скрепленные петлями и крючьями; применялись для защиты от кавалерийских атак.
Роспуски — повозки для перевозки клада.
Рунд — обход для проверки постов.

Сальвогвардия — небольшой отряд для охраны населения в занятых русской армией местностях.
Санджак-шериф — «священное знамя» пророка.
Сарьдарь — командующий войсками в Турции; наместник.
Секунд-майор — младший майорский чин, следующий за капитаном.
Секурс (сикурс) — помощь, поддержка.
Селютация — салют, приветствие.
Сераскер (сараскир) — главнокомандующий действующей армией или отдельной группой войск в Турции.
Сондировать — зондировать, прощупывать.
Сошка — подставка под ружье.
Спаги (сипахи) — легкая турецкая кавалерия.
Споспешествование — помощь.
Сувари — кавалерия.

Тескереджи — санитар.
Тет-де-пон — предмостное укрепление.
Титулярный — состоящий в звании.
Топчи — артиллерист.
Тормистер — ранец.
Траверс — поперечный земляной вал для защиты от флангового огня.

Упослеждение — принуждение, обида.
Уражать — поражать, причинять боль.
Ущелина — узкое отверстие, скважина.

Фельвильгер (фервальтер) — управляющий.
Фельд-марш — походный марш.
Фланкеры — преимущественно кавалеристы, высылаемые на фланги для разведки местности, а также для завязывания боя с противником.
Форейтор — верховой на одной из передних лошадей, запряженных цугом.
Форштадт — предместье, пригородная слобода.
Фрей-батальон — вольный батальон.
Фрей-регимент — вольный полк.
Фузелеры — пехотинцы, вооруженные кремневыми ружьями (фузеями).
Фурлейт — обозный рядовой, возчик.

Фурштат — обозная часть.
Фурьер — унтер-офицер, ведавший доставкой и раздачей провианта, фуража, а также исполнявший обязанности квартирьера.

Цальфервальтер — лицо, ведавшее сбором пошлин.
Цело — метко.
Цесарцы — австрийцы.
Цесарь — австрийский император.
Цинут — уезд (округ) в Молдавии, Валахии и Бессарабии.

Чауш — сержант, унтер-офицер, охранник.
Чегодарь — курьер, камердинер.
Чепрак — покрышка под седло.

Шанц (шанец) — временное полевое укрепление, окоп.
Шанцевый инструмент — инструмент для саперных работ (лопата, кирка, топор и др.).
Шармицель — стычка, перестрелка.
Шериф — знатный, благородный.
Шеф — почетный начальник полка.
Шквадрон — эскадрон.
Шнабзак — дорожная сумка.
Штаб-офицеры — старшие офицеры: майор, подполковник, полковник.
Штандарт — знамя в кавалерии.
Шульц — староста.

Эволюция — передвижения и построения войск.
Экзерциция — упражнение, обучение.
Эскорт — конвой, прикрытие.
Эстафета — конная почта.
Эфенди — господин, сударь; в Турции обращение ко всем образованным людям.

Янычары (ени-чери — новое войско) — постоянная турецкая пехота.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел VI

Часть вторая

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Научное издание

ФЕЛЬДМАРШАЛ РУМЯНЦЕВ

Документы,
письма, воспоминания

*Утверждено к печати
Научным советом Российского государственного
военно-исторического архива*

Редактор *Л.А.Рощина*
Художник *Э.Л.Эрман*
Технический редактор *О.В.Волкова*
Корректоры *Е.В.Карюкина, Е.И.Крошкина*
Компьютерная верстка *Н.А.Важенкова*

ЛР № 020297 от 23.06.97
Подписано к печати 02.08.2001
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная
Усл. п. л. 19,5+2,0 (вкл.). Усл. кр.-отт. 21,5
Уч.-изд. л. 20,9. Тираж 1000 экз.
Изд. № 7953. Зак. № 1945

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

